ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА

О. Р. Т. З.

Редакція А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА, С. П. МЕЛЬГУНОВА, В. И. ПИЧЕТА.

1812 - 1912

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА и РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ II.



Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

В. П. Алексѣевъ, С. Ан—скій (Рапопортъ), ген. А. Н. Апухтинъ, К. И. Арабажинъ, проф. полк. А. К. Баіовъ, П. А. Берлинъ, В. Я. Богучарскій, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, И. Н. Бороздинъ, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, прив.-доц. В. А. Бутенко, прив.-доц. Н. П. Василенко, А. М. Васютинскій, полк. Н. П. Вишняковъ, К. А. Военскій, В. П. Волгинъ, Л. И. Гальберштадтъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. И. М. Громогласовъ, А. К. Дживелеговъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, Е. А. Ефимова, Д. А. Жариновъ, проф. И. И. Замотинъ, И. Н. Игнатовъ, А. К. Кабановъ, В. В. Каллашъ, проф. Н. И. Карѣевъ, И. М. Катаевъ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, полк. А. А. Кожевниковъ, Л. С. Козловскій, П. Н. Колокольниковъ, проф. ген. Б. М. Колюбакинъ, проф. С. А. Корфъ, К. С. Кузьминскій, прив.-доц. І. М. Кулишеръ, С. Г. Лозинскій, полк. Лохвицкій, проф. И. В. Лучицкій, проф. полк. А. С. Лыкошинъ, проф. М. К. Любавскій, С. П. Мельгуновъ, Н. М. Мендельсонъ, проф. ген. Н. П. Михневичъ, В. Н. Перцовъ, прив.-доц. В. И. Пичета, проф. А. Л. Погодинъ, К. В. Покровскій, проф. М. А. Рейснеръ, проф. М. Н. Розановъ, кап. А. А. Рябининъ, И. С. Рябининъ, проф. В. И. Семевскій, К. В. Сивковъ, Н. П. Сидоровъ, полк. Д. П. Струковъ, проф. Е. В. Тарле, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, В. В. Филатовъ, И. М. Херасковъ, прив.-доц. С. К. Шамбинаго, П. Е. Щеголевъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, подполк. В. П. Ѳедоровъ и др.

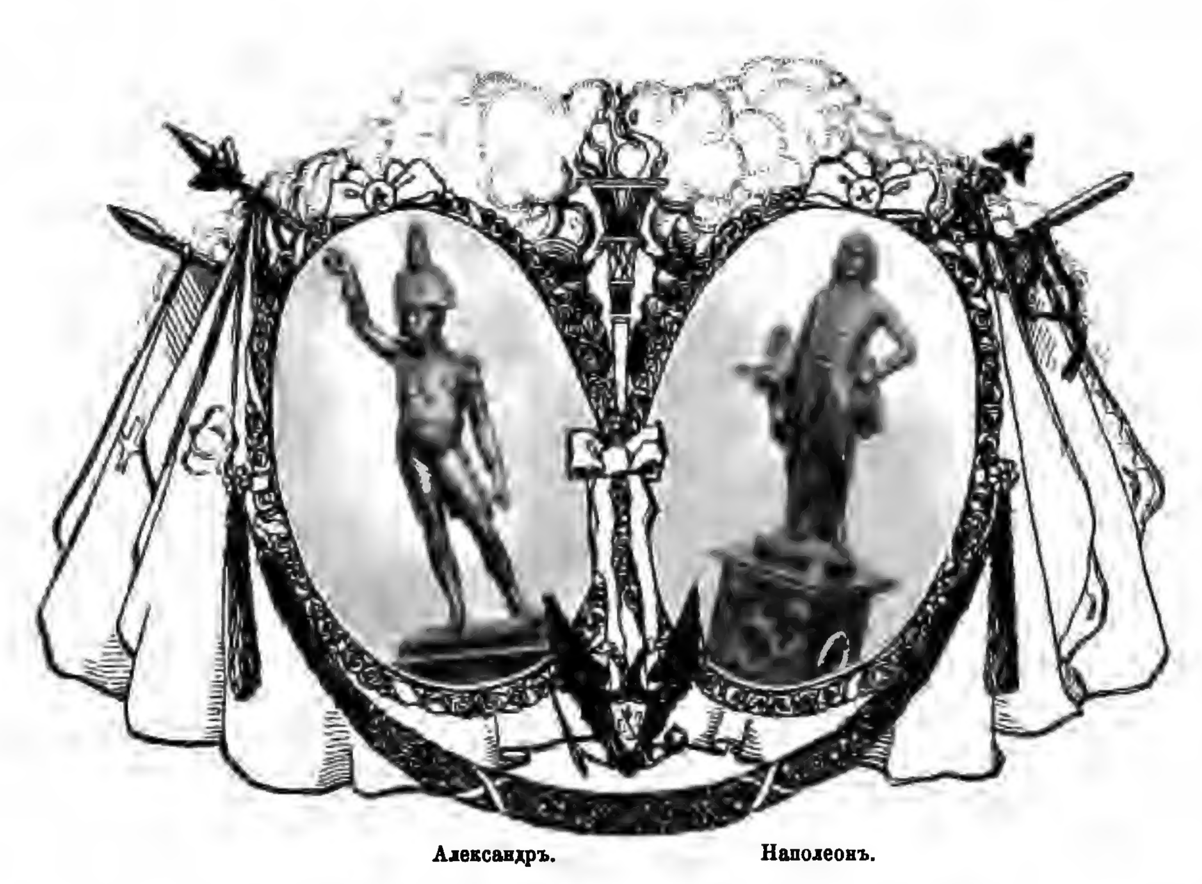


Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1911.

Оглавленіе II тома.

Послѣ Тильзита.

Россія передъ 1812 г.



Александръ. Наполеонъ.

ПОСЛѢ ТИЛЬЗИТА.

III. Международная политика Россіи послѣ Тильзита.

Прив.-доц. В. И. Пичета.

I.

Тильзитскій миръ былъ второй блестящей побѣдой Наполеона надъ Александромъ, хотя былъ необходимъ столько же Франціи, сколько и Россіи. Прекращеніе войны съ Россіей давало Наполеону полную свободу для занятія европейскими дѣлами своихъ вассаловъ и проведенія въ жизнь континентальной системы. Тильзитскій союзный договоръ былъ почти цѣликомъ въ пользу Франціи. Правда, Россія получала незначительное территоріальное расширеніе — Бѣлостокскую область, но зато она брала на себя такого рода обязательства, которыя шли въ разрѣзъ съ интересами страны и тяжесть которыхъ должна была обнаружиться въ весьма недалекомъ будущемъ. Если оставить въ сторонѣ политическіе разговоры между обоими монархами, сулившіе Александру I широкія перспективы и несбыточныя надежды въ восточномъ вопросѣ, то союзъ съ Франціей

налагалъ на Россію только одни тяжелыя обязательства, не давая ей никакихъ преимуществъ. Помимо этого, правительству Александра I приходилось ликвидировать союзныя отношенія съ Пруссіей, и признать дѣйствующей Кенигсбергскую конвенцію, столь унизительную для Пруссіи и Александра I, какъ наглядное доказательство неудачнаго исхода кампаніи 1807 г.

Среди статей союзнаго договора русскіе интересы непосредственно задѣвались статьями, трактовавшими объ Англіи и Пруссіи. Согласно 4 и 5 статьямъ, русское правительство было обязано предложить свое посредничество въ Лондонѣ. Въ случаѣ отказа послѣдняго, въ чемъ Наполеонъ не сомнѣвался, Россія должна приступить къ континентальной системѣ и понудить къ тому же дворы: копенгагенскій, стокгольмскій и лиссабонскій. Наполеонъ, конечно, зналъ, что прекращеніе торговыхъ связей Швеціи съ Англіей грозитъ первой полнымъ экономическимъ разореніемъ, и что добровольно Швеція не присоединится къ системѣ. Только имѣя въ виду послѣднее, Наполеонъ предоставлялъ Россіи свободу дѣйствій въ Финляндіи, хотя отношенія Россіи съ Швеціей въ началѣ вѣка были настолько предупредительны и дружественны, что не могли допускать даже мысли о возможности разрыва между стокгольмскимъ и петербургскимъ дворами. Направляя Россію въ Швецію, Наполеонъ не только имѣлъ въ виду прекращеніе экономическихъ сношеній Швеціи съ Англіей, но, конечно, желалъ также отвлечь вниманіе русскаго правительства отъ европейскихъ дѣлъ, хозяиномъ которыхъ хотѣлъ остаться одинъ. Еще рѣзче противорѣчили интересамъ Россіи статьи договора относительно Турціи. Правительство Александра I не скрывало своихъ грезъ и видѣній о раздѣлѣ Оттоманской имперіи, и разговоръ съ Наполеономъ въ Тильзитѣ только укрѣпилъ государя въ надеждѣ на реализацію такого рода фантастическихъ проектовъ. Конечно, бесѣды о Турціи — для Наполеона только ловкій дипломатическій шагъ, усыпившій Александра I и давшій возможность въ трактатѣ сказать не то, что говорилось въ личной бесѣдѣ съ глаза на глазъ. На дѣлѣ помощь со стороны Россіи Франціи должна была свестись къ предложенію посредничества и только въ случаѣ неудачнаго исхода послѣдняго, Франція обязывалась дѣйствовать заодно съ Россіей противъ Оттоманской имперіи. Такъ раздѣлъ отодвигался въ очень далекое будущее, и въ то же время неопредѣленность этой статьи и нѣкоторая неясность, что получитъ Россія въ случаѣ совершившагося раздѣла, давали Наполеону моральное право держать въ рукахъ Александра I, убаюкивая его сладостными обѣщаніями. И необходимость присоединенія къ континентальной системѣ и восточный вопросъ, столь неясно представленный въ трактатѣ, впослѣдствіи стали источникомъ недоразумѣнія между Россіей и Франціей,—источникомъ, отчасти поведшимъ къ разрыву дипломатическихъ сношеній и къ войнѣ 1812 года.

Александръ I только въ одномъ отношеніи могъ быть доволенъ Тильзитскимъ миромъ и Кенигсбергской конвенціей. Ему удалось отстоять самостоятельность Пруссіи и увеличить нѣсколько размѣръ владѣній, отданныхъ обратно прусскому королю. Въ этомъ отношеніи Александръ I не покинулъ своего союзника. Съ другой стороны, образованіе Варшавскаго герцогства съ согласія обоихъ государей являлось гарантіей, что Польша не будетъ

возстановлена, и что Россiи нѣтъ нужды опасаться за ея польскiя области. Такъ, Тильзитскiй договоръ, имѣвшiй характеръ компромисса и недоговоренности, долженъ былъ стать точкой отправленiя, какъ для дипломатическихъ переговоровъ между Россiей и Францiей, такъ и для направленiя всей русской международной политики, поскольку всѣ ея нити находились въ Парижѣ, а не въ Петербургѣ. Вотъ почему послѣднiй до тѣхъ поръ хочетъ быть въ хорошихъ отношенiяхъ съ Парижемъ, пока существовала надежда на возможность осуществленiя съ помощью Францiи разнаго рода политическихъ мечтанiй, даже при существованiи экономической политики, идущей въ разрѣзъ съ реальными, матерiальными нуждами страны.



Свиданiе въ Тильзитѣ (Вольфа).

Тильзитскiй миръ былъ встрѣченъ въ обществѣ непривѣтливо. Правда, еще не успѣли сказаться его экономическiя послѣдствiя для крупно-поземельнаго дворянства и оптоваго купечества, но уже одно примиренiе съ Наполеономъ, казалось, ударомъ нацiональному самолюбiю. По заключенiи мира, правительство опубликовало манифестъ, въ которомъ говорилось о наступленiи «благословеннаго мира» и изъявлялось благоволенiе народу и войску, о самомъ же характерѣ мира почти ничего не было сказано, если не считать нѣсколько лирическихъ излiянiй относительно расширенiя и исправленiя границъ. Русскому обществу Тильзитскiй миръ казался нацiональнымъ униженiемъ и измѣной союзникамъ. Не даромъ и русскiе политическiе

дѣятели и прусскіе дипломаты находили поведеніе Александра «предательскимъ». Впрочемъ, не всѣ думали такъ, иные болѣе хладнокровно учитывали соотношеніе силъ и находили, что «Россія дѣлается ангеломъ-хранителемъ прусскаго короля, который въ императорѣ находитъ себѣ спасителя и изъ его рукъ получаетъ снова большую часть «своихъ владѣній, которыя онъ самъ не умѣлъ сберечь и защитить». Уже одинъ отказъ раздѣлить владѣнія прусскаго короля исключалъ всякую мысль о какомъ бы то ни было предательствѣ со стороны Александра I.

Недовольство миромъ сказывалось во всѣхъ слояхъ общества, и торжественныя молебствія и офиціальныя рѣчи духовенства не могли повернуть общественнаго мнѣнія въ другую сторону, болѣе благопріятную для правительства.

Александръ I, сейчасъ по возвращеніи домой, почувствовалъ перемѣну въ отношеніи къ нему столичной аристократіи. Въ отношеніяхъ послѣдней было много предупредительности, придворной вѣжливости, но зато отсутствовали довѣріе и чувства симпатіи къ государю. Холодомъ повѣяло въ столицѣ на сентиментальную душу монарха, въ особенности, когда его товарищи-члены Неофиціальнаго Комитета открыто или тайно выражали свое неудовольствіе по поводу Тильзитскаго мира. При первой же встрѣчѣ съ государемъ Новосильцевъ попросилъ объ отставкѣ, указывая, что новая политическая система противна его убѣжденіямъ, а Наполеону извѣстны, говорилъ Новосильцевъ, «моя личная къ нему вражда и моя пріязнь къ Англіи — слѣдственно, покамѣстъ я при васъ, онъ не можетъ полагаться на искренность вашихъ чувствъ, а потому, чтобы упрочить довѣріе новаго вашего союзника, вамъ никакъ нельзя долѣе держать меня при себѣ,—вы, напротивъ, должны меня прогнать, и прогнать гласно». Желаніе Новосильцева было исполнено. Скоро такая же участь постигла и Кочубея. И другія лица въ томъ или другомъ видѣ выражали свое неудовольствіе условіями заключеннаго мира. Эта ненависть къ Наполеону усилилась въ связи съ паденіемъ экспорта и вздорожаніемъ цѣнъ вслѣдствіе паденія цѣнности ассигнаціоннаго рубля. Впрочемъ, для помѣщиковъ, купцовъ и домовладѣльцевъ, какъ вѣрно указалъ Вигель, пониженіе курса не имѣло особенныхъ вредныхъ послѣдствій, такъ какъ ростъ цѣнъ вознаграждалъ за потери на курсѣ ассигнаціоннаго рубля.

Итакъ, Тильзитскій миръ разбилъ англійско-дворянскую партію, но, конечно, не уничтожилъ ея: слишкомъ жизненно было ея существованіе. До поры, до времени она скрывала свое неудовольствіе, но пользовалась каждымъ поводомъ для его выраженія въ той или другой формѣ.

Кажется, императрица-мать являлась лидеромъ всей этой англійско-дворянской партіи. Не даромъ Елизавета Алексѣевна, слишкомъ осторожная въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ, съ несвойственной ей рѣзкостью порицаетъ поведеніе императрицы, которая вмѣсто того, «чтобы поддерживать и защищать интересы своего сына... дошла до того, что стала походить на главу оппозиціи; всѣ недовольные, число которыхъ очень велико, околачиваются вокругъ нея, прославляютъ ее до небесъ... Не могу вамъ выразить, до какой степени это возмущаетъ меня». По словамъ шведскаго посланника Стединга, «неудовольствіе противъ императора все увеличивается... и императору со всѣхъ сторонъ угрожаетъ опасность.

Друзья государя въ отчаяніи. Государь упрямится, но не знаетъ настоящаго положенія дѣлъ. Въ обществѣ говорятъ открыто о перемѣнѣ правленія и необходимости передать престолъ по женской линіи—возвести на тронъ вел. кн. Екатерину...» Словомъ, въ представленіи посланника всѣ подданные отвернулись отъ государя. Сохраняла свое расположеніе лишь армія, но и въ ней царило большое недовольство, которое, конечно, приходилось учитывать въ той или другой степени. Армія была недовольна дѣйствіями главнокомандующаго Беннигсена и открыто заявляла о своемъ неудовольствіи. Наконецъ предпочтеніе, отдаваемое Александромъ I иностранцамъ и большею частью не оправдываемое ихъ личными достоинствами и талантами, только увеличивало недовольство арміи. Къ тому же, многіе изъ иностранцевъ даже не знали русскаго языка и, конечно, не могли быть популярны среди солдатъ. И широкіе круги дворянства тоже были недовольны Александромъ I. Пусть паденіе ассигнацій нисколько не отразилось на матеріальномъ благосостояніи помѣщика; но ему зато грозила серьезная опасность лишиться части крестьянъ, отданныхъ въ милицію въ 1805—1806 гг. Когда образовывалась милиція, правительство объявило, что, послѣ окончанія войны, всѣ возвратятся домой. Въ дѣйствительности, послѣ Тильзита правительство имѣло намѣреніе оставить милиціонеровъ въ арміи, при ихъ частяхъ, чѣмъ и лишало дворянство необходимыхъ рабочихъ рукъ.


Ген. Савари (совр. грав.).

Заключивши миръ съ Наполеономъ, правительству приходилось ликвидировать кое-что изъ своихъ распоряженій въ связи съ войнами 1806—1807 г.: повелѣно было не читать въ церквахъ воззваніе Синода, въ которомъ Наполеонъ былъ названъ «антихристомъ», а затѣмъ пришлось принять рядъ цензурныхъ мѣръ для поднятія престижа Наполеона; только ими и можно объяснить, почему въ періодической печати преобладаетъ столь восторженное отношеніе къ Тильзитскому миру; рядомъ указовъ запрещалось употреблять слово «Бонапартъ», была сожжена «Тайная исторія французскаго новаго двора», запретили распространять вновь изданную книгу «Картина французской политики и короли Бонапартовой фабрики». А тѣ, кто хвалилъ Наполеона, удостоивались похвалы и поощренія. Конечно, по цензурнымъ соображеніямъ стало немыслимо появленіе журнальныхъ статей, въ той или другой степени критиковавшихъ договоръ въ Тильзитѣ, такъ что по внѣшности все обстояло благополучно, и русская печать была за союзъ и договоръ. Правительство только не учло, какой цѣной достигнуто это молчаніе или сочувственное отношеніе къ трактату, столь рѣзко расходившемуся съ планами русскаго общества. Александръ I, конечно, зналъ о настроеніи общества, но политическое положеніе дѣлъ требовало сохраненія мира цѣною чего бы ни было. И только письмо го-

сударя къ вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ знакомитъ читателя съ настроеніемъ государя и даетъ возможность уловить его будущіе планы и мечты. «Бонапартъ думаетъ, что я дуракъ (Bonaparte prétend que je ne suis qu'un sot), но лучше смѣется тотъ, кто смѣется послѣдній». Эти слова являлись какъ бы отвѣтомъ на распространенное мнѣніе, что въ Тильзитѣ Наполеонъ обошелъ Александра.

Вполнѣ понятно, что новая международная комбинація требовала и новыхъ людей, болѣе или менѣе расположенныхъ къ франко-русскому союзу. Дѣйствительно, заядлаго пруссака и ненавистника Наполеона барона Будберга смѣнилъ покладистый графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, въ качествѣ руководителя Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Друзей государя замѣнилъ Сперанскій, открыто высказывавшій свою симпатію французскимъ учрежденіямъ. Военнымъ министромъ сталъ преданный государю Аракчеевъ. Такъ, опираясь на новыхъ сотрудниковъ, государь желалъ итти противъ теченія и поддерживать союзъ, борясь съ англійской партіей въ лицѣ высшей аристократіи.

Наполеону и Александру теперь предстояла трудная задача — укрѣпить дружескія отношенія между державами, а съ другой стороны, разрѣшить стоявшія на очереди политическія задачи, въ частности, восточный вопросъ, разрѣшеніе котораго могло бы затянуться, если начнутся военныя дѣйствія между Швеціей и Россіей.

Для укрѣпленія дружбы, до назначенія полномочнаго посланника, въ Петербургъ былъ посланъ генералъ Савари. Не имѣя никакого офиціальнаго положенія, онъ въ то же время былъ снабженъ большими полномочіями и въ частной бесѣдѣ съ государемъ передавалъ ему весьма важныя дипломатическія новости. Посылая Савари въ Россію, Наполеонъ хотѣлъ, чтобы онъ поддерживалъ довѣріе Александра, а, съ другой стороны, изучалъ бы настроеніе русскаго общества и боролся, если только представится какая-нибудь возможность, съ настроеніемъ общественныхъ круговъ, враждебныхъ франко-русскому союзу. «Старайтесь, — говорилъ Талейранъ Савари,—мало разспрашивая, многое узнать». Савари былъ встрѣченъ Александромъ очень привѣтливо. Савари не сомнѣвается въ искренности этого пріема какъ и въ дѣйствительномъ расположеніи государя къ Наполеону, о которомъ Александръ всегда отзывался съ почтеніемъ и любовью. Савари слишкомъ много придавалъ значенія этой свѣтской ласковости. Видимо, его сразу увлекла та простота, та чарующая улыбка «прельстителя», противъ которой никто не могъ противостоять, но которая въ то же время скрывала настоящія чувства государя, его дѣйствительное настроеніе. Зато иное отношеніе ожидало Савари со стороны императрицы-матери и русскаго дворянства. Чопорность и монотонность Гатчины рѣзко дисгармонировала съ простотой и непринужденностью молодого двора. Савари добился минутной ледяной аудіенціи у Маріи Θеодоровны, по существу очень оскорбительной и для него самого и для императора французовъ. Ему дали понять, что съ нимъ не желаютъ имѣть дѣла. Такой же пріемъ встрѣтилъ Савари и въ высшемъ обществѣ, переселившемся въ загородныя дачи, гдѣ балы, спектакли, маскарады бывали чуть ли не ежедневно. Здѣсь свѣтская жизнь била ключомъ, и понятно желаніе Савари — стать завсегдатаемъ этихъ аристократическихъ

салоновъ. Здѣсь лучше онъ можетъ учесть настроеніе общества и довести объ этомъ до свѣдѣнія своего монарха. Но и тутъ Савари ждало глубокое разочарованіе. Передъ нимъ не открылись двери петербургскихъ салоновъ. Ему почти никто не отдалъ визита, русская аристократія не имѣла ни малѣйшаго желанія поддерживать какое бы то ни было общеніе съ иностранцемъ, къ тому же дѣтищемъ революціи, принимавшемъ участіе въ убійствѣ герцога Энгіенскаго. Александру тяжело было такое отношеніе общества къ Савари. Онъ устраиваетъ у себя обѣды, приглашаетъ Савари и видныхъ представителей аристократіи, окружаетъ Савари изысканной нѣжностью, которая все-таки не могла смягчить того горькаго чувства, которое оставалось въ душѣ генерала послѣ такихъ обѣдовъ, гдѣ съ нимъ были только офиціально вѣжливы и гдѣ отъ него сторонились. За-то бесѣды съ государемъ стали постоянными. Съ глаза на глазъ государь могъ разсыпаться въ любезностяхъ по адресу Наполеона, стремясь тѣмъ самымъ смягчить неласковое отношеніе со стороны аристократіи. Правда, въ концѣ-концовъ, Савари стали принимать, но это было сдѣлано по личному настоянію Александра. Положеніе Савари оставалось попрежнему тяжелымъ, но возможность доступа въ салоны позволила ему лучше и ближе познакомиться съ настроеніемъ общества. Савари былъ недурной наблюдатель, и нѣкоторыя черты въ настроеніи общества подмѣчены имъ вѣрно. Савари указываетъ на отдаленность и враждебность общества къ трону. Для него внѣ всякаго сомнѣнія существованіе англійской партіи, враждебной Наполеону и Александру. Отъ него не скрылось то важное значеніе, которое играли русскія женщины въ салонахъ, и для поворота общественнаго мнѣнія слѣдовало бы сначала измѣнить чувства «красавицъ» по отношенію къ Франціи. Савари сближается съ Нарышкиной, «предметомъ отдохновеній» государя, и черезъ нее даетъ государю совѣты, предостерегаетъ его отъ окружавшихъ лицъ. Онъ говоритъ о готовящемся покушеніи на государя, даетъ совѣты почистить министерства и удалить недовольныхъ. Александръ оставался глухъ къ совѣтамъ Савари. Его не страшили слухи о возможности перемѣны династіи. Все равно они не могутъ измѣнить его политики, его плановъ. «Если эти господа имѣютъ намѣреніе отправить меня на тотъ свѣтъ,—говорилъ Александръ Савари,—то пусть торопятся; но только они напрасно воображаютъ, что могутъ меня принудить къ уступчивости или обезславить. Я буду толкать Россію къ Франціи, насколько я въ состояніи это сдѣлать. Не судите объ общественномъ мнѣніи по разговорамъ нѣкоторыхъ бездѣльниковъ, въ которыхъ я больше не нуждаюсь, къ тому же слишкомъ трусливыхъ, чтобы предпринять что-



Ген. Вильсонъ (Госвей).

либо. Здѣсь недостаетъ для этого ни ума, ни рѣшимости. Хуже тому, кто идетъ непрямымъ путемъ». Дипломатическія развѣдки Савари дали свои результаты — они сблизили оба двора и отчасти укрѣпили союзъ, несмотря на враждебное отношеніе къ нему общества. Но такое впечатлѣніе было чисто внѣшнее. На самомъ дѣлѣ, самъ Александръ I тяготился союзомъ, и сочувствіе ему было вызвано только обстоятельствами. Настоящее отношеніе Александра къ союзу больше всего сказалось въ выборѣ посланника. По желанію Наполеона, отвѣтственный постъ былъ предложенъ кн. Куракину, но послѣдній отказался и остался посломъ въ Вѣнѣ. Выборъ государя палъ на генерала Петра Александровича Толстого, убѣжденнаго противника франко-русскаго союза и совершенно неспособнаго къ тонкой дипломатической игрѣ. Толстому не хотѣлось ѣхать въ Парижъ, но, уступая просьбамъ государя, онъ согласился, такъ какъ государю, по его словамъ, былъ «нуженъ не дипломатъ, а храбрый честный воинъ, а эти качества принадлежатъ вамъ». Государь былъ правъ, разъ всѣ нити русской международной политики находились въ его рукахъ. Толстому была дана соотвѣтствующая инструкція, выясняющая основной характеръ русской внѣшней политики. Главными ея принципами остаются «начало справедливости, безкорыстіе и непреложная заботливость о сохраненіи союзниковъ». Затѣмъ, давая обзоръ отношеній и условій, приведшихъ къ миру съ Франціей, государь писалъ: «Я желаю поддерживать съ неослабнымъ вниманіемъ связи, установившіяся теперь между обѣими имперіями, даже стараться объ упроченіи ихъ при каждомъ случаѣ, гдѣ дѣло коснется нашихъ взаимныхъ выгодъ, и по возможности избѣгать всякаго повода къ непріятнымъ пререканіямъ, которыя могли бы нарушить доброе согласіе, столь счастливымъ образомъ между нами возстановленное. Вотъ, по моему мнѣнію, самыя лучшія средства, чтобы обоюдно достигнуть цѣли и извлечь пользу изъ возстановленія сношеній Россіи съ Франціей». Если по отношенію къ Франціи рекомендовалось поддерживать дружескія отношенія, то это было собственно выполнимо при условіи выполненія двухъ требованій Россіи: эвакуаціи Пруссіи французской арміей и расширенія русской границы до Дуная. Только при этомъ условіи молодой союзъ могъ окрѣпнуть. Толстой правильно понялъ и скрытыя враждебныя чувства Александра и свою роль защитника Пруссіи, считая ея возрожденіе однимъ изъ условій ослабленія вліянія Наполеона въ Европѣ, и съ этой точки зрѣнія относился къ Наполеону и его правительству. Приходилось подумать и о замѣнѣ Савари болѣе подходящимъ для общества человѣкомъ. Выборъ палъ на Коленкура. Нельзя не признать выборъ удачнымъ. Принадлежа по рожденію къ старой аристократіи, отличаясь безусловно изысканнымъ внѣшнимъ обращеніемъ, новый посолъ имѣлъ всѣ данныя для успѣха въ обществѣ. Большія средства, данныя ему въ его распоряженіе Наполеономъ, позволяли ему устраивать балы и праздники, поражая воображеніе роскошью и привлекая къ нему сердца аристократіи. Коленкуръ долженъ былъ общественное мнѣніе направить въ сторону Франціи, хотя въ возможности послѣдняго сомнѣвался Савари при условіи существованія континентальной системы, такъ какъ купечество и дворянство обязано Англіи своимъ состояніемъ. Къ тому же Англія поставляетъ необходимые жизненные предметы, замѣнить

которые Францiя не въ состоянiи благодаря слабому въ ней развитiю промышленности. Вотъ почему Савари пессимистически смотритъ на возможность поворота общественнаго мнѣнiя въ сторону Францiи. Пока Савари былъ въ Петербургѣ, Россiя предложила Англiи свое посредничество, которое, конечно, было отклонено. И какъ бы предупреждая дѣйствiя союзниковъ, желавшихъ силою принудить Данiю приступить къ континентальной системѣ, англiйское правительство отдало приказъ своему флоту бомбардировать Копенгагенъ и захватить датскiй флотъ. Это была крупная неудача Наполеона, однако сумѣвшаго въ столь критическiй для него моментъ проявить необходимое хладнокровiе и выдержку. Въ отвѣтъ на бомбардировку Копенгагена, Наполеонъ побуждаетъ Россiю исполнить условiя мира и отозвать посла. Россiи пришлось уступить. 25 октября (6 н.) 1807 г. разрывъ дипломатическихъ сношенiй съ Англiей сталъ фактомъ. Тогда англичане около Лиссабона напали на русскiй флотъ подъ начальствомъ Сенявина и принудили его къ очень почетной капитуляцiи. Морскiе пути Англiя удержала въ своихъ рукахъ. Разрывъ дипломатическихъ сношенiй съ Англiей первоначально не отразился на положенiи англiйскаго посла въ столицѣ. Вильсонъ попрежнему былъ принятъ государемъ и неоднократно обѣдалъ съ нимъ. Его принимали съ восторгомъ въ салонахъ, гдѣ слушали его язвительныя рѣчи по адресу Наполеона и Савари. Александръ какъ бы игралъ на два фронта; не желая нарушать союзнаго трактата, онъ въ то же время преувеличенной нѣжностью хотѣлъ смягчить разрывъ съ Англiей.



Арманъ-Луи де-Коленкуръ (Жерара).

Такое заигрыванiе съ Англiей вскорѣ прекратилось, и не безъ настоянiя Румянцева, требовавшаго устойчиваго курса политики. Румянцевъ былъ сторонникомъ восточной политики Россiи. Въ этомъ отношенiи союзъ съ Францiей могъ быть, по его мнѣнiю, очень благопрiятенъ для Россiи, стоило только использовать его въ надлежащей мѣрѣ. Съ помощью Францiи восточный вопросъ можно было рѣшить, безъ участiя Австрiи, въ пользу Россiи. Такое направленiе внѣшней политики Россiи и рѣшило судьбу Вильсона, позволившаго себѣ рѣзкiя выраженiя объ императорѣ и его политикѣ да къ тому же раздававшаго по гостинымъ брошюру «Размышленiя о Тильзитскомъ мирѣ», написанную очень рѣзко и, конечно, порицавшую Александра и его политику.

Высылка Вильсона доставила большое удовольствiе Савари и Наполеону, но послѣдняго вскорѣ ожидалъ нѣсколько неожиданный сюрпризъ.

Александръ основывалъ свои отношенія къ Наполеону не только на письменныхъ условіяхъ трактата, но и на тѣхъ разговорахъ, которые происходили наединѣ и которые гораздо больше сулили Россіи, чѣмъ письменный трактатъ. Александръ формально предложилъ Наполеону, чтобы Молдавія и Валахія, независимо отъ дальнѣйшей судьбы Оттоманской имперіи, были присоединены къ Россіи. Это требованіе шло въ разрѣзъ съ статьями Тильзитскаго договора, но зато опредѣленно указывало, въ какомъ направленіи пойдетъ политика Александра. И, дѣйствительно, вопросъ о княжествахъ отнынѣ сталъ центромъ дипломатическихъ разговоровъ между Россіей и Франціей и источникомъ возникавшихъ недоразумѣній, охлаждавшихъ дружественныя отношенія державъ.

Наполеоновская точка зрѣнія на восточный вопросъ была совсѣмъ другая. Онъ предполагалъ держаться статей Тильзитскаго договора, какъ болѣе выгодныхъ для Франціи. Онъ предложилъ свое посредничество, но результаты его окончились ничѣмъ. Александръ отказался ратифицировать перемиріе, не желалъ выводить войска изъ княжествъ. Положеніе Наполеона было очень затруднительное: уступая Россіи, онъ укрѣпляетъ сдѣланное въ Тильзитѣ; соглашаясь на раздѣлъ Турціи, онъ идетъ въ разрѣзъ съ данными въ Константинополѣ обѣщаніями, подрываетъ тамъ свое вліяніе и усиливаетъ значеніе своей соперницы Англіи. Постепенно у него является планъ потребовать и для себя компенсаціи за присоединеніе княжествъ. Таковой должна удовлетворить Пруссія, отъ которой отбирается Силезія. Наполеонъ прекрасно понималъ, что на такого рода сдѣлку Александръ никогда не дастъ своего согласія, чѣмъ и будетъ сохранена неприкосновенность турецкой территоріи, такъ какъ тѣмъ самымъ отсрочивается вопросъ о присоединеніи княжествъ. Предположенія Наполеона были сообщены Толстому, не замедлившему переслать ихъ въ Петербургъ. Новыя требованія Наполеона смутили Александра, прекрасно понявшаго дипломатическій шагъ Наполеона. Въ бесѣдѣ съ Коленкуромъ Александромъ было высказано мнѣніе, что «никогда не было и рѣчи о предназначеніи Пруссіи служить вознагражденіемъ за турецкія дѣла», давая тѣмъ самымъ понять, что написанный трактатъ таковыхъ статей не имѣлъ и что онъ идетъ въ разрѣзъ съ прусскими симпатіями Александра. Этимъ разговоромъ вопросъ о княжествахъ не былъ оконченъ. Государь неоднократно къ нему возвращался. Наполеонъ, по обыкновенію, уклонялся въ сторону отъ положительнаго отвѣта и въ отвѣтъ на конкретное предложеніе, и притомъ вполнѣ осуществимое предложеніе Россіи выдвигалъ заманчивые, но фантастическіе проекты раздѣла Турціи, несомнѣнно, убаюкивавшіе своими сладостными результатами Александра I. Словомъ, изъ-за княжествъ между союзниками наступило охлажденіе, почувствовалось скрытое недовѣріе, которое только усиливала неудачная дипломатическая дѣятельность графа Толстого, видѣвшаго въ Тильзитской системѣ гибель Россіи и отнюдь не желавшаго смягчать напряженность создавшихся отношеній между Россіей и Франціей.

Посолъ открыто агитировалъ противъ Наполеона, уклонялся отъ посѣщеній собраній, на которыхъ присутствовалъ императоръ, но зато бывалъ частымъ гостемъ въ салонахъ Сенъ-Жермена, центрѣ оппозиціи противъ Наполеона.



Домъ, гдѣ жилъ Коленкуръ, на Дворцовой набережной. (Изъ коллекціи Дашкова).

Наполеонъ неоднократно дѣлалъ Александру соотвѣтствующія представленія, указывая, что поведеніе Толстого не соотвѣтствуетъ принципамъ дружбы между обѣими державами, и просилъ отозвать Толстого, прислать сюда такого человѣка, «который былъ бы крѣпокъ къ системѣ». Русское правительство долгое время оставалось глухимъ къ настояніямъ французскаго правительства, но, въ концѣ-концовъ, принуждено было предпринять кое-какіе шаги въ этомъ направленіи. Но вмѣсто отозванія Толстого, послѣдній получилъ строгую инструкцію, которая нисколько не измѣняла содержанія первой, но зато категорически требовала, «чтобы дипломатическія сношенія шли въ направленіи, признанномъ его величествомъ для блага имперіи», хотя въ то же время рекомендовалось «поддерживать дружественныя и полныя довѣрія отношенія съ графомъ Меттернихомъ, съ величайшей осторожностью избѣгая всего, что могло бы возбудить подозрѣніе Наполеона и навести его на мысль, что мы не считаемъ союзъ съ нимъ прочнымъ и для насъ полезнымъ». Толстому было поручено избрать такую линію поведенія, «чтобы никакая параллельная дружба не могла бы повредить дружбѣ государя съ Франціей». Въ противномъ случаѣ, «ему было бы крайне непріятно, если бы императоръ французовъ нашелъ поводъ къ безпокойству относительно его дружбы». Толстой по-своему понялъ внутренній смыслъ инструкціи и нисколько не измѣнилъ своего поведенія. Да и трудно было это сдѣлать, разъ вопросы прусскій и восточный требовали настоятельнаго разрѣшенія, а Наполеонъ именно въ этихъ-то вопросахъ и велъ двойную игру. Немудрено, что ни Толстой, ни Александръ не вѣрили Наполеону. Много ловкости требовалось отъ Коленкура, чтобы оживить довѣріе къ Франціи, тѣмъ болѣе, что Коленкуръ не сомнѣвался въ искренности словъ государя и его расшаркиванія передъ Наполеономъ. Усыпивъ бдительность французскаго посла и очаровавъ его своей любезностью, Александръ могъ за кулисами смѣло дѣй-

ствовать противъ Наполеона, въ увѣренности, что отъ вниманія Коленкура скроется эта «двусмысленная» политика. Коленкуръ былъ обойденъ «прельстителемъ» Александромъ. Александръ категорически сообщилъ, что онъ никогда не согласится на ампутацію Пруссіи, такъ какъ это идетъ въ разрѣзъ съ его понятіями о чести и интересахъ его государства. Пока шли переговоры изъ-за Пруссіи и восточнаго вопроса, русское правительство предъявило ультиматумъ Швеціи. Густавъ IV отказался вступить въ союзъ съ Россіей противъ Англіи, и, въ отвѣтъ на это, русскія войска вступили въ Финляндію. Началась побѣдоносная война, временно занявшая все вниманіе Александра, положеніе котораго было очень тяжелое, такъ какъ императрица-мать и придворная знать откровенно говорили о несправедливости войны съ Швеціей и унизительной роли Александра, которому приходится быть исполнителемъ рѣшеній, продиктованныхъ чужой волей. Переговоры Россіи и Франціи относительно Пруссіи и княжествъ стояли на одномъ мѣстѣ. Ни одна изъ сторонъ не желала уступить, а между тѣмъ положеніе европейскихъ дѣлъ требовало того или другого рѣшенія. Австрія опять стала склоняться въ сторону Россіи, хотя и признала континентальную систему. Помѣшать во что бы то ни стало сближенію обоихъ государствъ, заставить ихъ разойтись на почвѣ столкновенія общихъ интересовъ—вотъ что стало центромъ вниманія Наполеона. Вслѣдствіе этого Наполеонъ неожиданно все свое вниманіе устремляетъ на восточный вопросъ, столь милый сердцу Александра, хотя въ то же время, конечно, Наполеонъ былъ слишкомъ большой сторонникъ реальной политики, чтобы не сомнѣваться въ возможности приведенія въ исполненіе всѣхъ его дальне-восточныхъ плановъ. Восточная политика Наполеона преслѣдовала двѣ цѣли: она должна была ослабить или совсѣмъ уничтожить вліяніе Англіи на востокѣ, а также, кромѣ того, отнять у Англіи ея восточные морскіе пути и въ то же время помѣшать сближенію Россіи съ Австріей, у которыхъ были общіе интересы и общая сфера вліянія на Балканскомъ полуостровѣ.

Пусть даже большинство изъ предположеннаго Наполеономъ была сплошная фантазія, но зато Наполеонъ оставался хозяиномъ въ Европѣ и могъ дѣлать, что хотѣлъ. Съ другой стороны, Австрія и Россія должны были разойтись въ разныя стороны, а между Россіей и Англіей, на почвѣ столкновенія экономическихъ интересовъ въ Турціи, должна была увеличиться вражда еще въ большемъ размѣрѣ. Такъ реальная политика соединялась съ фантастическими планами.

Наполеонъ давно устремлялъ свои взоры на Востокъ, гдѣ сходятся европейскіе и азіатскіе торговые пути. И прежняя его экспедиція въ Египетъ имѣла цѣлью перехватить у англичанъ важнѣйшій торговый путь. Правда, походъ не достигъ своей цѣли. Англія оказалась неуязвимой. Теперь планы Наполеона еще величественнѣе. Онъ хочетъ нанести ударъ Англіи въ Азіи, Индіи, а безъ помощи Россіи это невозможно—отсюда и планы о раздѣлѣ Турціи. Для Наполеона европейскія владѣнія Турціи не имѣли никакого экономическаго значенія. Тутъ скрещивались интересы Россіи и Австріи. Зато Фракія и Малая Азія, по своему географическому положенію, представляли необычайную внутреннюю цѣнность. Владѣя ими, можно Англіи нанести существенный экономическій ударъ. На-

полеонъ прекрасно понималъ, что участіе Россіи въ совмѣстномъ движеніи ея съ Франціей въ Азіи допустимо при условіи значительной компенсаціи. Объ этомъ говоритъ знаменитое письмо Наполеона отъ 2 февр. 1808 г. Можно сомнѣваться въ искренности послѣдняго, но ясно только одно, что Наполеонъ серьезно думалъ заняться восточными дѣлами, какъ средствомъ борьбы съ Англіей. Убаюкивая Александра словами расширить границы въ сторону Швеціи и предлагая свое полное въ этомъ отношеніи содѣйствіе, Наполеонъ очень неопредѣлененъ, когда говоритъ о раздѣлѣ Турціи. Правда, Наполеонъ не отказывается «ни отъ какихъ предварительныхъ соглашеній, необходимыхъ для достиженія столь великой цѣли. Взаимный интересъ нашихъ государствъ долженъ быть обсужденъ и уравновѣшенъ». Эти неопредѣленныя заявленія сопровождались категорическими просьбами увеличить армію для предполагаемаго похода въ Индію. Насколько искренни были подобнаго рода заявленія Наполеона, можно судить по его разговору съ Меттернихомъ по поводу раздѣла: «Англичане могутъ принудить меня къ этому противъ моего желанія. Мнѣ нужно искать ихъ тамъ, гдѣ я могу найти. Я ни въ чемъ не нуждаюсь. Египетъ и нѣкоторыя колоніи были бы мнѣ выгодны, но не могли бы вознаградить нужное увеличеніе Россіи. Когда она утвердится въ Константинополѣ, вы будете нуждаться во Франціи, чтобы она помогла вамъ противъ Россіи, и Франція будетъ трудиться за васъ, чтобы уравновѣшивать ее». Александръ принципіально сочувствовалъ плану Наполеона и отвѣчалъ ему очень любезнымъ письмомъ, но тутъ же говорилось о сообщенныхъ Коленкуру требованіяхъ Россіи и условіяхъ, на которыхъ Россія можетъ принять участіе въ индійскомъ походѣ. Нельзя отрицать, требованія Александра были высказаны въ категорическомъ тонѣ: ихъ можно было или принять, или отвергнуть,— другого выхода не было. Александръ прекрасно оцѣнилъ, какое практическое значеніе имѣетъ для Франціи союзъ съ Россіей, и поэтому, чѣмъ яснѣе для него это становилось, тѣмъ категоричнѣе дѣлались его требованія относительно Франціи. Въ письмѣ Наполеона не было ни одного слова относительно судьбы Пруссіи, и восточныя дѣла, казалось, должны были отвлечь вниманіе Александра отъ прусскихъ дѣлъ. Въ бесѣдѣ съ Коленкуромъ Александръ настаивалъ на исполненіи своего требованія относительно Пруссіи, требуя въ то же время гарантій относительно дальнѣйшаго увеличенія территоріи Варшавскаго герцогства. Коленкуръ, ссылаясь «на данныя ему инструкціи», давалъ уклончивый отвѣтъ, но требованія Александра настолько были категоричны, что Коленкуру пришлось сообщить о нихъ Наполеону. Затѣмъ Румянцевъ и Коленкуръ приступили



Анна Павловна (Синягинъ «Иконограф. Алекс. I»).

къ обсужденію предложеній французскаго правительства о территоріальномъ вознагражденіи Россіи за участіе ея въ индійскомъ походѣ. И по вопросу о компенсаціи Россіи предложенія Франціи разошлись съ требованіями Россіи. Правда, послѣдняя ничего не имѣла противъ привлеченія Австріи въ качествѣ участницы раздѣла. Это отчасти даже соотвѣтствовало будущимъ планамъ правительства, но зато Россія хотѣла владѣть Константинополемъ и Босфоромъ, и въ этомъ вопросѣ она не дѣлала никакихъ уступокъ. Коленкуръ былъ вполнѣ съ этимъ согласенъ. По его мнѣнію, Наполеону слѣдовало бы на это согласиться, такъ какъ собственно раздѣлъ на Востокѣ превращается въ раздѣлъ всего міра. «Присоедините, ваше величество,—писалъ Коленкуръ Наполеону,—Италію, даже Испанію, мѣняйте династіи, создавайте королевства, требуйте содѣйствія черноморскаго флота и сухопутной арміи для завоеванія Египта; просите, какихъ хотите, гарантій, обмѣнивайтесь съ Австріей, чѣмъ вамъ будетъ угодно,—однимъ словомъ, хотя бы весь свѣтъ перевернулся вверхъ дномъ, но если Россія получитъ Константинополь и Дарданеллы, ее, по моему мнѣнію, можно будетъ заставить на все смотрѣть спокойно».

Пока Наполеонъ усыплялъ Александра восточной сказкой, въ Европѣ произошли событія первостепенной важности. Была завоевана Португалія, и ей насильственно была навязана континентальная система. Конечно, Наполеонъ не отдалъ ее Испаніи. Наоборотъ, у Наполеона явилось желаніе изгнать испанскихъ Бурбоновъ, и байонскія событія явились отвѣтомъ на его планы [1]). Конечно, до рѣшенія испанскихъ дѣлъ—и рѣчи не могло быть объ исполненіи восточныхъ плановъ. Байонскія событія произвели на Александра тяжелое впечатлѣніе. Ему стало ясно, что онъ опять обойденъ Наполеономъ. Правда, Наполеонъ предлагаетъ оставить за Александромъ Финляндію, но это территоріальное пріобрѣтеніе служило слишкомъ небольшой компенсаціей въ сравненіи съ тѣмъ, что пріобрѣталъ Наполеонъ въ Европѣ, и Коленкуру предстояла трудная обязанность — поддержать довѣріе къ Наполеону въ вѣчно колеблющемся и сомнѣвающемся Александрѣ. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и Наполеонъ, давая Толстому понять возможность эвакуаціи Пруссіи. Александръ, желая поскорѣе разрѣшить возникшія недоразумѣнія, предлагалъ Наполеону личное свиданіе, но Наполеону пришлось временно отказаться отъ него. Въ самомъ дѣлѣ, Наполеону было не до свиданій. Начавшаяся народная война въ Испаніи разстроила планы Наполеона, а турецкія событія складывались такъ, что требовали вмѣшательства Франціи въ пользу Турціи. На свой страхъ и рискъ Наполеонъ отъ имени Александра завѣрилъ турецкое правительство, что, пока не кончатся переговоры въ Парижѣ между Россіей и Турціей, къ военнымъ дѣйствіямъ не будетъ приступлено. Такого рода политика заставила Александра настоятельно требовать свиданія съ Наполеономъ, уже не выставляя никакихъ требованій. Да и Наполеонъ тоже въ немъ нуждался. Испанскія дѣла шли не въ его пользу. Австрія начинала вооружаться и хотѣла вознаградить себя за постыдный Пресбургскій миръ. Только условившись съ императоромъ и обсудивъ планъ дѣйствій и территоріальныя уступки, возможно было Наполе-

[1]) См. ст. „Испанія и Наполеонъ“.

ону приняться за Испанію и австрійскія дѣла. Такъ было рѣшено Эрфуртское свиданіе.

Ни Савари, ни Коленкуру не удалось склонить общественное мнѣніе въ пользу Франціи. Слишкомъ сильно задѣвалъ союзъ съ послѣдней экономическіе и политическіе интересы страны. Донесенія Толстого только повышали создавшееся настроеніе недовѣрія и вражды къ Франціи. Выразителемъ этого настроенія явился Чарторійскій, подавшій царю конфиденціальную записку, въ которой писалъ: «Я думаю, что ваши теперешнія отношенія съ французскимъ правительствомъ окончатся самымъ печальнымъ образомъ для вашего величества». Давая далѣе картину политическаго положенія въ Европѣ и характеризуя политику Наполеона, какъ стремленіе установить главенство въ Европѣ, Чарторійскій указываетъ на возможность тогда борьбы съ Россіей. «И тогда, вторгнувшись въ Россію, къ тому же разоренную блокадой, онъ потребуетъ польскихъ провинцій, возстановитъ Польшу, объявитъ свободу крестьянамъ, раздробитъ имперію на отдѣльныя королевства. Что тогда станетъ съ Россіей? Какова будетъ участь вашего величества и всей вашей семьи? Вспомните, что произошло въ Испаніи!» Наканунѣ отъѣзда въ Эрфуртъ императрица-мать написала письмо Александру, которымъ тщетно старалась удержать его отъ поѣздки.


Шампаньи, герцогъ Кадорскій.
(Съ миніатюры).

Пока шли переговоры о свиданіи, дѣла въ Испаніи складывались довольно неудачно для Наполеона. Произошла извѣстная Байонская капитуляція. Наполеонъ прекрасно понималъ, какое впечатлѣніе она можетъ произвести на Европу, въ особенности на Австрію, которая станетъ еще энергичнѣе вооружаться, въ виду затруднительнаго положенія Наполеона. Чтобы сдержать Австрію и не затруднять своего положенія, Наполеону оставалось только одно — путемъ тѣхъ или другихъ уступокъ сблизиться вновь съ Россіей и съ ея помощью заставить Австрію сохранять нейтралитетъ. Этимъ и можно объяснить, почему Наполеонъ неожиданно для Толстого завелъ съ нимъ разговоръ объ очищеніи Пруссіи. Но это объявленіе не произвело желаннаго дѣйствія. Александръ отказался отъ угрозъ по адресу Австріи и только ограничился представленіемъ и соотвѣтствующими совѣтами, ибо для Александра осложненіе между Франціей и Габсбургами не могло быть желательнымъ, такъ какъ это явилось бы предлогомъ отсрочки рѣшенія восточнаго вопроса. Наканунѣ отъѣзда въ Эрфуртъ Александръ разговаривалъ о цѣли свиданія съ Коленкуромъ, а затѣмъ итогъ разговора въ опредѣленномъ и отчетли-

вомъ видѣ былъ сообщенъ Наполеону. По мнѣнію Александра, франко-русскій союзъ далъ Франціи массу преимуществъ, Россія же ничего не получила. Она нуждается въ удовлетвореніи. Въ этомъ отношеніи прусскія и восточныя дѣла должны занять первое мѣсто въ разговорѣ въ Эрфуртѣ. Затѣмъ идутъ австрійскія и испанскія дѣла, требовавшія настоятельнаго разрѣшенія и бывшія серьезной угрозой европейскому миру. Александръ намѣчалъ даже проектъ новаго соглашенія. Франція получала полную свободу дѣйствія въ Испаніи. Противъ Австріи Россія соглашалась оказать помощь, но зато Франція должна была гарантировать возстановленіе Пруссіи, категорически заявить о невозможности возстановленія Польши и удовлетворить восточныя фантазіи Александра.

При свиданіи съ Александромъ Наполеону пришлось считаться съ вышеизложенными требованіями, и Талейрану было поручено составить проектъ раздѣла Турціи въ виду будущихъ операцій въ Азіи. Встрѣча въ Эрфуртѣ была очень торжественна. Наполеонъ явился, окруженный блестящей свитой, въ составъ которой вошли вассалы его — нѣмецкіе короли и владѣтельные принцы. Все было разсчитано, чтобы поразить воображеніе Александра и показать ему все величіе Наполеона. Но многое изъ расчетовъ Наполеона оказалось безцѣльно. Александръ чувствовалъ свою силу, свое значеніе для Франціи, которая въ союзѣ съ Россіей нуждалась даже болѣе, чѣмъ Россія съ Франціей. Двуличная политика Наполеона, не давшая пока никакихъ результатовъ, заставила Александра быть насторожѣ и мало обращать вниманія на расточаемую лесть и любезность Наполеона, разъ за ними не скрывалось никакого конкретнаго предложенія, могущаго быть оформленнымъ письменнымъ трактатомъ. Императоры часто видѣлись; конечно, много между собой говорили съ глаза на глазъ, какъ это желалъ самъ Наполеонъ. Онъ успокаивалъ Александра относительно Польши и для его успокоенія хотѣлъ даже вывести французскія войска изъ Польши, но это словесное обѣщаніе нисколько не уничтожало недовѣрія Александра къ Наполеону. При обсужденіи турецкаго вопроса пришлось его поставить на конкретную почву. Наполеонъ доказывалъ невозможность раздѣла Турціи въ данный политическій моментъ и соглашался оставить за Россіей придунайскія княжества. Правда, это было не такъ блестяще и туманно, но зато болѣе соотвѣтствовало интересамъ государствъ. Къ тому же присоединеніе княжествъ не могло вызвать охлажденія Австріи къ Россіи, а этого Александръ никоимъ образомъ не желалъ: не даромъ онъ увѣрялъ императора Франца, что принимаетъ активное участіе въ сохраненіи цѣлости Австрійской имперіи. Александръ открыто выступалъ противъ всякихъ мѣръ, клонившихся къ дальнѣйшему ущербу и политическому униженію Австріи. И въ прусскихъ дѣлахъ Наполеонъ сначала былъ уступчивъ, и, въ концѣ-концовъ, далъ свое согласіе на возвращеніе Пруссіи крѣпостей, но когда встрѣтилъ отрицательное отношеніе со стороны своего союзника къ австрійскимъ проектамъ, то рѣшительно заявилъ объ отказѣ въ очень рѣзкой формѣ, и стоило большихъ усилій, чтобы опять наладить отношенія. Переговоры въ Эрфуртѣ были облечены въ форму договора, подписаннаго 12 октября. Имъ утверждался союзъ, направленный противъ Англіи, «общаго врага и врага континента». Предпо-

лагалась возможность заключенія мира съ Англіей при условіи признанія происшедшихъ перемѣнъ въ политической картѣ Европы. Наполеонъ отказывался отъ посредничества между Россіей и Турціей. Границами Россіи признается Дунай. Молдавія, Валахія и Финляндія присоединяются къ Россіи, но зато объявляется неприкосновенность остальныхъ частей Турецкой имперіи. Наполеонъ, кромѣ того, обѣщалъ дѣйствовать заодно съ Россіей противъ Австріи, если послѣдняя будетъ поддерживать Порту, и Россія дала обѣщаніе дѣйствовать заодно съ Франціей, если Австрія объявитъ ей войну. По подписаніи трактата, оба государя обратились съ письмомъ къ англійскому королю, приглашая его къ миру. Александръ написалъ отдѣльно австрійскому императору, но письмо его къ Францу отличалось нѣкоторой неопредѣленностью, скорѣе даже побуждало Австрію къ дальнѣйшимъ вооруженіямъ: «Я испытываю большое удовольствіе при видѣ справедливости, какую вы воздаете моимъ чувствамъ къ вамъ. Я прошу васъ быть твердо убѣжденнымъ въ томъ участіи, какое я принимаю въ вашемъ величествѣ и въ цѣлости вашей имперіи».


Маре, герц. Бассано.

Эрфуртскій договоръ перевѣшивалъ вѣсы союза въ пользу Александра и затѣмъ разъ навсегда прекращалъ всякіе разговоры о раздѣлѣ Турціи, но довѣріе въ обоихъ государяхъ другъ къ другу онъ не укрѣпилъ. Единственную уступку получилъ Наполеонъ—это отозваніе Толстого. Онъ былъ больше не нуженъ Александру. Главные вопросы были рѣшены, поэтому его можно было замѣнить кн. А. Б. Куракинымъ. Послѣ отъѣзда изъ Эрфурта Александръ сейчасъ написалъ успокоительное письмо матери. Прусскій король, встрѣтившись съ Александромъ въ Мемелѣ, откровенно сказалъ: «Хорошо, что ваше величество снова возвращается назадъ, ибо ни одинъ человѣкъ не вѣрилъ, что Наполеонъ отпуститъ васъ обратно».

Условія Эрфуртскаго мира опредѣлили собой характеръ дальнѣйшей международной политики Россіи, и нельзя сказать, чтобы они разъ навсегда уничтожили недоразумѣнія, возникавшія по тому или другому поводу. Такъ, въ договорѣ не было сказано ни одного слова относительно Польши; всѣ обѣщанія Наполеона были чисто словеснаго характера и такъ же мало дѣйствительны, какъ и Тильзитскіе разговоры по поводу Турціи. И польскому вопросу суждено было стать источникомъ недоразумѣній и недоумѣній между союзниками, какъ турецкому въ эпоху послѣ Тильзита и до Эрфурта.

Обезпечивъ содѣйствіе Александра въ случаѣ войны съ Австріей, Наполеонъ могъ приняться за испанскія дѣла, неудачный ходъ которыхъ подрывалъ авторитетъ и значеніе Наполеона. До благополучнаго рѣшенія

испанскихъ дѣлъ, всякая война въ Европѣ сулила много недоразумѣній. Александръ, въ свою очередь, не былъ доволенъ результатами своей поѣздки. Его манилъ Востокъ, а военныя дѣйствія на Дунаѣ какъ нарочно шли очень медленно и приходилось ждать тѣхъ или другихъ результатовъ только въ очень отдаленномъ будущемъ. Отсюда нетерпѣніе и подчасъ очень раздраженное состояніе духа, которое сказывалось на отношеніяхъ къ Наполеону въ объясненіи съ нимъ по поводу Польши и ея возстановленія. Наполеону было крайне необходимо поддерживать дружбу съ Александромъ. Только при ея сохраненіи возможно разгромить Испанію, предостеречь Австрію отъ нападенія и сохранить въ цѣлости континентальную систему. Наполеонъ по временамъ въ грезахъ уже видѣлъ Англію экономически разоренной и просящей мира. На Коленкура возлагалась тяжелая и отвѣтственная обязанность поддерживать дружбу, убаюкивая государя разными обманчивыми планами и заманчивыми обѣщаніями. Впрочемъ, Александръ сталъ менѣе романтикомъ. Кое-чему жизнь успѣла его научить—вотъ почему онъ уже не увлекается, какъ раньше, совершенно неосуществимыми планами и предложеніями. Дружбѣ Наполеона и Александра вскорѣ предстояло большое испытаніе: Петербургъ посѣтилъ прусскій король съ воинственной Луизой. Блестящій пріемъ, оказанный въ столицѣ, служилъ прекраснымъ показателемъ настроенія Александра и англо-русской партіи. Пріѣздъ короля разсматривался, какъ актъ враждебный Наполеону и Франціи. Съ другой стороны, Наполеонъ хотѣлъ активнаго вмѣшательства Россіи въ австрійскія дѣла. Александръ отклоняется отъ такого категорическаго вмѣшательства, а разговоры съ Шварценбергомъ только подстрекали Австрію къ войнѣ, такъ какъ Россія въ ней не приметъ активнаго участія, хотя это и шло въ разрѣзъ съ статьями Эрфуртскаго трактата. Поэтому неудивительно, что Австрія, желая смыть кровью условія постыднаго для нея Пресбургскаго мира, объявила войну Франціи. Во время войны обнаружилось, насколько были мало дѣйствительны статьи Эрфуртскаго трактата. Александръ уклонялся отъ активной помощи Наполеону и, выставивъ наблюдательный корпусъ въ Галиціи, запретилъ ему дѣйствовать активно. Главнокомандующій такъ и поступалъ: онъ не только былъ молчаливымъ свидѣтелемъ возстанія поляковъ противъ австрійцевъ, но даже пытался иногда парализовать успѣхи польскаго оружія подъ начальствомъ Понятовскаго. Такое поведеніе Россіи всецѣло приходится ставить въ связь съ польскимъ вопросомъ. Александръ боялся распространенія возстанія изъ Галиціи въ сосѣднія русскія области. Проснулось старое скрытое недовѣріе къ Наполеону—отсюда естественное желаніе ослабить побѣдоносное шествіе Наполеона. Чувствовалось, что, несмотря на всѣ краснорѣчивыя заявленія Александра, союзъ переживаетъ кризисъ и что недалеко время его полнаго распаденія. Но Наполеонъ самъ справился съ австрійцами, хотя и не безъ усилій. Ваграмъ рѣшилъ судьбу кампаніи, и австрійцы вступили въ переговоры. Ваграмское сраженіе поразило всѣхъ русскихъ и самого Александра. Очевидно, Наполеонъ еще не такъ слабъ, съ нимъ надо считаться, и Александръ опять поворачивается въ сторону Наполеона, съ заявленіями о своей дружбѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Александръ инстинктивно боялся, какъ бы при заключеніи мира съ австрійцами не поднялся польскій вопросъ. Переговоры шли медленно. Россія не была представлена на конгрессѣ, хотя и была приглашена. Александръ предпочелъ

остаться свидѣтелемъ переговоровъ, незамѣтно оказывая на нихъ свое вліяніе, но въ то же время занятая позиція позволила сказать красивую фразу, которыя такъ любилъ произносить государь: «Я,—говоритъ онъ Коленкуру,—вручаю интересы моей имперіи союзнику моему императору Наполеону и совершенно полагаюсь на его рѣшеніе. Императоръ Наполеонъ держитъ въ своихъ рукахъ судьбу Австріи: мое личное желаніе, чтобы Франція ограничила военныя силы государства, а не раздробляла его; впрочемъ, я ограничиваюсь здѣсь только выраженіемъ моего желанія... Я выскажусь прямо относительно только одного вопроса, въ которомъ ничто не можетъ поколебать меня: я буду противъ всякой мѣры, которая поведетъ къ возстановленію Польши. Я не могу пожертвовать своей привязанности къ императору Наполеону интересомъ и безопасностью своей имперіи. Пусть императоръ дастъ мнѣ по этому дѣлу удовлетворительный отвѣтъ и онъ можетъ на меня положиться. Онъ говоритъ, что міръ великъ, можно уладиться; императоръ Наполеонъ ошибается, если дѣло идетъ о возстановленіи Польши: въ этомъ случаѣ міръ не такъ великъ, чтобы оба мы могли уладиться, ибо я ничего не хочу для себя». Когда шли переговоры, выяснилось, что Наполеонъ не желалъ бы обратно возвратить Галицію Австріи, жители которой съ оружіемъ въ рукахъ возстали противъ нея. Если этотъ вопросъ былъ бы рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, то Галиція была бы присоединена къ Варшавскому герцогству, а это шагъ къ возстановленію Польши; конечно, подобный планъ не могъ быть принятъ Александромъ. Въ бесѣдѣ съ Коленкуромъ, предложившимъ отдать ее одному изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, въ крайнемъ случаѣ раздѣлить между Россіей и герцогствомъ — въ такомъ случаѣ — «герцогство получитъ малую долю, а я—большую, ибо я не могу и не хочу согласиться ни на что, что бы могло дать надежду породить даже идею возстановленія Польши. Россія дѣйствовала сообща съ вами—она имѣетъ право разсчитывать на общія выгоды съ вами. Затянемъ союзъ противъ Англіи и заботливо удалимъ все, что можетъ насъ разъединить, не дѣлая ничего, что бы могло вести къ возстановленію Польши. На этомъ держится миръ


Императоръ Наполеонъ (Жерара).

морской и миръ континентальный». Ультиматумъ Александра не произвелъ на Наполеона надлежащаго впечатлѣнія, а переговоры шли вообще очень медленно: австрійскіе уполномоченные не соглашались на требованія Наполеона. Въ тяжелую минуту для Наполеона письмо Александра австрійскому императору сыграло рѣшающую роль: австрійцы соглашались на условія Наполеона, но вмѣшательство Александра не измѣнило судьбы Галиціи: Россія получила только восточную часть съ 400.000 жителей. Варшавское герцогство—Западную Галицію и округи Кракова и Замостья съ 1.500.000 т. жит. По Вѣнскому миру Австрія лишилась огромной территоріи съ народонаселеніемъ въ 3.700.000 душъ. Вѣнскій трактатъ сильно отразился на отношеніяхъ Франціи и Россіи. Оба союзника отнынѣ недовѣряютъ другъ другу, прекрасно видя близость разрыва. Поэтому если Наполеонъ желалъ разсердить Александра, то немедленно выдвигалъ мысль о возстановленіи Польши, а Александръ, наоборотъ, условіемъ сохраненія союза съ Наполеономъ ставилъ категорическое письменное заявленіе, что Польша никогда не будетъ возстановлена. Вокругъ послѣдней и завязывался узелъ международныхъ отношеній.

Отношеніе между Александромъ и Наполеономъ особенно обострилось изъ-за вопроса о женитьбѣ Наполеона на великой княжнѣ Аннѣ. Теоретически Александръ отнесся сочувственно къ этому плану, находя его вполнѣ отвѣчающимъ сложившимся политическимъ обстоятельствамъ и къ тому же закрѣпляющимъ дружбу съ Наполеономъ, но при этомъ высказывались сомнѣнія въ возможности такого брака, такъ какъ великая княжна другого вѣроисповѣданія, а перемѣна вѣры не возможна. Коленкуръ на послѣднее сомнѣніе Александра далъ утвердительный отвѣтъ: вел. кн. Анна остается вѣрна вѣрѣ своихъ предковъ: ей позволено будетъ имѣть при дворцѣ церковь и священника. Тогда выдвигались другія препятствія: молодость и опасность для ея здоровья отъ ранняго брака, а также, что окончательное рѣшеніе остается за Маріей Ѳеодоровной, такъ какъ онъ, Александръ, не можетъ вмѣшиваться въ судьбу своихъ сестеръ, что противорѣчило многимъ его словамъ, сказаннымъ раньше Коленкуру. Долго Александръ тянулъ свой отвѣтъ Наполеону, откладывая его подъ разными предлогами, и, въ концѣ-концовъ, отвѣтъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ отрицательный. Причина отказа: разность вѣры, молодость Анны Павловны и, наконецъ, формальное препятствіе слѣдующаго характера: по кодексу Наполеона разведенному лицу запрещается жениться въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ развода. Какъ же можетъ нарушить это правило императоръ, обязанный стоять на стражѣ закона? Ясно, что этими замѣчаніями хотѣли дать Наполеону почетный отказъ [1]). Одновременно съ переговорами о бракѣ выдали замужъ вел. кн. Екатерину Павловну за герцога Ольденбургскаго, противника Наполеона, разсматривавшаго этотъ бракъ, какъ демонстрацію, направленную противъ него лично. Наполеонъ терпѣливо ждалъ отвѣта отъ Александра, но и его терпѣніе лопнуло отъ такой выжидательной политики, и когда въ государственномъ совѣтѣ по предложенію Наполеона вторично обсуждался

---

[1]) Собственно Марія Ѳеодоровна была готова дать согласіе на бракъ. Александръ только скрывался за спиной матери, не желая показать своихъ истинныхъ намѣреній.

вопросъ о второмъ его бракѣ, то сторонники брачныхъ связей съ русскимъ царствующимъ домомъ потерпѣли полное пораженіе, и австрійская партія торжествовала. Выборъ невѣсты былъ рѣшенъ, а согласіе, при посредствѣ Меттерниха, было получено еще раньше, чѣмъ отъ Коленкура былъ полученъ отрицательный отвѣтъ Александра относительно брачнаго проекта Наполеона.

Вѣнскій трактатъ 2 (14) октября 1809 г. произвелъ очень тяжелое впечатлѣніе на общество. Особенно оскорбляло то, что Наполеонъ далъ Александру въ видѣ подачки не область, а 400.000 душъ, какъ бывало у насъ цари награждали своихъ клевретовъ, да и принятіе земель, отнятыхъ у Австріи, которую правительство прямо или косвенно поддерживало, тоже ставилось въ вину Александру общественнымъ мнѣніемъ.

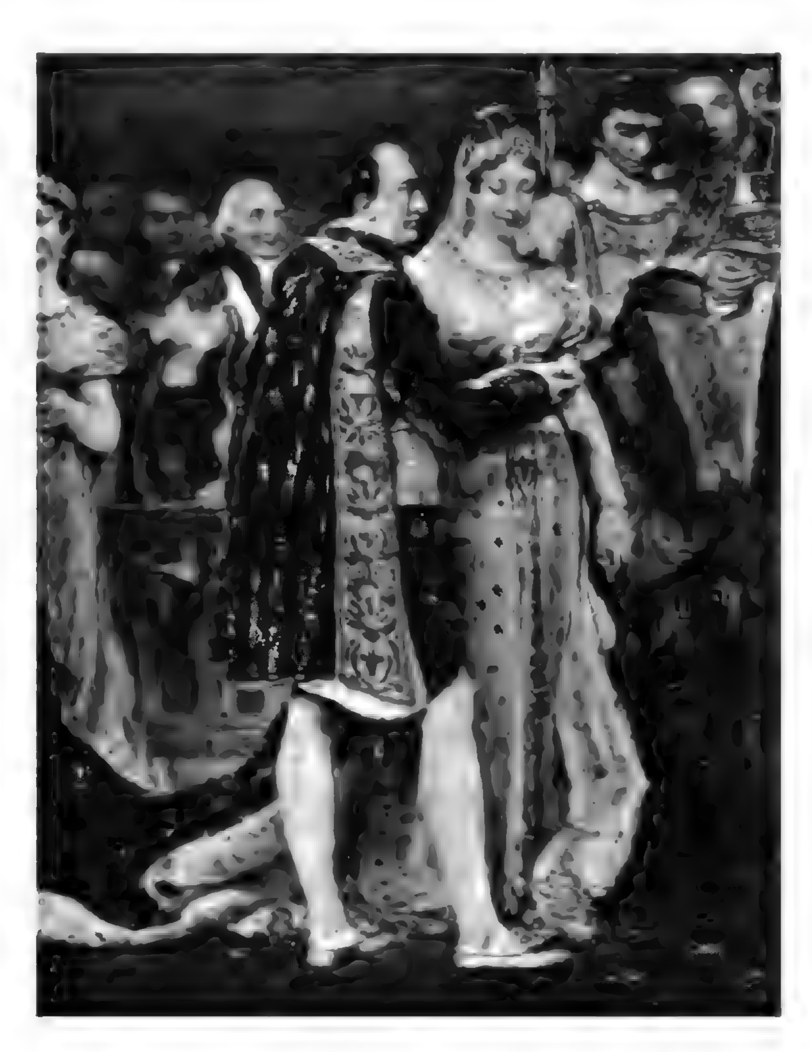
Возможность возстановленія Польши заставила Александра выдвинуть на первый планъ польскій вопросъ, и Александръ совмѣстно съ Коленкуромъ составилъ конвенцію, въ которой категорически заявлялось, что Польша никогда не будетъ возстановлена. Коленкуръ подписалъ ее 24 декабря 1809 г. (въ янв. 1810), но Наполеонъ не давалъ на нее никакого отвѣта, тѣмъ самымъ волнуя Александра и развивая въ немъ излишнюю подозрительность къ Наполеону, который въ то же время неоднократно говорилъ послу Куракину: «Надобно въ конецъ искоренить въ вашихъ областяхъ польскую горячку. Что касается меня, то я никогда не имѣлъ видовъ на Польшу и никогда не буду ихъ имѣть. Я желаю только вашего спокойствія. Что я сдѣлалъ для герцогства, то я долженъ былъ сдѣлать, чтобы дать ему существованіе, чтобы его укрѣпить». И, тѣмъ не менѣе, Наполеонъ не пожелалъ подписать составленную въ Петербургѣ конвенцію, въ которой также писалось, что «Польша», «поляки» никогда не будутъ употребляться въ публичныхъ актахъ Варшавскаго герцогства.

Отказъ въ ратификаціи конвенціи, несомнѣнно, смутилъ Александра, все время жившаго подъ угрозой Наполеона—возстановить Польшу. Тогда у Александра создается собственный проектъ возстановленія Польши, это должно было нанести рѣшительный ударъ затѣямъ Наполеона и привязать Варшавское герцогство къ Россіи. Свой проектъ возстановленія Польши Александръ довѣрилъ другу дѣтства кн. Адаму Чарторійскому, только и мечтавшему о возстановленіи политической самостоятельности своего отечества. Два мечтателя не учитывали ни заинтересованности Австріи и Пруссіи, ни Наполеона въ польскомъ вопросѣ и серьезно обсуждали политическія грезы Александра, сумѣвшаго очаровать кн. Адама и убѣдить его въ искренности своихъ чувствъ и симпатій къ несчастному польскому народу. Въ бесѣдѣ съ Чарторійскимъ Александръ выступаетъ сторонникомъ возстановленія Польши, видя въ ней авангардъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, что, однако, нисколько не мѣшало тому же Александру вести бесѣды съ Коленкуромъ совершенно иного характера. Одновременно ему былъ переданъ для пересылки Наполеону новый проектъ, ратификаціи котораго ждали отъ Наполеона, дабы тѣмъ самымъ прекратить всякія опасенія относительно возстановленія Польши. Но и новый проектъ договора, переданный Румянцевымъ Куракину,—встрѣтилъ въ Наполеонѣ отрицательное отношеніе. Онъ долгое время не давалъ никакого отвѣта, а затѣмъ пытался нѣсколько по-другому его редактировать, но на измѣненіе текста не соглашался

Александръ. Начиналась безконечная борьба изъ-за фразы. Собственно говоря, содержаніе и этого проекта мало въ чемъ отличалось отъ перваго—требовалось категорическое заявленіе, что Польша никогда не будетъ возстановлена. Эта настойчивость Александра поразила Наполеона. По его мнѣнію, она отражаетъ недовѣріе Александра къ Наполеону и его словамъ. Наполеонъ имѣлъ полную возможность возстановить Польшу послѣ Фридланда и Ваграма, и однако, это не было сдѣлано. И впослѣдствіи, въ письмахъ къ государю и въ заявленіи законодательному корпусу всегда говорилось, что возстановленіе Польши не входитъ въ его планы. Наполеонъ подъ разными предлогами уклонялся отъ отвѣта, и въ отвѣтъ на требованіе посла Куракина подписать русскій проектъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи далъ уклончивый отвѣтъ, ссылаясь на то, что «послѣ брака императора онъ очень рѣдко работаетъ вмѣстѣ съ нимъ и что мнѣніе императора относительно проекта ему неизвѣстно». Путешествіе Наполеона въ сѣверныя части имперіи тоже дало возможность отложить непріятный отвѣтъ. Но настоянія посла были слишкомъ категоричны, и медлить было нельзя.

Наполеонъ обращается съ весьма любезнымъ письмомъ къ Александру. Въ этомъ письмѣ нѣтъ ни одного слова о Польшѣ, но указаніе на то, что его политика остается вѣрна принципамъ, сообщеннымъ императору въ декабрѣ, являлось косвеннымъ отвѣтомъ на русскую ноту о Польшѣ. Александръ не довольствовался этимъ письмомъ, которое не имѣло значенія политическаго документа, и настойчиво требовалъ подписанія договора. Требованія Александра раздражали Наполеона, и при встрѣчѣ съ посломъ Наполеонъ говорилъ очень рѣзкимъ тономъ, указывая, какая пропасть выросла между двумя союзниками. «Что значитъ этотъ языкъ,—говорилъ Наполеонъ.—Россія хочетъ войны. Почему эти постоянныя жалобы? Зачѣмъ эти несправедливыя подозрѣнія? Россія готовится къ отпаденію. Я начну съ ней войну, лишь только она заключитъ миръ съ Англіей. Не Россія ли воспользовалась всѣми плодами союза? Не стала ли Финляндія русской провинціей, тогда какъ раньше при Екатеринѣ II не смѣли бы объ этомъ и мечтать? Безъ союза остались бы въ рукахъ Россіи Молдавія и Валахія? Какую пользу принесъ мнѣ союзъ? Помышалъ ли онъ войнѣ съ Австріей, благодаря которой задержались испанскія дѣла? Или союзу я обязанъ успѣхомъ въ войнѣ? Я не хочу возстановленія Польши. Я долженъ заботиться о Франціи, ея интересахъ, и я не возьмусь за оружіе раньше, чѣмъ меня принудятъ къ этому. Я не хочу себя безславить, говоря, что Польша никогда не будетъ возстановлена... Я не могу дать такого обязательства, направленнаго противъ людей, которые мнѣ ничего плохого не сдѣлали и которые мнѣ хорошо служили, постоянно выражая свою признательность и преданность по отношенію ко мнѣ!» Этотъ разговоръ окончательно убѣдилъ Александра въ необходимости разрыва съ Наполеономъ и военныхъ приготовленій, коими можно было сдержать стремленіе Наполеона возстановить Польшу. Тогда же ему сталъ извѣстенъ меморандумъ мин. иност. дѣлъ Шампаньи, составленный въ 1809 г., которымъ доказывалось, «что союзъ Франціи съ Россіей противенъ прямымъ выгодамъ Тюильрійскаго кабинета, потому что столь важное для него вліяніе на Швецію, Данію, Польшу, Турцію уничтожается преобладаніемъ, присвоеннымъ

русскими на сѣверѣ и востокѣ. И, кромѣ того, союзъ съ Россіей не можетъ принести пользы по отношенію къ Англіи и Австріи... Конечно, петербургскій кабинетъ можетъ стремиться временно къ ослабленію господства англичанъ на моряхъ, но онъ никогда не захочетъ уничтоженія ихъ колоніальной и торговой системы, питающей ихъ. Большая часть русскихъ продуктовъ такого свойства, что они могутъ найти сбытъ только въ Англіи, либо по милости англичанъ. Подобное же сближеніе между Россіей и Австріей существуетъ на Вислѣ и Дунаѣ, служащихъ проводниками русской торговли на материкѣ Европы. Напротивъ того, Франція связана съ Россіей только побочными выгодами: такой союзъ ненадеженъ, опасенъ для насъ и можетъ принести только пользу одной лишь Россійской имперіи». Такъ обѣ стороны готовились къ разрыву.



Женитьба Наполеона на Маріи-Луизѣ (Руге).

Параллельно перемѣнѣ въ отношеніяхъ Россіи и Франціи происходило сближеніе Австріи и Франціи. Наполеонъ неоднократно давалъ понять Меттерниху, что брачный союзъ будетъ имѣть для Австріи огромныя политическія послѣдствія. Онъ рисовалъ картину расширенія австрійскихъ владѣній за Дунаемъ, что должно было сдержать завоевательные аппетиты русскихъ, такъ какъ послѣднее противорѣчитъ не только интересамъ Франціи, но и Австріи. Меттернихъ съ вниманіемъ и благодарностью слушалъ слова властителя міра, но въ душѣ думалъ другое. Австрійскій дворъ примирился только по внѣшности и съ Вѣнскимъ миромъ и бракомъ Маріи-Луизы съ Наполеономъ. Онъ никогда не забывалъ двукратнаго политическаго униженія, нанесеннаго ему Наполеономъ, и только и думалъ о реваншѣ; поддерживая дружеское отношеніе съ Наполеономъ, австрійское правительство было очень расположено и къ Россіи,

открыто поддерживая съ нею сношенія и ничего не имѣя противъ кружка бывшаго посла Разумовскаго — штабъ-квартиры противниковъ Наполеона. Наполеонъ, конечно, былъ обо всемъ прекрасно освѣдомленъ. Эта агитація раздражала Наполеона. Такимъ состояніемъ духа Наполеона хотѣлъ воспользоваться Меттернихъ, подготовившій почву для австро-французскаго союза противъ Россіи. Меттернихъ осторожно намекалъ на своевременность ликвидаціи Эрфуртскаго трактата, чтобы спасти придунайскія княжества, а если нѣтъ, то не найдетъ ли возможнымъ французское правительство дѣйствовать въ этомъ направленіи совмѣстно съ австрійцами, если послѣдніе объявятъ войну Россіи. Наполеонъ не находилъ возможнымъ разрывъ союзныхъ обязательствъ, хотя и тяготился ими, какъ безусловно вредными для Франціи, но при этомъ прибавилъ: «Если вы хотите объявить войну Россіи, то я не буду вамъ препятствовать». Однако Австрія предпочла сохранить дружбу съ Россіей въ предчувствіи надвигавшейся грозы. Близость войны выдвигала вопросъ объ окончаніи турецкой войны, такъ какъ вести войну на два фронта, конечно, было немыслимо, и въ то же время русское правительство приступаетъ къ постройкѣ укрѣпленій на верховьяхъ Днѣпра и Западной Двины.

Разрывъ съ Россіей долженъ былъ совершенно измѣнить политическую карту Европы. Правда, въ этомъ проектѣ было много обманчивыхъ грезъ, но сущность его была вѣрна: въ случаѣ побѣды надъ Россіей Наполеонъ остается властителемъ всей Европы.

Политика Наполеона, проводимая силой, наносила существенный вредъ интересамъ націй. Континентальная система разорила Пруссію, Швецію, отчасти Россію, ею тяготились Австрія, Португалія, Голландія. Наполеонъ это предвидѣлъ, не даромъ онъ хотѣлъ военной оккупаціей заставить Пруссію остаться вѣрной системѣ [1]), сажалъ на престолы своихъ родственниковъ и маршаловъ и, въ концѣ-концовъ, уничтожилъ самостоятельность голландскаго короля; только положеніе дѣлъ въ Швеціи и было не въ пользу Наполеона. Послѣ Фридрихсгамскаго мира Швеція приступила къ континентальной системѣ, но по свойству ея вывоза и экономическаго состоянія страны это было для нея полнымъ разореніемъ. Всѣ въ Швеціи были недовольны, и хотя политическія выгоды заставляли ее наклониться въ сторону Франціи, экономически она была связана съ Англіей, что вскорѣ сказалось на ея внутреннихъ дѣлахъ... Такъ все болѣе и болѣе накоплялось недоразумѣній между союзниками, хотя, въ общемъ, до конца 1810 года отношенія были приличны.

Но близость разрыва чувствовалась обѣими сторонами. Континентальная система не достигла своей цѣли. Правда, она заставила Англію пережить тяжелыя времена, она разорила многихъ, и само государство переживало тяжелый финансовый кризисъ: лопались банки, конторы; но едва ли не больше страдала сама Россія вслѣдствіе полнаго прекращенія вывоза [2]), что и заставило правительство допускать въ гавани корабли подъ нейтральнымъ флагомъ и затѣмъ измѣнить таможенный тарифъ, довольно тяжело отразившійся на французскомъ экспортѣ. Всѣ эти мѣры собственно пре-

---

[1]) И для этого въ 1801 г. захватилъ устья рѣки Эльбы и старые ганзейскіе города.

[2]) См. ст. «Экономическое состояніе Россіи наканунѣ войны».

кращали дѣйствія Тильзита и Эрфурта, такъ какъ Франція теряла тѣ экономическія преимущества, которыя ей давалъ союзъ. Политическія измѣненія на картѣ Европы, въ родѣ присоединенія Голландіи и ганзеатическихъ городовъ а также маленькаго герцогства Ольденбургъ, владѣтель котораго былъ женатъ на сестрѣ государя, произвели сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Протестъ противъ дѣйствій Наполеона, какъ нарушающей существующіе трактаты, врученный Шампаньи Куракинымъ, не имѣлъ никакого успѣха. Александру казалось, что пора «оградить несчастное человѣчество отъ угрожающаго ему варварства». И теперь начинаются усиленныя приготовленія къ войнѣ, конечно, не скрывшіяся отъ вниманія Наполеона, котораго международное положеніе дѣлъ заставило отбросить Испанію и все свое вниманіе сосредоточить на сѣверѣ Европы. Одновременно съ приготовленіями къ войнѣ обѣ стороны ищутъ союзниковъ. Въ особенности нуждалась въ нихъ Россія, такъ какъ Наполеонъ могъ заставить своихъ вассаловъ оказать ему соотвѣтственную военную поддержку. Война фактически была рѣшена, но обѣ стороны притворялись миролюбивыми и до поры, до времени вели тонкую игру, прикрывая вооруженія любезностями и ничего не значащими дипломатическими улыбками.


Графъ К. В. Нессельроде. (Пис. Изабе).

Въ поискахъ за союзниками Александръ прежде всего обратилъ вниманіе на Польшу и Пруссію. Первая при извѣстныхъ условіяхъ можетъ перейти на сторону Россіи, если только отъ этого улучшится ея политическое положеніе. Во второй царила ненависть къ Наполеону, и господствующіе классы были настроены воинственно. Наполеонъ, не получая своевременно контрибуціи отъ Пруссіи, отказывался вывести свои войска

изъ крѣпостей на Одерѣ и довольно открыто высказывалъ желаніе пріобрѣсти вмѣсто контрибуціи Силезію. Такая близость ея къ Варшавскому герцогству создавала для Наполеона весьма цѣнную въ военномъ отношеніи базу противъ Россіи, а Пруссія, конечно, не могла желать дальнѣйшей ампутаціи. На этомъ и зиждилось единство интересовъ Россіи и Пруссіи. Обращая свое вниманіе на Польшу, Александръ сдѣлалъ Чарторійскаго посредникомъ между нимъ и поляками, обѣщая имъ возстановленіе ихъ отечества. Впрочемъ, первоначальное заявленіе государя носило довольно неопредѣленный характеръ и на поляковъ произвело весьма слабое впечатлѣніе, хотя расширеніе польской территоріи, со всѣхъ сторонъ окруженной сосѣдями, не дававшими выхода къ морю, было необходимо. Съ этой стороны слова государя могли имѣть извѣстное моральное значеніе, такъ какъ увеличенная въ размѣрахъ Польша могла бы расширить свою торговлю, направляя свое сырье на югъ и на западъ, и черезъ это поднять себя въ экономическомъ отношеніи. Когда польское общество отнеслось къ словамъ Александра недовѣрчиво, послѣдній сдѣлалъ категорическое заявленіе Чарторійскому о своемъ намѣреніи дать Польшѣ автономный и либеральный режимъ. Польша будетъ имѣть полную автономію, свое правительство, армію, туземную администрацію. Государь обѣщаетъ «дать такую либеральную конституцію, которая вполнѣ удовлетворитъ желаніе жителей». Связь Польши съ имперіей только личная: государь въ Россіи будетъ самодержавнымъ монархомъ, въ Варшавѣ— конституціоннымъ. Эти предложенія Александра, близкія къ принципамъ конституціи 3 мая 1791 года, могли быть пріемлемы со стороны польскаго общества, но серьезно къ нимъ не относились въ виду близости Наполеона и его политическаго вѣса. Къ тому же Александръ не сдѣлалъ ни одного публичнаго заявленія, которое могло бы заставить и французскую партію повѣрить искренности Александра и въ рѣшительную минуту превратить Польшу въ авангардъ Россіи въ ея борьбѣ съ Наполеономъ. Дѣйствительное положеніе дѣлъ противорѣчило политическимъ мечтамъ Александра, и поляки остались вѣрны Наполеону. Итакъ, Польша была для Россіи потеряна. Пруссія, реформированная Штейномъ и Гарденбергомъ, сильно страдала отъ контрибуціи и континентальной системы и въ то же время горѣла желаніемъ отомстить за Іену и Ауэрштедтъ. Образовавшіяся тайныя общества, бывшія подъ покровительствомъ правительства, поддерживали въ обществѣ воинственныя и націоналистическія чувства. Но и въ Пруссіи дипломатія Александра потерпѣла неудачу. Наполеонъ былъ сильнѣе желаній королевы Луизы и Гарденберга, и Пруссія осталась вѣрна Наполеону. И второй союзникъ ушелъ отъ Александра. На Австрію тоже нельзя было надѣяться, хотя дворъ и армія были за войну и союзъ съ Россіей: слишкомъ она была слаба и зависима отъ Наполеона, чтобы рѣшиться на союзъ съ Россіей. И Пруссія и Австрія могли оказаться хорошими союзниками только въ будущемъ, въ случаѣ перемѣны политической ситуаціи. Зато можно было разсчитывать на Швецію, которая постепенно склонялась въ сторону Англіи, и Бернадоту, ставшему наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, пришлось идти вслѣдъ за общественнымъ мнѣніемъ. Отъ прекратившагося вывоза товаровъ Швеція переживала серьезный экономическій кризизъ, и при такомъ по-

ложеніи дѣлъ реальные интересы должны были взять верхъ, что, конечно, учитывалось русскимъ правительствомъ. Предпринимались также попытки сближенія съ Англіей, но послѣдняя пока отнеслась холодно къ сдѣланнымъ предложеніямъ. Пока искали союзниковъ и предлагали Австріи вмѣсто Галиціи — незавоеванныя Валахію и часть Молдавіи, Чернышева отправили въ Парижъ, и тутъ-то лучше всего вскрывается двойственная позиція, занятая Александромъ. Еще раньше, не довѣряя Куракину, Александръ поручилъ К. В. Нессельроде, отправлявшемуся въ Парижъ по личнымъ дѣламъ, вступить въ личныя сношенія съ Талейраномъ и черезъ него, минуя посла, вести всѣ дипломатическія порученія. Когда Нессельроде явился къ Талейрану, онъ сказалъ: «Я пріѣхалъ изъ Петербурга. Офиціально я состою при князѣ Куракинѣ—на самомъ дѣлѣ, я аккредитованъ при васъ; я веду частную переписку съ императоромъ и привезъ отъ него частное письмо». Черезъ него Талейранъ и сообщалъ всѣ важныя дипломатическія новости, раскрывавшія полностью затаенные планы французскаго правительства. Когда послѣдніе выяснились, явилась необходимость въ открытыхъ переговорахъ. Для этого и послали Чернышева. Миссія Чернышева должна была разрѣшить «неразрѣшимыя» недоразумѣнія между Наполеономъ и Александромъ: на первомъ планѣ стоялъ польскій вопросъ— отъ Наполеона требовали подписанія польской конвенціи, а затѣмъ удовлетворенія герцога Ольденбургскаго за потерянныя имъ владѣнія. Согласіе на эти предложенія должно было укрѣпить союзъ. Наполеонъ прекрасно понялъ дипломатическій маневръ Александра и на всѣ увѣренія въ дружбѣ и искренности чувствъ оставался хладнокровнымъ.



А. И. Чернышевъ.

Въ апрѣлѣ 1811 года Чернышевъ вторично явился въ Парижъ съ собственноручнымъ письмомъ Александра по вопросу о недоразумѣніяхъ между Россіей и Франціей, но миссія его потерпѣла полное крушеніе, чего и слѣдовало ожидать. По существу она имѣла цѣлью позондировать почву и, если возможно, узнать планы Наполеона. Открыла она только одно, что Наполеонъ готовится и хочетъ войны. Чернышевъ, давая отчетъ о своей поѣздкѣ, настаиваетъ: 1) на скорѣйшемъ заключеніи мира съ Турціей, 2) на необходимости скорѣе вторгнуться въ Германію и привлечь на свою сторону Пруссію и угнетенные народы, 3) потребовать отъ Наполеона оставленія прусскихъ крѣпостей и вмѣсто Ольденбурга отдать Данцигъ съ округомъ, 4) продолжать переговоры, чтобы выиграть время въ ожиданіи еще большаго ослабленія Наполеона въ связи съ испанскими дѣлами. По существу — были осуществимы только первое

и четвертое предложенія. Второе же могло явиться программой для будущаго, но въ данное время являлось только политической утопіей. Положеніе Наполеона, благодаря испанскимъ дѣламъ, было не изъ блестящихъ, и уже это заставляло его переговорами поддерживать мнимую дружбу съ Россіей. Въ этомъ совпадали точки зрѣнія Чернышева и Наполеона, рѣшившаго въ этихъ цѣляхъ замѣнить Коленкура Лористономъ. Прощаясь съ французскимъ посломъ, который все время продолжалъ увѣрять Наполеона въ миролюбіи русскаго государя, Александръ сказалъ слѣдующія характерныя слова: «У меня нѣтъ такихъ генераловъ въ Россіи, я самъ не такой полководецъ и администраторъ, какъ Наполеонъ, но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ поступить съ нами, какъ съ голландцами и гамбургцами. Но увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю перваго выстрѣла. Я допущу васъ перейти Нѣманъ и самъ его не перейду. Будьте увѣрены, что я не объявлю вамъ войны; я не хочу войны; мой народъ, хотя и оскорбленъ отношеніями ко мнѣ вашего императора, но такъ же, какъ и я, не желаетъ войны, потому что онъ знакомъ съ ея опасностями. Но если на него нападутъ, то онъ сумѣетъ постоять за себя». Положеніе Наполеона къ началу 1811 года было не блестящее. Неудачная испанская кампанія отвлекала его вниманіе отъ средней Европы, заставляя въ то же время съ необыкновенной чуткостью прислушиваться къ настроенію европейскаго и французскаго общества. Континентальная система трещала по швамъ. Англія не просила о мирѣ и не думала сдаваться, хотя переживала тяжелые финансовый и экономическій кризисы. Россія отступила отъ принциповъ континентальной системы. Швеція готова была сблизиться съ Англіей. Въ эту же сторону смотрѣла и Пруссія. Конечно, при такомъ стеченіи обстоятельствъ Наполеонъ не могъ и думать о скоромъ началѣ кампаніи. Необходимо было позондировать своихъ «вассаловъ», убѣдиться въ ихъ вѣрности и потребовать отъ нихъ соотвѣтствующихъ вооруженій, а до тѣхъ поръ поддерживать фикцію дружескихъ отношеній съ Россіей. Это затруднительное положеніе было учтено державами.

Поддерживая мирныя отношенія съ Россіей, Наполеонъ, какъ и Александръ, вырабатывали планъ будущей войны, и оба пришли къ одному и тому же рѣшенію—цѣлесообразности наступательной войны. Кто первый осуществитъ свое намѣреніе—вотъ, конечно, какія думы могли волновать въ этотъ моментъ обоихъ союзниковъ.

Лористону, пріѣхавшему на смѣну Коленкура, пришлось увѣрять въ дружбѣ Наполеона и укрѣплять фактически прекратившій свое существованіе союзъ. Фальшивость положенія Лористона сказалась въ его отношеніяхъ къ Александру. Между государемъ и посломъ не было той сердечности, хотя и внѣшней, которая была въ отношеніяхъ съ Савари и Коленкуромъ. Государь часто не обращалъ на посла никакого вниманія и не удостоивалъ его разговоромъ. А если разговоры и бывали, то впечатлѣніе отъ нихъ оставалось непріятное.

Тѣмъ не менѣе, Лористонъ былъ убѣжденъ въ миролюбіи Александра и искренности его словъ и намѣреній и въ такомъ духѣ составлялъ свои донесенія Наполеону. Близость развязки чувствовалась, обѣ стороны

слишкомъ нервничали и волновались. Наполеонъ боялся, что русскіе начнутъ войну, и, при нѣкоторыхъ удачахъ, всѣ вѣрные вассалы перейдутъ на сторону Россіи. Александръ не рѣшался привести свои слова въ дѣйствіе и отдѣлывался только бряцаніемъ оружія, дрожа передъ мыслью о возможномъ возстановленіи Польши.

Несмотря на напряженное состояніе обѣихъ сторонъ, Румянцевъ снова дѣлаетъ попытку сговориться съ Наполеономъ. Онъ предложилъ потребовать отъ французскаго правительства въ видѣ компенсаціи за герцогство Ольденбургское часть Варшавскаго герцогства, съ присоединеніемъ къ Саксоніи Эрфурта съ округомъ. Но и это соглашеніе не состоялось.

Инцидентъ, происшедшій на аудіенціи (3) 15 августа 1811 года, лучше всего говорилъ, что Наполеономъ война была рѣшена, и что всякаго рода переговоры совершенно безполезны. Въ присутствіи всего дипломатическаго корпуса Наполеонъ около двухъ часовъ говорилъ съ Куракинымъ. Рѣчь его была очень рѣзка, опредѣленна и не допускала никакихъ кривотолкованій. Въ ней сказалось и оскорбленное самолюбіе и раздраженное состояніе духа, и въ то же время она была очень смѣла и дышала увѣренностью, хотя въ характеристикѣ внѣшней политики Россіи не было сказано ни одного слова, которое не было бы произнесено раньше. Заканчивая свою рѣчь, Наполеонъ сказалъ: «Вы надѣетесь на вашихъ союзниковъ. Гдѣ они? Не на австрійцевъ ли, съ которыми вели войну въ 1809 г. и у коихъ взяли область при заключеніи мира? Не на шведовъ ли, у которыхъ отняли Финляндію? Не на Пруссію ли, отъ которой отторгли часть владѣнія, несмотря на то, что были съ ней въ союзѣ? Пора намъ кончить эти споры. Императоръ Александръ и графъ Румянцевъ будутъ отвѣчать передъ лицомъ свѣта за всѣ бѣдствія, могущія постигнуть Европу въ случаѣ войны. Легко начать войну, но трудно опредѣлить, когда и чѣмъ она кончится. Напишите вашему императору о всемъ, что отъ меня слышали. Я увѣренъ, что онъ обсудитъ, какъ слѣдуетъ, наше общее дѣло».


Лористонъ (Жерара).

Слова Наполеона были немедленно сообщены посломъ императору, отвѣтившему Куракину, что это не охладитъ его дружественныхъ отношеній къ Наполеону, но онъ протестуетъ противъ тѣхъ словъ, гдѣ говорилось о его желаніи пріобрѣсти часть Варшавскаго герцогства. Онъ никогда и не думалъ о какомъ бы то ни было расширеніи границъ своей имперіи.

Разговоръ съ Куракинымъ—почти объявленіе войны, и дѣйствительно, съ этого времени обѣ стороны весьма интенсивно готовятся къ войнѣ. Во время этихъ приготовленій отъ Наполеона не скрылось воинственное настроеніе антифранцузской партіи Пруссіи во главѣ съ Гарденбергомъ,

боявшейся уничтоженія Пруссіи Наполеономъ. У Гарденберга является планъ заключенія коалиціи съ Россіей,—превратить Россію въ центръ, вокругъ котораго сплотятся націоналистическіе элементы Германіи. Письмо Гарденберга отъ 16 іюля заключало формальное предложеніе коалиціи при условіи, если русскія войска приблизятся до средины Пруссіи, что обезпечивало ее отъ всякихъ опасностей со стороны. Съ этой цѣлью и Шарнгорстъ поѣхалъ въ Царское Село, но переговоры кончились ничѣмъ. Прусскій проектъ показался фантастическимъ даже Александру. Къ тому же: Пруссія требовала очень многаго и въ то же время, съ своей стороны, ничего не давала. Страхи прусскихъ патріотовъ относительно намѣреній Наполеона по поводу Пруссіи были довольно преувеличенными. У Наполеона не было намѣренія уничтожить Пруссію, не даромъ австрійскій проектъ раздѣла Пруссіи не встрѣтилъ въ Наполеонѣ сочувствія. Для Наполеона было выгоднѣе заключить союзъ съ Пруссіей и заставить ее принять участіе въ походѣ. Да и прусскому королю приходилось отказаться отъ своихъ политическихъ мечтаній и согласиться на заключеніе союзнаго договора съ Франціей, о чемъ 24 февр. (7 марта) 1812 года Фридрихъ-Вильгельмъ III увѣдомилъ Александра.

Австрійское правительство, руководимое Меттернихомъ, не колебалось ни одной минуты: 2 (14) марта 1812 г. заключило договоръ съ Франціей. Слова Наполеона о полной изолированности почти оправдались, такъ какъ Александръ нашелъ союзника лишь въ Бернадотѣ. Удачныя движенія на Дунаѣ привели къ желанному миру съ Турціей 16 (28) мая [1]), хотя его условія и не соотвѣтствовали дѣйствительнымъ намѣреніямъ правительства. Готовясь къ войнѣ, правительство почти стояло на реальной почвѣ и забывало о своихъ прежнихъ фантастическихъ планахъ. Впрочемъ, послѣдніе иногда возрождались съ новой силой. Такъ, посылая Чичагова въ княжества, Александръ далъ ему собственноручную инструкцію, въ которой намѣчалъ планъ дѣйствій Россіи среди славянскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ для возбужденія ихъ противъ Австріи за ея «коварное» поведеніе. Изъ сербовъ, венгровъ, босняковъ, далматцевъ, черногорцевъ, кроатовъ, иллирійцевъ образуется армія, которая будетъ серьезно угрожать правому крылу французской арміи, въ результатѣ чего будетъ завоеваніе Босніи, Далмаціи и Кроаціи и захватъ Тріеста, и тогда, установивъ сношенія съ англичанами, нужно стремиться пробраться въ Тироль и Швейцарію. Конечно, теоретически все это было умно и цѣлесообразно, но, въ общемъ, весь этотъ проектъ—только одна фантазія. Первые мѣсяцы 1812 года прошли въ приготовленіяхъ къ войнѣ—собиранію арміи, ея передвиженіяхъ, снабженіи ея необходимыми припасами. Къ концу мая всѣ необходимыя приготовленія были сдѣланы, и обѣ стороны считали себя готовыми къ войнѣ, и чрезвычайно было затруднительное положеніе Куракина, который, не получая никакихъ новыхъ инструкцій отъ правительства, попрежнему долженъ былъ поддерживать двойственный союзъ, на который уже, однако, никто не обращалъ никакого вниманія. Куракинъ постоянно во всѣхъ кругахъ чувствовалъ враждебное къ себѣ отношеніе и въ то же время былъ лишенъ возможности такъ или

[1]) См. ст. „Турція и Россія“.

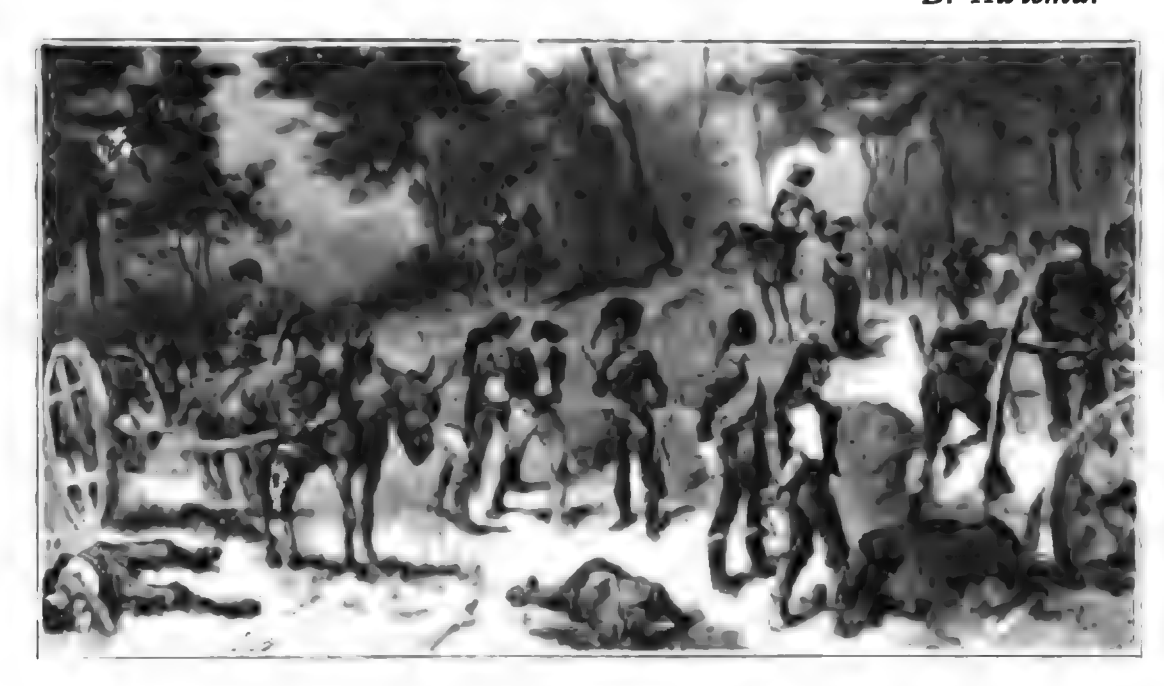
иначе реагировать на это. Атмосфера все сгущалась и сгущалась, и ультиматумъ русскаго правительства 24 апрѣля являлся первымъ вѣстникомъ войны. Куракинъ въ частной аудіенціи въ Сенъ-Клу представилъ его Наполеону, который при его чтеніи не стѣснялся ни въ словахъ, ни въ выраженіяхъ и, вообще, не скрывалъ своихъ негодующихъ чувствъ, овладѣвшихъ имъ. Но разрыва въ данный моментъ онъ не хотѣлъ и, выразивъ принципіальное согласіе на удовлетвореніе требованій Россіи въ духѣ апрѣльскаго ультиматума, Наполеонъ въ то же время, тайно отъ посла, послалъ въ Вильну своего адъютанта де-Нарбонна, раньше посланнаго въ Пруссію слѣдить за ея вооруженіями. Онъ долженъ былъ отвезти письмо государю и отвѣтъ герцога Бассано, руководителя внѣшней политики Франціи, Румянцеву и попутно познакомиться съ движеніями русской арміи и вообще военными приготовленіями Россіи. Кромѣ того, онъ долженъ былъ увѣрить Александра въ дружбѣ Наполеона. И письмо послѣдняго къ государю говорило о томъ же, хотя Наполеонъ не скрывалъ серьезности положенія дѣлъ, но говорилъ также о своемъ желаніи мира. Пока блестящій адъютантъ исполнялъ свое дипломатическое порученіе, недалекое отъ шпіонства, съ Куракинымъ вели переговоры и, по видимости, во всемъ уступали, соглашаясь на эвакуацію Пруссіи и выводъ гарнизона изъ Данцига. Куракинъ, противъ своего обыкновенія, съ жаромъ отнесся къ работѣ и выработкѣ текста примирительнаго договора, будучи увѣренъ въ сохраненіи мира и чрезвычайно высоко оцѣнивая свою историческую роль. Но скоро и Куракинъ узналъ истину, и негодованіе овладѣло имъ отъ такой двуличной политики. Первое время онъ потребовалъ выдачи паспорта, что означало объявленіе войны, хотя на это Куракинъ не имѣлъ никакихъ прямыхъ указаній правительства. Наполеонъ ожидалъ пріѣзда своего адъютанта и поручилъ своимъ министрамъ пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы заставить Куракина отказаться отъ своего заявленія. Въ концѣ-концовъ, Куракинъ сдался, и объявленіе войны было отсрочено. Самъ же Наполеонъ, пока пытались уладить инцидентъ съ русскимъ посломъ, отправился въ Дрезденъ вмѣстѣ съ женою. Это было 9 мая. Началась лихорадочная работа по подготовкѣ и обученію арміи. Онъ хотѣлъ сразу нанести ударъ Россіи, а потомъ возстановить Польшу въ видѣ благодарности за оказанныя ему польскимъ народомъ услуги. Александръ тоже не дремалъ. Оставивъ столицу, онъ приближался къ Вильнѣ, гдѣ тоже были собраны войска, и гдѣ тоже происходили упражненія, подобно дрезденскимъ.

Наполеонъ былъ въ Дрезденѣ окруженъ свитой королей и принцевъ, подобострастно себя державшихъ, но въ то же время его ненавидѣвшихъ.

Всѣ оскорбленные и униженные Наполеономъ сплотились вокругъ Александра: всѣ они дышали ненавистью и къ Наполеону, и къ революціи. Они мечтали не только о сверженіи Наполеона, но и о подавленіи революціи. Рядомъ со Штейномъ, котораго Александръ приглашалъ въ Россію для борьбы за либеральныя начала, подавляемыя Наполеономъ, были чистѣйшіе реакціонеры, враги французской революціи. Ихъ злобное шипѣніе разжигало въ Александрѣ непріязнь къ Наполеону, ихъ вкрадчивая лесть еще болѣе развивала самолюбіе монарха, привыкшаго играть всегда и вездѣ первую роль и выступавшаго въ качествѣ защитника «правъ и

свободы» угнетенныхъ людей. Реакціонная клика давала предполагаемой войнѣ совсѣмъ другой тонъ. Борьба шла не противъ угнетателя народовъ во имя національныхъ интересовъ, затронутыхъ Наполеономъ, и не во имя политическаго равновѣсія, нарушеннаго политикой Наполеона.

Предстоящая борьба во имя «порядка и законности» принимала характеръ борьбы абсолютическихъ идей и идей, выдвинутыхъ революціей, столь ненавистныхъ для эмигрантовъ. Побѣда Россіи—это не только побѣда одной націи надъ другой—это разгромъ революціонной Франціи, разгромъ демократіи и торжество стараго порядка. Вотъ почему весь міръ слѣдилъ за готовящейся борьбой, а передъ ней и борьба съ Англіей отступала на задній планъ. 24 іюня Наполеонъ перешелъ Нѣманъ. *В. Пичета.*



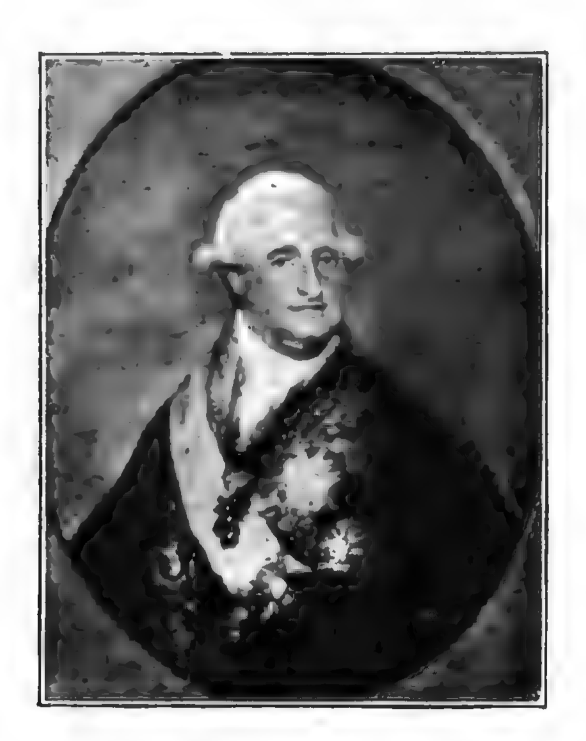
Плѣнные испанскіе инсургенты (катр. Sergent).

IV. Наполеонъ и Испанія.

Проф. И. В. Лучицкаго.

Съ самаго ранняго утра 2 мая 1808 г. площадь передъ королевскимъ дворцомъ въ Мадридѣ стала наполняться народомъ. Туда стекались лица всевозможныхъ классовъ, званій и состояній. Тутъ были и мужчины, и масса женщинъ и дѣтей, потомки тѣхъ кастильцевъ, которые нѣкогда создали Испанію, вынесли на своихъ плечахъ монархію, долженствовавшую олицетворить собою страну,—монархію, сдѣлавшуюся для нихъ предметомъ культа. Сильное волненіе царило среди толпы,—волненіе, уже въ теченіе ряда дней овладѣвшее столицей, сказавшееся уже въ рядѣ вспышекъ, сбо-

рищъ на улицахъ и площадяхъ Мадрида. Предъ главнымъ входомъ во дворецъ стояли готовыя къ отъѣзду придворныя кареты; было извѣстно, что по приказу Мюрата, командовавшаго французскими войсками, занявшими большую часть Испаніи и Мадридъ, должны были выѣхать во Францію королева Этруріи съ дѣтьми и затѣмъ оба инфанта, донъ Антоніо и донъ Франциско, послѣдніе представители испанской монархіи. Отрекшійся отъ престола Карлъ IV съ женой уже были въ Байоннѣ. Туда же уѣхалъ и новый король, Фердинандъ, сдѣлавшійся героемъ въ глазахъ кастильцевъ, олицетвореніемъ всего величія прошлаго, надеждой будущаго,—король, которому еще недавно Мадридъ устроилъ торжественную встрѣчу, усталъ коврами его путь во дворецъ, провожалъ его восторженными и радостными криками. А въ это время чужеземцы наводняли страну, весь Мадридъ былъ обложенъ французскими войсками, каждое воскресенье на Прадо происходили парады и смотры, въ монастырѣ кармелитовъ Мюратъ совершалъ торжественныя службы, а улица Алькала и площадь Puerto del Sol наводнялись солдатами французской арміи, не церемонившейся съ мадридской публикой.



Карлъ IV, король испанскій (Гойя).

Спокойно смотрѣла толпа на отъѣздъ королевы Этруріи. Она была въ глазахъ кастильцевъ чужестранкой, ходили упорные слухи о ея сношеніяхъ съ Мюратомъ, ея интригахъ. Помѣхи къ отъѣзду не было. Все вниманіе приковывали двѣ кареты, которыя должны были увезти инфантовъ, и едва онѣ появились, неистовые крики поднялись въ толпѣ, слышался плачъ и рыданія, возгласы женщинъ: «ихъ увозятъ отъ насъ, ихъ увозятъ отъ насъ», и въ ту минуту, когда экипажи должны были тронуться въ путь, на площади появился одинъ изъ адъютантовъ Мюрата, Лагранжъ, посланный Мюратомъ для наблюденія за отъѣздомъ членовъ королевской семьи и за настроеніемъ толпы. Все раздраженіе, царившее среди населенія Мадрида, вся ненависть къ чужеземцамъ, увозящимъ все, что было наиболѣе драгоцѣннымъ въ глазахъ кастильцевъ, въ одно мгновеніе нашли исходъ. Съ криками ярости толпа набросилась на Лагранжа и онъ былъ бы убитъ, если бы его не защитилъ капитанъ валлонской гвардіи, закрывшій его собою отъ ярости толпы. Еще болѣе возмущенная толпа набросилась на нихъ обоихъ, и прибывшему французскому патрулю съ трудомъ удалось вырвать обѣ жертвы народной ненависти изъ рукъ разъяренной толпы. Мюратъ былъ оповѣщенъ о происходившемъ на площади, и нѣсколько минутъ спустя, когда толпа продолжала преграждать путь каретамъ, батальонъ французскихъ солдатъ съ 2 пушками явился

со стороны дворца. Безъ малѣйшаго предупрежденія раздались выстрѣлы въ толпу, въ ужасѣ и смятеніи разбѣжавшуюся по разнымъ улицамъ и кварталамъ Мадрида, разнося вѣсть о кровавомъ избіеніи. Мюратъ исполнилъ приказъ, данный еще заранѣе предусмотрительнымъ Наполеономъ, предписавшимъ Мюрату доставить хотя бы съ помощью насилія королевскую семью въ Байонну и моментально подавить мятежъ, буде онъ вспыхнетъ.

Но расчетъ оказался невѣрнымъ. Толпа разбѣжалась, препятствій къ увозу членовъ королевской семьи не было болѣе, но то, что произошло на площади, вызвало въ населеніи Мадрида чувство ярости и негодованія. Едва сдѣлался извѣстнымъ фактъ избіенія толпы на площади, какъ все населеніе поголовно схватилось за оружіе. Началось уже настоящее возстаніе, и вся ненависть обрушилась на французскихъ солдатъ. За убитыхъ на площади платились французскіе солдаты, въ рукахъ которыхъ было оружіе. Ихъ избивали и на улицахъ и въ домахъ. Пощады не было. Щадили и отводили въ плѣнъ только такихъ, у которыхъ не оказывалось оружія. Вскорѣ главныя улицы Майоръ, Алькала, Монтеро и Ласъ-Карретасъ были въ рукахъ возставшихъ. Мадридъ, казалось, вновь очутился во власти народа, и жители Мадрида готовились торжествовать побѣду, такъ силенъ и успѣшенъ былъ натискъ толпы. Но побѣда длилась недолго.

По приказу Мюрата значительныя силы: часть гвардіи, нѣсколько отрядовъ кавалеріи съ пушками были двинуты на Мадридъ и быстро овладѣли улицей Алькала и затѣмъ Санъ-Херонимо. Схватки съ толпой были жаркія, но сопротивленіе было сломлено. Польскіе кавалеристы и мамелюки дрались въ первыхъ рядахъ, никому не давая пощады, и затѣмъ, по приказу генераловъ Гильо и Добрэ, бросились внутрь домовъ подъ предлогомъ, что изъ нихъ раздавались выстрѣлы, производя повсюду во всѣхъ почти домахъ настоящіе грабежи, не щадя ни пола, ни возраста. А на другихъ улицахъ шла ожесточенная борьба. Жители Мадрида дрались съ остервенѣніемъ, не щадя жизни. Громъ выстрѣловъ не прекращался ни на минуту. Вооруженные жители Мадрида перебѣгали съ одной улицы на другую, прятались за углы домовъ, непрерывно осыпали выстрѣлами надвигавшуюся армію, цѣлясь въ офицеровъ и пытаясь вывести ихъ изъ строя.

Борьба длилась въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, борьба упорная, сопровождавшаяся всѣми ужасами уличной борьбы. Дралось все населеніе, но оставался спокойнымъ тотъ небольшой гарнизонъ, который французы оставили въ Мадридѣ и который насчитывалъ около 3 тыс. человѣкъ. Правительственная хунта, въ руки которой король Фердинандъ передалъ управленіе Испаніей, настаивала на необходимости сдерживать войска, и по ея предписанію генералъ-капитанъ Негрете издалъ приказъ, воспрещавшій гарнизону покидать казармы. Напрасно нѣкоторые изъ горожанъ Мадрида пытались возбудить войска, вызвать ихъ на борьбу съ чужеземцами. Усилія ихъ были напрасны. Мольбы ихъ, обращенныя къ артиллеріи, стоявшей въ кварталѣ de las Maravillas, не имѣли успѣха: солдаты отказались выдать возставшимъ пушки. Только къ концу уличной борьбы, когда въ артиллерійской казармѣ разнесся слухъ, что французы

овладѣли казармами другихъ частей гарнизона, артиллеристы, наконецъ, рѣшились принять участіе въ борьбѣ. Были вывезены 3 пушки и подъ командой 2 офицеровъ, Веларде и Дависа, къ которымъ присоединился отрядъ пѣхоты съ Рюисомъ во главѣ; отрядъ, подкрѣпленный еще уцѣлѣвшими возставшими, вступилъ въ бой и оттѣснилъ наступавшихъ французовъ, даже забралъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ плѣнъ. Но выступленіе генерала Леграна, командовавшаго отрядомъ, стоявшимъ подлѣ монастыря Санъ-Бернардино, рѣшило исходъ борьбы. Французы кинулись въ штыки и малочисленный отрядъ не выдержалъ натиска. Рюисъ былъ тяжело раненъ при самомъ началѣ борьбы, Веларде былъ убитъ артиллерійскими снарядами, и отрядъ, оставившій значительное количество убитыми и ранеными, вынужденъ былъ бѣжать. Послѣднее сопротивленіе было сломлено: Мадридъ былъ у ногъ побѣдителя, начавшаго тотчасъ же жестокую и безпощадную расправу съ разбитымъ и подавленнымъ населеніемъ. Напрасно правительственная хунта умоляла Мюрата о пощадѣ. Ея усилія были тщетны: требовался хорошій примѣръ, чтобы создать успокоеніе въ Мадридѣ и странѣ, подготовить почву для новой династіи, уже намѣченной Наполеономъ для Испаніи. Въ зданіи почты собралась военно-судная комиссія, съ усиленной быстротой выносившая приговоры всѣмъ захваченнымъ, всѣмъ заподозрѣннымъ,—всѣмъ, на кого поступали доносы и донесенія. Судъ произносилъ приговоры безъ подсудимыхъ. Приговоры сообщались командѣ, и цѣлыми кучами, тутъ же на улицѣ, осужденные разстрѣливались. Не мало было такихъ, которые были еще живы: ихъ оставляли умирать: было много дѣла и безъ нихъ. Къ вечеру Мадридъ былъ спокоенъ спокойствіемъ могилы. Въ Мадридѣ и въ странѣ было введено осадное положеніе. Обязательное постановленіе гласило, что, у кого будетъ найдено оружіе послѣ срока, назначеннаго для сдачи его, или, кто остановится на улицѣ въ сообществѣ больше 6 человѣкъ, тотъ будетъ немедленно разстрѣлянъ. Городъ или село, гдѣ окажется убитымъ французскій солдатъ, подвергнутся сожженію. Мадридъ былъ объятъ ужасомъ. Всѣ власти, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались выказать свою полную покорность побѣдителю. Инквизиціонный трибуналъ превзошелъ всѣхъ. Онъ вынесъ суровое осужденіе всѣмъ «революціоннымъ выходкамъ, которыя, прикрываясь маской патріотизма и любви къ королю, подрывали узы повиновенія, на которыя опирается вѣрность народовъ». Лишь правительству, гласитъ актъ инквизиціи, подобаетъ «руководить патріотизмомъ».



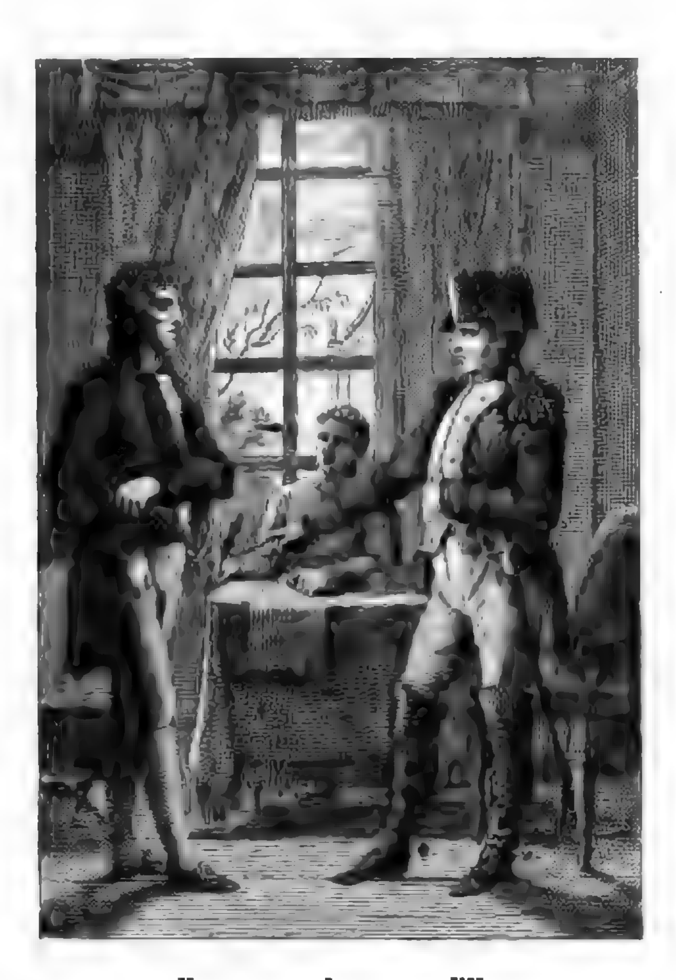
Фердинандъ VII (Гойя).

Въ то время, какъ мадридскій мятежъ былъ подавленъ и возмутившихся подвергли разстрѣламъ, въ маленькомъ городкѣ южной Франціи происходили сцены иного рода, иного значенія и характера. Еще въ концѣ апрѣля въ Байонну съѣхалась вся династія испанская въ лицѣ Карла IV, его жены и короля Фердинанда. Прибылъ сюда же и Наполеонъ, и здѣсь судьба испанской монархіи была рѣшена. Курьеръ, посланный Мюратомъ, привезъ извѣстіе о возстаніи Мадрида и о подавленіи мятежа, и Наполеонъ, давно уже рѣшившій овладѣть Испаніей и покончить съ Бурбонами, царившими въ Испаніи, воспользовался полученными вѣстями. Въ 5 часовъ 5 мая было назначено торжественное собраніе, на которое были приглашены Карлъ IV и всѣ явившіеся въ Байонну по требованію Наполеона представители испанскаго народа. Наполеонъ сообщилъ о всемъ происшедшемъ въ Мадридѣ и тотчасъ же приказалъ пригласить въ собраніе находившагося уже въ Байоннѣ и приглашеннаго туда имъ же, Наполеономъ, испанскаго короля Фердинанда, объявленнаго королемъ въ силу отреченія отъ престола бывшаго короля Карла IV. Просьба Наполеона, вѣрнѣе, требованіе его, обращенное къ отцу и матери короля Фердинанда: образумить мятежнаго сына, виновника событій 2 мая, были болье, чѣмъ выполнены. Едва появился Фердинандъ, какъ Карлъ IV и королева Марія-Луиза съ бѣшенствомъ накинулись на сына. Его осыпали ругательствами, обвиняли въ подстрекательствѣ; выраженія «измѣнникъ», «предатель» сыпались каждое мгновеніе. Ему напоминали объ его заговорѣ, когда, съ приближенными ему лицами, онъ задумалъ захватить тронъ нѣсколько времени тому назадъ. Съ особеннымъ бѣшенствомъ нападала на сына мать, не прощавшая ему его образа дѣйствій по отношенію къ ея любимцу и любовнику, Годою, который изъ-за Фердинанда едва не поплатился жизнью, и Карлъ IV въ унисонъ съ женой не щадилъ выраженій, чтобы заклеймить поведеніе сына по отношенію къ Годою, котораго онъ называлъ «Мануйленкомъ», безъ котораго и онъ не могъ жить и существовать. Разыгравшаяся сцена была ужасна. Она навела ужасъ на самого Наполеона. «Что это за люди», вотъ что могъ онъ сказать послѣ этой сцены, когда вернулся изъ собранія къ себѣ въ замокъ.

Трусливый и вѣроломный, только что передъ этой сценой пославшій секретный приказъ хунтѣ начать враждебныя дѣйствія противъ французовъ, Фердинандъ теперь сразу палъ духомъ, дошелъ до полнаго униженія. Испугъ его былъ еще большимъ, чѣмъ тогда, когда король, отецъ его, произведя въ мартѣ 1808 г. личный обыскъ въ его комнатѣ, нашелъ компрометирующія его бумаги. Подъ вліяніемъ страха быть казненнымъ, вѣря угрозамъ такого рода, онъ написалъ самое унизительное письмо Карлу IV,—письмо, въ которомъ онъ отрекался отъ престола въ пользу своего отца. Цѣль Наполеона была достигнута: актъ Фердинанда объ отказѣ былъ актомъ «добровольнымъ», актомъ сыновней почтительности. Получить второй актъ было нетрудно: все было заранѣе подготовлено и предусмотрѣно. Въ тотъ же день составленъ былъ и другой «добровольный» актъ,—актъ отреченія уже разъ отрекшагося отъ короны въ пользу сына и вновь на мгновенье сдѣлавшагося испанскимъ королемъ, Карла IV. Торжественной грамотой, составленной, по рецепту Наполеона, любимцемъ Годоемъ, новый король уступалъ всѣ свои королевскія права императору

Наполеону, «какъ единственному государю, который способенъ, при нынѣшнихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, возстановить порядокъ въ странѣ».

Династія Бурбоновъ перестала царствовать въ Испаніи, угроза Наполеона,—угроза, высказанная имъ еще въ 1801 г.: «если это (неподчиненіе волѣ Франціи) будетъ продолжаться, то, наконецъ, ударитъ молнія», теперь приведена была въ Испаніи. Эксъ-королю Карлу IV былъ данъ, въ качествѣ резиденціи, замокъ въ Компьенѣ съ содержаніемъ въ 30 милл. реаловъ. Смиловался Наполеонъ и надъ Фердинандомъ. Ему тоже была отведена резиденція, а Талейрану данъ былъ характерный приказъ: «Я желаю, — писалъ Наполеонъ Талейрану,—чтобы все было сдѣлано, чтобы забавить принца», и предлагалъ Талейрану устроить въ замкѣ театръ, послать туда жену Талейрана и 4 — 5 дамъ; сверхъ того, послать и хорошенькую и надежную женщину, къ которой могъ бы привязаться астурійскій принцъ, «ибо, — писалъ онъ, — для меня чрезвычайно важно, чтобы онъ не надѣлалъ глупостей. Поэтому нужно, чтобы его забавляли и занимали». Безпокойство было, однако, безполезнымъ. Фердинанду прислана была изъ Испаніи крупная сумма въ видахъ дать ему возможность бѣжать и вернуться на родину. Но Фердинандъ не сдѣлалъ «глупости»: деньги были имъ взяты, но о бѣгствѣ онъ и не думалъ. У него зародился планъ иной: получить руку племянницы Наполеона.



Наполеонъ и Фердинандъ VII.
„Prince, l'abdication ou la mort" (Beautés de l'histoire des Espagnes. Paris 1815).

Оставалось для довершенія начатаго дѣла одно: оформить сдѣланное Наполеономъ пріобрѣтеніе цѣлой страны, владѣвшей и большей частью Америки. И цѣлый рядъ мѣръ принимается съ этой цѣлью. Къ испанцамъ отправлено воззваніе, разсчитанное на привлеченіе ихъ симпатій къ будущему режиму. «Испанцы, — говорилъ Наполеонъ въ своемъ воззваніи,— послѣ долгой агоніи вамъ грозила гибель. Я вижу ваши страданія и желаю положить имъ конецъ... Ваши короли уступили мнѣ свои права на испанскую корону. Но я не хочу властвовать надъ вами. Я желаю

одного: пріобрѣсти право на вѣчную благодарность и вѣчную любовь вашихъ потомковъ. Ваша монархія устарѣла и цѣль моя — обновить ее. Я постараюсь исправить ваши учрежденія, доставить вамъ благодѣянія реформъ. Вамъ дана будетъ конституція, которая объединитъ благодѣтельную власть государя съ свободой и правами народа. Вспомните, наконецъ, чѣмъ вы были и чѣмъ стали теперь. Вѣрьте будущему, потому что я хочу, чтобы память обо мнѣ дошла до отдаленныхъ вашихъ потомковъ и чтобы они признали меня возродителемъ вашей родины». Но въ то же время были приняты имъ и болѣе практичныя мѣры. Мюрату отданъ приказъ созвать хунту, кастильскій совѣтъ и мадридскую думу и запросить о томъ, кого изъ членовъ императорской семьи они желали бы видѣть своимъ королемъ. Приказъ былъ исполненъ такъ, какъ того желалъ Наполеонъ, намѣтившій уже въ короли Испаніи своего старшаго брата, тогда неаполитанскаго короля, Іосифа, и власти Испаніи въ раболѣпныхъ выраженіяхъ прислали ожидаемый отвѣтъ. «Короли въ Байоннѣ,—гласило рѣшеніе соединеннаго собранія,—не могли ярче доказать свою привязанность къ народу, какъ признаніемъ того, что счастье Испаніи всецѣло связано съ политикой императора. Долой Пиренеи — въ этомъ завѣтное желаніе истинно-испанскихъ испанцевъ. Всякій принцъ королевской семьи далъ бы Испаніи ручательство въ могуществѣ. Но Испаніи принадлежитъ право просить о привилегіи. Ея тронъ стоитъ на большой высотѣ, и возсѣдать на немъ надлежало бы старшему изъ высокихъ братьевъ вашего величества. Его мудрость и добродѣтель внушаютъ всѣмъ чувства уваженія и восторга». Наполеону оставалось лишь снизойти къ мольбамъ «представителей испанскаго народа», но ему мало было и акта «добровольнаго» отреченія испанскихъ королей и раболѣпнаго преклоненія передъ его волей испанскаго высшаго чиновничества. Посланіе кастильскаго совѣта было лишь признаніемъ факта. Наполеонъ желалъ, чтобы торжественно было признано страной и самое право, и, по его приказу, Мюратъ направилъ въ Байонну представителей народа, долженствовавшихъ изобразить собою не то древніе кортесы, не то собраніе нотаблей. Вызваны были представители всѣхъ brazos, сословій: духовенства, дворянства въ лицѣ 10 грандовъ и рыцарства, средняго сословія въ видѣ депутатовъ отъ городовъ (37), затѣмъ депутаты отъ колоній и представители арміи и флота, университетовъ, торговыхъ компаній, въ общемъ числѣ 150 человѣкъ. Вся Испанія, по мысли Наполеона, должна была сказать свое слово. О какой-либо самостоятельности рѣшеній собранія, понятно, не могло быть и рѣчи: указаніе, сдѣланное однимъ изъ приверженныхъ Наполеону лицъ, на опасность созванія кортесовъ въ чужой странѣ, а не въ самой Испаніи,—опасность въ смыслѣ возбужденія сомнѣній въ народѣ относительно законности рѣшеній собранія, было оставлено безъ вниманія, какъ безъ вниманія остался и тотъ фактъ, что изъ 150 явились только 91 депутатъ. Имъ предложено было утвердить выборъ новаго короля, въ лицѣ Іосифа Бонапарта, бывшаго неаполитанскаго короля, а затѣмъ 20 іюня 1808 г. была и выработана и октроирована Наполеономъ та конституція, которая, согласно обѣщанію Наполеона въ его манифестѣ къ испанской націи, должна была оживить и осчастливить страну. Прочтена она была болѣе для свѣдѣнія: словесное ея об-



Взятіе Сарагоссы 27 января 1809 г. (Литографія Адама).

сужденіе было воспрещено, ибо «обсужденіе только запутало бы и затемнило дѣло»; депутатамъ предоставлено было право представить имѣвшіяся замѣчанія, которыя должна была разсмотрѣть спеціальная комиссія. 20 іюня состоялось внесеніе проекта, а уже къ 24 все было принято и готово, а 6 іюля всѣ кортесы приняли присягу новой конституціи. То былъ сколокъ съ знаменитой конституціи 18 флореаля XII г., только ухудшенной для пользы Испаніи. Единственной уступкой «испанскому національному духу» было лишь заявленіе, внесенное въ текстъ и гласившее, что католическая религія есть единственно господствующая религія, при которой нетерпимы всякія иныя. Въ остальномъ все почти было ново для страны, все октроировано по французскимъ образцамъ. Единственнымъ органомъ народнаго представительства была палата депутатовъ, которая должна была формироваться по образцу байонскаго собранія. Въ нее входило 25 архіепископовъ и епископовъ, 25 представителей дворянства, всѣ по назначенію короля, 40 депутатовъ отъ областей (выбранныхъ изъ членовъ хунтъ), 30 депутатовъ отъ городовъ (изъ муниципальныхъ совѣтниковъ), 22 представителя американскихъ колоній. Сверхъ того, 15 депутатовъ отъ университетовъ и торговыхъ палатъ по назначенію отъ короны. На 172 депутата 80 были по назначенію. Компетенція и права собранія опредѣлены не были. Ему было предоставлено право разъ въ три года вотировать бюджетъ, но обсужденіе и бюджета и другихъ вопросовъ происходило при закрытыхъ дверяхъ, облекалось тайной подъ угрозой обвиненія въ мятежѣ въ случаѣ открытія и разглашенія

тайны. Но и такое собраніе представлялось опаснымъ, и его ограничили созданіемъ сената изъ 24 членовъ, по назначенію, но пожизненно, избираемыхъ королемъ изъ числа престарѣлыхъ высшихъ лицъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, т.-е. изъ среды чиновничества. Лишенный законодательной инціативы и права обсужденія законовъ, онъ являлся органомъ охраны личныхъ правъ, неприкосновенности личности, наблюденія за примѣненіемъ законовъ о печати, но все это лишь въ узкихъ и неопредѣленныхъ предѣлахъ, и на него возложена была иного рода функція: издавать чрезвычайныя мѣры или, въ случаѣ нужды,—но и въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ по требованію короля,—отмѣнять дѣйствіе конституціи. Министры назначались королемъ, каждый дѣйствовалъ самостоятельно въ своей сферѣ, подлежалъ здѣсь отвѣтственности; но о совѣтѣ министровъ не сказано было ни слова: его не создали по принципу.

То была не болѣе, какъ пародія на конституцію. Она не создавала ни свободы, ни гарантій этой свободы. Всѣ остальныя статьи этой конституціи: провозглашеніе равенства всѣхъ предъ закономъ, уравненія всѣхъ въ отношеніи налоговъ, отмѣна вотчинной юстиціи, сеньеріальныхъ правъ и привилегій, отмѣна пытокъ, реформа суда, отмѣна внутреннихъ таможенъ—все это было повтореніемъ того, что октроировалось и другимъ завоеваннымъ и присоединеннымъ странамъ, но что фактически оставалось на бумагѣ.

9 іюля въ сопровожденіи четырехъ пѣхотныхъ полковъ и блестящей свиты изъ испанскихъ грандовъ и байонскихъ депутатовъ выѣхалъ новый король въ свое королевство, раздѣляя надежды и увѣренность Наполеона въ томъ, что съ Испаніей онъ справится такъ же, какъ и съ Неаполемъ и какъ справлялись ставленники Наполеона и въ другихъ странахъ.

И увѣренность его и особенно Наполеона была, повидимому, не безъ основаній. Издавна Наполеонъ слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ въ странѣ, зналъ хорошо военное положеніе дѣлъ въ Испаніи, ея рессурсы, ея силы. За послѣдніе мѣсяцы, предшествовавшіе разыгравшейся въ Байоннѣ комедіи, онъ получалъ самыя подробныя данныя отъ Мюрата о финансовомъ и военномъ состояніи страны. Шедшая на абордажѣ французской политики съ конца XVIII в., покорная и трусливая предъ директоріей, Испанія, подъ вліяніемъ страха, предалась въ руки Наполеона, была втянута въ европейскія войны и поплатилась своимъ флотомъ, потерпѣвшимъ страшнѣйшій уронъ при мысѣ С.-Винсентѣ и затѣмъ во время Трафальгарской битвы—изъ флота въ 76 линейныхъ кораблей и 51 фрегата, при Карлѣ III, къ 1808 г. осталось лишь 6 годныхъ въ дѣло линейныхъ кораблей и 4 фрегата. Гавани были засорены, магазины и арсеналы пусты, верфи бездѣйствовали. Подрядчикамъ казна должна была 13 милл. реаловъ, изъ 5 тыс. рабочихъ на верфяхъ осталось не болѣе 700, которые сидѣли, сложа руки, и, не получая платы, шли нищенствовать, или грабить, или заниматься прибыльнымъ контрабанднымъ ремесломъ. Жалованье матросамъ и низшимъ служащимъ уплачивали плохо, и пришлось въ 1808 г. продать запасы желѣза, мѣди и другихъ матеріаловъ, чтобы заплатить имъ. Платили лишь высшимъ чинамъ, число которыхъ по случаю каждаго торжества росло и множилось, когда нужно было дать новый титулъ любимому Мануелито. Къ концу 1807 г. во главѣ

жалкаго оставшагося флота изъ 15 судовъ стояли: одинъ гранъ-адмиралъ, 2 адмирала, 29 вице-адмираловъ, 63 контръ-адмирала, 80 капитановъ линейныхъ кораблей, 134 капитана фрегатовъ, которые всѣ получали крупные оклады по рангу, когда низшіе матросы чуть не голодали, а въ управленіи кишѣла масса безполезныхъ чиновниковъ, чуть ли не превосходившихъ численностью составъ флота. Еще въ худшемъ положеніи была армія. Она представляла собою скорѣе скопище нищихъ оборванцевъ, чѣмъ регулярную армію. Солдаты были ободраны и босы, въ рукахъ у нихъ было плохое оружіе. На бумагѣ армія насчитывала 120 тыс., а на дѣлѣ въ ея рядахъ было не болѣе 60 тыс. И такъ же, какъ и во флотѣ, командный составъ былъ достаточно богатъ. 5 генералъ-капитановъ, 87 генералъ-лейтенантовъ, 127 фельдмаршаловъ, 252 бригадныхъ генераловъ, 2 тысячи штабъ-офицеровъ, получавшихъ солидные оклады. Серьезнаго сопротивленія отъ подобной арміи нечего было, повидимому, и ожидать, и для Наполеона она была quantité negligeable. И это тѣмъ болѣе, что какого-либо патріотическаго подъема духа среди большинства генераловъ и высшаго офицерства нельзя было опасаться: майскія и послѣдующія событія 1808 г. обнаружили это съ достаточной яркостью: большинство офицеровъ и значительная часть арміи оставались хладнокровными зрителями событій 2 мая въ Мадридѣ.



Сдача Мадрида. (Верс. музей).

Учитывалъ Наполеонъ и другую сторону дѣла: полную бездарность правительства, стоявшаго во главѣ страны. Со временъ Карла II никогда страна не управлялась хуже, никогда разореніе страны и без-

шабашность правительства не достигали такихъ размѣровъ. Король Карлъ IV, сорокалѣтнимъ вступившій на престолъ, представлялъ собою выродка семьи. Не получилъ онъ сколько-нибудь серьезнаго воспитанія и съ молодыхъ лѣтъ вращался среди гарнизонныхъ офицеровъ, любилъ хорошо поѣсть, поспать и поохотиться, какъ онъ самъ выразился о себѣ за обѣдомъ въ байонскомъ замкѣ. Лошади, охота, забавы, любовныя похожденія — въ этомъ было для него все, и когда по его указаніямъ устраивали ясли для его лошадей, при дворѣ устраивалось пиршество и всѣ придворные послѣ восхищались вмѣстѣ съ королемъ его изобрѣтеніемъ. «Лишенный талантовъ, воспитанія и характера, онъ вѣчно будетъ жить въ зависимости отъ другихъ», такъ характеризовалъ его одинъ изъ иностранныхъ пословъ при вступленіи его на престолъ, и такимъ онъ остался до конца царствованія. И онъ всецѣло подпалъ подъ вліяніе жены, принцессы пармской Маріи-Луизы, женщины, способной лишь на придворныя интриги, всецѣло занятой собой и своими страстями, ревнивой и страстной,—женщины, подпавшей подъ власть гвардейца, Годоя, сдѣлавшагося одновременно и любимцемъ Карла IV. Честолюбивый, но бездарный, опьяненный тѣми успѣхами, которые доставила ему Марія-Луиза, сдѣлавшійся почти полнымъ властителемъ и безконтрольнымъ распорядителемъ судебъ страны, онъ мечталъ положить начало новой династіи, превратиться изъ герцога и гранда, изъ князя Мира (титулъ, дарованный ему Карломъ IV) въ португальскаго и иного короля, но сдѣлался, неизбѣжно, игрушкой въ рукахъ такого человѣка, какъ Наполеонъ. Управленіе его разоряло страну, его дипломатія навлекла рядъ бѣдствій: гибель флота, наводненіе Испаніи французами, но какой-либо системы въ его дѣйствіяхъ не было. Сегодня онъ увлекался мыслью о реформахъ, звалъ въ министры лучшихъ людей, какъ Ховельянна, а завтра Ховельянна сажалъ въ тюрьму, ссылалъ на отдаленный островъ и передавалъ портфели министровъ такимъ реакціонерамъ и обскурантамъ, съ беззастѣнчивой совѣстью и безразличнымъ по средствамъ проявленія волевыхъ импульсовъ, какъ Кабаллеро, или чванымъ и пустоголовымъ грандамъ, какъ Уравахо. Безтактными, безсистемными дѣйствіями онъ быстро возбудилъ раздраженіе во всѣхъ слояхъ общества: у духовенства, когда онъ задумывалъ либеральныя реформы и хотѣлъ затронуть имущество церкви, у знати, смотрѣвшей съ завистью и ненавистью на его неслыханную карьеру, у народной массы, разореніе которой шло, усиливаясь съ каждымъ годомъ. Скандалы при дворѣ перестали быть тайной: скандальная хроника Мадрида дѣлалась извѣстной все болѣе и болѣе и проникала въ глухіе уголки. А Годой продолжалъ метаться изъ стороны въ сторону—то пресмыкался передъ Наполеономъ, то писалъ воззванія къ народу въ патріотическомъ духѣ.

Наполеонъ превосходно учитывалъ всѣ эти обстоятельства, не тайной были для него и надежды, возлагавшіяся на наслѣднаго принца астурійскаго, будущаго короля Фердинанда, слабыя умственныя силы, вѣроломный, злобный и мстительный характеръ котораго были не разъ предметомъ описанія наполеоновскихъ агентовъ. А популярность его росла въ странѣ по мѣрѣ паденія популярности Карла IV и росту ненависти къ королевѣ и ея любимцу Годою. И Наполеонъ воспользовался всѣмъ этимъ, воспользовался и народнымъ возстаніемъ въ Аранхуесѣ, подня-

тымъ противъ надоѣвшаго всѣмъ Годоя и закончившимся отреченіемъ Карла IV, судомъ надъ Годоемъ (отъ котораго освободилъ его Мюратъ по приказу Наполеона, приказавшаго доставить его въ Байонну) и провозглашеніемъ Фердинанда королемъ. Старая монархія мановеніемъ руки Наполеона пала, и по его же мановенію для Испаніи начался или долженъ былъ начаться новый періодъ жизни,—періодъ оздоровленія и разрушенія гнилого стараго.

Разъ нѣтъ арміи и флота, разъ страна разорена, бюрократія покорна, а верховная власть попала въ иныя руки, исходъ дѣла представляется несомнѣннымъ въ Испаніи, какъ и въ Италіи. Наполеонъ зналъ, что знать невѣжественна, что народъ одичалъ и преданъ монархіи и духовенству, что духовенство, эту единственную силу, съ которой онъ считался, легко склонить на свою сторону провозглашеніемъ основного закона, по которому католицизмъ признавался единственной допускаемой религіей въ странѣ, и онъ съ полной увѣренностью посылалъ новаго короля править новымъ завоеваніемъ, изъ котораго разсчитывалъ извлечь не мало пользы и въ смыслѣ борьбы съ Англіей, и въ отношеніи усиленія своихъ морскихъ силъ. Рядомъ распоряженій предписано было посылать въ Испанію рабочихъ для сооруженія кораблей и судовъ изъ испанскаго строевого лѣса. Опасенія возстанія были слабы. Возстанію 2 мая значенія не придавали: оно было, видимо, подстроено въ цѣляхъ оправдать угрозу, адресованную Фердинанду, провозглашеніе котораго королемъ не входило въ планы Наполеона; угрозу, что «если хоть одинъ французскій солдатъ будетъ убитъ изъ-за мятежа, то онъ поступитъ съ Фердинандомъ, какъ поступилъ съ отцомъ его»; угрозу, преподнесенную Фердинанду въ ту минуту, когда этотъ послѣдній находился на пути въ Байонну, вызванный туда Наполеономъ, чтобы покончить съ старой монархіей послѣднихъ Бурбоновъ.



Разстрѣлъ французами баррикадеровъ въ Мадридѣ 3 мая 1808 г. (Goya).

Но дѣла сложились иначе, чѣмъ разсчитывалъ Наполеонъ, привыкшій имѣть дѣло съ странами, гдѣ сила центральной власти достигла большихъ размѣровъ и населеніе пріучено было къ безпрекословному повиновенію.

«До сихъ поръ,—писалъ уже съ первой стоянки въ Витторіи Іосифъ Наполеону,—никто не говорилъ вамъ всей правды. Вѣрно то, что ни одинъ

испанецъ не стоитъ за меня, исключая небольшого числа лицъ изъ центральной хунты», т.-е. чиновъ кастильской бюрократіи. И когда Іосифъ вступилъ въ Мадридъ, впечатлѣніе того, съ чѣмъ придется имѣть дѣло новому королю, получилось полное. Въ день въѣзда Іосифа Мадридъ представлялъ ту же картину, какъ и 3 мая, день спустя послѣ подавленія мятежа: улицы были пусты, магазины закрыты, двери и окна во всѣхъ почти домахъ заперты. Вмѣсто флаговъ, которыхъ нигдѣ не было видно, въ нѣкоторыхъ домахъ висѣли грязныя тряпки. Масса жителей убѣжала изъ города, а по рукамъ ходили карикатуры на Іосифа, распускались про него грязныя сплетни.

Обезглавленная Наполеономъ Испанія продолжала жить, болѣе того: она только теперь стала воскресать. Еще съ конца XV в. Испанія превратилась въ единое государство, а въ XVI торжество и господство Кастиліи сдѣлалось полнымъ. Исчезли отдѣльныя независимыя королевства, пала независимость Каталоніи и Арагона. Но созданное единое государство было и оставалось единымъ только по внѣшности. Единство создавалось здѣсь исключительно на томъ одномъ принципѣ, который господствовалъ въ XVI в. почти повсюду, но въ XVII в. уступалъ все болѣе и болѣе мѣсто другому принципу,—принципу административнаго и полицейскаго единства. Въ Испаніи государственное единство пытались создать исключительно на почвѣ единства религіи и вѣры. Все было направлено въ сторону созданія изъ всѣхъ подданныхъ только католиковъ, ибо только тогда, когда въ странѣ не будетъ ни одного иновѣрца, страна станетъ единой и сильной. Изгнали мавровъ, за ними продѣлали то же и съ евреями. Остались только католики: не осталось иновѣрцевъ. Это значило, что одновременно съ этими изгнаніями пропадало и то, что составляло источникъ богатства страны: промышленность, знанія и наука, богатства, накопленныя трудами ряда поколѣній. Страна гибла, падала, дошла до полнаго истощенія и умственнаго маразма, до того, что въ XVIII в. пришлось обращаться къ иностранцамъ, чтобы удовлетворять потребностямъ населенія и государства во всемъ, касавшемся промышленности, торговли, заводскаго дѣла, строенія кораблей, управленія финансами и проч. Объединеніе было достигнуто, но куплено дорогой цѣной. Вся сила очутилась въ рукахъ духовенства, сдѣлавшагося главнымъ орудіемъ и опорою этого единства, превратившагося въ правительственный органъ. Духовный трибуналъ—инквизиція, вотъ что было главнымъ орудіемъ свѣтской власти въ дѣлѣ объединенія. Страна была какъ бы оцѣплена со всѣхъ сторонъ, ничто изъ того, чѣмъ жила и надъ чѣмъ думала Европа, не должно было заходить въ Испанію ни съ моря, ни черезъ Пиренеи. Народъ долженъ былъ жить своей собственной жизнью, своей собственной мыслью, подъ единымъ руководствомъ инквизиціи.

Но далѣе этого объединеніе не пошло. Попытки пойти далѣе, примѣнить централизованную систему французскаго управленія въ XVIII в. не удались и къ XIX в. Испанія осталась той же, какъ и въ XVI и до XVI в. Все населеніе было населеніемъ католическимъ и только католическимъ, но испанскаго народа, какъ таковаго, не было создано. Были кастильцы, были астурійцы, были баски и наварцы, были арагонцы и каталонцы, но испанецъ все же не существовалъ, какъ не существовало и

одного общаго языка, какъ не существовало взаимнаго притяженія между отдѣльными народностями, между, напр., кастильцами и каталонцами, и тогда ненавидѣвшими другъ друга столь же сильно, какъ и въ наши дни. Страна контрастовъ въ смыслѣ географическомъ, страна, расчлененная на массу отдѣльныхъ, несходныхъ другъ съ другомъ, областей, она была такой же и въ смыслѣ населенія этихъ областей. Проведенной систематически централизаціи не было. Каждая область жила своей жизнью, руководилась своими законами, управлялась своими учрежденіями. Какихъ-либо измѣненій въ общемъ управленіи, даже въ системѣ обложенія, произведено не было. Все оставалось, какъ и раньше. Правда, политическая самостоятельность была уничтожена, политическія права такихъ областей, какъ Арагонъ и Каталонія, выработавшихъ свои представительныя учрежденія и свои конституціи, подобныя англійскимъ того времени, были сломлены, но не уничтожены. Представительныя учрежденія, мѣстные кортесы продолжали существовать. Здѣсь, какъ и въ Кастиліи, отъ нихъ отлетѣлъ только подъ давленіемъ общихъ условій жизни прежній ихъ духъ, перестали они быть тѣмъ, чѣмъ являлись раньше, но традиціи сохранились, память объ нихъ была жива, какъ живо было и воспоминаніе о прежней независимости, подогрѣваемое мѣстными историками. Власть въ лицѣ королей изъ Бурбонскаго дома пыталась бороться съ ними, и въ XVII в., и въ XVIII: подавляла мятежи отдѣльныхъ провинцій, пыталась уничтожить мѣстные законы, запрещала печатать сочиненія на мѣстномъ языкѣ, но все это оказывалось безплоднымъ, а нерѣдко (по вопросамъ мѣстнаго права) приходилось и отмѣнять сдѣланныя распоряженія.



«Кто может на это смотрѣть?» (Goya).

И естественно, что одичалый и обнищавшій народъ,—народъ, который цѣлыми столѣтіями держали въ невѣжествѣ, пропитывали фанатизмомъ, пріучали смотрѣть на чужеземца, какъ на врага и своего и Бога,—теперь, когда вѣсть о 2 маѣ распространилась по странѣ, когда уже два года подъ рядъ его чувства были раздражаемы присутствіемъ чужеземцевъ, этихъ враговъ и Бога и королей, поднялъ знамя возстанія и рискнулъ, очертя голову, вступить въ борьбу съ побѣдителемъ Европы.

Сигналъ къ возстанію и борьбѣ съ чужеземцемъ, отнявшимъ у Испаніи короля, подала область, гдѣ старинныя учрежденія и вольности сохранились въ большей степени, чѣмъ гдѣ-либо въ другой части страны.

Здѣсь наканунѣ событій 2 мая открылись засѣданія генеральной хунты, представительнаго собранія, состоявшаго изъ 42 депутатовъ и собиравшагося разъ въ 3 года. Она обсуждала всѣ дѣла, касавшіяся Астуріи, и для веденія текущихъ дѣлъ и примѣненія ея постановленій избирала особый комитетъ изъ 7 членовъ съ генералъ-прокураторомъ во главѣ. За исключеніемъ высшаго суда, находившагося въ вѣдѣніи центральной власти (только съ начала XVIII в.), всѣ суды, какъ и все мѣстное и общинное управленіе, находились въ рукахъ мѣстныхъ лицъ, наслѣдственно исполнявшихъ всѣ функціи суда и управленія. Въ это-то собраніе должны были явиться чиновники, присланные Мюратомъ, съ порученіемъ сообщить о мадридскихъ событіяхъ и прочесть прокламацію Мюрата и его обязательныя постановленія. Толпа, стоявшая подлѣ зданія засѣданій, не допустила ихъ въ залъ и съ криками: «да здравствуетъ Фердинандъ! Долой Мюрата!» напала на нихъ, разогнала ихъ и затѣмъ ворвалась въ залъ засѣданій. Горячее сочувствіе нашла она въ своихъ представителяхъ, и тутъ же предложеніе о томъ, чтобы не повиноваться приказамъ Мюрата и немедленно принять мѣры къ защитѣ страны, было вотировано единогласно. Выработанный тутъ же циркуляръ главнаго судьи, оповѣщавшій о рѣшеніи хунты и призывавшій народъ къ оружію, былъ разосланъ по всей области, и въ очень скоромъ времени массы народа: крестьяне, священники, дворяне, купцы, явились съ разныхъ сторонъ въ городъ Овіедо. 24 мая, при звонѣ колоколовъ во всѣхъ церквахъ города, собравшаяся толпа подъ командой священника Рамона направилась къ арсеналу и мигомъ разобрала сложенное оружіе. 18-тысячный корпусъ былъ сформированъ по приказу хунты, которая въ торжественномъ засѣданіи, избравши новыхъ добавочныхъ членовъ изъ числа вождей толпы, возобновила вновь клятву въ вѣрности Фердинанду и заявила, что она беретъ на себя верховную власть въ странѣ, пока фамилія Бурбоновъ не будетъ вновь возстановлена. 25 мая рѣшеніе хунты было объявлено народу и тутъ же объявлена война безбожнымъ французамъ. Тѣ отряды испанскихъ войскъ, которые были присланы изъ Сантандера Мюратомъ для усмиренія Овіедо, вынуждены были присоединиться къ возставшимъ.

Возстаніе въ Астуріи, вѣсть объ избіеніяхъ и ужасахъ 2 мая послужили сигналомъ къ общему возстанію. Не прошло и мѣсяца, какъ уже въ іюнѣ и въ началѣ іюля отъ Пиренеевъ и до Кадикса и отъ португальской границы до Средиземнаго моря все населеніе поднялось съ оружіемъ въ рукахъ для борьбы съ чужеземцемъ. Каждая область, гдѣ не было французскихъ войскъ, созывала свою хунту, организовала отряды, провозглашала Фердинанда своимъ королемъ и, при торжественномъ звонѣ колоколовъ, объявляла непримиримую борьбу противъ французовъ. Отовсюду сыпались деньги, пожертвованія, организовались отряды подъ предводительствомъ священниковъ, шедшихъ впереди съ мечомъ и крестомъ. Изъ монаховъ, наводнявшихъ Испанію, формировались цѣлые полки. Все обнищалое, всѣ контрабандисты, воры и разбойники шли воевать на ряду съ крестьянами и горожанами. И то, что было особенно характерно во всемъ этомъ взрывѣ народнаго негодованія и ненависти, это тотъ фактъ, что генералы регулярной арміи, трепетавшіе передъ могущественнымъ и сильнымъ врагомъ, либо отказывались присоединиться къ возстанію, либо,

дрожа отъ страха, примыкали противъ воли къ нему. Не они играли здѣсь главную роль: движеніе было обще-народнымъ, и вожди его выходили изъ рядовъ народа. Первый попавшійся, но наиболѣе рьяный въ своемъ энтузіазмѣ, становился во главѣ формировавшихся отрядовъ. Здѣсь и знаменитый El Empecenodi, Мартинъ Діасъ, мелкій дворянинъ, неустанный борецъ съ французами въ качествѣ виднѣйшаго гверильяса, смѣлый, неустрашимый, совершавшій свои набѣги до стѣнъ Мадрида, и врачъ Палеара (El Mepico), уроженецъ Мурсіи, и Пормеръ изъ Астуріи, бывшій матросъ, участвовавшій въ битвѣ при Трафальгарѣ, и морякъ Морилло изъ Галисіи, бывшій нѣкогда пастухомъ, и простой солдатъ, Санчесъ изъ Эстремадуры, и монахъ Неботъ (El Frayle) изъ валенсійской области, и старый студентъ, знаменитый Мина, будущій герой революціи двадцатыхъ годовъ, и пастухъ Жорегви (el Pastor) съ сержантомъ Аседо, изъ Бискайи, и слесарь Лонга, и священникъ Мерино, наиболѣе фанатичный, самый жестокій и безпощадный изъ тогдашнихъ вождей народнаго возстанія. Фанатически настроенная пылкими проповѣдями и воззваніями священниковъ и вождей, толпа возставшихъ не знала пощады ни для чужеземцевъ, ни для своихъ колебавшихся нежелавшихъ пристать къ движенію, стать во главѣ его. Кровь лилась безпощадно, кровь и своихъ и чужихъ, и своимъ доставалось еще больше, чѣмъ чужимъ.

Да и какъ могло быть иначе, когда повсюду въ Испаніи, во всѣхъ селеніяхъ читались воззванія, возбуждавшія и безъ того страшную ненависть къ чужеземцу. По рукамъ ходила пародія на манифестъ Наполеона. «Наполеонъ, т.-е. Napo Dragon (драконъ), Аполіонъ, повелитель преисподней, царь адскихъ чудовищъ, еретиковъ и еретическихъ государей, страшный звѣрь, звѣрь—бестія о 7 головахъ и 10 рогахъ, въ вѣнкѣ, созданномъ изъ святотатствъ противъ Іисуса Христа и его церкви, противъ Бога и святыхъ». Онъ стремится искоренить католицизмъ, уничтожить кресты и иконы, отдать церкви лютеранамъ, ибо онъ безбожникъ, отступникъ, жидъ. Сочинены были на потребу вѣрующимъ и фанатикамъ и спеціальные катихизисы, заучиваемые всѣми. «Что такое Наполеонъ, — спрашивалось въ катихизисѣ.— Наполеонъ есть злодѣй, начало и источникъ всякаго зла, вмѣстилище всѣхъ пороковъ, въ немъ двѣ природы—дьявольская и человѣческая. Въ его трехъ лицахъ (Наполеонъ, Мюратъ и



«Вотъ этихъ я желаю имѣть!» (Goya).

Годой) сатанинскій прообразъ Св. Троицы. — Грѣхъ ли убить француза? Отвѣтъ: нѣтъ, это не грѣхъ, а дѣло, достойное награды».

Возбужденіе умовъ сразу же оказалось настолько сильнымъ и могущественнымъ, что ближайшее будущее явилось предъ глазами новаго короля мрачнымъ и безнадежнымъ. «Всѣ провинціи,—писалъ Іосифъ Наполеону,—заняты врагомъ. У Генриха IV была своя партія, Филиппу V и приходилось бороться съ однимъ лишь соперникомъ. Противъ меня—12-милліонная нація, храбрая и въ высокой степени ожесточенная. И порядочные люди, и плуты, и мошенники,—всѣ относятся ко мнѣ одинаково враждебно. Слава ваша рушится въ Испаніи, и моя могила будетъ памятникомъ вашего безсилія». «Мое положеніе,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ,—безпримѣрно въ исторіи: у меня нѣтъ ни одного приверженца».

И дѣйствительность подтвердила слова и предсказанія Іосифа. Правда, первые шаги французовъ были успѣшны. Генералъ Лефеврь разбилъ на голову арагонцевъ при Туделѣ и Алагонѣ, и 15 іюня стоялъ уже подъ стѣнами Сарагоссы, столицы Арагона, а войско, сформированное въ Галисіи, потерпѣло полное пораженіе при Мединѣ де-Ріосеко, оставивши на полѣ сраженія до 5 тыс. убитыми и ранеными. Но въ іюлѣ положеніе дѣлъ измѣнилось. Генералу Монсе пришлось, въ виду сопротивленія, отступить отъ Валенсіи; генералъ Дюгемъ, засѣвшій въ Барселонѣ, былъ окруженъ бандами повстанцевъ, захватившихъ окрестности города. Кордова оказала дикое сопротивленіе генералу Дюпону. Она была, правда, взята, но послѣ ужасной борьбы, сопровождавшейся страшными, безпощадными звѣрствами французовъ надъ населеніемъ,—звѣрствами, которыя не могъ остановить Дюпонъ и которыя вызывали въ странѣ еще большій взрывъ негодованія и чувства мести. Но побѣда подъ Кордовой была потеряна. Дюпонъ двинулся дальше, въ ущелья Сіерры-Морены, и здѣсь сразу же подвергся нападеніямъ обезумѣвшихъ гверильясовъ. Часть отрядовъ была захвачена, и плѣнные были жесточайшимъ образомъ умерщвлены: часть была распята, часть повѣшена, часть зарыта по горло въ землю, часть четвертована. А затѣмъ при столкновеніи съ регулярнымъ испанскимъ войскомъ, подъ командой Кастаньоса, при Байоннѣ, Дюпонъ былъ окруженъ и вынужденъ сдаться на капитуляцію.

То было первое и позорное пораженіе, нанесенное арміи Наполеона и притомъ нанесенное плохой арміей, къ которой Наполеонъ относился съ презрѣніемъ, отрядомъ всего въ 27 тыс. человѣкъ, поддерживаемымъ бандами контрабандистовъ и бандолеровъ-разбойниковъ Андалузіи. Впечатлѣніе, произведенное вѣстью о пораженіи, было сильнѣйшее. Въ Мадридѣ при дворѣ царило смятеніе. Неожиданное пораженіе породило страхъ, и мысль о бѣгствѣ была первой же мыслью. 31 іюля Іосифъ съ войсками покинулъ Мадридъ и двинулся за Эбро.

Не меньшее, если не большее впечатлѣніе извѣстіе о побѣдахъ испанцевъ произвело въ Западной Европѣ. Все то, что ненавидѣло, но боялось могущества Наполеона, начало поднимать голову. Надежда побѣдить его стала оживлять умы. Въ Пруссіи то и дѣло говорили о необходимости уподобиться испанцамъ и начали реорганизацію арміи на народныхъ началахъ. Габсбурги, прежде владѣтели Испаніи, стали окрыляться надеждой расширенія могущества. Но сильнѣе всего отразилась побѣда испанцевъ

въ Англіи. Сюда еще въ маѣ прибыли делегаты отъ астурійской хунты, посланные съ цѣлью просить оружія и поддержки. Ихъ встрѣтили съ распростертыми объятіями и съ ликованіемъ. Въ палатѣ общинъ ихъ восхваляли за смѣлость и храбрость, изображали ихъ героями, совершившими великій подвигъ: возстаніе противъ тирана всего міра. Въ театрѣ, во время представленія, публика устроила имъ восторженную овацію. Правительство дало охотно обѣщаніе снабдить борцовъ противъ Наполеона оружіемъ, и уже 19 іюня отправило цѣлый транспортъ оружія въ Астурію. Послало оно и вспомогательныя войска въ Кадиксъ и Корунью, но испанцы убоялись этого дара и спровадили войска англійскія въ Португалію, гдѣ шла уже борьба съ Наполеономъ и гдѣ англійскія войска нанесли пораженіе французамъ, которыми командовалъ Жюно, при Вимієро (24 августа).

Не унывалъ одинъ Наполеонъ. Вѣсть о пораженіи и очищеніи Мадрида лишь подняла его энергію и рѣшимость. «Моими войсками командуютъ не генералы, а почтмейстеры,—писалъ онъ Іосифу.—Дѣло идетъ не о смерти, а о побѣдѣ. Я найду въ Испаніи Геркулесовы столбы, но не предѣлъ своего могущества». Все было приписано ошибкамъ военачальниковъ,—энтузіазмъ народа былъ для него лишь жалкой метафизикой, идеологіей, съ которой не зачѣмъ считаться. Лучшая часть арміи была двинута Наполеономъ въ Испанію, и онъ самъ сталъ во главѣ 250 тыс. арміи, отдѣльныя части которой были подъ командой самыхъ выдающихся генераловъ. Правда, испанцамъ удалось сформировать новую армію. Галисія выставила 40 тыс., Астурія—18 тыс.; хунты Севильи, Валенсіи, Сантандера и др. призвали подъ знамена всѣхъ лицъ мужского пола отъ 16 до 45-лѣтняго возраста, а Андалузія собрала до 300 тыс. человѣкъ. Отовсюду шли пожертвованія. Населеніе израсходовало 81 милл., духовенство дало 10 милл., дворянство—6 милл., города—23 милл. Но что все это значило даже при содѣйствіи англійской арміи подъ командой Мура и Уэльслея въ сравненіи съ силами, приведенными Наполеономъ.



„Всегда одно и то же!“ (Гойя).

Исходъ кампаніи предвидѣть было нетрудно. Испанскія войска повсюду терпѣли полную неудачу и были разбиты по частямъ. Лефевръ разгромилъ армію Блэка при Сорнотѣ, и вслѣдъ за тѣмъ послѣдніе остатки ея были разсѣяны маршаломъ Викторомъ при Эспиносѣ и едва спаслись отъ

кавалеріи Сульта, оперировавшей подлѣ Бургоса. Армія центра была разбита при Туделѣ маршаломъ Ланномъ и часть ея бѣжала къ югу, а часть (резервы), подъ командой Палафокса, отступила къ Сарагоссѣ. Напрасно армія, состоявшая подъ командой Бенито-Санъ-Хуана, пыталась задержать Наполеона на перевалѣ Сомо-Сіерра. Испанскіе солдаты не выдержали натиска, входъ въ Мадридъ остался открытымъ, и городъ вынужденъ былъ капитулировать чрезъ нѣсколько часовъ послѣ появленія наполеоновскихъ войскъ. Не лучше было и съ англійскими войсками: ихъ разбилъ маршалъ Сультъ и отбросилъ къ Корунѣ, гдѣ они вынуждены были искать спасенія на корабляхъ. Извѣстіе за извѣстіемъ приходило о новыхъ пораженіяхъ испанцевъ: при Уклесѣ Викторъ одержалъ побѣду надъ генераломъ Венегасомъ и забралъ 13-тысячный отрядъ въ плѣнъ; Гувіонъ де Сенъ-Сиръ захватилъ крѣпость Розасъ, одержалъ рядъ побѣдъ надъ испанцами въ Каталоніи и загналъ въ Тарагону и Херону войска Рединга, очистивши путь, такимъ образомъ, къ Барселонѣ. Теперь Испанія была всецѣло въ рукахъ французовъ, и побѣдитель, вновь возстановившій Іосифа королемъ всей Испаніи, могъ вновь заняться реорганизаціей страны, въ которую онъ пытался влить новый духъ и новую кровь.

Рядомъ декретовъ было предписано: уничтоженіе инквизиціи, отмѣна сеньоріальныхъ правъ, закрытіе двухъ третей монастырей, и, казалось, новый періодъ начнется въ жизни страны, такъ какъ, повидимому, о дальнѣйшемъ сопротивленіи нечего было и думать.

И Наполеонъ былъ увѣренъ въ полной побѣдѣ. Считая все поконченнымъ и оставляя часть войскъ въ Испаніи и отдавая ихъ въ распоряженіе Іосифа, онъ уже 9 января 1809 г. покинулъ Испанію, уѣхалъ въ Парижъ готовить новый походъ на востокъ, подготовлять Экмюль и Ваграмъ. Почти мѣсяцъ спустя онъ могъ считать побѣду еще болѣе полной: въ февралѣ ему доложили о новой побѣдѣ. 20 февраля сдалась Сарагосса, послѣдній оплотъ Испаніи.

То была одна изъ тѣхъ побѣдъ, которую можно назвать Пирровой побѣдой. «Ваше величество,—писалъ маршалъ Ланнъ Наполеону, донося о взятіи Сарагоссы,—это (осада Сарагоссы) не то, къ чему мы привыкли на войнѣ. Не видывалъ я еще такого упорства. Несчастные жители защищаются съ яростью, которую трудно себѣ представить. На моихъ глазахъ женщины даже шли на смерть, стоя предъ брешами. Война эта приводитъ меня въ ужасъ и содроганіе». Это не было преувеличеніемъ, это было лишь слабымъ выраженіемъ того, что происходило въ Сарагоссѣ, этомъ выдающемся и самомъ характерномъ эпизодѣ въ исторіи борьбы Испаніи за независимость.

Осада началась еще 15 іюля 1808 г., но ее сняли вслѣдствіе общаго отступленія французскихъ войскъ послѣ битвы при Байоннѣ. Теперь 20 декабря, послѣ пораженія Палафокса, возобновилась осада города, куда укрылся Палафоксъ съ 25 тыс. резервными корпусами и куда стеклись со всѣхъ сторонъ окрестные крестьяне, со всѣми припасами. Наскоро укрѣпили городъ, разставили на стѣнахъ пушки, запрудили улицы канавами и стѣнами, превратили верхніе этажи домовъ въ бойницы; вездѣ провели изъ домовъ въ дома подземные ходы. Сильнѣйшій энтузіазмъ царилъ въ городѣ. На военномъ совѣтѣ рѣшено было держаться до послѣдней ми-

нуты за послѣднее убѣжище. «А затѣмъ?—раздались голоса.—Затѣмъ?»—«Затѣмъ мы увидимъ». И всѣ поклялись защищаться до послѣдней капли крови. И той же клятвы,—клятвы «защищать святую религію, короля и отечество, не терпѣть позорнаго ига французовъ и не покидать священное знамя патронессы города, Богородицы del Pilar» (собора въ Сарагоссѣ),—потребовали отъ всѣхъ солдатъ, отъ всего населенія города,—клятвы, которую, не колеблясь, принесли всѣ, и мужчины и женщины. 20 декабря началась осада; французы заняли доминирующія надъ городомъ высоты Monte-Torrero и Санъ-Ламберто и оцѣпили одно изъ предмѣстій города, отдѣленныхъ отъ него р. Эбро. Съ 21 наведены были траншеи и городъ стали осыпать выстрѣлами изъ осадныхъ орудій. Цѣлый мѣсяцъ, однако, прошелъ раньше, чѣмъ удалось, послѣ пробитія ряда брешей, отъ которыхъ не разъ приходилось отступать отъ выстрѣловъ изъ притащенныхъ сюда сарагоссцами пушекъ, захватить городскія стѣны, и это въ то время, когда банды гверильясовъ то и дѣло тревожили осаждающихъ, отбивали скотъ, награбленный французскими войсками. Теперь, казалось, можно было взять городъ приступомъ. 21 января маршалъ Ланнъ сталъ во главѣ осаждающей арміи и повелъ ее въ атаку. Ее подготовили и тѣмъ, что разсѣяли банды крестьянъ, пытавшихся проникнуть въ Сарагоссу, и тѣмъ, что закончили всѣ инженерныя осадныя работы. 28 атака была поведена съ двухъ сторонъ, но она была встрѣчена отчаяннымъ сопротивленіемъ. Съ 28 января по 20 февраля шла почти непрерывная борьба. 29 дней потратили французы, чтобы проникнуть чрезъ стѣны въ городъ, и 21 день понадобился, чтобы сломить упорство Сарагоссы. Пришлось сражаться на улицахъ, брать домъ за домомъ. Борьба шла и на улицахъ и внутри домовъ, изъ комнаты въ комнату. Французы стали взрывать дома, сарагоссцы отвѣтили сжиганіемъ мелкихъ домовъ, чтобы преградить движеніе непріятеля впередъ. Въ теченіе двухъ недѣль упорной борьбы, въ которой сарагоссцы прибѣгали для защиты не къ одному оружію, а и къ кипятку, къ растопленной смолѣ, къ камнямъ, къ ножамъ, чтобы поражать врага, французамъ удалось завоевать только 3 улицы. Женщины и дѣти приняли участіе въ борьбѣ заодно съ монахами и солдатами. Ни голодъ, ни развившіяся болѣзни не охладили пыла осажденныхъ. Днемъ шла борьба,

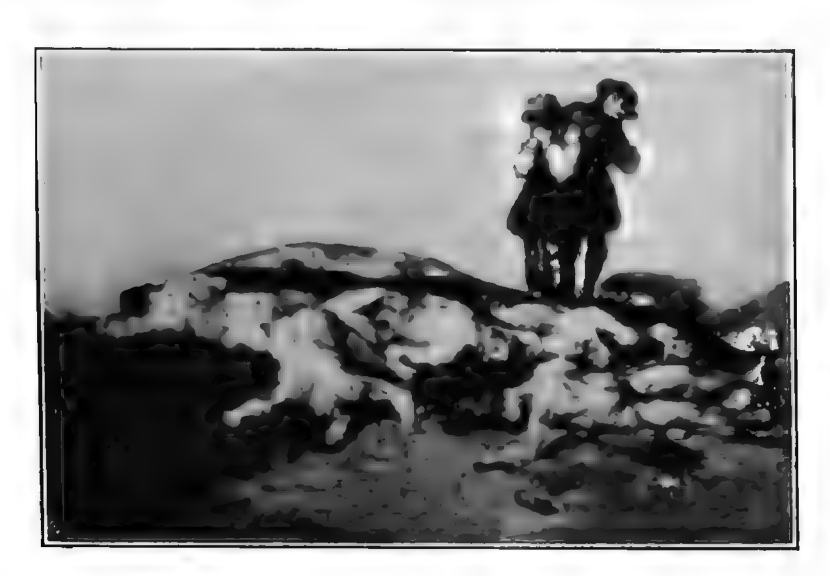


Варвары (Гойя).

а ночью, какъ бы для того, чтобы еще больше раздражить непріятеля, слышались изъ домовъ осажденныхъ улицъ крики и пѣніе: то были совмѣстно устраиваемыя tertullias, празднества. Шумъ пѣнія сливался съ непрестанной канонадой, съ звуками пожара и взрывовъ. Настало 7 февраля, день, назначенный для окончательнаго штурма. Къ 18 февраля послѣ адскихъ усилій и адской драки на улицахъ одному отряду удалось занять предмѣстье лѣваго берега Эбро, а дивизіи Гронжана, чрезъ развалины университета, взорваннаго миной въ 1.500 фун. пороха, проникнуть въ центръ города. Теперь бомбы обстрѣливали святыню Сарагоссы, церковь Бож. Матери дель-Пиларъ и двухъ коронъ. Разрывавшаяся картечь наносила смерть и раны монахамъ, женщинамъ и дѣтямъ, тѣснившимся въ храмѣ и вокругъ него, гдѣ они у покровительницы города искали спасенія. Ужасъ овладѣвалъ всѣми все больше и больше. А тутъ развились отъ гніенія массы труповъ эпидеміи, заболѣлъ вождь Сарагоссы, Палафоксъ. Силы осажденныхъ слабѣли, и 20 февраля рѣшено было выкинуть бѣлое знамя и сдаться на капитуляцію врагу. Ужасное зрѣлище ожидало побѣдителя. 12 тыс. защитниковъ, блѣдныхъ, изможденныхъ и изнуренныхъ голодомъ и лишеніями, продефилировало въ качествѣ военно-плѣнныхъ предъ войсками Наполеона. А внутри городъ представлялъ еще больше ужасающее зрѣлище: вездѣ гніющіе трупы, треть домовъ сожжены либо разрушены, двѣ трети испещрены пулями и бомбами. Почти половина населенія погибла во время осады. Три тысячи солдатъ и 27 саперныхъ офицеровъ, такова была потеря французовъ. Защита Сарагоссы затмила впечатлѣніе мадридской бойни 2 мая, и взятіе ея не только не ослабило энтузіазма и фанатизма со стороны населенія, но еще больше усилило ихъ. Борьба съ французами продолжалась; приходилось имѣть дѣло и съ выраставшими, какъ грибы послѣ дождя, бандами гверильясовъ, вести гверильясскую войну, всѣ выгоды которой въ такой изрѣзанной горами и долинами мѣстности, какъ Испанія, были на сторонѣ испанцевъ, съ ихъ регулярной арміей, посланной Англіей подъ командой Уэльслея, теперь получившаго титулъ герцога Веллингтона. Борьба затянулась на нѣсколько лѣтъ. Шесть разъ возобновлялась военная кампанія, и до 1812 г. успѣхи все еще были на сторонѣ французовъ. Но въ 1812 г. счастье повернулось къ нимъ спиной. Отсутствіе общаго плана, смерть военачальниковъ, вызовы войскъ изъ Испаніи для наполеоновскихъ походовъ—все это подрывало позицію французовъ. Геній Массены не въ силахъ былъ поправить дѣло. Неудача при Торресъ-Ведрасъ была началомъ пораженія. Англійская армія уже съ 1811 г. перешла въ наступленіе, поддерживаемая испанскими войсками и гверильясами, усилія французовъ взять Кадиксъ, захватить Мурсію оказались безуспѣшными. Между тѣмъ съ началомъ 1812 г. одинъ успѣхъ за другимъ былъ плодомъ наступленія Веллингтона. Сіудадъ Родриго и Барахасъ попали въ руки союзниковъ, и подлѣ Саламанки Мармонъ, замѣнившій Массену, потерпѣлъ пораженіе, результатомъ котораго было то, что Мадридъ попалъ въ руки англичанъ и испанцевъ. Столица была освобождена; французскія войска съ Іосифомъ вновь должны были двинуться по старому пути за Эбро, къ Пиренеямъ. Весь югъ Испаніи пришлось очистить. Только на мгновеніе счастье вернулось къ французамъ. Генералу Клозелю, взявшему на себя командованіе арміей вмѣ-

сто Мармона, удалось начать наступленіе, одновременно съ наступленіемъ съ другой стороны, съ востока, Сульта. Веллингтонъ, оказавшись между двухъ огней, очистилъ Мадридъ и далъ послѣдній разъ Іосифу вернуться въ Мадридъ, чтобы вновь очень скоро и окончательно уйти къ Пиренеямъ. То было уже начало кампаніи 1813 г., рѣшившей судьбу Испаніи и Іосифа. Веллингтонъ вмѣстѣ съ испанскими войсками перешелъ въ наступленіе и нанесъ при Витторіи сильнѣйшее пораженіе французамъ. Путь черезъ Логроньо и въ Байонну былъ потерянъ. Удалось и то съ трудомъ и подъ защитой генерала Фуа, удерживавшаго непріятеля, провести войска въ южную Францію. Вся храбрость, вся энергія Клозеля и Фуа, обнаруженныя въ послѣднихъ стычкахъ, были безполезны. Французы вынуждены были покинуть Испанію, перейти Пиренеи и вернуться на родину. Испанія отъ Пиренеевъ до Гибралтара была освобождена. Оставался одинъ уголокъ Испаніи, Каталонія, гдѣ маршалу Сюше удалось удержаться до 1814 г.

Война была окончена въ Испаніи, ее перенесли на французскую территорію, и Испанія могла торжествовать побѣду и полную свою независимость, которую она отстаивала съ неутомимой энергіей въ теченіе почти 5 лѣтъ тяжелой и страшной борьбы.



„Похоронить и молчать!“ (Гойя).

Она свергла чужеземное владычество, отвергла всѣ тѣ реформы, которыя, для оживленія обнищалой и отсталой страны, предлагалъ провести въ ней Наполеонъ. Что же сдѣлала она сама за это время,—время, когда народъ былъ всецѣло предоставленъ самому себѣ, собственнымъ силамъ, собственной волѣ, когда центральной власти не существовало de facto, ибо ее никто не признавалъ — признавались только свои хунты,—хунты тѣхъ отдѣльныхъ областей, которыя зажили старой жизнью,—жизнью того времени, когда онѣ были независимы?

Та политика объединенія Испаніи въ одно единое цѣлое, которую преслѣдовали въ Испаніи ея короли съ конца XV в., принесла свои плоды. Удерживая массу въ подчиненіи тѣми орудіями объединенія, къ которымъ она прибѣгала: инквизиціей и патерами, всячески оберегая ее отъ проникновенія въ нее зловредныхъ идей и сохраняя ее въ полномъ невѣжествѣ, она, начиная съ XVIII в. создавала все болѣе и болѣе глубокую пропасть между народной массой, нищей, кормившейся за счетъ богатыхъ монастырей, невѣжественной и преисполненной суевѣрій, и зарождав-

шейся интеллигенціей, по преимуществу состоявшей изъ разночинцевъ, такъ какъ большинство знати было столь же невѣжественно, какъ и зависимая отъ нея масса. Подавить геній націи правительство не могло. Въ самыя тяжелыя и мрачныя времена поэзія и искусства нашли геніальнѣйшихъ творцовъ въ рядахъ народа. Но только въ XVIII в. мало-помалу новыя идеи стали проникать въ Испанію, несмотря на запретъ, на цензуру, на строгій надзоръ за университетами, стоявшими безконечно ниже даже современныхъ имъ германскихъ университетовъ. Формировалась и росла особая группа, — группа интеллигентовъ, мало понятная народу и непонимаемая имъ, враждебная, и ненавидимая той офиціальной сферой, которая въ Мадридѣ и другихъ мѣстахъ рекрутировалась среди служащаго чиновничества, кастильской бюрократіи, державшей въ своихъ рукахъ всю полноту власти, а если и можно было, во второй половинѣ XVIII в., подумывать о реформахъ, то лишь такихъ, которыя не умаляли бы ея значенія и вліянія. Ея принципомъ, который повторялъ Карлъ IV, было: все для народа, но ничего посредствомъ народа.

Французская революція, ея идеи и принципы, несмотря на всѣ мѣры бюрократіи, проникли и въ Испанію, какъ и въ другія страны, и такъ же, какъ и тамъ, воспринимались, возбуждали ожиданія и надежды лучшаго и свѣтлаго будущаго. Въ рядахъ этой зарождающейся интеллигенціи стояли и умѣренные, какъ Ховельяносъ, Мартинесъ Роза, и болѣе радикальные, какъ Аргьеллесъ, поэтъ Кинтана, поэма котораго о Падиллѣ и возстаніи городовъ при Карлѣ V пользовалась громаднымъ успѣхомъ и возбуждала умы, рисуя картину того свободолюбія, какое царило нѣкогда въ душахъ кастильцевъ. На ихъ долю пришлось теперь, при тѣхъ условіяхъ, въ какія попала Испанія въ моментъ вторженія французовъ, принять дѣятельное участіе въ подготовленіи будущаго страны,—въ тотъ моментъ, когда наступитъ свобода Испаніи и ея независимость отъ чужеземца будетъ достигнута.

Часть ея, самая небольшая, примкнула къ Іосифу, особенно во второй его пріѣздъ, когда, несмотря на издѣвательства и насмѣшки Наполеона, Іосифъ задумалъ было повести національную испанскую политику, привлеченіемъ къ дѣлу начатыхъ реформъ испанцевъ. То была группа такъ называемыхъ francesades. Но громадное большинство интеллигенціи пошло вслѣдъ за народомъ, стало въ его ряды въ борьбѣ за независимость и попыталось, съ помощью созыва представительныхъ учрежденій, пересоздать страну и ея учрежденія, влить новую душу въ одряхлѣвшій организмъ, поднять народную массу, просвѣтить ее. Поэтъ Кинтана (Quintena) былъ душой и центромъ этого движенія. Своими одами и стихотвореніями, своими трагедіями, какъ, напр., «Пелахо», своими біографіями знаменитыхъ испанцевъ онъ пріобрѣлъ славу наиболѣе свободолюбиваго и патріотическаго писателя, и вокругъ него сгруппировались всѣ лучшіе люди страны. Въ сентябрѣ 1808 г. вмѣстѣ съ друзьями онъ попытался въ самый рѣшительный моментъ въ жизни страны вліять на страну, подготовлять умы къ будущему съ помощью періодическаго органа «Патріотическій Еженедѣльникъ», успѣхъ котораго для Испаніи былъ необыкновеннымъ: сразу онъ собралъ до 3 тыс. подписчиковъ. Вторичное занятіе Мадрида заставило бѣжать его въ Севилью, и здѣсь ему удалось образо-

вать тотъ кружокъ, который сыгралъ въ будущихъ кортесахъ самую видную роль. Тутъ были и Ховельяносъ, и Антильонъ, и Бланко, и Аргьеллесъ, и Эстрада и многіе другіе, вошедшіе въ составъ клуба, носившаго названіе Малой хунты, junta chica. Журналъ былъ возобновленъ, а Кинтана сталъ секретаремъ правительственной хунты и теперь могъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Ему удалось склонить хунту къ изданію манифеста и указа о созывѣ кортесовъ.

То было первымъ открытымъ заявленіемъ о необходимости созыва кортесовъ. Но тогда (въ маѣ 1809 г.) оно не имѣло успѣха. Реакціонное теченіе взяло верхъ и все ограничилось неопредѣленнымъ обѣщаніемъ, что кортесы будутъ созваны въ будущемъ году или раньше, если позволятъ обстоятельства. Въ дѣйствительности, либеральный тонъ манифеста испугалъ защитниковъ стараго порядка, нашедшихъ поддержку въ реакціонно-настроенномъ сотоварищѣ Сидмута и Кестльри, Веллингтонѣ, ненавидѣвшемъ хунту и называвшемъ ея членовъ «собаками».

Когда вспыхнуло возстаніе, центральнаго правительства фактически не существовало. Кастильскій совѣтъ, которому вручено было управленіе дѣлами по случаю отъѣзда короля Фердинанда, обнаружилъ въ рѣшительный моментъ полную трусость и раболѣпствовалъ передъ Наполеономъ не меньше, чѣмъ и самъ король. Не отъ него могла ждать Испанія рѣшительнаго слова. Слабый протестъ заявилъ онъ позже уже, при Іосифѣ. Возстаніе начали отдѣльныя области на свой страхъ и рискъ, даже безъ сношеній другъ съ другомъ. Единства дѣйствій не было и не могло быть, и это объясняется тѣмъ, что воскресла съ новой силой старая отчужденность и взаимная вражда.

Такое положеніе дѣлъ, вредно отзывавшееся на веденіи военныхъ дѣйствій, побудило членовъ различныхъ хунтъ объединиться и попытаться создать одинъ общій центральный органъ управленія, объединяющій всѣ хунты. Шли долгіе споры, какъ организовать его, и дѣло, видимо, затянулось бы, если бы, послѣ очищенія Мадрида французами, не выступилъ со своими притязаніями кастильскій совѣтъ, сразу же обнаружившій, чего ожидать отъ него Испаніи. Едва лишь вступивши въ отправленіе своихъ обязанностей, совѣтъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ предписать возстановленіе цензуры, воспретить газетамъ выходить болѣе 2 разъ въ недѣлю, а, главное, пригрозить отдачей подъ судъ тѣхъ, у кого сыщики найдутъ слѣды переписки съ хунтами или бумаги хунтъ. Это переполнило чашу терпѣнія. Со стороны хунтъ посыпались протесты. Одна изъ хунтъ пригрозила, что она прибѣгнетъ къ оружію, если не будетъ положенъ конецъ кастильскому совѣту. Послѣ ряда переговоровъ соглашеніе состоялось. Каждая хунта посылала по 2 депутата, и ихъ соединеніе и должно было образовать высшій органъ управленія подъ названіемъ Верховной центральной правительственной хунты. Но и выборъ оказался неудачнымъ, и не мало треній было, пока согласились относительно мѣста засѣданій. Обособленность и партикуляризмъ сказались съ полной силой, спорили изъ-за мѣста: кто требовалъ Севильи, кто Мадрида, кто Аранхуеса. Часть явилась въ одинъ изъ этихъ городовъ, часть—въ другой, пока, наконецъ, только 24 сентября дѣло сладилось, и собраніе состоялось въ Аранхуесѣ. Всѣхъ налицо было сначала 24 депутата, позднѣе число ихъ дошло до 35.

Но быстро всѣ разочаровались въ избранной хунтѣ. Съ одной стороны, противъ нея пущены были въ ходъ всевозможныя интриги и со стороны кастильскаго совѣта, и со стороны военной партіи, отказавшейся повиноваться новой хунтѣ. Съ другой—она сама своими дѣйствіями дискредитировала себя. Съ первыхъ же шаговъ она, какъ представитель Фердинанда, приняла титулъ величества. Ея президентъ, 80-лѣтній Флоридобланка, выцвѣтшій реформаторъ временъ Карла III, ставшій съ революціи реакціонеромъ, сталъ титуловаться «высочество», а всѣ члены — сіятельствами. Сверхъ того, они назначали сами себѣ чины, мундиры, крупные оклады, даже изобрѣли для себя особыя медали съ изображеніемъ обоихъ полушарій. Вся суетная и пропитанная чванствомъ и формалистикой, Испанія воскресла вновь. Попали большею частью гранды, бывшіе придворные, прошедшіе полную школу придворныхъ интригъ въ царствованіе Карла IV и Маріи-Луизы. Представители новой интеллигенціи были въ меньшинствѣ, главнымъ образомъ наиболѣе умѣренные, какъ, напр., Ховельяносъ.

Хунта оказалась ниже самыхъ скромныхъ ожиданій; ея дѣйствія только подогрѣли интриги кастильскаго совѣта и его защитниковъ, интриги и лицъ, добивавшихся созданія регентства, перетянувшихъ на свою сторону англичанъ въ лицѣ Веллингтона.

Новое пораженіе, нанесенное самимъ ужъ Наполеономъ Испаніи, необходимость спасаться бѣгствомъ и перенесеніе засѣданій хунты въ Севилью нѣсколько исправило дѣло. Въ хунту попало нѣсколько новыхъ членовъ изъ интеллигенціи, въ томъ числѣ и Кинтана, которому удалось возбудить, наконецъ, вопросъ о созваніи кортесовъ. Но и здѣсь ея рѣшеніе было рѣшеніемъ уклончивымъ. Между тѣмъ послѣ новыхъ побѣдъ французы двигались на Севилью, а Кадиксъ подвергся блокадѣ и обстрѣлу. 13 января 1810 г. хунта, при проклятіяхъ и оскорбленіяхъ толпы, бѣжала въ Кадиксъ и здѣсь сложила свои полномочія, передавши ихъ въ руки регентства, состоявшаго изъ 5 человѣкъ: епископа Орензе, единственно протестовавшаго противъ байоннскаго рѣшенія, но завзятаго и яраго защитника старыхъ порядковъ, генерала Кастаньоса, реакціонера, и др.

Казалось теперь, что одно изъ препятствій къ немедленному созванію кортесовъ устранено. Но положеніе дѣлъ ухудшилось съ перемѣной центральнаго органа управленія. Регентство занялось прежде всего преслѣдованіемъ ненавистныхъ ему членовъ хунты. Но затѣмъ торжественно заявило, что оно отсрочиваетъ на неопредѣленное время созывъ кортесовъ, и ознаменовало свою законодательную дѣятельность декретами о возстановленіи инквизиціи.

Если бы такая дѣятельность регентства проявилась въ другомъ какомъ-либо глухомъ уголкѣ Испаніи, врядъ ли удалось бы низвергнуть власть регентовъ. Но реакціонныя замашки имѣли мѣсто въ городѣ, болѣе, чѣмъ какой-либо другой, подвергшемуся сильному вліянію новыхъ идей и идей, проводимыхъ французской революціей. Сношенія Кадикса съ Европой были непрерывны, а съ 1805 г. въ теченіе 4 лѣтъ до самаго возстанія здѣсь находился на стоянкѣ французскій флотъ, занесшій сюда и революціонныя идеи. Съ другой стороны, регентство имѣло неосторожность заключить торговый договоръ съ Англіей,—договоръ, вызвавшій неудовольствіе среди богатыхъ купцовъ Кадикса. Реакція противъ ре-

гентства усиливалась съ каждымъ днемъ. Либерально настроенные жители Кадикса организовали свою независимую хунту и поддержали требованіе о созывѣ кортесовъ, исходившія отъ провинціаловъ, убѣжавшихъ въ Кадиксъ и усилившихъ ряды интеллигенціи и либераловъ.

Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія регентству пришлось уступить, и 18 іюня 1810 г. появился, наконецъ, указъ, созывавшій на августъ мѣсяцъ кортесы на Львиный островъ въ Кадиксѣ.

Желаніе Кинтаны было исполнено, и теперь внутренняя жизнь и развитіе страны въ будущемъ должны были опредѣлиться. И это тѣмъ болѣе, что изъ ненависти къ центральной хунтѣ скрытъ былъ приготовленный ею указъ о созывѣ представителей отдѣльно отъ грандовъ и духовенства, отдѣльно, въ видѣ нижней палаты, отъ всей страны. Новый указъ говорилъ лишь о выборахъ въ эту послѣднюю, и такимъ образомъ два высшихъ сословія оказались безъ представительства.



„Какое мужество!" (Гойя).

Порядокъ выборовъ былъ установленъ особый. Право избранія, пассивное и активное, признано было за каждымъ испанцемъ, достигшимъ 25 лѣтъ, неопороченнымъ по суду и имѣющимъ осѣдлость. Одинъ депутатъ избирался на каждыя 50 тыс. населенія. Но провинціальнымъ хунтамъ и 37 городамъ (въ силу привилегіи, дарованной Филиппомъ V) предоставлено право присылать особыхъ депутатовъ. Относительно мѣстностей, занятыхъ непріятелемъ, было постановлено предоставить тѣмъ ихъ жителямъ, которые окажутся въ Кадиксѣ, избрать по 1 депутату. Колоніи были призваны къ участію въ кортесахъ. Имъ предоставлено право прислать по 1 депутату отъ каждаго вице-президентства и каждаго генералъ-капитанства, всего въ числѣ 29. De facto были избраны колонисты, оказавшіеся въ Кадиксѣ.

Все это обезпечивало выборы въ пользу интеллигенціи и либераловъ и, естественно, придало кортесамъ и ихъ работѣ особый характеръ.

При всеобщихъ крикахъ и ликованіи, при непрекращавшихся возгласахъ: «да здравствуетъ нація! да здравствуютъ кортесы!» торжественной процессіей двинулись депутаты къ зданію театра, назначеннаго для засѣданій. Партеръ заняли депутаты, ложи—публика. На сценѣ стоялъ тронъ и подъ балдахиномъ портретъ Фердинанда VII. Начались занятія собранія, рѣшенія котораго для ряда будущихъ поколѣній сдѣлались лозунгомъ

въ борьбѣ за свободу, тѣмъ свѣточемъ, который руководилъ долгіе годы страной.

Первая произнесенная рѣчь была и первымъ же въ Испаніи провозглашеніемъ верховенства народа,—рѣчь, ясно показывавшая, насколько успѣли уже проникнуть въ Испанію идеи французской революціи. И, несомнѣнно, почти все то, что было предложено и принято кортесами, было явнымъ отраженіемъ того, что сдѣлано было конституантой. Конституанта со всѣми ея законами и была тѣмъ идеаломъ, которымъ руководились ораторы и дѣятели кортесовъ. Подражаніе доходило до того, что, вопреки традиціямъ и характеру страны, усвоивались проекты Сіэса объ административномъ раздѣленіи страны. Болѣе того, какъ и конституанта, и депутаты кортесовъ отказались отъ права быть избираемыми въ слѣдующіе кортесы.

Указъ 24 сентября 1810 г. былъ первымъ актомъ конституціоннаго періода въ жизни страны. Онъ устанавливалъ верховенство народа, находящее себѣ выраженіе въ кортесахъ, признавалъ власть короля и провозглашалъ королемъ Фердинанда и его потомство, но отвергъ отреченіе въ пользу Наполеона, какъ актъ незаконный на томъ основаніи, что нація не выразила на него своего согласія. Вся полнота законодательной власти объявлена была принадлежащей кортесамъ, а исполнительная—лицамъ, отвѣтственнымъ передъ націей. Временно было признано регентство, но подъ обязательствомъ немедленнаго принесенія присяги повиноваться законамъ и признать верховенство кортесовъ.

Регенты, за исключеніемъ епископа Орензе, сказавшагося больнымъ, исполнили указъ, но подали въ отставку, и было создано новое, временное, не препятствовавшее работамъ кортесовъ.

А работа предстояла большая. Не только нужно было выработать конституцію, но и создать рядъ законовъ, которые обезпечивали бы благосостояніе и страны и всѣхъ ея гражданъ. Необходимо было реорганизовать страну, чтобы излѣчить ее отъ тѣхъ золъ, которыя создавали старые порядки, и въ этихъ видахъ преобразовать и судъ, и администрацію, и финасы, и налоги, и земельныя отношенія, и дѣло народнаго просвѣщенія. Депутатъ Геррерось, послѣ ряда мѣръ съ цѣлью улучшить положеніе финансовъ, выдвинулъ крестьянскій вопросъ, какъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависѣлъ успѣхъ финансовыхъ мѣропріятій, и послѣ ряда засѣданій и долгихъ преній было принято предложеніе Анера о способахъ ликвидаціи сеньоріальныхъ отношеній. То было предложеніе въ духѣ конституанты. Всѣ сеньоріальныя права были раздѣлены на вытекавшія изъ публичнаго права и въ силу этого отмѣняемыя, и на права, опредѣляемыя земельными отношеніями. Эти послѣднія, какъ вытекающія изъ права частнаго, подлежатъ соглашенію сторонъ и выкупу. Предложеніе было принято. Часть отяготительныхъ правъ отпала, но земельный вопросъ остался далеко не вполнѣ рѣшеннымъ и вызвалъ позже необходимость ряда мѣръ и опредѣленій. Важны были провозглашеніе принципа, юридическая отмѣна старыхъ феодальныхъ отношеній, шедшая рука объ руку съ параллельнымъ провозглашеніемъ равенства гражданскихъ правъ. Правда, титулы не были отмѣнены, но они не являлись болѣе de jure связанными съ какими-либо предпочтительными правами: для всѣхъ



Представленіе англійскихъ плѣнниковъ Наполеону въ Асторгѣ въ январѣ 1809 г. (Lecomte).

испанцевъ открывался свободный доступъ ко всѣмъ должностямъ, несмотря на происхожденіе.

Наиболѣе важной частью работъ была работа надъ выработкой конституціи. Конституція была составлена почти всецѣло по образцу той, общій абрисъ которой былъ выработанъ Кинтаной. Испанія была признана наслѣдственной монархіей, но монархъ былъ объявленъ монархомъ ограниченнымъ. Никакой законъ не могъ воспріять силу безъ согласія кортесовъ, которымъ принадлежатъ, на правахъ представителя верховенства народа, права законодателя. Утверждаетъ законы король, но если законъ дважды, въ теченіе 2 легислатуръ, будетъ отвергнутъ, то принятый въ третью легислатуру тотъ же законопроектъ становится eo ipso закономъ страны. Страна представлена только однимъ собраніемъ—кортесами. Двухпалатная система была отвергнута, и то было постановленіе, всецѣло навѣянное конституантой и революціоннымъ законодательствомъ французовъ. Постановленіе было безспорно демократическимъ, но далеко не отвѣчало тому, чѣмъ была Испанія съ ея обособленными областями, жившими и привыкшими жить самостоятельной жизнью. Защиты ихъ правъ, ихъ нуждъ и потребностей организовано не было, и ихъ лишали, во имя абстрактныхъ началъ единства, крупнѣйшей и важнѣйшей гарантіи—ихъ

мѣстной свободы и мѣстнаго развитія. Еще хуже было съ постановкой вопроса о министрахъ и министерской власти. Принципъ раздѣленія властей, излюбленный принципъ XVIII в., революціи конституанты, нашелъ полное выраженіе и въ конституціи кортесовъ 1812 г. Законъ воспрещалъ депутатамъ принимать портфели, и назначеніе министровъ предоставлялось исключительно одной коронѣ, при чемъ даже не затрогивали вопроса объ организаціи совѣта министровъ. Правительство, въ лицѣ министровъ, являлось не исполнительной комиссіей кортесовъ, назначаемой при посредствѣ вотума порицанія или признанія дѣйствій министровъ правильными или неправильными, а комиссіей, представлявшей короля передъ палатой, что являлось полнымъ отрицаніемъ парламентскаго строя, который одинъ, при тогдашнихъ условіяхъ испанской дѣйствительности, вскорѣ проявившейся во всемъ блескѣ, могъ обезпечивать до нѣкоторой степени сохраненіе и прочность конституціи.

19 марта 1812 г., въ день отреченія Карла IV отъ престола, давно ожидаемая конституція была, наконецъ, опубликована.

Тѣ гарантіи, которыя создавали кортесы для сохраненія конституціи, были болѣе теоретическими, чѣмъ практическими. Прочность ея зависѣла отъ другихъ факторовъ, наличность которыхъ въ Испаніи того времени была такова, что дѣлала всю работу кортесовъ эфемерной.

Конституцію приняли не безъ протестовъ и споровъ, какъ не безъ протестовъ и споровъ приняли рядъ законовъ, выработанныхъ въ кортесахъ. Въ рядахъ депутатовъ, не говоря о странѣ, для которой законы о народномъ просвѣщеніи еще были только въ перспективѣ и приняты въ принципѣ, было не мало такихъ, которые смотрѣли со злобой и ненавистью на дѣло либеральной части кортесовъ,—части, не имѣвшей сильныхъ и прочныхъ связей съ народной массой. То была солидная и все болѣе и болѣе увеличивавшаяся группа, образовавшая партію serviles—защитниковъ и приверженцевъ стараго строя и стараго абсолютизма. Имъ удалось ввести представителя «черной банды», герцога Инфантадо, въ совѣтъ регентства и заполучить въ свою пользу мѣста нѣсколькихъ совѣтниковъ (въ январѣ 1820 г.), а затѣмъ они стали пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы возбуждать толпы противъ кортесовъ. Попытались они создать настоящій бунтъ монаховъ въ видахъ проведенія закона о возстановленіи инквизиціи. Въ тотъ день, когда комиссія должна была представить законопроектъ объ отмѣнѣ инквизиціи и организаціи епископскаго суда, ложи публики были биткомъ набиты монахами и эмиссарами, посланными serviles. Либеральная партія спасла кортесы лишь тѣмъ, что отложила обсужденіе на другое засѣданіе. Тогда прибѣгли къ другому способу. Главныя работы кортесовъ были закончены, важнѣйшая изъ нихъ—конституціонный актъ — опубликована. Началась усиленная агитація въ пользу распущенія кортесовъ и созыва новыхъ. Тактика оказалась на этотъ разъ успѣшной, и кортесы были распущены и новые назначены на октябрь мѣсяцъ. А между тѣмъ почва у либераловъ исчезла изъ-подъ ногъ. Единственный оставшійся у нихъ приверженецъ въ регентствѣ, О'Доннель, подалъ въ отставку, а прибытіе депутатовъ изъ Америки, пропитанныхъ реакціонными тенденціями, уже сказалось въ послѣднихъ засѣданіяхъ, когда ихъ голосами провалилась реформа монастырей и подъ ихъ влія-

ніемъ изданъ декретъ, объявлявшій св. Терезу патронессой Испаніи. Правда, кортесы въ послѣднюю минуту обнаружили и проявили энергію въ борьбѣ съ надвигающейся реакціей: они потребовали опубликованія съ церковныхъ каѳедръ закона объ уничтоженіи инквизиціи, и когда регенты отказались исполнить это, объявили ихъ смѣщенными. Но было уже поздно. Полномочія кортесовъ кончались.

Новые уже были не тѣмъ, чѣмъ являлись старые. Выборы дали большинство защитникамъ и приверженцамъ стараго порядка, и если старый духъ еще жилъ и въ новыхъ, то только потому, что, пока не явились и не были избраны депутаты отъ занятыхъ еще французами провинцій, засѣдали вмѣсто нихъ старые депутаты.

Но война закончилась, французы были прогнаны, Мадридъ былъ свободенъ. Пришлось оставить Кадиксъ и переселиться въ Мадридъ.

То былъ какъ разъ тотъ самый моментъ, когда Наполеонъ, отчаявшись удержать Испанію въ своихъ рукахъ, заключилъ договоръ съ Фердинандомъ въ декабрѣ 1813 г.,—договоръ, извѣстный подъ именемъ Валенсійскаго договора. Въ силу этого договора Наполеонъ отказывался отъ Испаніи въ пользу Фердинанда, возвращалъ ему корону, подъ обязательствомъ ничего не уступать Англіи, очистить немедленно свою страну отъ англичанъ, заключить выгодный для Франціи торговый договоръ, возстановить всѣхъ приверженцевъ Іосифа въ ихъ должностяхъ и имуществахъ и уплачивать Карлу IV ежегодно 30 милліоновъ.

Фердинандъ, этотъ мученикъ въ глазахъ вѣрившихъ въ него испанцевъ и видѣвшихъ въ немъ идеалъ національнаго короля, безпрекословно подписалъ предложенный ему договоръ.

Все мыслящее въ странѣ было возмущено. Кортесы въ лицѣ либераловъ протестовали противъ столь унизительнаго для народа-побѣдителя договора, они объявили его измѣной дѣлу народа. Раболѣпные, составлявшіе большинство, вынуждены были молчать. Но говорить и спорить имъ было болѣе нечего. Часъ ихъ торжества былъ близокъ. Фердинандъ приближался къ границамъ Испаніи.

Напрасно кортесы прибавляли къ принятымъ гарантіямъ новыя. Въ Кадиксѣ они издали законъ, грозившій смертной казнью всякому, кто прикоснется къ созданной конституціи или исполнитъ приказъ короля, направленный противъ кортесовъ. Напрасно позже въ Мадридѣ вырабатывали они цѣлый рядъ инструкцій относительно путешествія короля и его распоряженій относительно войскъ. Все было тщетно. 22 марта 1814 г. Фердинандъ явился въ Испанію, и ликованію народа по пути его не было конца. Со всѣхъ сторонъ сбѣжались толпы крестьянъ. То было тріумфальное шествіе, среди криковъ восторга опьянѣвшаго отъ радости народа.

Фердинандъ подвигался впередъ, но хранилъ упорно молчаніе. Испанія не знала его. Наполеонъ не далъ ему возможности проявить всѣ его качества, какъ правителя, и всѣ были увѣрены въ патріотизмѣ и высокихъ его качествахъ.

Правда, позже Наполеонъ приказалъ напечатать и разослать во всѣ уголки Испаніи раболѣпныя письма къ нему, Наполеону, гдѣ Фердинандъ просилъ униженно руки одной изъ принцессъ императорскаго дома, и это,

когда судьба Испаніи почти была рѣшена, и она считала себя освободившейся отъ врага. Но народная масса не вѣрила тому, что исходило отъ Наполеона.

Въ Валенсіи, наконецъ, онъ заговорилъ открыто впервые. Страна прочла новый Валенсійскій манифестъ короля: дни кортесовъ были сочтены, какъ и существованіе конституціи. Испанія объявлена была вновь абсолютной монархіей, какой она была до 1808 г.

Страна освободилась отъ врага, но для того, чтобы вернуться къ старинѣ и на этотъ разъ въ наиболѣе мрачной и ужасающей формѣ,—формѣ неслыханной въ Испаніи реакціи.

И. Лучицкій.



Переправа арміи Наполеона черезъ Дунай 1809 г. (Л. Гардетъ).

V. Австро-французская война 1809 года.

Подполк. В. П. Өедорова.

По Пресбургскому миру Австрія потеряла около тысячи квадратныхъ миль своей территоріи и болѣе трехъ милліоновъ народонаселенія. Естественно, что она питала сладкія надежды на реваншъ и выжидала только удобной минуты для объявленія войны, а пока что дѣятельно готовилась къ ней. Въ 1806 году главнымъ начальникомъ австрійской арміи былъ назначенъ одинъ изъ лучшихъ ея военныхъ дѣятелей — эрцгерцогъ Карлъ, тотчасъ же энергично принявшійся за усиленіе и реорганизацію арміи. Къ 1809 году численность австрійской арміи выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ: 280 тысячъ пѣхоты, 36 тысячъ кавалеріи и 14 тысячъ артиллеріи и вспомогательныхъ войскъ, да, кромѣ того, еще Венгрія въ случаѣ войны обязывалась выставить армію въ 80 тысячъ человѣкъ.

Неудачныя дѣйствія Наполеона въ Испаніи, потребовавшія страшнаго напряженія военныхъ силъ, показались австрійцамъ самымъ благопріятнымъ моментомъ для формальнаго объявленія войны. Но Наполеонъ, вниманіе котораго всецѣло было поглощено Испаніей, не упускалъ изъ вида и Австріи. Онъ замѣтилъ ея подозрительныя приготовленія и потребовалъ немедленной пріостановки ихъ. Австрія отвѣчала въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, которыя сразу были поняты Наполеономъ въ ихъ настоящемъ смыслѣ. Австро - французская война 1809 года началась. Въ началѣ войны положеніе австрійцевъ было гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ положеніе Наполеона, уже по одному тому, что австрійская армія была сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, тогда какъ силы Наполеона были разбросаны на далекое разстояніе. Эта причина и была основаніемъ плана войны австрійцевъ, состоящаго въ томъ, чтобы разбить каждую изъ французскихъ армій въ отдѣльности, направивъ первый и главный ударъ на такъ называемую «рейнскую армію» маршала Даву, численностью ок. 60 тысячъ человѣкъ, имѣвшую главную квартиру въ Эрфуртѣ. Боями подъ Абенсбергомъ, Ландсгутомъ, Экмюллемъ и штурмомъ Регенсбурга Наполеонъ сразу повернулъ выгоды положенія въ свою сторону, сконцентрировавъ свою армію и разобщивъ австрійскую. Послѣдствіемъ этихъ боевъ было занятіе Наполеономъ Вѣны, уступленной ему почти безъ сопротивленія, если не считать Эберсбергскій бой, довольно упорный, но не давшій ни той ни другой сторонѣ никакихъ видимыхъ результатовъ. По занятіи Вѣны, Наполеону, привыкшему кончать свои походы однимъ-двумя рѣшительными ударами, оставалось еще разбить главную армію эрцгерцога Карла, стоявшую на противоположномъ берегу Дуная. Для этого необходимо было перейти рѣку. Мѣстомъ переправы черезъ Дунай послѣ неудачной попытки у с. Нусдорфа былъ избранъ островъ Лобау, находящійся между селеніями Асспернъ и Эсслингенъ, гдѣ Дунай образуетъ выгнутую къ острову дугу. Хотя вода въ Дунаѣ сильно прибывала и наводимые мосты нѣсколько разъ ломало и уносило, но настойчивость и желѣзное упорство Наполеона побѣдило даже самую стихію. Мосты были, наконецъ, устроены, и 21 и 22 мая разразился упорный бой при Асспернѣ за обладаніе переправой черезъ Дунай. Такъ какъ и Наполеонъ и эрцгерцогъ Карлъ—оба прекрасно понимали важность овладѣнія Асперномъ, ибо оно давало возможность побѣдителю спокойно переправиться черезъ Дунай, то и сраженіе это, ничтожное по результатамъ, было, тѣмъ не менѣе, замѣчательно по упорству и героизму, проявленному



Францъ I, императоръ Австріи.

обѣими сторонами. Несчастный Асперпъ, превращенный канонадою въ развалины къ концу перваго дня боя, нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ 10 часовъ вечера 21 мая темнота прекратила упорное кровопролитіе. И австрійцы и французы остались на своихъ позиціяхъ, хотя французы и потеряли почти половину людей. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня австрійцы вновь начали свои стремительныя атаки. Счастіе, переходившее нѣсколько разъ поочередно на обѣ стороны, къ 8 часамъ утра совсѣмъ было уже на сторонѣ Наполеона, и побѣда была почти уже у него въ рукахъ, какъ вдругъ онъ получаетъ извѣстіе, что брандеры въ двухъ мѣстахъ разрушили мостъ, соединявшій островъ Лобау съ правымъ берегомъ Дуная, вслѣдствіе чего онъ рисковалъ потерять сообщеніе съ резервами маршала Даву и парками. Это обстоятельство заставило его сначала остановить наступленіе и затѣмъ отступить. Маршалъ Ланнъ медленно и въ совершенномъ порядкѣ началъ отходить, удерживая все-таки за собою Асперпъ и отбивая непрерывно повторяющіяся атаки австрійцевъ. Подъ конецъ отступленія онъ былъ смертельно раненъ. Снова развалины Асперна нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, эрцгерцогъ Карлъ, убѣдясь въ безполезности этихъ атакъ, не приказалъ выдвинуть всю артиллерію и открыть канонаду, продолжавшуюся до наступленія совершенной темноты. Ночью Наполеонъ приказалъ отступить на островъ Лобау, что и было исполнено благодаря блистательному прикрытію этого отступленія маршаломъ Массеной.



Эрцгерцогъ Карлъ (портр. Зееле).

Послѣ боя при Асперпѣ наступилъ шестинедѣльный перерывъ. Неудача не обезкуражила Наполеона; онъ снова возвратился на островъ Лобау и первымъ долгомъ позаботился о возстановленіи мостовъ, снесенныхъ поднятіемъ водъ въ Дунаѣ. Затѣмъ, не зная хорошенько дальнѣйшихъ намѣреній эрцгерцога Карла и опасаясь, какъ бы онъ не ударилъ ему во фланги со стороны Кремса и Пресбурга, Наполеонъ тщательно слѣдилъ за всѣми дѣйствіями австрійцевъ, и когда убѣдился въ томъ, что эрцгерцогъ Карлъ принялъ оборонительную систему дѣйствій, спѣшно началъ дѣлать приготовленія для второго перехода черезъ Дунай, имѣя въ виду прежнюю же цѣль: нанести рѣшительный ударъ австрійцамъ на лѣвомъ берегу Дуная и разомъ покончить войну. Что касается эрцгерцога Карла, то онъ, ободренный случайнымъ успѣхомъ при Асперпѣ, рѣшилъ и на будущее время держаться того же образа дѣйствій, т.-е. или напасть на французовъ при самой переправѣ, или же, въ худшемъ случаѣ,



Наполеонъ при Ваграмѣ (Адамъ).

принять бой на выгодной оборонительной позиціи, занимаемой имъ теперь. Армія его была расположена: часть на высотахъ рѣки Руссбиха, часть—близъ Бизамберга; корпусъ Кленау былъ между Асперномъ и Энценсдорфомъ, эрцгерцогу Іоанну съ арміей было приказано стать у Пресбурга; корпусу Колловрата—на правомъ флангѣ арміи. Наполеонъ выбралъ мѣстомъ переправы черезъ Дунай восточный берегъ острова Лобау, но чтобы обмануть вниманіе австрійцевъ, 30 іюня и 2 іюля имъ были произведены демонстраціи переправы на сѣверной сторонѣ острова. Эти демонстраціи достигли своей цѣли и дали возможность Наполеону убѣдиться, что австрійцы ждутъ его именно съ этой стороны. Переправа была назначена на 4 число. Въ 9 часовъ вечера, когда умолкли австрійскія орудія, было приказано начать переправу. Передовыя части корпуса Удино первыми переправились на островъ Гетсъ-Грундъ и сразу заняли выгодное положеніе, такъ какъ отсюда могли поражать анфиладнымъ огнемъ лѣвый берегъ Дуная. Какъ только австрійцы замѣтили переправу, Наполеонъ сейчасъ же открылъ по нимъ огонь изъ ста орудій, а Леграну приказалъ произвести демонстрацію наступленія на прежнюю переправу, т.-е. на сѣверную сторону о-ва Лобау, откуда ждали его австрійцы. Хитрость удалась вполнѣ; австрійцы все свое вниманіе обратили исключительно на демонстрирующаго Леграна, а въ это время на настоящей переправѣ на лодкахъ и поромахъ уже отчаливали корпуса маршаловъ Массены и Даву. Пока головныя части этихъ корпусовъ подъ прикрытіемъ канонады изъ ста орудій переплывали черезъ Дунай, въ тылу ихъ сейчасъ же наводились пять заготовленныхъ заранѣе мостовъ. По этимъ мостамъ въ теченіе

ночи успѣла перейти кавалерія и артиллерія этихъ же корпусовъ. По мѣрѣ переправы корпуса занимали мѣста: Массена противъ Энценсдорфа; Удино подходилъ къ замку Саксенгангъ; Даву въ промежуткѣ между ними. На разсвѣтѣ были наведены еще 3 моста, прикрытыхъ большими мостовыми укрѣпленіями. Вслѣдъ за передовыми корпусами по всѣмъ этимъ мостамъ въ бурную, сопровождаемую ливнемъ, ночь съ необыкновенной быстротой переправились: гвардія, армія принца Евгенія Богарне; корпуса Мармона, Бернадота, баварскій корпусъ Вреде, такъ что на островѣ Лобау осталось всего лишь семь батальоновъ Ренье. И когда послѣ бурной дождливой ночи, наконецъ, взошло солнце, французы уже развертывались въ боевой порядокъ на Мархфельдской равнинѣ. Въ 9 часовъ утра былъ взятъ Энценсдорфъ, гдѣ Наполеономъ было назначено перемѣнить фронтъ. Къ полудню этотъ сложный маневръ полуторастатысячной арміи былъ блестяще исполненъ, и она выстроилась въ три линіи между Энценсдорфомъ и Руценсдорфомъ. Въ первомъ часу дня французская армія двинулась впередъ и къ 6 часамъ вечера расположилась такъ: Даву—между Глинцендорфомъ и Гросгофеномъ, вправо отъ него—кавалерія Груши и Монбрена; лѣвѣе—Даву; Удино противъ Баумерсдорфа; лѣвымъ флангомъ онъ примыкалъ къ принцу Евгенію, который, въ свою очередь, соприкасался съ корпусомъ Бернадота въ Адерклаа; остальное пространство до Дуная занялъ Массена. Гвардія, баварцы Вреде и три кирасирскія дивизіи составляли резервъ, расположенный впереди Рансдорфа. Корпусъ Мармона оставался пока для охраны мостовъ и лишь 6 іюля былъ введенъ въ линію огня. Эрцгерцогъ Карлъ не думалъ, что французы нападутъ на него въ тотъ же день и не особенно торопился сосредоточеніемъ своей арміи, да къ тому же онъ и надѣялся на крѣпость позиціи. А позиція была дѣйствительно великолѣпна въ смыслѣ обороны. Возвышенное плато, омываемое съ двухъ сторонъ р. Руссбахъ, мѣняющей у Ваграма направленіе подъ прямымъ угломъ, при чемъ лѣвый берегъ ручья, покрытый крутыми скатами, представлялъ изъ себя какъ бы природное сильное укрѣпленіе съ водянымъ рвомъ, командующее притомъ надъ всею Мархфельдской равниной. Позиція усиливалась еще расположеніемъ у подножія высотъ селеній Ваграма и Нейзиделя въ исходящихъ углахъ плато и Баумерсдорфа посрединѣ. Линія Ваграмъ-Нейзидель, протяженіемъ въ пять верстъ, была занята корпусами Розенберга, Гогенцоллерна и Белльгарда и пѣхотою Нордмана. Гренадеры, прикрытые съ фронта кавалеріей Лихтенштейна и



Наполеонъ при Ваграмѣ (Деварре).

отрядомъ Кленау, стояли на восточномъ склонѣ Бизамберга; корпусъ Колловрата стоялъ за ними въ резервѣ. Около 7 часовъ вечера Наполеонъ приказалъ начать наступленіе: Даву—на Нейзидель; Удино—на Баумерсдорфъ; вице-королю Евгенію вмѣстѣ съ дивизіей Дюппа—между Блумерсдорфомъ и Ваграмомъ и, наконецъ, Бернадоту—на Ваграмъ. Всѣ эти атаки пока были неудачны для французовъ, несмотря на превосходство ихъ силъ. Удино послѣ второй атаки былъ отброшенъ за Руссбахъ съ большими потерями. Макдональдъ (изъ корпуса вице-короля Евгенія) и Дюппа, своевременно подкрѣпленный дивизіями Серраса и Дюрата и кавалеріей Сапока, сначала имѣли нѣкоторый успѣхъ и потѣснили корпусъ Белльгарда, но его поддержали эрцгерцогъ и Гогенцоллернъ, и французы принуждены были отступить. Въ ночной тьмѣ отступавшія части французовъ приняли свои же войска, бывшія передъ ними, за непріятеля; считая себя обойденными, они поддались паническому страху и стройное отступленіе смѣнили безпорядочнымъ. Въ другихъ мѣстахъ боя успѣхъ былъ такой же плачевный: Розенбергъ удержался противъ Даву и Бернадотъ ворвался было въ Ваграмъ, но и у него повторилась та же исторія, что и у Макдональда, т.-е. въ ночной темнотѣ свои не узнавали своихъ и даже открыли по нимъ огонь. Быстро распространившейся вслѣдствіе этого паникой моментально воспользовались австрійцы, ударили на Бернадота и заставили его отступить. Въ 11 часовъ бой умолкъ, и войска ночевали на прежнихъ позиціяхъ. Ободренный успѣхами дня, эрцгерцогъ Карлъ на слѣдующее утро рѣшилъ самъ атаковать французовъ, предполагая



Ваграмъ (Bellangi).



Прибытіе Наполеона въ Шенбруннъ (Делоборда).

всѣми корпусами двинуться впередъ, при чемъ демонстрировать наступленіе лѣвымъ флангомъ, а правымъ—отрѣзать французовъ отъ переправы. Онъ приказалъ Кленау и Колловрату слѣдовать: первому на Упрштетенъ, опираясь правымъ флангомъ на Дунай, а второму—черезъ Леопольдау на Брейтенлее, при чемъ имѣть связь съ гренадерскимъ корпусомъ Аспра, направленнымъ на Зюссенбруннъ. Кавалерія Лихтенштейна была послана между Адерклаа и Зюссенбрунномъ, поддерживая связь направо съ гренадерами, налѣво—съ корпусомъ Белльгарда, двинутымъ, въ свою очередь, на Адерклаа и упиравшимъ лѣвымъ флангомъ въ Руссбахъ. Гогенцоллерну было приказано держаться за Руссбахомъ и атаковать французовъ съ фронта. Розенбергу и эрцгерцогу Іоанну назначено было атаковать правый флангъ французовъ. Что касается Наполеона, то планы его на 6 іюля состояли въ слѣдующемъ: обратить главныя усилія на высоты у Нейзиделя и, овладѣвъ ими съ фланга, заставить австрійцевъ очистить руссбахскую позицію и отрѣзать ихъ такимъ образомъ отъ эрцгерцога Іоанна. Съ этою цѣлью Наполеонъ приказалъ Даву атаковать уголъ высотъ у Нейзиделя; Удино и корпусу вице-короля Евгенія—атаковать съ фронта; корпусу Массены — стянуться къ Адерклаа. На разсвѣтѣ 6 іюля подъ орудійный громъ Розенбергъ атаковалъ Грософенъ и Глинцендорфъ, занятые корпусомъ Даву. Наполеонъ, предполагая по грохоту орудій, что подоспѣлъ эрцгерцогъ Іоаннъ, поспѣшилъ на помощь къ Даву съ двумя кирасирскими дивизіями Арроги и Нансути и Розенбергъ былъ отброшенъ за Руссбахъ. Между тѣмъ Белльгардъ наступалъ на Ардерклаа, откуда самовольно ушелъ Бернадотъ, бросивъ этотъ важный опорный пунктъ для обѣихъ сторонъ, и войска Белльгарда заняли Адерклаа. Массена, успѣвшій стянуться къ Адерклаа и замѣнившій такимъ образомъ здѣсь Берна-

дота, сразу сообразилъ всю важность обладанія этимъ пунктомъ и рѣшилъ овладѣть имъ во что бы то ни стало. Дивизія Сенъ-Сира исполнила эту задачу, но, вновь атакованная Белльгардомъ и подоспѣвшими къ нему гренадерами, отступила подъ прикрытіемъ Молитора, которому удалось все-таки еще разъ занять Адерклаа, но, въ свою очередь, атакованный съ фронта и съ тыла угрожаемый кавалеріей Лихтенштейна, Молиторъ отступилъ. Лѣвый флангъ французовъ былъ атакованъ корпусомъ Колловрата, при чемъ Кленау оттѣснилъ дивизію Буде, оставленную Массеною около развалинъ Асперна. Марюля, замѣтивъ опасность, угрожавшую тылу, атаковалъ артиллерію Кленау, и здѣсь произошло нѣсколько жестокихъ схватокъ съ кавалеріей Вальмодена. Узнавъ о происшествіяхъ на лѣвомъ флангѣ, Наполеонъ оставилъ Даву и поспѣшилъ къ Адерклаа. Быстро оцѣнивъ своимъ геніальнымъ умомъ настоящее положеніе дѣлъ, онъ предпринялъ рѣшеніе: удержать наступленіе австрійцевъ по линіи Адерклаа—Эсслингенъ и, сосредоточивъ какъ можно болѣе войскъ въ Адерклаа, прорвать такимъ образомъ центръ непріятеля; иначе говоря—во время самого боя Наполеонъ перемѣнилъ пунктъ главной атаки. Съ этою цѣлью онъ приказалъ Массенѣ, при поддержкѣ кавалеріи Лассаля и Сенъ-Сюльписа спѣшить по направленію къ Эсслингену, чтобы остановить тамъ Кленау, Макдональду же съ тремя дивизіями замѣстить Массену; остальная часть корпуса вице-короля Евгенія, корпусъ Мармона и баварская дивизія Вреде должны были поддержать Макдональда. Чтобы скрыть отъ непріятеля до прибытія Макдональда пустое мѣсто, образовав-



Іоахимъ Гаспингеръ призываетъ къ возстанію (Gabh).

шееся отъ ухода Массены, Наполеонъ бросилъ въ образовавшійся промежутокъ кавалерію Бессіера. Произведя нѣсколько блестящихъ атакъ, она должна была отступить, но все-таки тѣмъ временемъ дала возможность прибыть резервной артиллеріи. Пока устраивалъ свой отрядъ Макдональдъ, Наполеонъ изъ стоорудійной батареи подъ начальствомъ Лористона поражалъ Колловрата и гренадеръ, но поджидалъ лишь успѣшнаго окончанія дѣйствій Даву для того, чтобы корпусомъ Макдональда нанести послѣдній, роковой ударъ австрійцамъ. Около часа дня послѣ страшныхъ усилій и нѣсколькихъ отбитыхъ атакъ Даву, наконецъ, сбилъ Розенберга съ позиціи и завладѣлъ Нейзидельской башней — тактическимъ ключомъ ея. Розенбергъ отступилъ на Бокфлисъ. Удино оттѣснилъ Гогенцоллерна и заставилъ его также отступать. Наполеонъ, замѣтивъ успѣхи Даву и Удино, приказалъ Макдональду начать атаку. Передовая восьмитысячная колонна его подъ перекрестнымъ огнемъ австрійскихъ орудій въ короткое время потеряла почти половину людей, но все-таки съ замѣчательной храбростью и самоотверженіемъ шла впередъ. Кромѣ австрійскихъ орудій,




Тріумф арка на площ. „Carroussel“



Тріумф. арка на площ. „Etoile“.

массы кавалеріи напирали на фланги и тылъ Макдональда, который, въ свою очередь, приказалъ своей кавалеріи отбить австрійскую, но кавалерія Макдональда была смята и опрокинута, и съ оставшимися всего $1^1/_2$ тыс. человѣкъ онъ остановился. Наступала рѣшительная минута боя. Наполеонъ послалъ на подкрѣпленіе Макдональда остальныя дивизіи вице-короля Евгенія и молодую гвардію. Послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя Пакто овладѣлъ Адерклаа, Дюрюттъ—Брейтенлее, Макдональдъ атаковалъ Зюссенбруннъ. Этотъ моментъ рѣшилъ бой при Ваграмѣ. Эрцгерцогъ Карлъ, не имѣя болѣе резервовъ, приказалъ отступать по всей линіи. На лѣвомъ флангѣ Массена подъ прикрытіемъ кирасировъ Сенъ-Сюльписа произвелъ энергичный фланговый маршъ къ Эсслингену, уже занятому войсками Кленау, и выбилъ ихъ оттуда. Около 4 часовъ дня, когда французская армія была уже въ полномъ наступленіи, показались передовые разъѣзды эрцгерцога Іоанна, но было уже поздно: участь сраженія при Ваграмѣ была рѣшена. Эрцгерцогъ Карлъ приказалъ отступать Итакъ, Ваграмскій бой, вначалѣ неудачный, геніемъ Наполеона, сумѣвшаго во время самаго сраженія перемѣнить сообразно съ обстоятель-

ствами пунктъ главной атаки, былъ выигранъ, и судьба кампаніи была рѣшена. Но и австрійцы Ваграмскимъ боемъ внесли славную страницу въ свою военную исторію; ихъ отступленіе было совершено въ образцовомъ порядкѣ. Переправа же французовъ черезъ Дунай — безусловно одинъ изъ самыхъ блестящихъ военныхъ подвиговъ. Вскорѣ былъ заключенъ съ Австріею миръ въ Шенбруннѣ.

В. П. Өедоровъ.

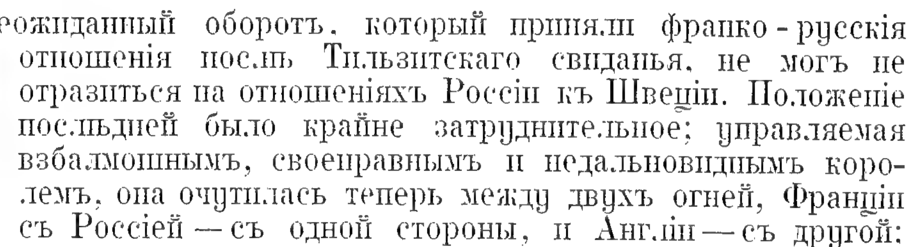


Открытіе сейма въ Борго 29 марта 1809 г. (Экмана).

VI. Россія и Швеція. Финляндскія дѣла.



Проф. С. А. Корфа.



Неожиданный оборотъ, который приняли франко-русскія отношенія послѣ Тильзитскаго свиданья, не могъ не отразиться на отношеніяхъ Россіи къ Швеціи. Положеніе послѣдней было крайне затруднительное; управляемая взбалмошнымъ, своенравнымъ и недальновиднымъ королемъ, она очутилась теперь между двухъ огней, Франціи съ Россіей — съ одной стороны, и Англіи — съ другой: весьма скоро стало ясно, что война для нея неизбѣжна и что политика нейтралитета болѣе невозможна [1]: вопросъ заключался только въ томъ, на чью сторону она встанетъ; присоединись она къ политикѣ могу-

[1] Cp. Stavenow, Sveriges historia intill tjugonde seklet, t. 8, s. 255.

щественнаго и непобѣдимаго Наполеона, Англія своимъ флотомъ немедленно отрѣзала бы ее отъ континента, уничтоживъ всю ея экспортную торговлю; встань она на сторону Англіи, ей угрожала теперь не только французская армія, но и ближайшая сосѣдка, Россія, новая союзница Наполеона. Родственныя связи дворовъ С.-Петербурга и Стокгольма не играли при этомъ никакой роли; даже, наоборотъ, личныя качества Густава IV Адольфа дѣлали его ненавистнымъ Александру; да, кромѣ того, Наполеонъ не давалъ имъ времени одуматься; его требованія неукоснительнаго проведенія континентальной системы были для царя conditio sine qua non существованія союзническихъ отношеній.

Сама судьба влекла Швецію въ сторону англійскаго соглашенія; Густавъ всѣмъ своимъ существомъ ненавидѣлъ Наполеона, считая его политику гибельной для европейской цивилизаціи; онъ съ грустью и страхомъ видѣлъ, какъ одинъ за другимъ падали подъ ударами европейскіе троны; но были и другія, гораздо болѣе важныя причины, склонявшія Швецію къ союзу съ Англіей; во всей Европѣ врядъ ли имѣлось второе государство, которое могло бы столь существенно пострадать отъ присоединенія къ континентальной системѣ, какъ Швеція [1]); весь ея экспортъ шелъ морскимъ путемъ и, слѣдовательно, въ любой моментъ могъ быть совершенно отрѣзанъ и уничтоженъ могущественнымъ англійскимъ флотомъ; а кромѣ того, желѣзо и дерево, занимавшія первое мѣсто въ экспортѣ Швеціи (около 59%), шли непосредственно въ Англію; все это ставило Швецію въ полную зависимость отъ великобританскаго флота. Послѣдняя къ тому же помогала Швеціи и денежными субсидіями, что составляло немаловажную статью дохода для правительства Густава. Наконецъ бомбардировка англичанами Копенгагена, имѣвшая мѣсто въ сентябрѣ 1807 г., явилась для Швеціи своего рода memento mori.

Итакъ, не одна близорукость короля, а многія другія, гораздо болѣе вѣскія, причины толкали маленькую Швецію на борьбу съ французскимъ великаномъ. Но теперь обстоятельство это имѣло одно очень важное для насъ слѣдствіе: Швеція неминуемо должна была прійти въ столкновеніе и съ Россіей. Уже съ 1806 г. Александръ долженъ былъ чувствовать ту опасность, которая угрожала его столицѣ съ сѣвера; до его слуха доходили извѣстія, что въ декабрѣ этого года шведскія войска, расположенныя въ Финляндіи, мобилизовались, а въ Россію были посланы шпіоны для ознакомленія съ численностью русскихъ военныхъ силъ, передвинутыхъ на польскую границу; да и самъ Наполеонъ не разъ указывалъ царю на угрожавшую его тылу опасность; оба монарха правильно считали Швецію географическимъ врагомъ Россіи, а Финляндію—какъ бы нарочито созданную для непріятельскаго десанта, предназначаемаго для дѣйствій противъ Петербурга [2]); насколько опасность такого положенія хорошо сознавалась въ Петербургѣ, свидѣтельствуютъ намъ записки Н. И. Греча («Записки о моей

---

[1]) Ср. S. Clason, Vårt hundraårsminne: Krisen 1808—1809; Historisk Tidskrift, 29, 1909, Stockholm, s. 12.

[2]) Ср. Y. Koskinen, Finlands Historia, 1874, S. 538. Также К. Злобинъ, «Дипломатическія сношенія между Россіей и Швеціей въ первые годы царствованія имп. Александра I», сборникъ Русск. Истор. Общества, томъ II, 1868 г., стр. 49, 54 и др. Наполеонъ постоянно имѣлъ въ виду это стратегическое значеніе Швеціи, и когда впослѣдствіи онъ готовилъ свой страшный ударъ противъ Россіи, его чрезвычайно злили добрыя отношенія послѣдней съ ея сѣверной сосѣдкой; ср. Schinkel, Minnen ur Sveriges Nyare Historia, bihang. II.

жизни», СПБ. 1886, стр. 267), въ которыхъ можно прочесть слѣдующее: «На войну со Швеціей надобно смотрѣть съ иной стороны. Правительство наше имѣло къ Россіи обязанности обезпечить сѣверо-западную ея границу. Владѣнія Швеціи начинались въ небольшомъ отдаленіи отъ Петербурга. Крѣпости ея владычествовали надъ сѣверными берегами Финскаго залива. Финляндія, огромная гранитная стѣна, давила плоскую Ингерманландію». Нельзя болѣе краснорѣчиво описать господствовавшее въ тѣ дни настроеніе столичнаго общества.

Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить нѣкоторый осадокъ горечи въ душѣ Александра по отношенію къ Густаву; уже въ прежнія русскія войны шведскій король показалъ себя не вполнѣ надежнымъ сосѣдомъ, иногда даже позволявшимъ себѣ третировать царя; послѣдній же, какъ извѣстно, очень чуткій на удары по его самолюбію, долженъ былъ легко поддаваться чувству предубѣжденія противъ шведскаго правительства и Густава. Наполеонъ же, съ своей стороны, искусно пользовался этой конъюнктурой, хитро науськивая Александра на Швецію, иногда обѣщая ему поддержку, иногда угрожая или просто льстя ему; императоръ, разсчитывая отвлечь этимъ вниманіе царя отъ турецкаго вопроса, предлагалъ ему въ видѣ компенсаціи отнять у Швеціи Финляндію. Чѣмъ большее нетерпѣнье выражалъ Александръ въ восточномъ вопросѣ, тѣмъ усиленнѣе толкалъ его Наполеонъ на борьбу со Швеціей; такъ, въ Эрфуртѣ, осенью 1808 г., императоръ предлагалъ царю въ видѣ «вознагражденія» не только Молдавію и Валахію, но и Финляндію (см. проектъ ст. 5 договора); впослѣдствіи это дало ему право говорить, что именно онъ «далъ» Финляндію Александру [1]).



Графъ Ф. Ф. Буксгевденъ (Боровиковскій).

[1]) Ср. Vandal, Napoléon et Alexandre I, t. I, p. 260, 314, 475 (Paris 1891). E. Driault, La politique orientale de Napoléon, p. 346. Поповъ, «Сношенія Россіи съ европ. державами передъ отечественной войной 1812 г.», «Журналъ М-ва Нар. Просв.», январь 1875.

Не сразу, однако, рѣшился государь на войну съ Швеціей; сначала онъ пробовалъ убѣждать Густава добровольно присоединиться къ континентальной системѣ; всѣ усилія, однако, оказывались тщетными, и позднею осенью 1807 г. Россія уже начала стягивать войска къ своей сѣверо-западной границѣ; первоначальнымъ предлогомъ такого передвиженія войскъ была выставлена необходимость обезпеченія Балтійскаго побережья отъ нападенія Англіи; Россія боялась повторенія чего-либо въ родѣ копенгагенской бомбардировки.

Съ начала 1808 г. событія приняли болѣе опредѣленный оборотъ; на угрожающія ноты Россіи шведское правительство не давало отвѣта, вслѣдствіе чего Александръ рѣшилъ дѣйствовать энергично; подъ прикрытіемъ миролюбивыхъ разговоровъ съ шведскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, русское правительство стало стягивать свою армію, желая предупредить сосѣда; 5 февраля было послано въ Парижъ извѣщеніе о готовившейся войнѣ, а 15-го былъ выданъ паспортъ шведскому посланнику; государь торопился, такъ какъ хорошо зналъ, что Швеція была еще совершенно не подготовлена къ войнѣ; къ тому же, зимняя кампанія, благодаря льду, облегчала наступательныя дѣйствія на шведскія крѣпости, въ родѣ Свеаборга. Послѣдовавшій въ мартѣ 1808 г. арестъ шведами русскаго посланника Алопеуса страшно возмутилъ Александра, написавшаго Наполеону, что «шведы поступили какъ истые варвары, хуже турокъ»; впрочемъ, и въ самой Швеціи многіе были недовольны этимъ безсмысленнымъ поступкомъ.

Намъ необходимо отмѣтить здѣсь, что съ самаго начала кампаніи русское правительство задалось мыслью возстановить населеніе Финляндіи противъ Швеціи; избранный для этого путь былъ слѣдующій: русскій главнокомандующій издалъ прокламаціи (февраль и мартъ 1808 г.), въ которыхъ обѣщалъ финляндцамъ сохраненіе ихъ правъ, законовъ и привилегій, при условіи перехода на русскую сторону (таково, напр., было обѣщаніе 31 марта, касавшееся избавленія финляндцевъ отъ воинской повинности); съ другой стороны, есть основанія предполагать, что русское правительство обнадеживало подобными же обѣщаніями шведскихъ аристократовъ, владѣвшихъ большими имѣніями, расположенными въ Финляндіи; для Россіи было чрезвычайно выгодно получить на свою сторону земельную аристократію.

Нельзя сказать однако, чтобы первоначально эта политика имѣла большой успѣхъ; только позднѣе принесла она свои плоды.

Движеніе русскихъ войскъ въ Финляндіи шло сначала очень успѣшно; слабыя шведскія войска отступали все дальше на сѣверъ; сильно помогла русскимъ при этомъ измѣнническая сдача адмираломъ Кронштедтомъ крѣпости Свеаборгъ, благодаря чему для нихъ оказалась обезпеченной хорошая стратегическая база. Съ теченіемъ времени обстоятельства, однако, начали принимать другой характеръ. Чѣмъ дальше вглубь двигались русскія войска, тѣмъ большее они встрѣчали сопротивленіе со стороны мѣстныхъ жителей; со многихъ концовъ такимъ образомъ возгорѣлась настоящая партизанская война, сильно тревожившая нашу армію. Да и шведы понемногу стали приходить въ себя и оказывать все болѣе успѣшное сопротивленіе русскимъ генераламъ; отдѣльные шведскіе отряды даже начали наступательныя дѣйствія. Немудрено поэтому, что русскіе вновь обратились къ мысли пріобрѣсти на свою сторону финляндское населеніе.

На этотъ разъ русское правительство возбудило вопросъ о будущемъ положеніи занятой нашими войсками финляндской территоріи; финляндцамъ было предложено высказать свое мнѣніе посредствомъ особой «депутаціи»; населеніе Финляндіи отнеслось къ этому предложенію скептически, боясь, что русское правительство имѣло въ виду такимъ способомъ замѣнить старинныя сеймовыя собранія края; петербургское правительство разъяснило имъ, что таковой цѣли не имѣлось въ виду, послѣ чего финляндцы согласились на избраніе депутаціи, прибывшей, наконецъ, въ Петербургъ позднею осенью 1808 г., т.-е. въ то время, когда русскія войска уже успѣли обезпечить себѣ окончательный перевѣсъ надъ непріятелемъ.

7 (19) ноября была подписана въ Олькиіоки конвенція между Каменскимъ и Адлеркрейцемъ, согласно которой шведская армія должна была отступить за рѣку Кемь, что и было ею исполнено къ 1 декабря.

Россія, однако, не могла довольствоваться этимъ; важное стратегическое значеніе Аландскихъ острововъ не могло долго остаться незамѣченнымъ; уже осенью 1808 г. созрѣлъ въ Петербургѣ планъ занятія этихъ острововъ, располагая которыми можно было угрожать самому Стокгольму; зимою 1808—1809 г., благодаря суровымъ холодамъ, сковавшимъ море прочнымъ покровомъ льда, осуществленіе подобнаго плана было довольно легко. Главнокомандующій Буксгевденъ, однако, считалъ его все же рискованнымъ; принужденный уступить настояніямъ изъ Петербурга, онъ подалъ въ отставку. Его замѣнилъ генералъ Кноррингъ, а къ февралю прибылъ въ дѣйствующую армію и самъ Аракчеевъ; по пріѣздѣ послѣдняго сразу началось движеніе русскихъ по льду на Аландскіе острова. Шведы настолько растерялись, что, отступивъ, обнажили самое сердце своего отечества. Еще одинъ шагъ, казалось, и русскіе будутъ въ Стокгольмѣ. Но тутъ случилось совершенно непредвидѣнное событіе: дворцовая революція низложила короля Густава, передавъ бразды правленія его дядѣ, герцогу Зюдерманландскому, принявшему титулъ Карла XIII.

Историческая литература минувшаго вѣка видѣла въ Густавѣ IV лишь полусумасшедшаго, упрямаго, нелюдимаго и взбалмошнаго монарха, который своими личными недостатками навлекъ на Швецію всѣ невзгоды 1807—1809 годовъ [1]); въ этомъ отношеніи взгляды современныхъ историковъ, однако, сильно измѣнились. Не столько личные недостатки короля Густава, которые, впрочемъ, трудно умалить, привели Швецію къ страшному кризису этой эпохи, сколько цѣлый рядъ другихъ, гораздо болѣе важныхъ, обстоятельствъ; мы уже упомянули объ экономическихъ факторахъ, принуждавшихъ Швецію къ союзу съ Англіей; затѣмъ, и съ точки зрѣнія военной не однѣ ошибки Густава были причиной пораженій шведскихъ войскъ; дезорганизація военнаго начальствованія и бездарность шведскихъ генераловъ сыграли въ этомъ отношеніи болѣе крупную роль; измѣна Кронштедта и все растущее недовольство среди гвардіи одни чего стоятъ! А рядомъ съ этимъ мы имѣемъ тяжелый финансовый кризисъ, оставлявшій Густава безъ денегъ для уплаты содержанія арміи, и все растущую деморализацію какъ правительства, такъ и высшихъ слоевъ шведскаго общества. Земельная

---

1) Таково было мнѣніе почти поголовно всѣхъ историковъ французовъ и нѣмцевъ; у насъ же см. Шильдеръ, «Имп. Александръ I», т. II, стр. 239, Злобинъ, о. с., стр. 83, и также мн. др.

аристократія боялась потерять свои имѣнія, расположенныя въ Финляндіи, и нѣкоторые изъ ея представителей уже заискивали у русскаго правительства. Такой раздоръ и разложеніе въ моментъ, когда государству приходилось напрягать всѣ силы въ неравной борьбѣ съ русскими, не могъ тяжело не отзываться на результатахъ военной кампаніи; деморализація и вырожденіе высшихъ соціальныхъ слоевъ, а главное—и оппозиція, дѣлаемая королю его собственнымъ правительствомъ, не могли не привести къ фридрихсгамскому пораженію.

Будучи, несомнѣнно, освѣдомленъ о тѣхъ затрудненіяхъ, въ которыхъ находилась его сосѣдка, Александръ очень удачно воспользовался этимъ несчастнымъ для Швеціи моментомъ для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей.

* * *

Самый актъ низложенія короля Густава былъ дѣломъ военныхъ; свергнувъ его, каждый изъ отдѣльныхъ военачальниковъ желалъ воспользоваться положеніемъ въ своихъ личныхъ честолюбивыхъ цѣляхъ; такъ, одна изъ борющихся партій послала даже эмиссара къ Кноррингу съ просьбой пріостановить военныя дѣйствія, дабы тѣмъ дать шведскимъ войскамъ возможность уйти съ военныхъ позицій въ Стокгольмъ и принять тамъ участіе въ государственномъ переворотѣ; а защищавшій отъ надвигавшагося врага западную границу Адлерспарре поступилъ еще проще: оставивъ врага на норвежской границѣ и повернувши ему спину, пошелъ на Стокгольмъ. Есть также основанія предполагать, что въ эту безумную минуту существовала цѣлая партія въ Швеціи, разсчитывавшая на помощь Наполеона, который будто бы «не допуститъ завоеванія шведскаго государства»; этотъ ошибочный расчетъ нѣкоторыхъ шведовъ, однако, легко объяснимъ, если принять во вниманіе тотъ аттестатъ, которымъ тогда пользовался императоръ французовъ; намъ ниже еще придется отмѣчать, какъ долго въ Швеціи жила подобная надежда на помощь Франціи [1]).

Наполеонъ, однако, въ это самое время, начавъ новую войну съ Австріей, менѣе всего расположенъ былъ заниматься малоинтересной для него Швеціей; дружба Александра ему была особенно нужна, а между тѣмъ послѣдній сталъ отъ него отворачиваться, готовя себѣ пути отступленія.

Въ расчеты Александра должно было входить стремленіе использовать свою побѣду надъ Швеціей въ полной мѣрѣ, избѣгая вмѣстѣ съ тѣмъ окончательнаго подавленія послѣдней; переворотъ въ Стокгольмѣ нѣсколько облегчилъ эту задачу, такъ какъ новое правительство Карла XIII съ первыхъ же мѣсяцевъ обнаруживало желаніе заключить миръ съ Россіей, а одновременно нѣсколько разъ посылало уполномоченныхъ къ Наполеону съ просьбой о посредничествѣ; ни съ той ни съ другой стороны не получалось, однако, удовлетворительнаго отвѣта; Наполеонъ даже просто не отвѣчалъ на шведскіе запросы, условія же Александра казались для Шве-

[1]) Ср. E. Hamnström, Freden i Fredrikshamn, 1902, s. 8; M. Sandegren, Tillhistorien om statshvälfningen i Sverige 1809; B. Sjövall, Den adlersparreska revolutionen, Historisk Tidskrift, 1907; S. Clason, o. c., s. 38; Vandal, o. c., II, p. 46; O. Alin, Carl Iohan, och Sveriges yttre politik (Stockholm 1899), s. 3; Correspondance de Napoleon I, № 15089.

ціи слишкомъ тяжелыми. Русскія войска тѣмъ временемъ начали готовиться къ новой наступательной кампаніи; въ особенности активно дѣйствовали войска на сѣверѣ; они перешли рѣку Торнео и повернули на югъ, къ Стокгольму; 23 іюня они одержали побѣду при Гернефорсѣ; путь къ столицѣ былъ теперь очень слабо защищенъ. При такихъ условіяхъ немудрено, что Швеція пошла на уступки; 9 (21) іюня ея правительство согласилось, наконецъ, на первоначальныя требованія Александра, а таковыя заключали въ себѣ слѣдующія три условія: 1) признаніе Ботническаго залива и рѣки Каликсъ границами между Россіей и Швеціей, 2) присоединеніе Швеціи къ континентальной системѣ и 3) союзъ Швеціи съ союзниками Россіи. Уступчивость Швеціи, основанная, какъ мы видѣли, на ея чрезвычайныхъ внутреннихъ затрудненіяхъ, теперь была поддержана еще въ большей мѣрѣ зародившимися лѣтомъ 1809 г. планами о возможности получить возмѣщеніе за потерянную Финляндію на западѣ присоединеніемъ Норвегіи. Всѣ эти обстоятельства не могли остаться безъ вліянія на работу шведскихъ уполномоченныхъ при заключеніи мира съ Россіей.



Бернадотъ. (Муз. П. И. Щукина).

Переговоры о мирѣ велись въ Фридрихсгамѣ въ августѣ мѣсяцѣ; съ русской стороны уполномоченными были графъ Румянцевъ и Алопеусъ, съ шведской же — баронъ Стедингъ и Шельдебрандъ; первымъ былъ поставленъ на очередь вопросъ возвращенія Швеціи Аландскихъ острововъ; Румянцевъ, однако, наотрѣзъ отказался обсуждать его, правильно замѣтивъ, что «уступить Финляндію безъ Аландскихъ острововъ значитъ отдать сундукъ, оставивъ у себя ключи отъ него»; да и самъ Стедингъ называлъ острова «караульней» Стокгольма, «сигнальнымъ постомъ шведской столицы»... «Безъ него жители послѣдней,—говорилъ онъ,—не могли бы спать спокойно ни единой ночи» [1]). Получивъ такой рѣзкій отказъ, шведы стали просить, чтобы Россія, по крайней мѣрѣ, обѣщала не строить укрѣпленій на этихъ островахъ; но и на эту просьбу они получили также отказъ [2]). Вторымъ спорнымъ вопросомъ была пограничная сухопутная линія; Россія считала таковой рѣку Каликсъ, шведы же предлагали рѣку Кемь; въ видѣ компромисса Александръ рѣшилъ предложить рѣку Торнео, на что Швеціи пришлось согласиться. Труднѣе дался Россіи третій во-

[1]) Ср. Злобинъ, о. с., стр. 93.

[2]) Только полстолѣтія позднѣе, послѣ крымской войны, добилась Швеція столь ей желанной гарантіи; Россія была принуждена обѣщать не укрѣплять Аландскихъ острововъ, каковое ограниченіе юридически существуетъ и по сей день.

просъ, касавшійся принужденія Швеціи присоединиться къ континентальной системѣ и вступить въ союзническія отношенія съ Франціей и съ Даніей; мы уже отмѣтили значеніе этого требованія для Швеціи и тѣ опасности, которыя въ такомъ случаѣ стали бы угрожать ей со стороны Англіи; не даромъ ея уполномоченные страшно противились этому требованію; въ концѣ-концовъ, имъ, однако, и здѣсь пришлось уступить; есть, впрочемъ, указанія, что одновременно шведское правительство вошло въ своего рода неформальное соглашеніе съ Англіей по поводу этого вопроса, обѣщавъ послѣдней, что его присоединеніе къ континентальной системѣ останется чисто номинальной сдѣлкой безъ какихъ-либо дурныхъ для Англіи послѣдствій, такъ какъ Швеція обѣщалась ничего противъ Англіи и ея торговли не предпринимать. Внѣшнимъ свидѣтельствомъ этому служитъ тотъ фактъ, что англійскій посолъ не покинулъ Стокгольма послѣ подписанія упомянутыхъ условій, а шведскій посланникъ продолжалъ оставаться въ Лондонѣ; факты эти уже тогда обратили на себя вниманіе Наполеона, который ими былъ очень разсерженъ.

5 (17) сентября былъ, наконецъ, подписанъ Фридрихсгамскій мирный договоръ, явившійся однимъ изъ важнѣйшихъ актовъ той политики, которую велъ Александръ, обезпечивая себѣ стратегическій тылъ, для пріобрѣтенія полной свободы дѣйствій на Западѣ. Въ данный моментъ это было тѣмъ важнѣе, что западные горизонты Россіи уже заволакивались черными тучами. Александръ съ каждымъ днемъ все далѣе отдалялся отъ своего тильзитскаго друга: пропасть между Франціей и Россіей все болѣе увеличивалась; Наполеонъ не могъ не чувствовать этого и сильно нервничалъ, не будучи въ состояніи простить Александру въ особенности нежеланіе помочь активно Франціи противъ Австріи.

Немудрено поэтому, что Александръ постарался воспользоваться слабостью Швеціи и покончить со своимъ сѣвернымъ врагомъ. Но совершенно очевидно было, что одного мира было недостаточно; слѣдовало создать такое положеніе, при которомъ и впредь не грозила бы опасность Россіи съ сѣвера; Фридрихсгамскій договоръ являлся только внѣшнимъ миромъ, который теперь требовалось закрѣпить болѣе прочнымъ соглашеніемъ, завязавъ дружественные переговоры съ Швеціей. Для достиженія этой цѣли, т.-е. для обезпеченія стратегическаго тыла Россіи и окончательнаго устраненія военной опасности съ сѣверной границы, Александру слѣдовало удовлетворить слѣдующія два условія: съ одной стороны, ему необходимо было обезпечить себѣ не только миръ, но и дружбу Швеціи, а съ другой—примирить мѣстное населеніе Финляндіи съ его новымъ положеніемъ въ Россійской имперіи. Событія войны 1808 г. ясно доказали царю всю опасность партизанской войны финляндцевъ. Вслѣдствіе этого первой заботой государя было достиженіе второго изъ названныхъ двухъ условій.

Мы уже упомянули, что первымъ серьезнымъ шагомъ въ этомъ направленіи былъ призывъ «финской депутаціи» въ Петербургъ для обсужденія создавшагося завоеваніемъ Финляндіи положенія, что дало финляндцамъ возможность подчеркнуть, что судьбой всего ихъ народа могъ распоряжаться только сеймъ, а не подобная депутація. Александръ учелъ этотъ намекъ и рѣшился на шагъ первостепенной важности, постановивъ

о созывѣ знаменитаго Боргоскаго сейма, на которомъ суждено было закрѣпить финляндскую конституцію. 15 (27) подписанъ былъ манифестъ, въ которомъ государь обѣщалъ торжественно «сохранить вашу (финляндскую) конституцію, ваши основные законы; собраніе ваше здѣсь (въ Борго) будетъ служить ручательствомъ моего обѣщанія»; нѣсколько разъ и въ разныхъ формахъ повторялъ царь свое обѣщаніе обезпечить Финляндіи конституцію.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что на психологію Александра въ этомъ отношеніи воздѣйствовало весьма много факторовъ, не только одно желаніе примирить финляндцевъ съ ихъ новымъ положеніемъ и сдѣлать изъ нихъ друзей Россіи, хотя таковое соображеніе играло также видную роль въ его политикѣ. Для правильнаго пониманія послѣдней приходится принять во вниманіе и личное вліяніе Сперанскаго и проявившуюся тогда нѣкоторую долю либеральной искренности Александра. Съ одной стороны, русской, не существовало какихъ-либо препятствій къ дарованію финляндцамъ конституціи; въ Финляндіи, кромѣ стратегическихъ, не были замѣшаны какіе бы то ни было русскіе интересы, не имѣлось прочныхъ торговыхъ связей, не было и чиновничьихъ интересовъ; служилый Петербургъ, напримѣръ, оставался совершенно равнодушнымъ къ судьбѣ завоеваннаго края; въ этомъ отношеніи Финляндія являлась прямой противоположностью Польшѣ, уже крѣпко привязанной русскими чиновничьими и другими интересами; въ финляндскомъ вопросѣ, такимъ образомъ, Александръ чувствовалъ свои руки совершенно развязанными. А съ другой стороны, онъ этимъ самымъ получилъ блестящую возможность, ничѣмъ не рискуя, проявить свой либерализмъ, которымъ такъ гордился, но такъ мало пользовался; онъ могъ теперь дать Европѣ и Россіи доказательство своего конституціоннаго настроенія. Вполнѣ искренно и всею душой воспользовался всѣмъ этимъ положеніемъ вещей Сперанскій. Въ ту пору Сперанскій еще полонъ былъ конституціонныхъ идеаловъ и еще твердо вѣрилъ въ возможность ихъ практическаго осуществленія и въ самой Россіи; не трудно понять поэтому его воодушевленіе въ финляндскомъ вопросѣ и его открытыя заявленія, что «Финляндія не провинція, а государство». А ко всѣму этому слѣдуетъ прибавить и вышеуказанныя стратегическія соображенія; обезпечивая финляндцамъ полную самостоятельность въ внутреннемъ управленіи ихъ отечества, государь создалъ Россіи мирнаго союзника и друга, въ чемъ можно справедливо усматривать дальновидную государственную мудрость Александра.

Такимъ образомъ, государственно-правовое положеніе Финляндіи было опредѣлено актами весны 1809 г., въ числѣ коихъ Боргоскій сеймъ и обѣщанія, данныя Александромъ, стоятъ, конечно, на первомъ мѣстѣ. Ея же международно-правовое положеніе окончательно опредѣлилось подписаніемъ Фридрихсгамскаго трактата въ сентябрѣ того же года, согласно которому Финляндія вошла въ составъ Россійской имперіи. Послѣдствіемъ перваго обстоятельства явилась государственная автономія Финляндіи, согласно которой въ ея предѣлахъ закономъ могла стать лишь та правовая норма, которая проведена была порядкомъ, установленнымъ финляндскими основными законами; а таковыми являются утвержденные Александромъ шведскіе законы: Форма Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія

и Безопасности 1789 г. Послѣдствіемъ второго обстоятельства было лишеніе Финляндіи международнаго статуса: у нея нѣтъ представителей за границей, нѣтъ международнаго договорнаго права, нѣтъ и самостоятельности въ вопросахъ права войны и мира; русскій монархъ, кромѣ того, является одновременно и великимъ княземъ Финляндіи.

Съ конца 1808 г. Александръ сталъ предпринимать мѣры къ организаціи новой системы управленія въ завоеванныхъ финляндскихъ провинціяхъ. 1 декабря во главѣ управленія былъ поставленъ генералъ Спренгтпортенъ съ титуломъ генералъ-губернатора; при немъ состоялъ особый правительственный комитетъ; въ Петербургѣ же, въ качествѣ Высочайшаго докладчика, состоялъ особый статсъ-секретарь, каковую должность первымъ занялъ Сперанскій, получившій, такимъ образомъ, прекрасную возможность оформить и опредѣлить институты финляндскаго государственнаго права; его уму и его перу обязана Финляндія закрѣпленіемъ ея конституціонной свободы.

Въ первыхъ мѣрахъ, предложенныхъ русскимъ правительствомъ на обсужденіе Боргоскаго сейма, уже явно звучитъ откровенное признаніе государственной автономіи Финляндіи; такъ, въ проектѣ организаціи военныхъ силъ края говорилось, что національная армія всегда является лучшимъ средствомъ охраны народа и менѣе всего его обременяетъ, а потому, будучи увѣреннымъ въ храбрости финляндцевъ, государь рѣшилъ сохранить имъ ихъ военную силу на защиту общаго отечества отъ внѣшнихъ враговъ; немного позднѣе однако, въ 1810 г., были изданы два новыхъ манифеста, которыми въ видѣ милости финляндцамъ упразднялось ихъ національное войско[1]).

Въ 1809 г. былъ учрежденъ правительственный совѣтъ, переименованный 9 (21) февраля 1816 г. въ императорскій финляндскій сенатъ, стоящій и по сей день во главѣ гражданскаго управленія Финляндіи; въ Петербургѣ же, въ помощь Сперанскому, былъ назначенъ помощникъ статсъ-секретаря, каковую должность первымъ занялъ финляндецъ Р. Ребиндеръ; наконецъ 18 (30) октября 1809 г. была учреждена особая комиссія по финляндскимъ дѣламъ, преобразованная въ 1811 г. (окт. м.) въ комитетъ, который получилъ своего особаго предсѣдателя, статсъ-секретарь же сталъ его членомъ ex officio.

Первое время управленія Финляндіи ознаменовалось весьма частыми смѣнами высшихъ ея должностныхъ лицъ; такъ, уже въ іюнѣ мѣс. ушелъ въ отставку Спренгтпортенъ, замѣненный Барклаемъ-де-Толли; послѣдній, въ свою очередь, былъ въ 1810 г. назначенъ военнымъ министромъ и замѣненъ въ Финляндіи генераломъ Ф. Стейнгейлемъ; паденіе Сперанскаго вызвало назначеніе на постъ статсъ-секретаря Р. Ребиндера, а графъ Армфельтъ, ставшій теперь ближайшимъ совѣтникомъ Александра по финляндскимъ дѣламъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ финляндскаго комитета; послѣ его смерти (въ 1814 г.) это мѣсто занялъ К. Троиль.

11 (23) декабря 1811 г. былъ изданъ манифестъ, согласно которому присоединялась къ великому княжеству Финляндская (Выборгская) губернія,

---

1) Ср. T. G. Schybergson, Geschichte Finlands, Geschichte der Europäischen Staaten, Bd. 57, 1896, S. 540.

отошедшая къ Россіи по Ништадтскому миру 1721 г. Этотъ актъ, опубликованный почти наканунѣ смертельной борьбы Александра съ Наполеономъ, свидѣтельствуетъ намъ, насколько къ этому времени царь былъ уже увѣренъ въ дружбѣ финляндцевъ; придвигать столь близко къ Петербургу финляндскую границу можно было, только будучи абсолютно увѣреннымъ въ лойяльности финляндскихъ сосѣдей. Александръ лично могъ убѣдиться въ этомъ во время своей поѣздки по Финляндіи, предпринятой имъ послѣ открытія Боргоскаго сейма; между прочимъ онъ посѣтилъ тогда и Або, гдѣ расположена была русская военная главная квартира; главнокомандующему Кноррингу онъ выразилъ свое глубокое недовольство и замѣнилъ его вскорѣ Барклаемъ-де-Толли; наоборотъ, къ Абоскому университету (нынѣ Александровскому университету въ Гельсингфорсѣ) онъ отнесся чрезвычайно благосклонно, назначивъ канцлеромъ его Сперанскаго; тогда же университету было обезпечено особопривилегированное положеніе (въ смыслѣ автономіи и независимости отъ правительства), сохраняемое имъ и понынѣ. На своемъ обратномъ пути Александръ закрылъ сеймъ въ Борго и вернулся въ свою столицу, воочію убѣдившись въ хорошихъ результатахъ, достигнутыхъ его примирительной и либеральной политикой по отношенію къ финляндцамъ; онъ сознаЛъ, что впредь ему нечего было ихъ бояться; управленіе страны было поставлено на рельсы, народъ вполнѣ удовлетворенъ данными ему конституціонными гарантіями, сѣверная же граница русскаго государства защищена присутствіемъ новаго друга и союзника, финляндскаго народа.


Гр. П. А. Шуваловъ.

Итакъ, Александръ могъ считать второе изъ названныхъ нами двухъ условій его сѣверной политики выполненнымъ. Оставалось уладить первое, т.-е. обезпечить Россіи дружбу или, по крайней мѣрѣ, добрыя отношенія Швеціи. Тайно, подземными путями и съ величайшей осторожностью подготовлялъ себѣ Александръ свободу дѣйствій противъ Наполеона[1]); въ началѣ 1810 г. отношенія между ними стали принимать уже явно враждебную окраску; если царь готовилъ скорѣе дипломатическую борьбу, то Наполеонъ, наоборотъ, сталъ подумывать о возможности «военнаго воздѣйствія»; отношенія между ними стояли какъ будто на наклонной плоскости и уже катились внизъ по направленію къ темной пропасти 1812 г. Россія начала шевелиться; на западной границѣ мобилизовались войска, появились подкрѣпленія, стали закладываться интендантскіе мага-

[1]) Ср., напр., Шильдеръ, „Императоръ Александръ I", т. III, гл. II.

зины и склады, подготовлялись провіантъ и запасы и т. д., и т. д. При такой обстановкѣ, необходимость обезпеченія тыла, т.-е. сѣверной границы, являлась условіемъ первѣйшей важности.

Переворотъ въ отношеніяхъ Россіи къ Швеціи былъ теперь тѣмъ болѣе возможенъ, что новое шведское правительство не чувствовало твердой почвы подъ ногами; соціальные элементы находились въ разбродѣ, военныя же и финансовыя силы находились въ сильномъ разстройствѣ. Затрудненія правительства усиливалъ къ тому же вопросъ о престолонаслѣдіи; Карлъ XIII былъ старъ и дряхлъ и не имѣлъ потомства, вслѣдствіе чего необходимо было озаботиться избраніемъ преемника; первоначально выборъ палъ на Карла-Августа (Августенбургскаго), зятя датскаго короля (іюнь 1809 г.); 28 мая 1810 г., однако, принцъ Карлъ упалъ на парадѣ съ лошади и умеръ. Шведское правительство вновь оказалось поставленнымъ лицомъ къ лицу съ непріятнымъ вопросомъ выбора наслѣдника престола. Теперь случилось нѣчто совсѣмъ непредвидѣнное. Мы уже упоминали, что въ Швеціи существовала, хотя количественно, можетъ-быть, и незначительная партія, идеализировавшая Францію вообще и политику Наполеона въ частности; представители ея теперь обратились къ Наполеону за совѣтомъ и содѣйствіемъ; послѣдній не прочь былъ принять участіе въ шведской политикѣ, учитывая возможность дружбы съ Швеціей въ противовѣсъ Россіи; для него была, однако, полной неожиданностью вѣсть о кандидатурѣ... одного изъ его маршаловъ; одумавшись, онъ отнесся къ этой новости благосклонно; хотя лично онъ не долюбливалъ и не особенно довѣрялъ лойяльности Бернадота, князя Понте-Корво, котораго держалъ за послѣднее время немного въ загонѣ; ему теперь показалось выгоднымъ имѣть въ Швеціи такого своего ставленника, къ тому же бывшаго виднымъ военачальникомъ; въ глубинѣ души онъ надѣялся воспользоваться въ своихъ цѣляхъ еще не зажившей «финляндской раной» Швеціи.

Въ самой Швеціи кандидатура Бернадота была встрѣчена въ широкихъ слояхъ населенія въ общемъ симпатично; сопротивлялись ей лишь престарѣлый король и стокгольмскіе придворные, не желавшіе примириться съ мыслью перехода гордаго престола Вазы къ одному изъ французскихъ генераловъ, выходцевъ изъ простого народа, имѣвшаго одно лишь достоинство— военную славу и поддержку Бонапарта; къ тому же при прежнихъ порядкахъ дворъ имѣлъ большое вліяніе на политику, которое онъ боялся потерять.

Въ іюлѣ 1810 г. государственные штаты, собравшіеся въ городѣ Эребру (Örebro), избрали Бернадота наслѣдникомъ престола. Въ Петербургѣ извѣстіе это вызвало цѣлую бурю негодованія; русское общество усмотрѣло въ подобномъ актѣ новую интригу ненавистнаго Наполеона; хладнокровнымъ оставался одинъ Александръ; онъ лучше оцѣнилъ значеніе Бернадотовскаго избранія для Россіи, почувствовавъ, что оно не только прямо не грозитъ ему, но можетъ стать даже выгоднымъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ учелъ лучше Наполеона какъ сложившуюся политическую конъюнктуру, такъ и значеніе личности новаго шведскаго наслѣднаго принца; присутствіе въ Стокгольмѣ недовольнаго маршала должно было рано или поздно быть использовано противъ Наполеона. Послѣдній, между тѣмъ, сдѣлалъ новую тактическую ошибку, пожелавъ теперь же

воспользоваться своимъ вліяніемъ въ Швеціи для принужденія ея присоединиться къ континентальной системѣ; въ октябрѣ 1810 г., какъ будто забывъ свои нелады съ Александромъ, онъ пошелъ даже такъ далеко, что просилъ царя также оказать давленіе на Швецію въ томъ же направленіи. Государь же, конечно, нимало не предполагалъ пользоваться своимъ вліяніемъ въ этомъ отношеніи; настоянія Наполеона явились только хорошимъ предлогомъ для того, чтобы завязать сношенія съ Бернадотомъ, т.-е. имѣли какъ разъ обратное желаемому императоромъ дѣйствіе.

Сразу по прибытіи Бернадота въ Стокгольмъ (октября 1810), Александръ вошелъ съ нимъ въ сношенія черезъ посредство особаго уполномоченнаго, полковника Чернышева[1]); послѣдній съ перваго свиданья замѣтилъ, что Бернадотъ былъ вполнѣ готовъ принять авансы Александра и даже болѣе того, онъ самъ настаивалъ на значеніи для Швеціи дружбы Россіи; свиданья между принцемъ и русскимъ полковникомъ носили демонстративно дружескій характеръ, при чемъ въ теченіе переговоровъ Бернадотъ не разъ повторялъ «клятвенное обѣщаніе дѣйствовать только съ согласія и по указаніямъ Александра»; а въ декабрѣ того же года онъ просилъ Чернышева передать государю, что, если послѣднему нужно будетъ вывести свои войска изъ Финляндіи для войны съ Наполеономъ, онъ можетъ это сдѣлать безъ какихъ-либо опасеній Швеціи. Такимъ образомъ, Наполеонъ ошибся вдвойнѣ: Александръ пользовался своимъ вліяніемъ въ Стокгольмѣ не за Францію, а противъ нея, а во-вторыхъ, новый шведскій наслѣдникъ игралъ также скорѣе въ руку Россіи, чѣмъ Франціи.



Кн. Д. В. Голицынъ (С.-Обенъ).

Бернадотъ, какъ человѣкъ очень умный, съ перваго дня своего пребыванія въ Швеціи, назвавъ себя «настоящимъ гражданиномъ Сѣвера», хорошо оцѣнилъ существовавшее тамъ положеніе вещей, т.-е., съ одной стороны, великое значеніе для Швеціи союза съ Англіей, а съ другой— возможность залѣчить «финляндскую рану» пріобрѣтеніемъ Норвегіи. Прямымъ послѣдствіемъ переговоровъ Чернышева была дружеская и оживленная переписка между Александромъ и Бернадотомъ[2]). Первые шаги

---

[1]) Рапорты Чернышева напечатаны въ XXI сборникѣ Истор. общества; также B. Schinkel, Minnen ur Sveriges Nyare Historia, 6; A. Ahnfelt, La Diplomatie Russe à Stockholm, „Revue Historique“, mai-août 1888 (t. 37); Поповъ, о. с., „Журналъ М. Н. Пр.“, октябрь 1875; O. Alin, Carl Johan, § 2.

[2]) Характернымъ для Александра было его отношеніе къ происхожденію Бернадота; въ одномъ изъ своихъ писемъ къ послѣднему (цит. по Шильдеру, о. с., III, 366) царь говоритъ: „Elevé moi-même par un républicain, j'ai de bonne heure appris à priser plus l'homme que les titres, ainsi je serai plus flatté des liens qui s'établiront entre nous comme homme à homme, que comme souverains“; Александръ удивительно хорошо умѣлъ пользоваться громкими фразами!

послѣдняго въ его новомъ положенiи облегчались въ значительной мѣрѣ его природнымъ умомъ, любезностью, предупредительностью, а въ особенности его внимательнымъ отношенiемъ къ престарѣлому королю; чѣмъ болѣе король дряхлѣлъ, тѣмъ чаще приходилось Бернадоту выступать въ качествѣ правителя государства.

Наполеонъ, между тѣмъ, все еще находился подъ влiянiемъ ошибочнаго расчета, что стоитъ ему захотѣть и Швецiя, какъ одинъ человѣкъ, поднимется противъ Россiи для обратнаго завоеванiя Финляндiи; онъ зналъ о существованiи шведской партiи, еще жившей надеждой на возвращенiе Финляндiи, но сильно ошибался въ оцѣнкѣ ея значенiя; другой ошибкой его были расчеты, положенные на Бернадота; послѣднiй, впрочемъ, «клялся» и французскому уполномоченному въ Стокгольмѣ, что закроетъ шведскiе порты для англiйскихъ товаровъ, и даже намекалъ на возможность дѣйствiй противъ Россiи [1]); и все это происходило одновременно съ секретными переговорами съ Чернышевымъ! Для Бернадота это было, однако, только политической диверсiей, обманувшей Наполеона. Наслѣдный принцъ строилъ свои планы въ другомъ направленiи; всѣ его расчеты были основаны на прiобрѣтенiи Норвегiи, въ чемъ, онъ увѣренъ былъ, поможетъ ему Александръ.

Насколько въ эти дни государь былъ убѣжденъ уже въ успѣхѣ своей сѣверной политики, можно судить по цѣлому ряду фактовъ; мы выше упомянули о присоединенiи Выборгской губернiи къ великому княжеству; вторымъ доказательствомъ можетъ служить передвиженiе русскихъ войскъ къ западнымъ границамъ, при чемъ нѣкоторыя части были взяты изъ Финляндiи [2]); если бы царь боялся Швецiи или финляндцевъ, онъ, конечно, не рѣшился бы ослаблять свои военныя силы на сѣверной границѣ.

Швецiя, между тѣмъ, также мобилизовалась; въ 1811 г. Бернадотъ тоже сталъ собирать свои войска, подготовлять провiантъ и т. д.; Александръ зналъ объ этомъ, но, очевидно, также зналъ, для кого это движенiе подготовлялось. Наполеонъ, съ своей стороны, услыхавъ объ этомъ, полагалъ, что Швецiя готовится къ реваншу, и упрекалъ Бернадота... въ его поспѣшности; послѣднiй ему отвѣтилъ, что причиной мобилизацiи были все усиливавшiяся волненiя и возстанiя крестьянъ въ нѣкоторыхъ шведскихъ провинцiяхъ.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все опредѣленнѣе высказывалось шведское общественное мнѣнiе въ пользу Россiи и противъ Францiи; въ этомъ отношенiи помогла политикѣ Бернадота невоздержанность французскаго представителя въ Стокгольмѣ; Алькье, напр., грубо отзывался и насчетъ самого наслѣднаго принца, что послѣднему не могло не быть извѣстнымъ; наконецъ, въ одинъ прекрасный день онъ письменно оскорбилъ шведскаго министра иностранныхъ дѣлъ и долженъ былъ секретно быть отозваннымъ изъ Стокгольма; но было уже поздно.

Въ началѣ 1812 г. Наполеонъ узналъ, что въ Петербургъ отправленъ былъ изъ Стокгольма спецiальный уполномоченный для переговоровъ о

---

[1]) Ср. депешу Alquier къ Champagny отъ 7 февр. 1811 г. M. Geffroy, Les intérêts du Nord Scandinave pendant la guerre d'Orient, „Revue des Deux Mondes", 1 Нов. 1855.

[2]) Ср. Поповъ, о. с., „Ж. М. Н. Пр.", янв. и окт. 1875 г.; Thiers, Histoire de l'Empire, ch. XXII.

формальномъ союзѣ Швеціи съ Россіей; итакъ, жребій былъ брошенъ; Бернадотъ былъ однимъ изъ первыхъ, измѣнившихъ своему бывшему императору; Наполеонъ, правда, еще не терялъ окончательно надежды вернуть его въ свой лагерь; такъ, напр., когда въ февралѣ 1812 г. жена Бернадота, соскучившись въ Стокгольмѣ, вернулась въ Парижъ, онъ тайно вошелъ съ ней въ переговоры, предлагая Швеціи возвращеніе Финляндіи и 12 милл. субсидіи, если только Бернадотъ поведетъ свои войска на Россію. Трудно было, однако, воздѣйствовать этимъ путемъ на шведское правительство, тѣмъ болѣе, что самъ Наполеонъ дѣйствовалъ чрезвычайно непослѣдовательно: давая одной рукой, онъ отнималъ другой, такъ какъ одновременно отдалъ (10 января) приказъ маршалу Даву занять шведскую Померанію, что вызвало взрывъ негодованія въ Стокгольмѣ. (Даву занялъ эту провинцію 27 января 1812 г.).



Гр. Г. М. Армфельтъ (С.-Обенъ).

Насколько шведское правительство сознательно шло навстрѣчу союзу съ Россіей, могутъ свидѣтельствовать протоколы королевскаго совѣта (Statsräd), обсуждавшаго всѣ pro et contra подобной политики [1]). Интереснѣе всего въ этомъ отношеніи мнѣнія королевскихъ совѣтниковъ о Наполеонѣ и его образѣ дѣйствія; императоръ перешелъ всякія границы въ своемъ надменномъ пренебреженіи интересами Скандинавіи; шведское самолюбіе было страшно задѣто его политикой, и чувство непріязни стало столь сильнымъ, что заглушило собой всѣ прежнія симпатіи шведовъ къ Франціи; а между тѣмъ таковыя изстари были всегда довольно сильными. Засѣданія совѣта, на коихъ рѣшался вопросъ объ условіяхъ соглашенія съ Россіей, имѣли мѣсто 9 (21) и 12 (24) февраля, при чемъ на первомъ министръ иностранныхъ дѣлъ (Энгстремъ) изложилъ исторію отношеній Швеціи къ Франціи и Англіи и особенно подчеркнулъ экономическія вы-

[1]) Ср. Svenska Statsrädets Protokoll: они опубликованы Алиномъ въ 1900 г.; O. Alin, Upsala Universitets Årsskrift, 1900. Его же, Förhandlingarna om allianstraktaten mellan Sverige och Ryssland of den 5 april 1812; Promotions Krift 1900.

годы послѣднихъ; Бернадотъ же въ своей рѣчи остановился на политикѣ по отношенію къ Россіи и закончилъ, высказавшись за желательность строгаго нейтралитета; къ этой правительственной программѣ присоединились и всѣ прочіе члены совѣта; они также не преминули отмѣтить перемѣну, происшедшую въ отношеніяхъ шведовъ къ Наполеону и заглушившую даже вѣковое чувство вражды къ Россіи. На второмъ засѣданіи обсуждался также вопросъ объ отношеніяхъ правительства къ Финляндіи; можно ли было надѣяться на возвращеніе утраченныхъ провинцій, спрашивали совѣтники, и отвѣтили почти поголовно отрицательно; эту послѣднюю мысль сильно поддержалъ Бернадотъ, указавъ, что если само возвращеніе и было, можетъ-быть, возможнымъ, то таковое было бы невыгоднымъ, а только опаснымъ для Швеціи; Финляндія, по его мнѣнію, безусловно была необходима Россіи по чисто стратегическимъ соображеніямъ и отнятіе ея отъ Россіи сразу же вызвало бы новую наступательную войну послѣдней; гораздо выгоднѣе было, по мнѣнію принца, оставаться въ дружбѣ съ Россіей и искать при ея поддержкѣ вознагражденія на Западѣ, т.-е. присоединеніемъ Норвегіи. Съ этимъ согласились и прочіе члены, хотя нѣкоторые изъ нихъ предложили попытаться вернуть Швеціи хотя бы Аландскіе острова путемъ дружественныхъ переговоровъ съ Александромъ; нѣсколько позднѣе мысль эта была снова повторена совѣтниками Бернадота, заставившими послѣдняго упомянуть о ней при свиданіи съ Александромъ въ Або; самъ Бернадотъ хорошо сознавалъ безполезность такого требованія и потому не настаивалъ на немъ. Другая часть членовъ совѣта считала безусловно обязательнымъ сохраненіе переговоровъ съ Россіей въ величайшей тайнѣ, дабы наружно Швеція продолжала оставаться нейтральной; какъ будто можно было провести Наполеона въ этомъ отношеніи! Но попытка къ тому была дѣйствительно сдѣлана, при посылкѣ консула Сеньеля въ Дрезденъ на свиданіе съ герцогомъ Бассано; Наполеонъ отъ подобныхъ переговоровъ не уклонялся, такъ какъ считалъ весьма для себя важнымъ удерживать, насколько то было возможно, Швецію отъ открытаго присоединенія къ Россіи.

Итакъ, въ февралѣ 1812 г. политика Швеціи по отношенію къ Россіи ясно опредѣлилась; Бернадотъ сумѣлъ убѣдить своихъ совѣтниковъ въ выгодахъ союза съ Александромъ, результатомъ чего и явился договоръ 24 марта (5 апрѣля). Уже въ первой инструкціи шведскаго уполномоченнаго находимъ мы, что главнымъ условіемъ его правительства было выставлено присоединеніе Норвегіи [1]), на каковое требованіе Александръ охотно согласился. Переговоры велись одновременно и въ Петербургѣ и въ Стокгольмѣ: у насъ—самимъ Александромъ и Левеньельмомъ, а въ Швеціи—Бернадотомъ и русскимъ посломъ Сухтеленомъ; насколько обѣ стороны торопились, можно судить по слѣдующему интересному факту: одновременно оказались утвержденными въ Стокгольмѣ и Петербургѣ два текста договора, различнаго содержанія, при чемъ петербургскій былъ болѣе выгоденъ Швеціи, а Стокгольмскій—Россіи; согласно первому, Россія обязалась нести расходы по содержанію русскаго корпуса, предназна-

---

[1]) Ср. донесенія Левеньельма къ министру ин. дѣлъ Энгстрему; Schinkel, Minnen ur Sveriges Nyare Historia, 6, S. 354 ff.

ченнаго для дѣйствій противъ Копенгагена, согласно же второму расходы эти возлагались на Швецію; Александръ и Бернадотъ перестарались въ своей предупредительности. Договоръ былъ заключенъ и подписанъ 24 марта (5 апрѣля) 1812 г.; ст. V, между прочимъ, обязывала Александра, будь то переговорами или военною помощью, доставить Швеціи Норвегію и гарантировать первой мирное обладаніе второю, не покладая оружія до осуществленія сего присоединенія [1]); съ одной стороны, для Бернадота это явилось поддержкой его общаго политическаго плана, съ другой—для Александра—отплатой Швеціи за ея новую дружбу; царь не былъ болѣе одинокъ въ своей борьбѣ съ западнымъ великаномъ. Правда, Бернадотъ еще разъ попробовалъ сохранить добрыя отношенія и съ Наполеономъ, пославъ въ Дрезденъ Сеньеля, но, какъ замѣтилъ самъ Наполеонъ, этотъ шагъ явился только дипломатической диверсіей [2]); подобный актъ Берна-



На Иматрѣ. (Рис. Шивляра изъ «Опис. путеш. Александра I въ Каяну». Спб. 1828 г.).

дота находилъ себѣ въ исторической литературѣ различную оцѣнку: враги принца выдвигали его какъ доказательство его явной двуличности, защитники же, наоборотъ, старались объяснить его дипломатической тактикой и стремленіемъ сохранить Швеціи нейтралитетъ; наконецъ, третьи указывали, что шагъ Бернадота обусловливался его колебаніями подъ впечатлѣніемъ дурныхъ вѣстей, шедшихъ изъ Россіи; до его слуха, говорилось, доходили сомнѣнія, обуявшія Александра наканунѣ страшной борьбы; современникамъ легко могло казаться, конечно, что царь не устоитъ, не вы-

[1]) Другими условіями договора 24 марта были: обѣщаніе Россіи поставить для помощи Швеціи корпусъ въ 35.000 чел., заявленіе Швеціи о начатіи ею военн. дѣйствій противъ Даніи для присоединенія Норвегіи, обѣщаніе Швеціи признать въ случаѣ побѣды границы Россіи вплоть до Вислы, и приглашеніе Англіи вступить въ подобный же союзъ.

[2]) Ср. Vandal, o. c., III, 457 и цит. авторомъ литературу; даже ярый поклонникъ Бернадота, Шинкель (Minnen, 6, 196) видитъ въ этомъ лишь неискреннюю выжидательную попытку Швеціи не разрывать сношеній съ Франціей слишкомъ рано.

держитъ угрозъ непобѣдимаго полководца; большинство государственныхъ дѣятелей въ то время было глубоко убѣждено, что одного удара великой арміи будетъ совершенно достаточно для уничтоженія русскихъ; а сдайся Александръ, Швеція осталась бы безпомощно висѣть въ воздухѣ и испытала бы, конечно, безжалостную месть Наполеона. Съ другой стороны, послѣднему, хотя и сознававшему неискренность Бернадота, было, несомнѣнно, выгодно поддерживать съ нимъ отношенія и этимъ препятствовать открытому присоединенію Швеціи къ Россіи; этимъ легко объясняется дружескій пріемъ, оказанный Сеньелю въ Дрезденѣ.

3 (15) іюня Александръ послалъ Бернадоту увѣдомленіе, что война съ Наполеономъ вполнѣ рѣшенное дѣло, и что онъ ежедневно ожидалъ открытія военныхъ дѣйствій. Одновременно русскому послу въ Стокгольмѣ, Сухтелену, поручено было заключить договоръ съ Англіей, главнымъ условіемъ котораго должно было быть обезпеченіе Швеціи англійской субсидіи; объ этомъ рѣчь шла уже въ мартѣ 1812 г.; но тогда Англія отказалась дать субсидію, не вполнѣ довѣряя Бернадоту; теперь обстоятельства уже настолько измѣнились, что Великобританія согласилась, вслѣдствіе чего въ іюлѣ мѣсяцѣ были заключены въ Эребру два трактата между Англіей и Россіей и Англіей и Швеціей; Швеціи была обезпечена субсидія въ 700.000 фунт. стерл., Россія же въ видѣ гарантіи должна была послать свой флотъ въ одинъ изъ англійскихъ портовъ. Союзники, такимъ образомъ, стали прибывать въ лагерь Александра.

Обезпечивъ себѣ дружбу Швеціи, государь хотѣлъ закрѣпить ее теперь личнымъ свиданьемъ съ Бернадотомъ. Мысль объ этомъ зародилась уже въ Дрисскомъ лагерѣ; Александръ высказывался тамъ въ смыслѣ желательности такого свиданія шведскому адмиралу Бентингу, предъ возвращеніемъ послѣдняго въ Стокгольмъ; царь зналъ, что Бентингъ передастъ этотъ разговоръ Бернадоту; ему казалось необходимымъ не только поговорить съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ о ихъ взаимныхъ дружескихъ отношеніяхъ, но и о военныхъ планахъ; Александръ не особенно довѣрялъ военному таланту своихъ генераловъ и искалъ совѣта и со стороны Бернадота, военная слава котораго была общеизвѣстна; дѣйствительно, Бернадотъ не разъ давалъ совѣты Александру; въ продолженіе всей войны противъ Наполеона царемъ и наслѣднымъ принцемъ обсуждались самые разнообразные стратегическіе планы; не одно дѣйствіе предпринималъ Александръ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Бернадота. Совершенно естественно было, слѣдовательно, желаніе царя передъ началомъ военныхъ дѣйствій повидаться со своимъ сѣвернымъ сосѣдомъ. Бернадотъ съ удовольствіемъ согласился, мѣстомъ же свиданія была избрана Финляндія, такъ какъ Александръ желалъ кстати еще разъ лично посмотрѣть, какъ обстоятъ дѣла въ этомъ краѣ.

Въ августѣ, послѣ посѣщенія Москвы, государь отправился въ Або навстрѣчу Бернадоту; по пути онъ остановился въ Гельсингфорсѣ, гдѣ имѣлъ многозначительный разговоръ съ Эренстремомъ [1]), въ кото-

[1]) Разговоръ съ Эренстремомъ опубликованъ въ воспоминаніяхъ послѣдняго; см. Minnen af Ehrenström, Upsala; также S. J. Boethius, Statsrädet J. A. Ehrenströms efterlemnade historiska anteckningar, Upsala 1883 (s. 655 ff); разговоръ приводится и Шильдеромъ, „Императоръ Александръ I“, III, стр. 99 и 500.

ромъ старался узнать подробности касательно настроенія господствовавшаго между финляндцами, и степени ихъ удовлетворенія положеніемъ, созданнымъ событіями 1809 г. Разговоръ этотъ лишь подтверждаетъ вышеуказанную заботу Александра объ отношеніяхъ къ нему и къ Россіи со стороны финляндцевъ, которыхъ онъ желалъ сдѣлать искренними друзьями имперіи. Въ концѣ разговора государь прибавилъ, что знаетъ, какъ глубоко чувствовала Швеція потерю Финляндіи, но что онъ надѣялся вознаградить эту потерю присоединеніемъ Норвегіи.

12 (24) августа Александръ прибылъ въ Або [1]), а три дня спустя пріѣхалъ и Бернадотъ. Переговоры, имѣвшіе здѣсь мѣсто, являются настоящимъ торжествомъ сѣверной политики Александра; всѣ его цѣли были достигнуты и результаты прочно закрѣплены; въ одномъ изъ разго-



Изъ «Описанія путеш. Александра I въ Финляндію».

воровъ Бернадотъ упомянулъ о желательности возвращенія Швеціи Аландскихъ острововъ, но государь наотрѣзъ отказался отъ этого, ссылаясь на русское общественное мнѣніе, которымъ онъ такъ дорожилъ въ годину народнаго испытанія; онъ даже сказалъ Бернадоту, что скорѣе отдастъ ему въ залогъ городъ Ригу съ островами Эзелемъ и Даго; впрочемъ, и наслѣдный принцъ хорошо понималъ безполезность такой просьбы и упомянулъ объ островахъ, повидимому, лишь въ удовлетвореніе нѣкоторыхъ придворныхъ вліяній (напр., Адлеркрейца и вышеуказанныхъ членовъ королевскаго совѣта). Такимъ образомъ, переговоры сосредоточились лишь на двухъ вопросахъ: борьбы противъ Наполеона и присоединенія Норвегіи; Александръ предложилъ Бернадоту денежную помощь въ 1.500.000 рублей, часть которой могла быть удовлетворена натурой изъ интендантскихъ запасовъ; обратная уплата этого займа должна была имѣть мѣсто 16 мѣсяцевъ послѣ присоединенія Норвегіи къ Швеціи.

[1]) Государя сопровождалъ въ Або, между прочимъ, и англійскій посолъ при с.-петербургскомъ дворѣ, лордъ Каткартъ.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ Абоскаго соглашенія было передвиженіе въ послѣднихъ числахъ августа русскихъ войскъ, подъ начальствомъ финляндскаго ген.-губернатора Штейнгейля [1]) въ Ревель на подмогу графу Витгенштейну (согласно Шильдеру 10.000 чел.). Въ послѣдующей перепискѣ съ Бернадотомъ Александръ извинялся передъ нимъ въ уводѣ этихъ войскъ, предназначенныхъ первоначально въ видѣ помощи Швеціи; одновременно государь увѣдомлялъ наслѣднаго принца, что имъ отдано распоряженіе генералу Демидову о сформированіи взамѣнъ ушедшихъ войскъ новаго корпуса въ Финляндіи, который и будетъ предоставленъ въ распоряженіе Бернадота. Интереснымъ является то обстоятельство, что для выполненія этого обѣщанія Александромъ были сформированы три новыхъ полка изъ финскихъ жителей, которымъ, стало-быть, царь вполнѣ довѣрялъ даже въ дѣлѣ защиты Россіи отъ внѣшняго врага; но еще гораздо болѣе интересной является дальнѣйшая судьба этихъ, какъ ихъ тогда называли, «картофельныхъ егерей» [2]), когда изъ Петербурга былъ выведенъ на войну весь гарнизонъ столицы, Выборгскій егерскій полкъ былъ переведенъ въ Петербургъ для несенія караульной службы и оставался тамъ около полутора лѣтъ; государь, слѣдовательно, не только не боялся выводить свои войска изъ Финляндіи, но былъ настолько увѣренъ въ лойяльности финляндцевъ, что поручилъ имъ охрану какъ столицы, такъ и своей собственной персоны; финляндцы теперь стояли на караулѣ въ его дворцахъ; и больше того… когда скончался великій герой отечественной войны, фельдмаршалъ Кутузовъ, представителями русской арміи на его похоронахъ были тѣ же выборгскіе егеря, которымъ, такимъ образомъ, судьба вручила отданіе послѣднихъ почестей славному полководцу. Таковы были уже тогда результаты честной политики Александра по отношенію къ финляндцамъ.

Возвращаясь къ событіямъ 1812 года въ области отношеній Россіи и Швеціи, намъ слѣдуетъ еще разъ подчеркнуть ту роль совѣтника и помощника, которую игралъ Бернадотъ въ политикѣ Александра; подтвержденіе этому можно, напримѣръ, найти въ фактѣ посылки шведскимъ наслѣднымъ принцемъ своего довѣреннаго генерала Таваста въ Константинополь, съ цѣлью открыть глаза туркамъ касательно дѣйствій и намѣреній Наполеона и этимъ помочь Россіи, обезпечивъ ей болѣе мирныя отношенія со стороны турецкихъ границъ; посредничество Бернадота имѣло извѣстныя, благія для насъ, слѣдствія.

Что же касается Абоскихъ переговоровъ, то они закончились подписаніемъ 18 (30) августа особой конвенціи, въ которой, между прочимъ, имѣлась секретная статья, шедшая далѣе простого союзническаго соглашенія; это былъ такъ называемый «семейный договоръ» (pacte de famille), которымъ Александръ обязался поддерживать Бернадота въ качествѣ наслѣдника шведскаго престола; впослѣдствіи оказалось, что подобная помощь Александра дѣйствительно была полезна Бернадоту, когда вновь стали замѣчаться происки густавіанцевъ (т.-е. представителей партіи, желавшей видѣть на шведскомъ престолѣ сына Густава IV); мысль о такомъ «семей-

---

1) Временно исправляющимъ должность финляндскаго генералъ-губернатора былъ назначенъ гр. Армфельтъ.

2) Ср. J. Koskinen, Finlands Historia, S. 607.

номъ договорѣ» зародилась уже ранѣе Абоскаго свиданія; въ рапортѣ отъ 21 апрѣля 1812 г. Левеньельмъ доносилъ королю, что «Александръ съ удовольствіемъ согласился на особую договорную статью, которую можно будетъ разсматривать, какъ un pacte de famille».

Кромѣ всего сказаннаго, есть свидѣтельства тому, что царь пошелъ еще дальше въ своихъ предположеніяхъ; онъ, повидимому, въ случаѣ побѣды надъ Наполеономъ, прочилъ Бернадота на французскій престолъ; на это намекаютъ письмо послѣдняго отъ 5 (17) декабря 1812 г. и отвѣтъ Александра отъ 7 (19) января 1813 г.; о томъ же говоритъ цѣлый рядъ современниковъ [1]); по складу своего характера Бернадотъ мало подходилъ къ скромнымъ условіямъ скандинавскаго двора, и подобное развитіе его плановъ и честолюбія весьма вѣроятно; нѣсколько разъ высказывался онъ въ смыслѣ желанія обезпечить шведскій престолъ (вмѣсто себя) своему сыну Оскару; не безъ вліянія въ этомъ отношеніи была, вѣроятно, и жена его, такъ сильно скучавшая въ Стокгольмѣ. Для историковъ, относившихся отрицательно къ личности бывшаго маршала, планъ такой кандидатуры Бернадота всегда являлся наиболѣе яркимъ пунктомъ обвиненія. Здѣсь, однако, необходимо замѣтить, что, каковы бы ни были недостатки Бернадота, личность котораго въ общемъ мало симпатична, интересы Швеціи онъ отстаивалъ искренно и всегда чрезвычайно удачно; политику правительства своего новаго отечества, каковы бы ни были его дальнѣйшіе личные планы, онъ велъ весьма умѣло, дальновидно и успѣшно, принеся Швеціи въ общемъ огромную пользу.

Что же касается Александра, то онъ, повидимому, вполнѣ раскусилъ и понялъ характеръ наслѣднаго принца и вѣрно оцѣнилъ ту политическую конъюнктуру, среди которой дѣйствовалъ послѣдній; царь хорошо использовалъ въ своихъ личныхъ видахъ такое положеніе Бернадота; выдвиганіе же принца въ качествѣ кандидата на французскій престолъ явилось однимъ изъ тѣхъ мимолетныхъ и эфемерныхъ мечтаній, которыми столь обиловала фантазія Александра, а кстати онъ, вѣроятно, воспользовался этой мыслью и въ качествѣ личной приманки Бернадота.

Въ своемъ стараніи обезпечить Швеціи пріобрѣтеніе Норвегіи Александръ былъ, конечно, совершенно искрененъ; это была для него наивыгоднѣйшая комбинація; такой, ничего ему не стоившей, уступкой онъ отвлекалъ вниманіе шведскаго общественнаго мнѣнія и совершенно обезвреживалъ старанія тѣхъ, которые еще надѣялись на возвращеніе, если и не всей Финляндіи, то, по крайней мѣрѣ, Аландскихъ острововъ. Этимъ хорошо объясняется усердіе государя въ помощи дальнѣйшей политикѣ Бернадота, когда послѣднему пришлось, наконецъ, приступить къ окончательной реализаціи плана присоединенія Норвегіи. Поддержка Александра въ значительной мѣрѣ облегчила успѣхъ этого дѣла.

Послѣ Абоскаго свиданія Александръ вернулся въ Петербургъ вполнѣ довольный результатами своего путешествія; онъ имѣлъ дѣйствительно полное право быть удовлетвореннымъ; плоды его сѣверной политики были уже налицо; свиданіе въ Або и послѣднее путешествіе по Финляндіи по-

---

[1]) Отрывки этихъ писемъ приведены у Шильдера (о. с., III, стр. 377); ср. также воспоминанія Меттерниха, Schinkel, Robert Wilson, Bourrienne, Stein, Müffling, Wollzogen, York, Blücher и мн. др.

ставили точку надъ этой политикой. Финляндцы были друзьями Россіи, Швеція же—союзницей. Александръ справедливо могъ гордиться результатами своего дѣла, Россія же должна быть благодарна ему за нее; она является одной изъ свѣтлыхъ страничекъ этого царствованія.

С. А. Корфъ.

VII. Восточный вопросъ.

Л. И. Гальберштадта.



ъ моменту вступленія императора Александра на престолъ, восточная политика перваго консула не получила полной опредѣленности, еще не была вполнѣ согласована съ его европейскими планами. Можно считать установленнымъ, что въ эту эпоху онъ увлекался перспективой завоеваній на Востокѣ и склоненъ былъ придавать «восточнымъ планамъ» самостоятельное, иногда даже первенствующее [1]) значеніе. Но уже въ это время, намѣчая блестяще развитую впослѣдствіи систему, онъ останавливался на мысли использовать восточный вопросъ, восточныя дѣла, какъ средство воздѣйствія на европейскія державы. Сражаясь въ Египтѣ, онъ сдѣлалъ попытку не только избѣгнуть войны съ Турціей, но и сблизиться съ нею; это не удалось ему, и Порта стала искать помощи у Англіи и у исконнаго врага своего, Россіи, съ которыми и заключила союзные договоры. Это событіе, сильно отразившееся на положеніи Франціи, само по себѣ могло заставить Бонапарта перенести свое вниманіе съ чисто завоевательныхъ перспективъ восточнаго вопроса на заключавшіяся въ немъ дипломатическія возможности. Турецкая война, задѣвшая вмѣстѣ съ Турціей Россію и Англію, Кампоформійскій миръ, вмѣстѣ съ позиціями на Адріатикѣ принесшій рѣшительное уже недовѣріе Россіи, затронутой въ своихъ восточныхъ интересахъ,—все это было практической школой, откуда онъ вынесъ знаніе проблемы въ ея европейской сложности; пройдя эту предварительную подготовку, онъ уже увѣренной рукой сталъ ковать изъ восточнаго вопроса, по выраженію Вандаля, желѣзный «клинъ, который вбивалъ впослѣдствіи въ трещины европейскихъ коалицій, чтобы углублять ихъ и расширять».

Извѣстно, какъ былъ пораженъ первый консулъ смертью Павла, разрушавшей обширный планъ, одна изъ главныхъ частей котораго была основана на расширеніи перспективъ русской восточной политики. Первый консулъ старался внушить молодому императору ту же мысль, которую подсказывалъ его отцу: гибель Турціи неизбѣжна, и раздѣлъ ея создастъ связь между Россіей и Франціей.

Но Александръ, въ которомъ, по слухамъ, ждали найти рѣшительнаго продолжателя «екатерининской» политики, держался въ эту пору

---

[1]) См., напр., письмо Бонапарта Директоріи отъ 16 августа 1797 г. и отвѣтъ Талейрана.

иного взгляда на восточный вопросъ. Предвидя, что, послѣ неизбѣжной, по его мнѣнію, эвакуаціи французами Египта, въ Константинополѣ снова пробудится вѣковая вражда къ Россіи, временно подавленная страхомъ передъ Бонапартомъ, онъ все же полагалъ въ основу своей восточной политики вѣрность союзу съ Оттоманской имперіей; въ данный моментъ онъ не только не склоненъ былъ къ ея раздѣлу при помощи Франціи, но первымъ реальнымъ шагомъ его было содѣйствіе заключенію мира между Франціей и Портой: онъ предложилъ первому консулу свое посредничество [1]). Въ такой постановкѣ восточной политики заключается какъ будто видимое противорѣчіе. Но это лишь на первый взглядъ. Россія въ это время, благодаря столкновенію Турціи съ Франціей, пользовалась въ имперіи султана небывалымъ вліяніемъ и мирнымъ путемъ пріобрѣла чрезвычайныя выгоды. Русская дипломатія направляла ходъ дѣлъ въ Диванѣ, открыто вела непосредственныя сношенія съ полунезависимыми пашами, одна гарантировала привилегіи дунайскихъ княжествъ, господствовала на Черномъ морѣ, закрытомъ для другихъ державъ, свободно сообщалась черезъ проливы съ Средиземнымъ моремъ [2]), имѣла на всѣхъ островахъ Архипелага консуловъ, почти царскихъ намѣстниковъ по вліянію и значенію, занимала Корфу, правила на правахъ протектората образованной изъ Іоническихъ острововъ послѣ изгнанія оттуда французовъ «республикой семи соединенныхъ острововъ»... При такихъ условіяхъ въ Петербургѣ естественно были мало склонны увлекаться напоминаніями о «греческомъ проектѣ»; политика благожелательнаго протектората давала Россіи слишкомъ много выгодъ, чтобы, даже предвидя непрочность такого положенія вещей, можно было съ легкимъ сердцемъ перейти къ политикѣ завоевательной, тѣмъ болѣе, что ни Александръ, ни Панинъ, ни Кочубей, ни Воронцовы не довѣряли миролюбію Наполеона и ждали новыхъ потрясеній на континентѣ. Съ другой стороны, казалось бы, Россія была заинтересована въ томъ, чтобы война Турціи съ Франціей, обезпечивавшая русское вліяніе въ Константинополѣ, продолжалась. Но русскаго посредничества просила Порта, изнывавшая подъ двойнымъ бременемъ внѣшней войны и внутреннихъ осложненій, и Александръ считалъ необходимымъ



Н. П. Панинъ (Мансіонъ).

---

[1]) Инструк. гр. Моркову отъ 27 іюня 1801 г.

[2]) Проливы союзнымъ договоромъ 23 декабря 1798 г. были открыты только для русскихъ военныхъ судовъ.

исполнить ея желаніе; онъ сдѣлалъ это вопреки настойчивымъ требованіямъ Англіи, естественно не хотѣвшей, чтобы Турція заключила миръ съ Франціей отдѣльно отъ нея, такъ какъ при одновременныхъ мирныхъ переговорахъ база ихъ была бы значительно расширена, что обезпечивало бы болѣе выгодный для Англіи исходъ. Императоръ опасался, что, въ случаѣ его отказа, Порта обратится непосредственно къ французскому правительству, и русскому вліянію въ Константинополѣ будетъ причиненъ несомнѣнный ущербъ. Русская политика, кромѣ того, преслѣдовала и другую, еще болѣе важную цѣль: «способствовать всѣми зависящими отъ нея средствами сохраненію государства, слабость и дурное управленіе котораго,—какъ выразился тогда Александръ,—являются цѣннымъ залогомъ нашей безопасности». Если продолженіе франко-турецкой войны еще болѣе укрѣпило бы наше вліяніе на Ближнемъ Востокѣ, то въ ней таилась опасность, перевѣшивавшая эту выгоду: возможность появленія въ томъ или другомъ пунктѣ турецкой территоріи сильнаго и честолюбиваго сосѣда. Вскорѣ это соображеніе было развито и возведено въ принципъ. Наконецъ, какъ позже выяснилось, Александръ разсчитывалъ, посредничая между Франціей и Турціей, пріобрѣсти большее вліяніе на возстановленіе мира въ Европѣ вообще, которое, между прочимъ, хотѣлъ использовать съ цѣлью добиться очищенія французами итальянскаго побережья, откуда они всегда могли грозить Балканскому полуострову.

Однако первый консулъ явно уклонялся отъ русскаго посредничества и продолжалъ выдвигать мысль о раздѣлѣ Турціи. Онъ выражалъ ее такъ настойчиво, хотя и намеками, что въ Петербургѣ признали необходимымъ рѣшительно опредѣлить свою позицію по отношенію къ этому полупроекту, который, очевидно, въ одинъ прекрасный день могъ перейти въ прямое предложеніе. Окончательное рѣшеніе было принято согласно съ совѣтами гр. В. П. Кочубея. Онъ полагалъ, что передъ Россіей стоитъ альтернатива: или рѣшительно приступить къ раздѣлу Турціи совмѣстно съ Франціей и Австріей, или «предотвратить столь вредное положеніе вещей»; слѣдуетъ избрать второе: у Россіи нѣтъ сосѣдей спокойнѣе турокъ, и потому «сохраненіе сихъ естественныхъ непріятелей нашихъ должно дѣйствительно впредь быть кореннымъ правиломъ нашей политики». Кочубей совѣтовалъ извѣстить о планахъ перваго консула Англію и Порту. Такъ и поступили. Попытка Наполеона добиться союза съ Александромъ на той почвѣ, на которой было впослѣдствіи основано Тильзитское соглашеніе, кончилась неудачей и была съ пользой для Россіи обращена противъ него, такъ какъ онъ уже началъ подготовлять въ противовѣсъ русскому вліянію сближеніе съ Турціей, чему должно было значительно помѣшать сообщеніе изъ Петербурга объ его планахъ.

Дѣйствительно, миссія генерала Себастіани, посланнаго въ концѣ 1802 г. на Ближній Востокъ съ офиціальнымъ порученіемъ—возстановить торговыя сношенія съ турецкими гаванями и съ тайнымъ—возстановить вообще отношенія съ Портой, не привела къ ощутительнымъ результатамъ. Но это было лишь временной неудачей, зависѣвшей, главнымъ образомъ, отъ того, что Турція не вѣрила Франціи и боялась Россіи, еще нетерпѣвшей пораженій отъ Наполеона.

Султаномъ Оттомановъ, халифомъ правовѣрныхъ, былъ въ это время Селимъ III (1789—1807). Въ началѣ его правленія французскій посланникъ Шуазель-Гуффье говорилъ про него, что онъ обѣщаетъ быть вторымъ Петромъ Великимъ; прусскій посланникъ Дитцъ доносилъ своему двору, что «этотъ государь стоитъ по способностямъ и дѣловитости, несомнѣнно, выше своего народа, и, кажется, ему суждено стать его преобразователемъ». Селимъ былъ, дѣйствительно, богато одаренъ отъ природы, юношески пылокъ и дѣятеленъ, полонъ лучшихъ намѣреній. Ему не хватало, можетъ-быть, выдержки, осмотрительности и настойчивости, но, прежде всего, у него не было удачи. Всѣ его обширные и въ значительной степени уже проведенные въ жизнь реформаторскіе планы были смяты, опрокинуты, уничтожены вихремъ, налетѣвшимъ на его государство съ Запада. Осталась только ненависть людей, задѣтыхъ его преобразованіями, почва подъ нимъ заколебалась, сила ушла изъ его рукъ, и онъ погибъ подъ развалинами своего дѣла.



Селимъ III.

Реформы Селима коснулись государственной, военной и финансовой организаціи Турціи. Онъ преобразовалъ Диванъ, придавъ ему функціи государственнаго совѣта; нанесъ смертельный ударъ ленной системѣ, отобравъ въ казну «сіаметы» и «тимары» умершихъ и не служащихъ въ войскахъ ленниковъ; организовалъ и европейски обучилъ регулярную армію, отодвинувъ на второй планъ развратившихся янычаръ и устарѣлыя ленныя войска; создалъ сильный флотъ; уничтожилъ пожизненные откупа; образовалъ изъ спеціальныхъ источниковъ военный фондъ; готовился ввести государственную монополію продажи табака и пр.; наконецъ, въ противовѣсъ интригамъ Россіи и Австріи хотѣлъ и отчасти успѣлъ облегчить положеніе райи. Но скоро его преобразовательная дѣятельность оборвалась; возникли другія заботы, другія тревоги. И до Турціи донеслось могучее освободительное вѣяніе французской революціи и республиканскихъ войнъ. «Революція открыла намъ глаза; это былъ трубный звукъ, возвѣщавшій міру, что пришелъ день свободы», говорилъ позже объ этомъ времени одинъ греческій патріотъ (Колокотронисъ). «До французской революціи и Наполеона народы не сознавали сами себя», говорилъ другой участникъ греческихъ волненій. Декларація правъ была широко извѣстна и дѣйствовала на грековъ, какъ факелъ, поднесенный къ костру. Братья Стефанополи, посланные въ 1797 г. Бонапартомъ въ Турцію, доносили ему, что вся Морея и Румелія готовы возстать во имя свободы, братства и равенства, но ждутъ помощи и, прежде всего, конечно, отъ «освободителя Италіи». Непобѣдимаго полководца, опрокиды-

вавшаго троны и приносившаго народамъ свободу, Востокъ уже окружалъ нимбомъ легендарнаго героя; въ немъ олицетворялась революція и всѣ волнующія, поднимающія грудь чувства, кружащія голову идеи, бурнымъ потокомъ нахлынувшія тогда съ Запада.

Имперія султана была, такимъ образомъ, потрясена и внутренними волненіями и внѣшней войной. Вскорѣ она была ближайшимъ образомъ вовлечена въ борьбу европейскихъ державъ. Наполеонъ велъ энергичную дипломатическую работу на Востокѣ. Уже въ сентябрѣ 1803 г. Морковъ ставилъ на видъ Талейрану, что французы въ Турціи интригуютъ въ ущербъ русскимъ интересамъ: «Императоръ, по человѣколюбію и съ вашего согласія, образовалъ маленькое государство на Іоническихъ островахъ, а вашъ повѣренный въ Корфу сѣетъ тамъ раздоръ и анархію, и самъ первый консулъ позволилъ себѣ неслыханный поступокъ, назначивъ на своемъ жалованьи коммерческаго агента для этой маленькой республики». Уже въ этомъ году между Россіей и Портой возникалъ серьезный конфликтъ, и французскій посланникъ Рюффенъ такъ старательно и успѣшно обострялъ его, что только ловкость А. Я. Италинскаго, нашего представителя, и щедрая раздача денегъ «русской партіи» предупредила его развитіе. Конфликтъ возникъ изъ-за даннаго Россіей, согласно союзному договору, разрѣшенія многимъ греческимъ судамъ плавать подъ русскимъ флагомъ. Порта находила, что Россія злоупотребляетъ этимъ правомъ. Ближайшій совѣтникъ султана капуданъ-баши жаловался, что Россія намѣренно лишаетъ его возможности въ нужный моментъ пополнять флотскіе экипажи, вербовавшіеся въ то время почти исключительно изъ командъ греческихъ торговыхъ судовъ. Образъ дѣйствій турецкаго адмирала показалъ, что времена уже начали измѣняться и что Турція мало-по-малу освобождается изъ-подъ русской опеки: онъ не побоялся отправить эскадру для захвата плавающихъ подъ русскимъ флагомъ судовъ, какъ «корсаровъ»; капитана одного изъ такихъ судовъ онъ для примѣра прочимъ велѣлъ обезглавить. Въ 1804 году перемѣна въ отношеніяхъ Порты къ Россіи сдѣлалась еще ощутительнѣе. Къ этому нами дано было, правда, не мало поводовъ. Развитіе Севастополя, какъ военнаго порта, систематическое замѣщеніе греками офицерскихъ должностей въ черноморскомъ флотѣ, посылка новыхъ войскъ на Іоническіе острова, что довело ихъ численность тамъ до 15 тысячъ, содержаніе 6 военныхъ кораблей въ Корфу, подозрѣнія въ агитаціи среди грековъ, наконецъ, пріемъ (въ дѣйствительности, холодный) въ Петербургѣ сербскихъ посланцевъ Ненадовича и Протича,—всѣ эти факты питали въ Турціи недовѣріе къ намъ. Французская дипломатія старалась усилить тревогу и раздраженіе Порты. Напримѣръ, участливое отношеніе къ сербамъ французскій посланникъ представлялъ въ видѣ подготовки къ войнѣ противъ Турціи. Наконецъ до свѣдѣнія Порты не могли не дойти хотя бы слухи о намѣчавшемся тогда коренномъ измѣненіи въ постановкѣ восточной политики Россіи.

Новый руководитель нашихъ иностранныхъ дѣлъ кн. Ад. Чарторійскій составилъ, при содѣйствіи Новосильцева, сардинскаго посланника Жозефа де-Местра и своего наставника Піатоли, обширный планъ возстановленія и обезпеченія «естественнаго порядка въ Европѣ». Втайнѣ Чар-

торійскій имѣлъ въ виду и возстановленіе Польши. Необходимость создать компенсацію для Россіи на этотъ случай, а также желаніе, особенно понятное въ полякѣ Чарторійскомъ, удовлетворить людей, упрекавшихъ молодого государя въ пренебреженіи прямыми интересами Россіи ради блага Европы, привело къ мысли о дунайскихъ княжествахъ, такомъ привычномъ въ то время предметѣ русскихъ стремленій. Строя на этой основѣ планъ коалиціи, составители его заходили еще дальше и развивали передъ государемъ перспективы, близко напоминавшія «греческій проектъ». Александръ осторожно уклонялся отъ обсужденія этихъ плановъ по существу, но рѣшилъ все же сдѣлать одинъ подготовительный шагъ. Онъ послалъ въ Лондонъ Новосильцова, чтобы позондировать почву; предположено было запросить англійское правительство, не считаетъ ли оно полезнымъ впередъ установить планъ ликвидаціи европейскихъ владѣній Турціи на случай, если она вступитъ въ союзъ съ Франціей или ея дальнѣйшее существованіе окажется по какимъ-либо другимъ причинамъ невозможнымъ. Новосильцову, а съ нимъ и Чарторійскому и самому императору пришлось убѣдиться, что восточный вопросъ не можетъ быть базой соглашенія для стремившихся къ коалиціи державъ, а, напротивъ, дѣйствуетъ, какъ сильный реактивъ, немедленно вскрывая всѣ противорѣчія и несогласія. Англійское правительство съ недовольствомъ отклонило разговоры о восточномъ вопросѣ, какъ несвоевременные въ настоящее время, когда слѣдуетъ думать только о коалиціи.



А. Я. Италинскій.

Такъ и поступили, отложивъ на неопредѣленное время проектъ Чарторійскаго. Онъ не былъ совсѣмъ забытъ Александромъ. Но въ этотъ моментъ послѣдовали совѣту Англіи и постарались сохранить близость съ Турціей. 12 декабря 1804 г. былъ подписанъ рескриптъ на имя А. Я. Италинскаго, повелѣвавшій приступить къ переговорамъ о возобновленіи союза 1798 г., хотя до истеченія его срока оставалось еще два года. Изъ инструкціи, помѣченной 13 декабря, видно, что цѣлью этого преждевременнаго возобновленія было: «отвлечь Турцію отъ сближенія съ Франціей» и «обязать ее ко вступленію въ коалицію, которую Россія могла бы образовать совмѣстно съ Англіей и другими державами противъ Франціи». Тайныя статьи присланнаго Италинскому проекта договора предусматривали общія дѣйствія Турціи съ Россіей и Англіей противъ французовъ, чтобы не допустить захвата ими турецкихъ владѣній и изгнать ихъ изъ Италіи. Нашъ посланникъ самостоятельно потребовалъ закрытія проливовъ для

военныхъ судовъ другихъ державъ, кромѣ Россіи: какъ онъ объяснилъ, онъ одинаково боялся и французскихъ и англійскихъ требованій объ открытіи проливовъ. Даже въ этотъ моментъ, даже между союзниками сказывалось соперничество на Востокѣ.

Французская дипломатія тщетно старалась помѣшать заключенію этого договора. Наполеонъ самъ обратился съ письмомъ къ Селиму [1]). Но недовѣріе къ Россіи уравновѣшивалось недовѣріемъ къ Франціи. Вѣра въ силу Россіи, въ ея непобѣдимость, укоренившаяся въ XVIII вѣкѣ, перевѣшивала всѣ колебанія. Турція шла за сильнѣйшимъ, по ея мнѣнію. Наполеонъ еще не побѣждалъ Россіи. И 11 сентября 1805 г. союзный договоръ былъ подписанъ. Союзъ носилъ, повидимому, наступательный характеръ. Могло казаться, что вліяніе Россіи находится въ апогеѣ.

Однако первыя же неудачи русскихъ войскъ сразу измѣнили положеніе дѣлъ въ Константинополѣ. Порта рѣзко перемѣнила тонъ. Уступчивость смѣнилась требовательностью. Французы пріобрѣтали рѣшительный перевѣсъ въ Константинополѣ. Задача ихъ значительно облегчалась вопросомъ о Каттаро, гдѣ интересы ихъ сходились съ турецкими. Портъ Бокка-ди-Каттаро, важная стратегическая позиція на Адріатическомъ морѣ,. былъ во время войны 1805 г. занятъ русскими войсками съ согласія Австріи. Получивъ по Пресбургскому миру Далмацію, Наполеонъ требовалъ, чтобы Австрія заставила Россію очистить Каттаро, грозя иначе войной. Пруссія, входившая къ этому времени въ соглашеніе съ Наполеономъ, между прочимъ, включавшее гарантію неприкосновенности Турціи противъ Россіи, также настаивала въ Петербургѣ на эвакуаціи Каттаро. Между тѣмъ Чарторійскій придавалъ этой позиціи первостепенное значеніе. «Не слѣдуетъ возвращать Каттаро ни въ какомъ случаѣ,— говорилъ онъ.—При настоящихъ условіяхъ 100.000 чел., занятыхъ въ какомъ-нибудь другомъ пунктѣ, не могли бы причинить столько затрудненій и страха врагамъ Россіи. Если мы сохранимъ Каттаро, Турція будетъ зависѣть отъ насъ. Одной кампаніи было бы достаточно, чтобы сдѣлать Турцію русской провинціей. Всѣ проекты Бонапарта относительно Востока рушились бы навсегда. Каттаро было бы крѣпостнымъ валомъ республики семи островковъ и Рагузы. Завоеваніе французами Италіи временное. Если мы отдадимъ Каттаро, мы безконечно много потеряемъ въ глазахъ грековъ, въ глазахъ итальянцевъ. Бонапартъ хорошо понимаетъ важность Каттаро». По мнѣнію Чарторійскаго, обладаніе Каттаро имѣло и другое, важнѣйшее значеніе: оно могло открыть путь къ рѣшительной перемѣнѣ политическаго фронта, могло заставить Наполеона перейти отъ западныхъ соглашеній къ соглашенію съ Россіей.

Этотъ эпизодъ показываетъ, какъ назрѣвала идея соглашенія съ Наполеономъ на почвѣ восточнаго вопроса. Восточныя дѣла выдвигались на все болѣе и болѣе замѣтное мѣсто въ политикѣ Александра. Франція послѣ Пресбургскаго мира и послѣ занятія ея войсками неаполитанскихъ владѣній слишкомъ приблизилась къ границамъ Оттоманской имперіи; это принуждало русскую дипломатію переносить главное свое

---

[1]) 30, I, 1805 г.: „Неужели ты такъ слѣпъ, что не видишь, какъ въ одинъ прекрасный день русскія войска и русскій флотъ ворвутся при содѣйствіи грековъ въ твою столицу?“ писалъ онъ.

вниманіе отъ западно-европейскихъ дѣлъ на восточныя. Наполеонъ въ то же время ставилъ непреодолимыя препятствія для расчлененія нашей политики на двѣ самостоятельныя линіи: онъ не позволялъ ни на одну минуту сомнѣваться, что отъ европейской политики Россіи зависитъ ходъ ея дѣлъ на Востокѣ, и обратно.

Первенствующее значеніе, пріобрѣтенное къ этому времени восточными дѣлами въ нашей политикѣ, сильно отразилось на переговорахъ о мирѣ между Россіей, Англіей и Франціей, кончившихся неудачно [1]). Тогда уже Наполеонъ началъ приводить въ исполненіе планъ борьбы съ Россіей по всему ея фронту. Онъ поднялъ на насъ Турцію.



Штакельбергъ (Левицкій).

Начиная съ апрѣля 1806 г., Порта начала уклоняться отъ главнаго пункта договора 11 сентября—о пропускѣ нашихъ судовъ черезъ проливы. Дѣйствуя подъ вліяніемъ французскаго посланника Рюффена, рейсъ эффенди Вассифъ просилъ Италинскаго прекратить отправку военныхъ судовъ изъ Чернаго моря въ Средиземное. На Турцію никто не нападаетъ, а Россія пользуется проливами съ военными цѣлями, ведя наступательную войну противъ Франціи; это противорѣчитъ договору и нейтральному положенію Турціи, говорили Италинскому. Все лѣто продолжались переговоры. Въ концѣ іюля стали возникать серьезныя тренія изъза прохода каждаго отдѣльнаго судна. Наконецъ самъ султанъ приказалъ Вассифу потребовать отъ Италинскаго прекращенія посылки военныхъ судовъ черезъ проливы. Въ Петербургѣ отлично видѣли въ этомъ доказательство «слѣпого подчиненія Порты волѣ Франціи». Чувствовалась неизбѣжность разрыва. На Днѣстрѣ и на Дунаѣ турки спѣшно заготовляли провіантъ и исправляли крѣпости. 28 іюля въ Константинополь прибылъ новый французскій посланникъ ген. Себастіани, уже знакомый съ турецкими дѣлами по своей первой командировкѣ на Востокъ. Онъ чрезвычайно энергично двинулъ подготовленное его предшественникомъ дѣло. Въ Диванѣ быстро образовалась враждебная Россіи «французская партія». Русскій посланникъ на каждомъ шагу сталъ встрѣчаться съ противодѣйствіемъ Порты. Поднятъ былъ совершенно неожиданно и съ небывалой рѣзкостью вопросъ о «бератахъ» [2]), снова начались разговоры о злоупотребленіи правомъ разрѣшать пользованіе русскимъ флагомъ. Италинскій въ обоихъ случаяхъ дѣйствовалъ примирительно, но, какъ было видно по поведенію

---

[1]) См. ст. В. Н. Пичета. „Международная политика", т. I.

[2]) Свидѣтельство о покровительствѣ. Съ 1802 по 1806 г. Россія выдала ихъ болѣе 200.000. Herzberg, III, 329.

Порты въ вопросѣ о проливахъ, французскаго вліянія уже нельзя было парализовать. Себастіани и грозилъ и обнадеживалъ; грозилъ войной, если проливы не будутъ закрыты для русскихъ судовъ, а на случай войны съ Россіей обѣщалъ поддержку Франціи: указывалъ на корпусъ Мармона, на французскія войска въ Далмаціи. Онъ подготовлялъ новый ударъ русскому вліянію въ Турціи,—ударъ въ самомъ чувствительномъ и болѣзненномъ мѣстѣ—въ придунайскихъ княжествахъ. По договору 1798 года Россія одна гарантировала привилегіи княжествъ. Договоромъ 1802 г. было, кромѣ того, установлено, что господари назначаются на семь лѣтъ и до истеченія срока могутъ быть смѣнены только въ случаяхъ дѣйствительныхъ злоупотребленій и лишь съ вѣдома русскаго посольства. Оба господаря, и Константинъ Ипсиланти и Александръ Мурузи, дѣйствовали всегда, опираясь на Россію и въ согласіи съ ея видами. Это не могло не вызывать раздраженія Порты. Поэтому, разъ Себастіани удалось заставить Селима преодолѣть страхъ передъ Россіей и повѣрить въ поддержку со стороны французовъ, нетрудно уже было уговорить султана смѣстить господарей. 18 августа былъ подписанъ хатти-шерифъ, смѣщавшій Ипсиланти и Мурузи и назначавшій на ихъ мѣсто Сутцоса и Каллимахи. Италинскій подалъ протестъ, энергично поддержанный англійскимъ посланникомъ Эрбеснотомъ. Изъ Петербурга было предписано потребовать точнаго соблюденія договоровъ, въ случаѣ же уклончиваго отвѣта просить о выдачѣ паспортовъ всему посольству для отъѣзда въ Россію. Это подѣйствовало. Турки заколебались. 17 октября новымъ хатти-шерифомъ были возстановлены оба прежнихъ господаря. Но эта уступка запоздала. Въ Константинополѣ не знали еще, что наканунѣ, 16-го, русскія войска двинулись въ Молдавію. Въ Петербургѣ, однако, считали еще возможнымъ, что Порта уступитъ и въ вопросѣ о проливахъ. Но колебанія Турціи скоро исчезли, и 11 декабря Италинскому было объявлено, чтобы посольство въ трехдневный срокъ выѣхало изъ Константинополя.

Въ 1806 г. Наполеонъ неоднократно указывалъ Австріи, что отношенія Россіи съ Турціей портятся и что возможно поэтому занятіе русскими войсками придунайскихъ княжествъ. Предупреждая о близкомъ столкновеніи Россіи съ Турціей, Наполеонъ совѣтовалъ императору Францу поддержать турокъ, чтобы подготовить благопріятные Австріи моментъ и условія для открытія восточнаго вопроса. Наканунѣ войны съ Пруссіей онъ предлагалъ Австріи союзъ на основѣ «гарантіи независимости и цѣлости Оттоманской имперіи противъ Россіи». Передъ походомъ въ Польшу, это предложеніе было возобновлено. Императоръ давалъ свободу дѣйствій стороннику идеи франко-австрійскаго союза Талейрану, который поддерживалъ оживленную переписку съ многими вѣнскими дѣятелями. Талейранъ писалъ въ Вѣну, что медлить нельзя, такъ какъ могутъ начаться переговоры съ Пруссіей и тогда о союзѣ съ Австріей не будетъ больше и рѣчи, и дѣйствительно, Наполеонъ предлагалъ королю Фридриху вернуть его владѣнія, если онъ, между прочимъ, гарантируетъ вмѣстѣ съ Франціей цѣлость Турціи противъ Россіи. 28 ноября главная квартира Наполеона была перенесена въ Познань; «онъ проникъ на почву собственныхъ интересовъ и вожделѣній Россіи», по выраженію современнаго историка, и готовился нанести ей удары въ самыхъ чувствительныхъ для нея мѣ-

стахъ, въ Польшѣ и на Востокѣ. 11 ноября и 1 декабря онъ писалъ Селиму, убѣждая его начать борьбу съ Россіей. Между тѣмъ фактически она уже завязалась. Еще въ началѣ кампаніи были заняты Яссы. Наскоро съорганизованные отряды рущукскаго паши Мустафы Байрактара и Пазвана-Оглу виддинскаго были опрокинуты. 24 декабря Михельсонъ занялъ Бухарестъ. 27-го былъ опубликованъ хатти-шерифъ, формально объявлявшій намъ войну. Себастіани было предписано заключить оборонительный и наступательный союзъ съ Турціей, гарантирующій цѣлость ея придунайскихъ провинцій, Молдавіи и Валахіи. Селимъ отправилъ въ главную квартиру Наполеона посла для выработки союзнаго договора. Паши Албаніи и Босніи самостоятельно просили помощи противъ Россіи у французской далматинской арміи. Въ то же время, въ январѣ 1807 г., Наполеономъ было получено извѣстіе, что шахъ персидскій Фетхъ-Али шлетъ къ нему посла для заключенія союза противъ Россіи.


Махмудъ II.

При этихъ условіяхъ Наполеонъ увидалъ себя «распорядителемъ судебъ Востока». Онъ рѣшилъ создать и вооружить восточныя арміи и бросить ихъ на Россію. Это рѣшеніе выразилось въ рядѣ дѣйствій, въ рядѣ писемъ и энергичныхъ воззваній и, болѣе всего, въ обѣщаніяхъ и широкихъ планахъ. Въ Константинополь, въ Боснію, въ Болгарію, въ Албанію поскакали инженеры и артиллеристы, но въ еще большемъ количествѣ эмиссары, которые наобѣщали воинственнымъ пашамъ отъ имени императора ружей, пушекъ, пороха, всего вообще, что потребовалось бы для войны съ Россіей. Въ Виддинѣ у Пазвана-Оглу былъ устроенъ центръ этой агитаціи, для чего туда былъ посланъ комендантъ Меріажъ. Были даже попытки завязать переговоры съ сербами [1]). Французскіе эмиссары уговаривали пашей Арменіи итти на Россію черезъ Кавказъ. Наполеонъ хотѣлъ перевести далматинскую армію на нижнее теченіе Дуная, гдѣ, по его предположеніямъ, она должна была бы явиться ядромъ турецкаго ополченія. Онъ разсчитывалъ, что 35 тысячъ французовъ Мармона, усиленные по меньшей мѣрѣ 60 тысячами турокъ, могли бы, занявъ позицію въ Виддинѣ, не только остановить движеніе русскихъ, но заставить Александра послать Михельсону значительныя подкрѣпленія и ослабить себя въ Польшѣ. «Тогда,—писалъ онъ Мармону,—вы вошли бы въ систему великой арміи»... «И шахъ персидскій, усиленный 40 тысячами турокъ, кото-

[1]) Себастіани совѣтовалъ Портѣ заключить миръ съ сербами, принявъ всѣ ихъ условія, но обязавъ выставить 20-тысячный вспомогательный отрядъ противъ Россіи.

рыхъ мы бы доставили въ Испагань, составилъ бы авангардъ этой арміи»... «Я все подчинилъ своему оружію... Рокъ наложилъ повязку на глаза твоихъ враговъ... Согласимся съ Портой и заключимъ вѣчный союзъ»... писалъ онъ шаху. Письмо это долженъ былъ везти въ Персію ген. Гарданъ, «человѣкъ, который сумѣетъ все понять, организовать и, въ случаѣ надобности, сумѣетъ командовать». Отъ султана онъ требовалъ немедленной мобилизаціи флота для нападенія на Крымъ, въ особенности на Севастополь. Его надежды на мусульманъ простирались до плана объявленія газавата противъ Россіи. Съ этой цѣлью онъ старался дѣйствовать на воображеніе мусульманской массы; по его приказу переводились на турецкій и арабскій языкъ бюллетени великой арміи и распространялись въ Константинополѣ вмѣстѣ съ особымъ воззваніемъ ко всѣмъ сынамъ Ислама.

Въ то же время онъ хотѣлъ использовать вызванное имъ столкновеніе Россіи съ Турціей, чтобы раздробить коалицію. Окольными путями онъ обращалъ вниманіе англійскихъ и прусскихъ государственныхъ людей на подозрительный образъ дѣйствій ихъ союзницы, которая пробиваетъ себѣ путь черезъ Турцію къ Средиземному морю, такъ что онъ, Наполеонъ, сражается въ сущности за всѣхъ. Особенно же упорно старался онъ возбудить недовѣріе къ Россіи при австрійскомъ дворѣ; писалъ императору Францу; успокоивалъ австрійскихъ дипломатовъ насчетъ польскихъ дѣлъ, обѣщая предоставить Австріи Силезію взамѣнъ Галиціи. Талейранъ одновременно съ нимъ пускалъ въ ходъ всѣ свои связи и, пользуясь своей репутаціей завѣдомаго приверженца австрійскаго союза, возобновлялъ предложеніе сосредоточить всѣ усилія на Востокѣ. Все было пущено въ ходъ, чтобы использовать турецкую войну противъ Россіи: не только дипломатія, но и публицистика. Статьи въ «Moniteur» доказывали, что императоръ является передовымъ борцомъ за интересы Европы, отстаивая неприкосновенность Турціи противъ Россіи.

Но вся напыщенная фразеологія этой агитаціонной литературы, основнымъ мотивомъ которой была «неприкосновенность и цѣлость Турціи», не выражала ни истинныхъ цѣлей, ни подлинныхъ мыслей Наполеона. Если Талейранъ не вѣрилъ, что охранительная восточная политика можетъ создать прочную связь между Наполеономъ и какой-либо европейской державой, то и самъ императоръ всегда имѣлъ «двѣ стрѣлы въ своемъ колчанѣ» [1] —охраненіе Турціи и раздѣлъ ея—и одинаково легко пользовался и той и другой, смотря по обстоятельствамъ. Онъ этого уже не скрывалъ. Его вѣнскій посланникъ Ларошфуко грозилъ Австріи, что если она не заключитъ союза съ Франціей, то Наполеонъ заключитъ союзъ съ Россіей. Въ Вѣнѣ боялись, что Наполеонъ предложитъ Александру отказаться отъ Польши и получить за это территоріальное вознагражденіе въ Турціи. Русскія предложенія также говорили о раздѣлѣ Турціи; за дунайскія княжества предлагали Сербію, Боснію и Кроацію. Въ Вѣнѣ боялись и того и другого союза, колебались, взвѣшивали, откуда грозитъ бо́льшая опасность. Тогда Александръ рѣшилъ разсѣять опасенія Австріи. Поццо-ди-Борго было поручено разъяснить вѣнскому

---

[1]) Письма Талейрана д'Отриву.

двору, что Россія не имѣетъ въ настоящее время въ виду никакихъ завоеваній въ Турціи. Англійскій посланникъ ручался, что, пока Россія будетъ въ союзѣ съ Австріей, неприкосновенность Турціи гарантирована. Стадіонъ выразилъ въ отвѣтъ на это крайнее огорченіе разрывомъ Россіи съ Турціей и особенно занятіемъ дунайскихъ княжествъ. «Эта война,—говорили въ Вѣнѣ Поццо-ди-Борго,—отвлекаетъ русскія силы отъ европейскаго театра войны и приведетъ Россію къ завоеваніямъ, невыгоднымъ для Австріи». Поццо тщетно увѣрялъ, что Россія готова ограничиться давленіемъ на Порту, чтобы уничтожить французское вліяніе. Было ясно, что восточный вопросъ становится между Россіей и Австріей трудно преодолимой преградой. Это окончательно выяснилось для Петербурга, когда стала извѣстной двуличная политика австрійскаго двора, тянувшаго переговоры съ Поццо и въ то же время прислушивавшагося къ настояніямъ Талейрана. Онъ переводилъ разговоръ на реальную почву: союза противъ Россіи. Австрія лавировала и колебалась, настаивая на посредничествѣ, на всеобщемъ конгрессѣ. Изъ Петербурга продолжали слать успокоительныя извѣстія насчетъ турецкихъ дѣлъ. Недавняя попытка заключить русско-австрійскій союзъ на основѣ раздѣла европейскихъ владѣній Турціи не возобновлялась. И фактически въ Петербургѣ старались выйти изъ тягостнаго положенія, заключивъ миръ съ Портой и эвакуировавъ дунайскія княжества. Это желаніе получило новую основу, когда стало извѣстно о проходѣ черезъ Дарданеллы эскадры адм. Дэкворта и о намѣреніи англичанъ занять проливы до окончанія войны.



Графъ П. А. Толстой (Боровиковскій).

Постоянныя военныя неудачи, колебанія Австріи, недоразумѣнія съ Англіей, безуспѣшность стараній сохранить коалицію подготовили Тильзитское соглашеніе, а съ нимъ переломъ въ восточной политикѣ Россіи.

Въ маѣ Селимъ III былъ свергнутъ съ престола янычарами и другими противниками его реформъ. Донесеніе ген. Себастіани объ этомъ переворотѣ было получено Наполеономъ въ Тильзитѣ одновременно съ донесеніемъ ген. Андреосси изъ Вѣны о томъ, что Австрія никогда серьезно не думала о союзѣ съ Франціей, но втайнѣ хочетъ еще разъ «попытать счастья». Эти свѣдѣнія оказали значительное вліяніе на планы Наполеона. Рѣшеніе дать «миръ, подписанный на барабанѣ», уступало другимъ планамъ. Но Наполеонъ медленно переходилъ къ нимъ, не рѣшаясь и ища правильнаго выхода. «Моя система по отношенію къ Турціи колеблется,—писалъ онъ Талейрану изъ Тильзита,—она готова рухнуть; но я еще не рѣшился».

Дѣйствительно, въ первые дни тильзитскихъ переговоровъ восточнаго вопроса не ставила опредѣленно ни та, ни другая сторона. Наполеонъ колебался, Александръ зондировалъ почву. Извѣстно, что для возвращенія Пруссіи ея владѣній, т.-е. чтобы не имѣть Наполеона сосѣдомъ Россіи, онъ готовъ былъ отказаться не только отъ дунайскихъ княжествъ, но и отъ Іоническихъ острововъ. Первая заговорила о Турціи сама Пруссія, трепетавшая за свою участь. Баронъ Гарденбергъ составилъ планъ раздѣла Турціи. Россія должна была получить часть дунайскихъ княжествъ, Болгарію, Румелію и проливы, Австрія—Далмацію (отъ французовъ), Боснію и Сербію, Франція—Грецію и Архипелагъ, Польша должна была быть возстановлена подъ скипетромъ саксонскаго короля, Пруссія—получить всѣ потерянныя въ послѣднюю войну владѣнія и, кромѣ того, Саксонію. Король одобрилъ этотъ проектъ и послалъ его въ Тильзитъ въ видѣ инструкціи маршалу Калькрейту, который сообщилъ его Александру. Будбергъ поддерживалъ планъ Гарденберга. Но императоръ не хотѣлъ первымъ начинать разговора о восточномъ вопросѣ.

Наконецъ заговорилъ Наполеонъ. Это случилось во время одного изъ парадовъ, которыми французскій императоръ усиленно развлекалъ Александра [1]). Наполеону подали депеши. Пробѣжавъ одну изъ нихъ, онъ воскликнулъ: «Это велѣніе Промысла; Онъ говоритъ мнѣ, что турецкая имперія не можетъ больше существовать!» и протянулъ Александру донесеніе Себастіани о подробностяхъ константинопольской революціи. Съ этого дня всѣ разговоры вращались вокругъ восточнаго вопроса. Наполеонъ говорилъ, что онъ былъ союзникомъ Селима, а не Турціи, что теперь его руки развязаны, и онъ съ чистой совѣстью можетъ посвятить свои силы великимъ проектамъ, къ которымъ влечетъ его собственное желаніе и стремленіе создать прочную связь между Франціей и Россіей. Однако «великіе проекты» только намѣчались. «Временно» былъ оставленъ вопросъ о центральныхъ провинціяхъ Турціи и о Константинополѣ. Наполеонъ колебался, боясь слишкомъ приблизить Россію къ цѣли ея давнихъ стремленій. Александръ также не настаивалъ на широкихъ планахъ раздѣла; онъ былъ озабоченъ спасеніемъ Пруссіи и, кромѣ того, опасался контакта между Россіей и Франціей на Востокѣ. Эта часть вопроса затрагивалась часто, но въ туманной и неопредѣленной перспективѣ. Конкретизировался лишь вопросъ о княжествахъ, объ Іоническихъ островахъ. Говорилось о пріобрѣтеніи Россіей княжествъ и части Болгаріи, Франціей—острововъ, Босніи и Албаніи въ добавленіе къ Далмаціи или Албаніи, Эпира и Греціи. Но и это все выражалось въ осторожной формѣ; пышныя фразы и изъявленія дружбы прикрывали взаимное недовѣріе; планы, болѣе обширные, чѣмъ дѣйствительныя намѣренія, скрывали тайную боязнь рѣшительно перейти на вулканическую почву восточнаго вопроса.

Всѣ эти колебанія отразились въ договорѣ, ратификованномъ 27 іюня [2]).

28 іюня Михельсону было предписано заключить предварительное перемиріе съ великимъ визиремъ. 22 іюля прибылъ уполномоченный для

---

[1]) Льстя его „парадоманіи“, говоритъ Чарторійскій въ своихъ мемуарахъ. I, 109.
[2]) См. ст. В. И. Пичета.

переговоровъ о перемиріи т. с. Лашкаревъ. Они происходили въ Слободзіе между нимъ, французскимъ посредникомъ Гійомино и турецкимъ уполномоченнымъ Галибомъ-Эффенди. Перемиріе было заключено до весны (до 21 марта 1807 г.) на слѣдующихъ условіяхъ: въ теченіе 35 дней русскія и турецкія войска очищаютъ княжества, русскіе возвращаютъ туркамъ захваченныя суда и островъ Тенедосъ. Обѣ стороны назначаютъ уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ. Эти условія были подписаны 12 августа. 23-го они были ратификованы бар. Мейендорфомъ, заступившимъ по старшинству мѣсто умершаго тѣмъ временемъ Михельсона.

Наполеонъ между тѣмъ поспѣшилъ занять Іоническіе острова, что возбудило крайнее неудовольствіе Англіи. Военнымъ губернаторамъ острововъ ген. Бертье, а затѣмъ ген. Донзело пришлось бороться съ англійской блокадой важнѣйшихъ іоническихъ портовыхъ городовъ. Али-паша янинскій, почти самостоятельный властитель южнаго побережья, вступилъ въ переговоры и съ Англіей и съ Наполеономъ. Онъ предлагалъ признать Наполеона сюзереномъ, требуя себѣ взамѣнъ острова и Эпиръ; эта попытка кончилась рѣшительной неудачей. Зато Англія съ готовностью пошла ему навстрѣчу. Въ началѣ 1808 г. адмиралъ Коллингвудъ велъ съ нимъ переговоры о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ острововъ. Въ Петербургѣ видѣли, что Наполеонъ спѣшитъ пожинать плоды союза не только въ Европѣ, но и на Востокѣ, и съ нетерпѣніемъ ждали своей доли.


И. И. Михельсонъ.

Отправляя въ Парижъ гр. Толстого представителемъ Россіи, Александръ ясно изложилъ свои планы: онъ находилъ возможнымъ требовать Бессарабію съ Измаиломъ, Бендерами и Аккерманомъ, Хотинъ, границу отъ устьевъ Кубани до Ріона съ Анапой, Сухумъ-Кале и Поти. Другія желанія его были: возстановленіе и признаніе договоровъ 1788 г. и 1802 г. съ Турціей, подтвержденіе прежнихъ преимуществъ Молдавіи и Валахіи, если онѣ не перейдутъ къ Россіи, образованіе изъ Сербіи княжества, подобнаго дунайскимъ. Эвакуація княжествъ должна быть, какъ обѣщалъ Наполеонъ, отложена. «Я не ожидаю противодѣйствія со стороны императора моимъ планамъ, такъ какъ они соотвѣтствуютъ и его видамъ относительно Оттоманской имперіи».

Принимая посланника Наполеона ген. Савари, государь говорилъ ему: «Императоръ мнѣ признался, что теперь онъ считаетъ себя совершенно свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ Оттоманской имперіи... Онъ, способный судить объ этомъ вопросѣ лучше, чѣмъ кто-либо, повидимому, пришелъ къ убѣжденію, что Константинопольская имперія не можетъ еще долго занимать мѣсто среди европейскихъ державъ.

Мы много говорили объ этомъ; и по моему мнѣнію, это государство обречено на гибель. Россія, по своему положенію, можетъ надѣяться на долю въ его останкахъ. Императоръ былъ такъ добръ, что понялъ мои виды: я вполнѣ полагаюсь на него, когда онъ сочтетъ, что этотъ моментъ наступилъ». Изъ сопоставленія этого разговора съ инструкціей Толстому ясно, что виды Александра не простирались еще такъ далеко; вѣроятно, вызывая Савари на такую опредѣленную бесѣду о восточномъ вопросѣ, онъ хотѣлъ выяснить истинныя намѣренія Наполеона. И ему пришлось тогда же убѣдиться, что отъ тильзитскихъ обѣщаній до ихъ исполненія еще очень далеко. Савари отговаривался неимѣніемъ инструкцій.

Толстому, изложившему русскіе взгляды и пожеланія на первой же аудіенціи, Наполеонъ очень ясно далъ понять свои виды. Изъ донесеній Савари, говорилъ онъ, извѣстно намѣреніе императора Александра присоединить къ Россіи дунайскія княжества. Но Франція не имѣетъ ни малѣйшаго интереса приступать къ раздѣлу Оттоманской имперіи. Поэтому пріобрѣтеніе Албаніи и Мореи не можетъ его привлекать. Если Россія, дѣйствительно, хочетъ пріобрѣсти Молдавію и Валахію, Франція должна получить соотвѣтствующую ея интересамъ компенсацію. «Гдѣ же?» спросилъ Толстой. «Въ Пруссіи», отвѣтилъ, помолчавъ, Наполеонъ.

Въ сущности говоря, этотъ моментъ уже предопредѣлялъ дальнѣйшія отношенія между Наполеономъ и Александромъ. Наполеонъ готовъ былъ, пожалуй, дать Россіи кое-что пріобрѣсти въ Турціи, но лишь за счетъ Пруссіи и цѣной войны съ Англіей, т.-е. съ тѣмъ, чтобы Россія оказалась совершенно изолированной въ Европѣ, такъ какъ пріобрѣтенія на Дунаѣ поставили бы преграду между ней и Австріей. Александръ считалъ прусскій вопросъ «вопросомъ чести», однако, впослѣдствіи готовъ былъ согласиться предоставить Европу въ распоряженіе Наполеона, но лишь при условіи, чтобы вознагражденіе Россіи на Востокѣ было соотвѣтственно великимъ. Борьба этихъ противоположныхъ видовъ проглядывала во всѣхъ ихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ и закончилась къ началу 12 года дипломатической побѣдой Наполеона: въ 1805 г. Россія шла противъ Наполеона во главѣ коалиціи, въ 1812 мы оказались изолированными. Но осенью 1807 г. этого не предвидѣли въ Петербургѣ. Тамъ были серьезно заняты восточными планами. Значительно способствовалъ этому переходъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ въ руки гр. Румянцева. Его взгляды были извѣстны. Онъ ясно формулировалъ положеніе, которое на практикѣ было примѣнено къ дѣлу Екатериной II въ послѣдніе годы ея царствованія: что паденіе королевской власти во Франціи было выгодно для Россіи, и что эти выгоды еще не использованы. Онъ считалъ, что единственно правильный курсъ русской политики и политически и экономически ведетъ на Востокъ. Подъ его вліяніемъ восточные виды Россіи опредѣлились и развились въ систему, основнымъ элементомъ которой былъ союзъ съ Наполеономъ и разрывъ съ Англіей.

Однимъ изъ первыхъ шаговъ Румянцева былъ отказъ въ признаніи договора о перемиріи, получившаго ратификацію Мейендорфа. Онъ писалъ назначенному на мѣсто Михельсона кн. Прозоровскому, что Мейендорфъ превысилъ свои полномочія и поэтому ратификація недѣйствительна. Договоръ можетъ быть принятъ государемъ только съ исключеніемъ двухъ

статей: о возвратѣ судовъ и о срокѣ перемирія. Прозоровскій сообщилъ объ этомъ турецкому уполномоченному, требуя измѣненія статей, но и Галибъ-Эффенди и великій визирь отказались обсуждать этотъ вопросъ, настаивая на томъ, что перемиріе заключено правильно.

Между тѣмъ въ концѣ 1807 года въ Парижѣ готовились къ открытію мирныхъ переговоровъ между Россіей и Турціей. Толстой просилъ отозвать его; онъ боялся не разобраться и не найтись въ такой сложной игрѣ. Дѣйствительно, опытъ Убри могъ испугать каждаго. Александръ отказалъ, можетъ-быть, потому, что изъ донесеній Толстого видна была скорѣе излишняя твердость его передъ Наполеономъ, чѣмъ уступчивость. Румянцевъ прислалъ ему инструкцію, которой предписывалось настаивать на присоединеніи дунайскихъ княжествъ; если же это окажется невозможнымъ, выговорить, по меньшей мѣрѣ, Бессарабію, но съ тѣмъ, чтобы княжества до заключенія мира остались въ оккупаціи — въ видѣ залога. Переговоры съ Шампаньи и Наполеономъ убѣдили Толстого, что въ Петербургѣ ошибаются, если надѣются отдѣльно разрѣшить прусскій и турецкій вопросы. Онъ полагалъ, что въ намѣреніи Наполеона отнять у Пруссіи Силезію и «отдать ее такому государству, которое будетъ ему за это благодарно», кроется планъ возстановленія Польши, при чемъ эта область, въ случаѣ надобности, послужитъ вознагражденіемъ Австріи за Галицію. «Цѣль Наполеона — подчинить Россію такъ же, какъ онъ покорилъ Пруссію, и онъ подготовляетъ средства для достиженія этой цѣли». Въ январѣ Шампаньи предложилъ Толстому два проекта конвенціи: Россія заключаетъ миръ съ Турціей, возвращаетъ ей княжества, оставляя себѣ Бессарабію—Наполеонъ выводитъ войска изъ прусскихъ владѣній; или: Россія гарантируетъ Франціи обладаніе Силезіей—Наполеонъ обезпечиваетъ Россіи присоединеніе княжествъ и Бессарабіи. Донося объ этомъ, Толстой опять предостерегалъ Александра и Румянцева, что политика Наполеона не заслуживаетъ довѣрія. Въ Парижѣ знали, что въ лицѣ посланника имѣютъ зоркаго и стойкаго противника. Уже въ самомъ началѣ января была сдѣлана попытка добиться его удаленія. Шампаньи писалъ въ этомъ смыслѣ Коленкуру, предписывая дать понять императору, что Толстой исключительно заботится объ интересахъ Пруссіи и «довольно равнодушно относится къ присоединенію дунайскихъ княжествъ». Послѣдняя фраза показываетъ, насколько твердо былъ убѣжденъ Наполеонъ, что, играя на восточныхъ проектахъ, можно вліять на Александра въ любомъ направленіи. Эта характерная для того момента черта ихъ взаимныхъ отношеній еще ярче выразилась въ эпизодѣ съ знаменитымъ письмомъ 2 февраля (нов. ст.).



А. А. Прозоровскій.

Указывая на послѣднія пренія въ англійскомъ парламентѣ, какъ на доказательство, что на миръ съ Англіей разсчитывать нельзя, Наполеонъ предлагалъ приступить къ «великимъ и обширнымъ мѣропріятіямъ», такъ какъ это единственное средство упрочить миръ. Первый совѣтъ царю—расширить свои владѣнія въ сторону Швеціи, отдалить шведовъ отъ столицы. Второй — походъ на Индію. «Пятидесятитысячная армія, состоящая изъ русскихъ, изъ французовъ, можетъ-быть, отчасти изъ австрійцевъ направилась бы изъ Константинополя въ Азію; она не достигла бы еще Евфрата, какъ Англія задрожала бы и пала бы на колѣни предъ державами континента. Я твердо стою въ Далмаціи, вы—на Дунаѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ мы сговорились бы, наша армія могла бы быть на Босфорѣ. Этотъ ударъ отозвался бы въ Индіи, и Англія покорилась бы. Я готовъ пойти на всякое предварительное соглашеніе, необходимое для достиженія такой великой цѣли. Но взаимные интересы Россіи и Франціи должны быть обсуждены и уравновѣшены». Наполеонъ предлагалъ или личное свиданіе, или обсужденіе въ Петербургѣ между Коленкуромъ и Румянцевымъ, а въ Парижъ для переговоровъ съ Шампаньи просилъ прислать уполномоченнаго, который бы держался системы франко-русскаго союза; Толстой «предубѣжденъ противъ Франціи, не довѣряетъ ей» и, главное, «не стоитъ на высотѣ тильзитскихъ событій». Каждое слово въ этомъ письмѣ, внѣшне такомъ искреннемъ и воодушевленномъ, обдумано и взвѣшено. За каждой фразой скрывается задняя мысль. Составъ арміи: эта добавка австрійцевъ, конечно, показываетъ намъ, знающимъ, что говорилъ Наполеонъ Меттерниху за нѣсколько дней до письма, заранѣе обдуманное намѣреніе противопоставить австрійскіе интересы русскимъ на случай, если бы пришлось, дѣйствительно, давать что-либо Россіи. И это такъ и было. Талейранъ предлагалъ въ это время Австріи принять участіе въ раздѣлѣ, указывалъ ей на Боснію и Болгарію. «Походъ изъ Константинополя»: ясно, что рѣчь идетъ о войнѣ съ Турціей; «черезъ мѣсяцъ послѣ соглашенія мы на Босфорѣ»: ясно, что занятіе Константинополя—это раздѣлъ Турціи, но, если раньше планъ раздѣла намѣчался хотя въ общихъ лишь чертахъ и для отдаленнаго будущаго, тутъ ни слова объ этомъ; «мы» на Босфорѣ, но не Россія, «мы» пойдемъ изъ Константинополя, но кто тамъ останется? Какъ будутъ «уравновѣшены» интересы Россіи и Франціи? Ни намека. Самое же характерное въ этомъ замѣчательномъ документѣ, это — полное умолчаніе какъ о Силезіи, такъ и о княжествахъ. Черезъ 3 дня Наполеонъ обсуждалъ вопросъ съ Толстымъ; эта бесѣда имѣетъ значеніе исчерпывающаго комментарія къ письму.

«Дать вамъ Молдавію и Валахію значитъ слишкомъ усилить ваше вліяніе, привести васъ въ прочную связь съ сербами... съ черногорцами, греками... Я понимаю желаніе императора Александра имѣть дунайскія княжества, потому что тогда Россія будетъ повелѣвать на Черномъ морѣ; но если вы хотите, чтобы я пожертвовалъ своимъ союзникомъ, справедливость требуетъ, чтобы и вы пожертвовали своимъ»... Александръ не зналъ объ этомъ, когда говорилъ Коленкуру: «Я въ восторгѣ, что о Силезіи больше нѣтъ рѣчи. Императоръ не упоминаетъ объ этомъ вопросѣ». Вмѣсто того, чтобы «покончить на чемъ-нибудь»,—а это было необходимо, уже возникало охлажденіе—Наполеонъ рѣшилъ бросить Александру ту же

давнюю приманку, которую закидывалъ, болѣе искренно, въ 1801 году, и которой воспользовался въ Тильзитѣ. Онъ не имѣлъ въ виду, дѣйствительно, предпринять въ этотъ моментъ что-нибудь рѣшительное вмѣстѣ съ Александромъ. Между тѣмъ уже начиналась война съ Испаніей. Наполеонъ опасался, что завоеваніе Испаніи, которое онъ считалъ легкимъ и недолгимъ дѣломъ, дастъ предлогъ Россіи потребовать еще большаго на Балканскомъ полуостровѣ; съ этой, между прочимъ, цѣлью онъ отвлекалъ вниманіе Александра на Скандинавскій полуостровъ [1]).

Почему же Александръ, человѣкъ «недовѣрчивый и только наружно откровенный, какъ всѣ люди съ слабымъ характеромъ» [2]), сразу увѣровалъ и воодушевился? Были, наконецъ, произнесены завѣтныя слова: «Константинополь», «Босфоръ»; они говорились и въ Тильзитѣ, но тамъ не было такого конкретнаго предложенія, не видно было перехода отъ словъ къ дѣлу, а тутъ: «все можетъ быть рѣшено и подписано до 15 марта, 1 мая наши войска могутъ быть въ Азіи». Александръ 1808 года былъ уже не тѣмъ молодымъ императоромъ, который приказывалъ на всѣ намеки о раздѣлѣ Турціи отвѣчать отрицательно; теперь въ прошломъ были Аустерлицъ и Фридландъ. Много иллюзій было разбито у него. Торгъ изъ-за княжествъ, уже завоеванныхъ, былъ унизительнымъ торгомъ; внуку Екатерины предлагали купить этотъ кусокъ Турціи измѣной тому, что онъ считалъ или, по крайней мѣрѣ, громко называлъ вопросомъ чести. Эти причины внутренняго характера не меньше, вѣроятно, чѣмъ политическій расчетъ, обусловили его полное согласіе съ восточной политикой Румянцева и въ этомъ случаѣ жадную готовность схватить брошенную Наполеономъ приманку. Можетъ - быть, осторожнѣе сказать, что и въ этотъ моментъ онъ больше уповалъ, больше хотѣлъ вѣрить, чѣмъ, дѣйствительно, довѣрялъ. Этому есть доказательство. Въ разговорѣ съ Коленкуромъ проскользнуло недовѣріе. Рѣчь зашла о письмѣ, полученномъ посланникомъ отъ императора. Александръ сказалъ: «Изъ одного выраженія письма я понялъ, что въ письмѣ къ вамъ будутъ изложены основанія соглашенія». Прочитавъ представленное Коленкуромъ извлеченіе изъ письма, онъ разочарованно замѣтилъ: «Это тѣ же самыя слова. Однако изъ желанія императора предпринять экспедицію въ Индію видно, что рѣчь идетъ о раздѣлѣ всей Турціи, даже о Константинополѣ»... Александръ



Графъ Н. М. Каменскій (И. Григорьевъ).

---

[1]) На всякій случай онъ въ это время приказалъ Себастіани справиться, намѣрена ли Порта, если бы Россія рѣшила удержать княжества, вести войну противъ нея вмѣстѣ съ Франціей. „Какія у нея военныя средства?“

[2]) Слова Коленкура.

чувствовалъ, что тутъ есть нѣчто недоговоренное, какая-то задняя мысль, но все-таки вполнѣ отдался тѣмъ планамъ, которыми манилъ его Наполеонъ. Если это странная ошибка политика, то человѣчески она понятна. Онъ самъ предложилъ личное свиданіе съ Наполеономъ и добавилъ, что, если рѣчь идетъ о раздѣлѣ на основаніяхъ, опредѣленныхъ въ тильзитской конвенціи, то объ условіяхъ соглашенія и говорить нечего: они ясны; если же предполагается включить въ раздѣлъ и Константинополь и Румелію, то Коленкуру слѣдуетъ предварительно сговориться съ Румянцевымъ. То же онъ выразилъ въ отвѣтномъ письмѣ Наполеону. «В. В. можетъ присоединить къ Франціи Италію, даже Испанію, смѣнять династіи, создавать новыя государства, требовать помощи Черноморскаго флота и русской арміи для завоеванія Египта, мѣняться съ Австріей какими угодно землями... Россія, думаю, отнесется ко всему этому спокойно, если получитъ Константинополь и Дарданеллы», писалъ Коленкуръ, характеризуя настроеніе Александра.

Несомнѣнно, этотъ моментъ былъ апогеемъ вліянія Наполеона на Александра. Но русскій императоръ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы простить разочарованіе, особенно послѣ того, какъ, откинувъ обычную осторожность и скрытность, онъ заставилъ себя повѣрить и ясно, торопливо, горячо это высказалъ. Съ этого же момента вліяніе Наполеона стало падать, потому что разочароваться пришлось скоро, почти сейчасъ. Переговоры Румянцева съ Коленкуромъ и Толстого съ Наполеономъ и Шампаньи выяснили, что Константинополя и Дарданеллъ Россіи отдавать не намѣрены. «Это слишкомъ много», было сказано однажды. Александръ отстаивалъ исключительный интересъ, исключительное право Россіи на Константинополь: «это ключъ къ моему дому». Коленкуръ возражалъ на это, что, съ точки зрѣнія Франціи, Константинополь въ рукахъ Россіи— ключъ къ Тулону, къ Корфу, къ міровой торговлѣ. Наполеонъ въ видѣ компенсаціи требовалъ себѣ Дарданеллы и часть Никомидійскаго полуострова до Родоста [1]). Конечно, для Россіи предпочтительнѣе было, чтобы Черное море запирала Турція, чѣмъ Наполеонъ. Такое неисполнимое требованіе можно было понять только, какъ намѣренное желаніе дать переговорамъ о раздѣлѣ такое направленіе, при которомъ они ничѣмъ не могли бы закончиться. Это было видно и изъ того, что Наполеонъ долго оттягивалъ свиданіе.

Въ Эрфуртѣ (сентябрь, 1808 г.) состоялось это второе свиданіе Александра съ Наполеономъ [2]). Русскій императоръ ѣхалъ, не имѣя уже никакого довѣрія къ своему союзнику, но все же надѣясь выговорить, наконецъ, что-нибудь положительное для Россіи. Новое разочарованіе. Наполеонъ привезъ готовый договоръ, по которому Россія должна была теперь же оказать ему помощь противъ Австріи, а за это въ будущемъ ей обѣщались княжества. Александръ отказался его подписать. Послѣ долгихъ споровъ, иногда очень рѣзкихъ,—переговоры одинъ моментъ чуть не

---

[1]) Планъ раздѣла былъ таковъ: Россіи—лѣвый берегъ Дуная до устья, Болгарія и Румелія (въ качествѣ отдѣльнаго княжества для одного изъ великихъ князей); Франціи—адріатическіе берега, азіатскія земли (Дарданеллы); Константинополь дѣлался вольнымъ торговымъ городомъ; Австріи—Сербія и Боснія. Императоръ Францъ требовалъ сохраненія Турціи; Стадіонъ стоялъ за участіе въ раздѣлѣ; эрцгерцогъ Карлъ совѣтовалъ обезпечить за собой Оршову и Бѣлградъ.

[2]) См. ст. В. И. Пичета. „Международная политика Россіи послѣ Тильзита“.

были прерваны — было заключено соглашеніе (12 октября), по которому Наполеонъ, между прочимъ, отказывался отъ посредничества между Россіей и Турціей и признавалъ за Россіей право присоединить, какими ей будетъ угодно средствами, княжества. Мы обязывались выставить вспомогательный корпусъ противъ Австріи; обязательства Россіи помогать Наполеону противъ Англіи расширялись; основаніемъ мирнаго договора съ нею признавался, очевидно, непріемлемый для нея принципъ «uti possidetis». Это обстоятельство было одной изъ главныхъ причинъ возобновленія русско-турецкой войны.

Рескриптомъ 17 декабря кн. Прозоровскому приказано было предложить турецкимъ уполномоченнымъ условія мира: русская граница по Дунай, независимость Сербіи, признаніе русскими владѣніями Грузіи, Имеретіи и Мингреліи; предложенію надлежало придать характеръ ультиматума. Тогда же ему былъ присланъ проектъ мирнаго договора. Въ немъ не упоминалось о правѣ русскихъ военныхъ судовъ проходить черезъ Дарданеллы. Но Прозоровскій настоялъ на этомъ, и это требованіе было включено въ инструкцію нашимъ уполномоченнымъ — ген. Милорадовичу, сенатору Кушникову и ген. Гартунгу. Переговоры начались въ Яссахъ.



Графъ С. М. Каменскій.

Ослабленная внутренними раздорами Турція, можетъ-быть, не стала бы противиться требованіямъ Россіи, если бы къ ней не явилась въ это время поддержка извнѣ. «Англичане употребляютъ всѣ усилія и даже угрозы для заключенія мира съ Турціей, дабы пріобрѣсти себѣ твердую ногу; все сіе предвѣщаетъ намъ только кровопролитіе», доносилъ Прозоровскій. 5 января мирный договоръ съ Англіей былъ подписанъ въ Константинополѣ и 14-го утвержденъ султаномъ; Англіей былъ назначенъ посланникомъ Адэръ, и уже ждали его пріѣзда. Одной изъ статей договора проливы закрывались вообще, слѣдовательно, и для нашихъ военныхъ судовъ. Въ это время турецкіе уполномоченные въ Яссахъ стали проявлять бóльшую неуступчивость въ вопросѣ о княжествахъ. Наконецъ Портѣ было предъявлено требованіе о высылкѣ англійскаго посланника изъ Константинополя. Порта отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ. И война возобновилась.

Русско-турецкая война 1809 — 1812 гг. началась, такимъ образомъ, изъ-за желанія Александра удержать плоды первой кампаніи и тѣ преимущества на проливахъ, которыми Россія пользовалась по договорамъ 1788 и 1805 гг. Но очень скоро въ Петербургѣ стали тяготиться этой войной.

Она крайне вредно отражалась на европейской политикѣ Россіи, сильно осложненной съ этого времени польскимъ вопросомъ, какъ прелюдіей къ открытой борьбѣ съ Наполеономъ.

Очень недолго еще держался усвоенный послѣ Тильзита и развитый Румянцевымъ взглядъ на восточныя дѣла, какъ на первостепенную задачу русской политики. Отправляясь въ Парижъ на мѣсто Толстого, Куракинъ говорилъ государю, что не вѣритъ намѣренію Наполеона поддержать виды Россіи въ Турціи. Какъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ аргументовъ своего недовѣрія, онъ выставлялъ слѣдующій: «если нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ присоединеніе дунайскихъ княжествъ было бы дѣломъ очень легкимъ, то теперь, благодаря Наполеону, оно представляется крайне труднымъ и рискованнымъ». Это были послѣдніе отзвуки тильзитскихъ расчетовъ. По существу же онъ былъ неправъ; испанскія затрудненія Наполеона скорѣе давали Россіи свободу дѣйствій въ Турціи, какой иначе у нея не было бы. Но уже съ самаго начала этого періода нельзя было сосредоточить ни усилій, ни вниманія на восточныхъ дѣлахъ; не интриги Наполеона, а готовившаяся борьба съ нимъ стирала для насъ съ восточнаго вопроса его послѣ-тильзитскую окраску.

Готовилась австро-французская война.

Сознаніе, что, раздавивъ еще разъ Австрію, Наполеонъ обратится противъ насъ, сильно отражалось на отношеніи къ турецкой войнѣ, которая шла неудачно, затягивалась. Пророчески мѣтко опредѣлилъ положеніе Аракчеевъ: «Если паденіе Австріи совершится, прежде нежели мы кончимъ войну съ турками, то Наполеонъ вмѣшается въ наши дѣла и затруднитъ ихъ, и даже можетъ случиться, что послѣ всѣхъ нами сдѣланныхъ пожертвованій мы принуждены будемъ очистить Молдавію и Валахію. Совсѣмъ иное будетъ, если паденіе Австріи застанетъ насъ въ мирѣ съ турками. Тогда Наполеонъ уже не станетъ вмѣшиваться въ это дѣло. Очевидно, какъ полезно для насъ побудить турокъ къ миру». Дѣйствительно, чувствовалось, что медлить нельзя, что побѣды Наполеона въ Австріи и въ Испаніи могутъ поставить и насъ передъ грозной опасностью. И государь приказывалъ Прозоровскому бросить осаду крѣпостей, перейти Дунай и Балканы и движеніемъ на Константинополь вынудить у турокъ миръ. Но Прозоровскій медлилъ. Вскорѣ онъ умеръ. Его замѣстилъ кн. Багратіонъ; дѣла не пошли отъ этого лучше. Къ концу австро-французской войны наша борьба съ турками не только не была кончена, но русскимъ войскамъ пришлось отойти отъ Силистріи и вернуться на лѣвый берегъ Дуная. Наполеонъ злорадствовалъ.

Послѣ вѣнскаго мира и Россія и Франція начали готовиться къ рѣшительной борьбѣ. Въ этотъ подготовительный періодъ восточный вопросъ потерялъ самостоятельное значеніе въ политикѣ Россіи. Вплоть до двѣнадцатаго года дѣлались попытки перейти въ энергичное наступленіе, только бы поскорѣе закончить войну выгоднымъ миромъ. Отъ восточныхъ затрудненій старались скорѣе отдѣлаться. Серьезное политическое значеніе восточнаго вопроса выражалось косвенно: какъ одного изъ факторовъ дипломатической борьбы Россіи съ Франціей изъ-за позиціи, которую займетъ Австрія при ихъ столкновеніи. Не на театрѣ военныхъ дѣйствій, не въ Петербургѣ и не въ Парижѣ, а въ Вѣнѣ вскрывалось въ

подлинныхъ размѣрахъ вліяніе восточныхъ дѣлъ на европейскую политику въ этотъ періодъ.

По вѣнскому миру возстановились официальныя дипломатическія отношенія Россіи съ Австріей. Въ Петербургъ былъ назначенъ гр. Сенъ-Жюльенъ, въ Вѣну—гр. Шуваловъ. Относительно турецкихъ дѣлъ Шувалову было предписано заявить въ Вѣнѣ, что Россія ничего не хочетъ отъ Оттоманской имперіи, кромѣ уже завоеванныхъ ею Бессарабіи и княжествъ; границей Россіи долженъ былъ быть лѣвый берегъ Дуная. Одновременно шла рѣчь о точномъ исполненіи условій вѣнскаго договора относительно Галиціи [1]). Мы не будемъ здѣсь касаться польскаго вопроса, исторія котораго за это время очерчена въ другой статьѣ, но укажемъ лишь, что ходъ касавшихся его событій и переговоровъ опредѣлилъ другой, главенствующій вопросъ: о столкновеніи между Россіей и Франціей. Поэтому тѣ же факты въ значительнѣйшей степени вліяли на отношенія Россіи къ Австріи, слѣдовательно, и на нашу восточную политику. Пока существовала еще надежда уладить польскій вопросъ между Россіей и Франціей, т.-е. устранить, можетъ-быть, и самое столкновеніе, существовала еще и рѣшимость довершить начатое на Востокѣ дѣло въ прежней его схемѣ, т.-е. удержать княжества. Когда же Александръ остановился въ противовѣсъ наполеоновскому проекту на планѣ возстановить Польшу подъ русскимъ скипетромъ, онъ готовъ былъ пожертвовать, если окажется нужнымъ, и княжествами.


Ѳ. Ѳ. Ушаковъ.

Въ началѣ 1810 года Шуваловъ доносилъ изъ Вѣны, что, выслушавъ первое его сообщеніе о желаніи Россіи присоединить княжества и обезпечить права сербскаго народа, Меттернихъ отвѣтилъ, что совѣтовалъ сербамъ примириться съ турками, а теперь прямо сказалъ: «Въ такомъ случаѣ намъ придется сражаться». Впрочемъ, предложилъ посредничество Австріи для заключенія мира между Россіей и Турціей, но, разумѣется, не на такихъ условіяхъ.

Для Меттерниха турецкій вопросъ былъ, прежде всего, вопросомъ австрійскимъ. Въ противоположность дипломатамъ старой, тугутовской, какъ ее называетъ историкъ Австріи Шпрингеръ, школы, Меттернихъ придавалъ восточному вопросу первостепенную, рѣшающую важность. Расширеніе Россіи въ сторону Польши и Балканъ грозило, по его мнѣнію, существованію Габсбургской монархіи, которая была бы, въ этомъ случаѣ, охвачена славянской имперіей съ востока и съ юга и, при преобладаніи въ ея составѣ славянскихъ же элементовъ, не могла бы найти

[1]) Инструк. 28 ноября 1809 г.

опоры внутри себя. Меттернихъ чуялъ наступленіе новаго вѣка, вѣка пробужденія народностей. Первый изъ австрійскихъ государственныхъ людей онъ замѣтилъ этотъ новый факторъ внутренней слабости Австріи и повелъ ея политику такъ, какъ этого требовало чувство самосохраненія: оборонительная противъ славянства, эта политика неизбѣжно сводилась къ новому обоснованію стараго принципа охраны существованія и цѣлости Турціи.

«Если императоръ Наполеонъ согласенъ съ видами императора Александра насчетъ Турціи, то Австрія, напротивъ, явно намъ противодѣйствуетъ. Россія имѣетъ гораздо больше основаній быть недовольной поведеніемъ Австріи, чѣмъ она нашей политикой», писалъ Румянцевъ Шувалову. Но тутъ же предписывалъ скрывать недовѣріе Россіи къ Австріи и заявить, что Александръ готовъ начать переговоры о предоставленіи австрійскимъ подданнымъ особыхъ правъ и преимуществъ въ княжествахъ послѣ ихъ присоединенія [1]). Шуваловъ отвѣчалъ, что на этой почвѣ нельзя ничего добиться отъ Австріи. И онъ былъ, конечно, правъ. Австріи мало было «правъ и преимуществъ», ей нуженъ былъ отказъ Россіи отъ княжествъ.

Скоро Шуваловъ покинулъ Вѣну. Дальнѣйшіе переговоры велъ гр. Штакельбергъ. Онъ былъ такъ же, какъ и Шуваловъ, убѣжденъ, что до рѣшенія турецкаго вопроса въ желательномъ для Австріи направленіи, нечего и думать о соглашеніи съ вѣнскимъ дворомъ. Между тѣмъ государственный канцлеръ далеко не склоненъ былъ удовлетворить желанія вѣнскаго двора; онъ и не довѣрялъ ему и не хотѣлъ до такой степени подчинить его вліянію исходъ мирныхъ переговоровъ съ Турціей. Его инструкціи нашему вѣнскому послу глухо говорятъ о турецкихъ дѣлахъ. Императоръ Александръ держался уже въ это время другихъ взглядовъ. 8 февраля 1811 г. онъ лично писалъ австрійскому императору, указывая на неизбѣжность разрыва между Россіей и Франціей, онъ не просилъ о союзѣ, но выражалъ желаніе узнать, какую позицію займетъ въ этомъ случаѣ Австрія. Наполеонъ желаетъ возстановленія Польши, и Австріи придется отказаться отъ Галиціи—пишетъ онъ. Вотъ чего она должна ждать отъ французскаго императора; въ предупрежденіе этого лучше, чтобы занялъ Польшу войсками онъ, Александръ, а въ доказательство полной лойяльности по отношенію къ Австріи онъ предлагаетъ ей территоріальное увеличеніе за счетъ Турціи; онъ готовъ предоставить Австріи Молдавію и Валахію по рѣку Серетъ и даже Сербію. Повторяя пріемы личной политики Людовика XV, онъ тайно отъ гр. Румянцева послалъ инструкціи Штакельбергу, предписывая развить эти предложенія. Австрійскій дворъ продолжалъ свою уклончивую политику, боясь Франціи и не довѣряя Россіи. Наконецъ, когда разрывъ между Александромъ и Наполеономъ уже вполнѣ опредѣлился и надо было выбирать, Австрія, стремясь занять, по возможности, безопасную и нейтральную позицію, предложила одновременно посредничество свое между Россіей и Франціей, и Россіей и Турціей. Въ посредничествѣ въ русско-турецкомъ спорѣ для вѣнской дипломатіи было много заманчиваго; можно было разсчитывать повер-

[1]) Указ. инструк.

нуть дѣло къ выгодѣ Австріи, какъ дунайской державы. Если въ Вѣнѣ не вѣрили обѣщаніямъ Александра, то были убѣждены въ возможности достигнуть своихъ цѣлей на Востокѣ, посредничая одновременно между Россіей и Франціей. Этотъ ловкій маневръ, однако, не встрѣтилъ сочувствія въ Петербургѣ. Александръ не вѣрилъ въ успѣхъ посредничества Австріи въ Парижѣ и, оправдывая ея недовѣріе, не хотѣлъ допустить ея прямого вмѣшательства въ восточный вопросъ. Выясняющія это депеши Румянцева показываютъ, что такъ было поступлено въ значительной степени подъ его вліяніемъ. Посредничество было отвергнуто, но мысль о союзѣ или соглашеніи съ Австріей не была покинута. Штакельбергъ въ послѣдній разъ указалъ, что нельзя на это разсчитывать, пока не заключенъ съ Турціей миръ и пока ей не возвращены княжества. Позже Штакельбергъ увѣрялъ, что восточная политика Россіи, по меньшей мѣрѣ, ускорила, если въ значительной степени не вызвала заключеніе союза Австріи съ Наполеономъ. Того же мнѣнія держался и гр. Нессельроде, съ 1812 года статсъ-секретарь Александра. Въ своемъ знаменитомъ докладѣ, поданномъ имъ императору въ мартѣ, онъ ясно указываетъ, что считаетъ политику Румянцева въ 1811 году ошибочной; между прочимъ, онъ приводитъ и такое соображеніе: «когда предложеніе Австріи о посредничествѣ между Россіей и Портой было отвергнуто, русское правительство потеряло возможность компрометировать Австрію передъ Наполеономъ, который не желалъ заключенія мира между Россіей и Турціей».



Голенищевъ-Кутузовъ. (грав. Кардели).

У австрійскихъ политиковъ былъ наготовѣ планъ кн. Шварценберга, лелѣявшійся со времени переговоровъ о женитьбѣ Наполеона на эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ. Кн. Шварценбергъ и гр. Меттернихъ, правильно оцѣнивая положеніе, считали весьма непрочнымъ соглашеніе Россіи съ Франціей; предвидя возвращеніе Наполеона къ его польскимъ планамъ, они впередъ учитывали моментъ, когда между Россіей и Франціей возникнетъ соревнованіе въ пріобрѣтеніи дружбы Австріи и ея союзной поддержки. И, заранѣе останавливая выборъ на Наполеонѣ, какъ на сильнѣйшемъ изъ противниковъ и наиболѣе вѣроятномъ побѣдителѣ, кн. Шварценбергъ предполагалъ обусловить союзъ крупнымъ вознагражденіемъ: возвращеніемъ Австріи потерянныхъ ею провинцій (Иллиріи, Далмаціи, Тироля, Венеціи и Маккіи). Его мечты доходили даже до возвращенія Силезіи, «такъ какъ и Силезія древнее достояніе Австріи». Зная, что въ планы Наполеона входитъ возстановленіе Польши, какъ аванпоста противъ Россіи, и учитывая возможность уступки Галиціи, Шварценбергъ

полагалъ, что и въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ колебаться, а итти навстрѣчу видамъ французской политики за приличное вознагражденіе, которое онъ опредѣлялъ такъ: дунайскія княжества, Бессарабія, Боснія, Сербія и Болгарія.

Наполеонъ прекрасно понималъ всѣ выгоды своего положенія третьей стороны въ восточномъ вопросѣ. Чернышеву онъ говорилъ: что въ желаніи Россіи пріобрѣсти что-либо на правомъ берегу онъ склоненъ былъ бы видѣть даже casus belli, а съ Вѣной держался на иной позиціи. «Чтобъ Молдавія и Валахія не доставались Россіи, для меня это дѣло второстепенное, а для васъ главное,—велѣлъ онъ сказать тамъ;—такъ надо знать, «рѣшитесь ли вы воевать съ Россіей». Это уже очень далеко отъ плановъ кн. Шварценберга. Вознагражденіемъ за наступательный союзъ являлись уже не территоріальныя пріобрѣтенія, а недопущеніе Россіи на Дунай. Въ союзномъ договорѣ $^{2}/_{14}$ марта 1812 г. очень опредѣленно отразилась политика Меттерниха. Шестой параграфъ договора объявлялъ владѣнія Турціи неприкосновенными; тайной статьей Австріи условно гарантировалось обладаніе Галиціей съ тѣмъ, что если часть Галиціи войдетъ въ составъ возстановленной Польши, то Австрія будетъ вознаграждена возвращеніемъ иллирійскихъ провинцій. Другой секретной статьей Наполеонъ обѣщалъ императору Францу «предоставить ему территоріальное приращеніе, которое не только возмѣстило бы жертвы и расходы союзной помощи, но должно было бы явиться памятникомъ глубокой и прочной дружбы, существующей между обоими монархами». Неопредѣленность этихъ обѣщаній, по сравненію съ опредѣленностью шестой статьи договора, ясно говоритъ, что главной компенсаціей Австріи была гарантія противъ укрѣпленія Россіи на Дунаѣ и вообще на Балканахъ. Сопоставленіе же всѣхъ этихъ статей указываетъ на то, что Австрія готова была мириться съ возстановленіемъ Польши, съ тѣмъ, что она войдетъ въ создаваемый противъ Россіи заслонъ. Дѣйствительно, Австрія способствовала всѣмъ, что отъ нея зависѣло, осуществленію плана Наполеона возсоздать противъ Россіи французскую восточную систему. Такимъ образомъ, однимъ изъ главныхъ опредѣляющихъ факторовъ австрійской политики была непріязнь къ Россіи, боязнь расширенія ея на Западъ и на Балканы; вѣра въ непобѣдимость Наполеона дѣлала этотъ факторъ рѣшающимъ. И письмо императора Александра I отъ 8 февраля 1811 г. ничего не могло тутъ измѣнить, если бы даже Румянцевъ дѣйствовалъ въ томъ же направленіи.

Необходимость возможно скорѣе покончить съ турецкой войной становилась все болѣе ясной для Александра. «Постоянныя сношенія, которыя мы имѣемъ здѣсь съ Константинополемъ, все болѣе укрѣпляютъ меня въ моемъ прежнемъ убѣжденіи, что турки никогда не согласятся заключить миръ на требуемыхъ нами условіяхъ», писалъ ему въ 1811 г. Ришелье изъ Одессы, совѣтуя заключить миръ, пожертвовавъ Валахіей до Серета; война въ придунайскихъ провинціяхъ отвлекаетъ шесть дивизій, а между тѣмъ надо готовиться къ нападенію со стороны Вислы. Миръ съ Турціей будетъ проченъ. Наполеонъ разрушилъ довѣріе, которое питали къ нему въ Константинополѣ; тамъ прекрасно освѣдомлены объ его планахъ относительно Мореи и Албаніи. Если миръ будетъ заключенъ на

мало-мальски пріемлемыхъ для Турціи условіяхъ, ея не придется бояться во время столкновенія съ Наполеономъ. Герцогъ настоятельно указываетъ Александру и на другую выгоду, которой можно достигнуть цѣной пожертвованія Валахіи: «вернуть довѣріе Австріи». Замѣчательное письмо это оканчивается горячимъ призывомъ, который долженъ былъ при обрисовавшемся тогда ходѣ переговоровъ въ Парижѣ и въ Вѣнѣ сильно подѣйствовать на Александра. «Сохранивъ Молдавію и крѣпости, ваше величество спасете честь своего оружія, пріобрѣтете прекрасную провинцію, исполняя планъ Екатерины II,—планъ, отъ котораго она отказалась въ несомнѣнно менѣе серьезныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ текущія. Во имя Бога, государь, послушайтесь совѣта вѣрнаго, глубоко вамъ преданнаго слуги; скоро, можетъ-быть, будетъ уже поздно. Теперь вы можете пріобрѣсти Серетъ. Кто знаетъ, будете ли вы черезъ два года въ состояніи защищать Днѣстръ? вамъ слишкомъ необходимы будутъ всѣ ваши силы, чтобы справиться съ грозящей вамъ бурей, соберите ихъ, государь, чтобы ваши фланги были свободны, когда придется бороться на фронтѣ».



Али-паша. (Дюпре).

Этотъ совѣтъ слишкомъ совпадалъ съ донесеніемъ Чернышева изъ Парижа (отъ 9 апрѣля) объ его странномъ разговорѣ съ Талейраномъ, который, по словамъ русскаго агента, «говорилъ вообще, какъ истинный другъ Россіи» и, между прочимъ, совѣтовалъ заключить миръ съ турками; донося объ этой бесѣдѣ, Чернышевъ предлагалъ вниманію императора и свой собственный выводъ изъ всего узнаннаго и слышаннаго въ Парижѣ: необходимо, «во что бы то ни стало», отдѣлаться отъ этой «неудачной войны», чтобы можно было «нанести самый гибельный ударъ интересамъ Наполеона». Чернышевъ совѣтовалъ заключить миръ съ турками и, обезпечивъ себя отъ диверсій съ этой стороны, «неожиданно вступить въ Варшавское герцогство, провозгласить себя польскимъ королемъ и обратить противъ самаго же императора Наполеона всѣ средства, приготовленныя имъ въ этой странѣ для войны противъ насъ».

Тѣмъ временемъ командовавшій дунайской арміей Кутузовъ одержалъ рядъ побѣдъ надъ турками. Турецкій лагерь въ Слабодзіе на правомъ берегу Дуная былъ взятъ, великій визирь стоялъ съ арміей на лѣвомъ. Александръ рѣшилъ использовать благопріятный моментъ и приказалъ Кутузову заключить миръ. Условія были уже болѣе, чѣмъ умѣренны: государь допускалъ уступки въ Азіи и опредѣленіе европейской границы не по Дунаю, а по Пруту, но разрѣшилъ итти на такія уступки лишь въ случаѣ, если турки согласятся заключить миръ съ Россіей. Переговоры,

начатые Кутузовымъ, какъ только явилась возможность, велись въ Журжевѣ; предварительныя статьи, принятыя уже обѣими сторонами, гласили, что границей будетъ рѣка Серетъ; въ Сербіи возстановлялась власть Турціи. Ждали подписанія мира. Но съ обѣихъ сторонъ возникли препятствія. Турецкій уполномоченный Галибъ-Эффенди получилъ повелѣніе султана добиться тайно отъ великаго визиря возвращенія Измаила и Киліи, чтобы у Россіи не было на лѣвомъ берегу опорнаго пункта для завладѣнія однимъ изъ четырехъ устьевъ Дуная. Это требованіе могло объясняться интригами французовъ, которые съ своей стороны усердно, но безуспѣшно хлопотали о заключеніи союза съ Турціей. Но и Александръ не соглашался на такія уступки и требовалъ, кромѣ того, чтобы армія великаго визиря оставалась военноплѣнною на лѣвомъ берегу. Этотъ шагъ объяснялся, конечно, желаніемъ произвести давленіе на Порту, показать, что Россія не такъ уже безповоротно рѣшила заключить миръ, какъ толковали въ Константинополѣ и французы, и англичане, и австрійцы. Однако турки выказали неожиданную твердость. Перенесенные къ этому времени въ Бухарестъ офиціальные переговоры были прерваны, турецкіе уполномоченные, однако, остались тамъ, и обсужденіе условій мира продолжалось, хотя медленно и мало успѣшно. Александръ былъ крайне недоволенъ и винилъ во всемъ Кутузова.

Въ этотъ моментъ въ нашихъ восточныхъ дѣлахъ появилось новое дѣйствующее лицо, и съ нимъ обширные планы, своимъ размахомъ напоминавшіе до извѣстной степени проекты Наполеона въ 1806 г. — это былъ адмиралъ Чичаговъ. 17 апрѣля онъ явился къ государю и представилъ планъ диверсіи изъ Валахіи на Далмацію и Иллирію, при чемъ къ дунайской арміи предполагалось придать ополченія молдаванъ, черногорцевъ и сербовъ. Александръ сталъ жаловаться ему на Кутузова; онъ затягиваетъ переговоры, мало энергиченъ, допускаетъ мародерство и т. п. Чичаговъ посовѣтовалъ послать довѣренное лицо узнать дѣйствительное положеніе дѣлъ. Эта миссія была тутъ же предложена ему. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Чичаговъ согласился и былъ назначенъ главнокомандующимъ дунайской арміей и Черноморскимъ флотомъ и генералъ-губернаторомъ Валахіи и Молдавіи. Въ собственноручной инструкціи Александръ изложилъ ему свой новый восточный проектъ. «Два совершенно неотложныхъ дѣла должны составить предметъ вашихъ заботъ,—писалъ государь;—первое—заключить миръ съ турками, столь важный при текущихъ политическихъ обстоятельствахъ, второе—поднять всѣ мѣстныя народности, чтобы создать поддержку нашимъ военнымъ операціямъ». Чичагову предлагалось заключить съ Турціей наступательный и оборонительный союзъ и убѣдить ее не препятствовать сербамъ и другимъ христіанскимъ подданнымъ султана дѣйствовать противъ общаго врага; поднять затѣмъ Сербію, Боснію, Далмацію, Черногорію, Кроацію, Иллирію. Ихъ ополченія составятъ вмѣстѣ съ дунайской арміей серьезную силу, которая будетъ грозить нападеніемъ со стороны Ниша и Софіи, что заставитъ Австрію и Францію отвлечь значительную часть своихъ войскъ съ главнаго театра войны. Цѣлью диверсіи должно быть занятіе Босніи, Далмаціи и Кроаціи, гдѣ также слѣдуетъ создать ополченіе и направить его на Фіуме, Періестъ Каттаро и другіе пункты Адріатическаго побережья. Съ Англіей

слѣдуетъ заключить соглашеніе о совмѣстномъ съ нашими сухопутными силами дѣйствіи ея флота противъ этихъ пунктовъ. Англійскія суда, разсчитывалъ государь, доставятъ и военные припасы и деньги для славянскаго ополченія. Для воодушевленія славянъ предполагалось употребить всѣ средства: обѣщать независимость, созданіе славянскихъ государствъ, деньги вліятельнымъ людямъ, ордена и титулы вождямъ. Согласіе Турціи на совмѣстное дѣйствіе съ славянами купить обѣщаніемъ вернуть ей Рагусъ и Іоническіе острова. Если же Турція не согласится на союзъ,— поднять возстаніе среди славянской райи, возмутить грековъ; вступить въ переговоры съ Али-пашой, обѣщать ему независимость, признаніе за нимъ титула короля Эпирскаго; распространять прокламаціи среди албанцевъ, раздавать имъ деньги, чтобы образовать милицію изъ этихъ горцевъ, если же Али не согласится, свергнуть его и устроить въ Эпирѣ благопріятное для Россіи правленіе. Эта инструкція была подписана 19 апрѣля. 2 мая Чичаговъ выѣхалъ, при чемъ цѣль его путешествія, равно и самое назначеніе скрывались. 11 онъ прибылъ въ Лесы и, оказалось, опоздалъ. Кутузовъ поспѣшилъ заключить миръ и подписалъ прелиминаріи, которые и послалъ уже государю. Въ нихъ не было рѣчи о союзѣ; Сербія предавалась туркамъ. Александръ былъ крайне недоволенъ и писалъ въ этомъ смыслѣ Чичагову изъ Вильны. Условія, сообщенныя ему Кутузовымъ, совершенно не отвѣчали его планамъ относительно диверсіи. У него какъ разъ въ это время явился лишній шансъ для проведенія его плановъ. Бернадотъ обѣщалъ ему устроить миръ съ Турціей. Онъ послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ генерала бар. де-Тавастъ [1]), чтобы переговорить съ Александромъ въ Вильнѣ и оттуда ѣхать въ Бухарестъ и въ Константинополь. Вѣроятно, императоръ его и подразумѣвалъ въ письмѣ Чичагову подъ «агентомъ шведскаго наслѣднаго принца г. Ф.», который посѣтилъ его въ Вильнѣ по пути въ Константинополь и сообщилъ свою инструкцію; ему было поручено сообщить Портѣ, что Бернадотъ узналъ отъ близкихъ Наполеону людей объ его намѣреніи нанести Россіи скорый ударъ, затѣмъ заключить съ нею союзъ и съ стотысячнымъ русскимъ вспомогательнымъ войскомъ броситься на Турцію, взять Константинополь, основать тамъ восточную имперію, завоевать Египетъ и, наконецъ, предпринять походъ на Индію. «Порученіе г. Ф. не безполезно для насъ», писалъ Александръ и приказывалъ использовать этотъ случай, чтобы убѣдить Порту заключить союзъ. Въ этомъ же



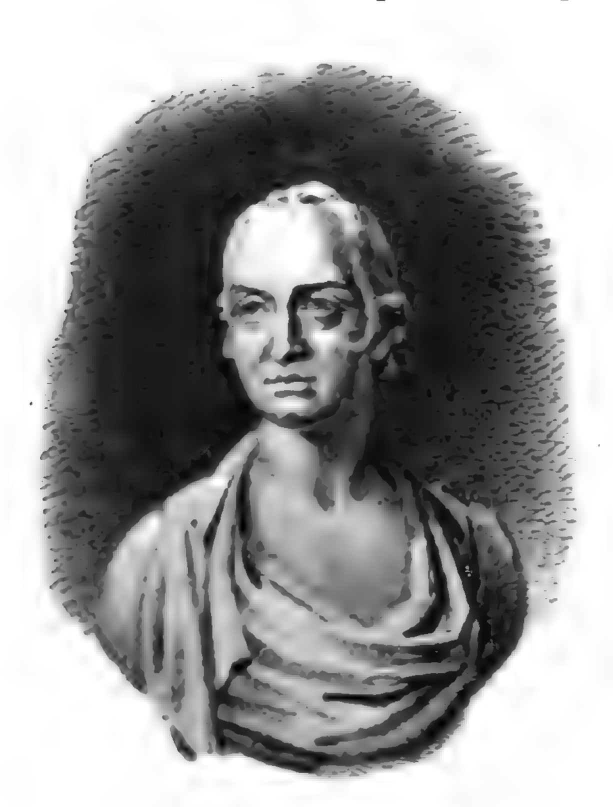
Графъ Іоаннъ Каподистрія.

[1]) Тавастъ пріѣхалъ въ Петербургъ 10 мая вмѣстѣ съ бар. Розеномъ и оттуда выѣхалъ въ Вильну (донесеніе ген. Лористона Наполеону отъ 11 мая 1812 г.).

письмѣ планъ диверсіи развивался еще шире: предполагалось движеніе на Буковину, оттуда во флотъ австрійской арміи; если же удалось бы обезпечить содѣйствіе турокъ, то итти даже въ Трансильванію и въ Бакетъ, при чемъ можно разсчитывать на недовольство въ Венгріи. Какъ извѣстно, этимъ планамъ не суждено было осуществиться. Дипломатическимъ путемъ было установлено, что «Австрія не вполнѣ врагъ и съ ней лучше дѣйствовать осторожно», какъ выразился Александръ въ письмѣ къ Чичагову 7 іюня. И диверсія на Трансильванію и далѣе отмѣнялась, какъ затруднительная, такъ какъ, по полученнымъ императоромъ свѣдѣніямъ, «венгерцы будутъ защищаться». Но Австрію все же можно ослабить съ этой стороны: «по апостолической конституціи, — писалъ государь,—венгры обязаны браться за оружіе лишь для оборонительной войны»; можетъ-быть, найдется способъ склонить ихъ заключить съ нами договоръ о нейтралитетѣ?—и Чичагову поручено было узнать это съ помощью Каподистріи. Указывая, что въ Вѣнѣ перепугались, когда во время прошлой войны паша Босніи стянулъ по желанію Наполеона свои войска, Александръ проектировалъ новый планъ диверсіи черезъ Боснію и французскую Далмацію съ цѣлью испугать Австрію, но избѣжать прямого столкновенія съ нею. Между тѣмъ миръ еще не былъ ратификованъ, и переговоры Чичагова съ турецкими уполномоченными не приводили ни къ чему. Великій визирь вообще не хотѣлъ мира; онъ полагалъ, что, въ виду затрудненій Россіи, именно теперь насталъ благопріятный моментъ для войны. Въ этомъ убѣжденіи его поддерживали французскій и австрійскій консулы. Галибъ и другіе уполномоченные отказывались обсуждать вопросъ о союзѣ до ратификаціи. Извѣстія отъ адмирала Грейга, посланнаго Чичаговымъ въ Константинополь для переговоровъ съ посланниками Сициліи и Англіи о диверсіи, были неутѣшительны. Султанъ былъ очень недоволенъ отказомъ вернуть войска, взятыя въ Слободзіи, и, повидимому, колебался, ратификовать ли вообще миръ или возобновить войну, какъ настаивала враждебная Россіи партія, австрійскіе и французскіе агенты, и какъ совѣтовалъ великій визирь. Чичаговъ, узнавъ это, совѣтовалъ Александру вернуть туркамъ пушки и знамена и признать армію визиря свободной. Но государь не соглашался и ставилъ непремѣннымъ условіемъ ратификацію и заключеніе союза. 13 іюня, извѣщая Чичагова о разрывѣ съ Франціей, Александръ писалъ, однако, уже не о союзѣ, а только о ратификаціи; повидимому, и онъ начиналъ опасаться, что турки возобновятъ войну. Выяснялось, что въ завязавшейся борьбѣ нужны будутъ всѣ силы: диверсія ограничивается Далмаціей, и войска, выставленныя противъ Буковины, т.-е. для движенія въ сторону Австріи, государь предлагаетъ Чичагову направить къ Могилеву, чтобы поддержать лѣвый флангъ ген. Тормасова.

Въ это время Чичаговъ получилъ изъ Константинополя очень странное и сильно встревожившее его извѣстіе: султанъ, оказалось, началъ возражать противъ пунктовъ договора, касавшихся азіатской границы, и происходило это, къ удивленію Чичагова, подъ вліяніемъ англійскаго представителя. «Онъ забывалъ общую опасность и помышлялъ лишь о томъ, какой вредъ можетъ быть для англійской Индіи, если Россія утвердится за Кавказомъ». Наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ и проволочекъ, султанъ ра-

тификовалъ мирный договоръ. Порта сдѣлала выборъ между миромъ и новой войной. Наполеонъ такъ же, какъ и Россія, предлагалъ ей союзъ и не только гарантировалъ ея владѣнія, но обѣщалъ вернуть все, потерянное въ войнахъ съ Россіей. Но турецкія войска были почти уничтожены, казна была истощена, всюду въ имперіи были безпорядки. Наконецъ Англія грозила нападеніемъ съ моря на Константинополь, если Турція заключитъ союзъ съ Наполеономъ. При голосованіи вопроса о мирѣ въ чрезвычайномъ совѣтѣ было подано только четыре голоса противъ мира. Въ Константинополь былъ снова назначенъ Италинскій; ему было поручено заключить союзъ; но это не удалось; если турки не рѣшились снова согласиться съ Наполеономъ, то у нихъ не было достаточнаго довѣрія къ Россіи, чтобы желать союза съ нею. Бухарестскій миръ отодвинулъ границу Россіи отъ Днѣстра къ Пруту; княжества вернулись подъ власть Турціи. Такъ закончилась эта долгая и тягостная борьба, съ начала до конца подчинившаяся всѣмъ колебаніямъ, всѣмъ фактамъ отношеній между Россіей и Франціей.



Георгъ Каннингъ. (Рис. Фридрицъ).

Послѣднимъ отзвукомъ «восточныхъ» плановъ эпохи было предложеніе, сдѣланное Чичаговымъ Александру въ письмѣ, въ которомъ онъ извѣщалъ его о ратификаціи договора султаномъ. Онъ совѣтовалъ не ратификовать мирнаго трактата, прервать переговоры и послать его съ 40 тысячами на Константинополь. Въ Россіи узнаютъ объ этомъ только, когда онъ уже пройдетъ половину пути. Великій визирь въ Бухарестѣ не пойметъ цѣль его движенія, когда онъ уже будетъ передъ Балканами, въ Вѣнѣ же и въ главной квартирѣ Наполеона узнаютъ, что происходитъ только, когда онъ уже будетъ у стѣнъ Константинополя. Это будетъ громовой ударъ, который, вѣроятно, заставитъ врага остановиться и вступить въ переговоры. Но «восточный» періодъ въ политикѣ Александра завершился. Онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. «Всѣ мысли должны быть устремлены на то, чтобы сосредоточить наши средства противъ главнаго врага, съ которымъ мы боремся», писалъ онъ. И вскорѣ Чичагову было приказано итти на Днѣстръ и оттуда къ Дубно для соединенія съ Тормасовымъ и Ришелье. Всѣ силы стягивались для великой борьбы.

Л. И. Гальберштадтъ.



РОССІЯ ПЕРЕДЪ 1812 г.

I. Императоръ Александръ I.

С. П. Мельгунова.

Наполеонъ и Александръ! Сопоставленіе этихъ двухъ личностей невольно напрашивается, когда мысль переносится къ эпохѣ Отечественной войны. Имъ обоимъ суждено было сдѣлаться центральными фигурами въ исторической борьбѣ, наполнявшей собой страницы лѣтописи первой четверти прошлаго столѣтія. Судьба сдѣлала ихъ соперниками въ первенствѣ на ту міровую роль, которую каждому изъ нихъ хотѣлось играть въ Европѣ. Правда, военный геній Наполеона могъ какъ бы бросать вызовъ судьбѣ; Александру предстояло итти лишь по нити событій, съ неизбѣжной послѣдовательностью развивавшихся одно изъ другого. Но, конечно, и на эту цѣпь событій накладывали свой отпечатокъ индивидуальность Александра, его мечты и надежды, взлелѣянныя имъ въ тайникахъ души.

Исторія давно уже сдѣлала изъ императора Александра I своего рода историческую загадку: «Сфинксъ, не разгаданный до гроба, о немъ и нынѣ спорятъ вновь», сказалъ еще кн. П. А. Вяземскій объ Александрѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить «противорѣчія», которыми такъ богата вся дѣятельность Александра? Какъ объяснить удивительное совмѣщеніе «благородныхъ» принциповъ раннихъ лѣтъ съ позднѣйшей жестокой аракчеевской практикой? Дано не мало уже объясненій этой непонятной и сложной психики соперника Наполеона, вызывавшаго самыя противорѣчивыя характеристики со стороны современниковъ. Прежняя исторіографія какъ бы реабилитировала передъ потомствомъ личность Александра. «Мы примиряемся съ его личностью потому,—писалъ Пыпинъ въ своихъ очеркахъ «Общественное движеніе»,—что въ источникѣ его недостатковъ находимъ не дурныя наклонности, а недостатокъ воспитанія воли и недостатокъ пониманія отношеній, что въ глубинѣ побужденій его лежали часто наилучшія стремленія, которымъ недоставало только школы и благопріятныхъ условій». Александръ былъ «однимъ изъ наиболѣе характеристическихъ представителей» своего времени: «онъ самъ лично дѣлилъ различныя настроенія этого времени, и то броженіе общественныхъ идей, которое начинало тогда проникать въ русскую жизнь, какъ будто отражалось въ немъ самомъ такимъ же нерѣшительнымъ броженіемъ. Такъ, сперва онъ мечталъ о самыхъ широкихъ преобразованіяхъ, о какихъ только думали самые смѣлые умы тогдашняго русскаго общества: онъ былъ либераломъ, приверженцемъ конституціонныхъ учрежденій... въ другое время, смущаясь передъ дѣйствительными трудностями и воображаемыми опасностями, онъ становился консерваторомъ, реакціонеромъ, піэтистомъ». Тѣми «трудными положеніями», которыя ставила Александру сама жизнь, Пыпинъ въ значительной степени готовъ былъ объяснять двойственность и неувѣренность въ характерѣ Александра. Онъ былъ всегда искрененъ, когда въ одно и то же время колебался между двумя совершенно различными настроеніями. Та «періодичность воззрѣній», которую отмѣчаетъ Меттернихъ, не являлась выраженіемъ какого-то сознательнаго лицемѣрія. Его внутреннія тревоги даже въ періодъ реакціонной политики показываютъ въ немъ не безсердечнаго лицемѣра или тирана, какимъ его нерѣдко изображали, а человѣка заблуждавшагося, но способнаго вызвать къ себѣ сочувствіе, потому что во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ съ нравственными идеалами. Еще болѣе теплую характеристику Александра далъ Ключевскій въ своемъ знаменитомъ литографированномъ курсѣ: «Александръ былъ прекрасный цвѣтокъ, но тепличный, не успѣвшій акклиматизироваться на русской почвѣ: онъ росъ и цвѣлъ роскошно,



Александръ I 10 лѣтъ (Скородумовъ).

пока стояла хорошая погода, наполняя окружающую среду благоуханіемъ, а какъ подула сѣверная буря, какъ настало наше русское осеннее ненастье, этотъ цвѣтокъ завялъ и опустился». Александръ былъ воспитанъ въ политическихъ идилліяхъ, у него не было необходимаго «чутья дѣйствительности», и тѣ «слишкомъ широкія мечты», съ которыми онъ вступилъ въ правительственную дѣятельность, разбились о встрѣченныя препятствія, о незнаніе практической жизни. Неудачи вызывали утомленіе и раздраженіе.

Таковъ былъ «коронованный Гамлетъ», какъ назвалъ Александра Герценъ. Въ духѣ этой прежней исторіографіи характеризуетъ Александра и авторъ новѣйшей его біографіи проф. Ѳирсовъ. Александра нельзя изображать, какъ «двуличнаго дѣятеля, какъ хладнокровнаго хитреца». Это была сложная, хрупкая психическая организація. Александръ явился «моральной жертвой русской исторіи XVIII вѣка, точнѣе — исторіи русскаго престола». Это—жертва среды; это—монархъ, «морально не вынесшій самодержавной власти, унаслѣдованной имъ при помощи дворцовой революціи съ смертельнымъ исходомъ для царствующаго государя». Физическая гибель Павла повлекла за собой моральную гибель Александра. «Вѣчное терзаніе совѣсти» надломило хрупкую психическую организацію. Поэтому судьба Александра полна самаго «трогательнаго драматизма». «Я долженъ страдать, ибо ничто не въ силахъ уврачевать мои душевныя муки», говорилъ Александръ Чарторійскому. И Александръ страдалъ, но извѣрившись, все-таки не переставалъ видѣть въ «благородныхъ принципахъ» идейную красоту, и они продолжали сохранять въ его глазахъ извѣстное эстетическое значеніе. Онъ «сохранилъ ихъ въ глубинѣ своей души, лелѣя и оберегая отъ посторонняго вліянія, какъ тайную страсть, которую онъ не рѣшался раскрыть передъ обществомъ, не способнымъ понимать его»....

Однако какъ проникнуть взоромъ историка въ то, что оберегается, какъ тайная страсть, въ сферу «мистическихъ созерцаній и покаянныхъ молитвъ»? Слишкомъ ужъ субъективенъ будетъ при такихъ условіяхъ психологическій анализъ историческихъ дѣятелей. Быть-можетъ, современная скептическая исторіографія въ своемъ «иконоборствѣ», какъ выразился кн. Вяземскій, понижаетъ «величавость исторіи и стираетъ съ нея блескъ поэтической дѣйствительности», но зато она оперируетъ только надъ реальными фактами. И число такихъ фактовъ, входящихъ въ оборотъ историческихъ изысканій, съ каждымъ годомъ увеличивается. Когда Пыпинъ писалъ свой очеркъ, онъ долженъ былъ сдѣлать оговорку, что «подробности исторіи Александра еще слишкомъ мало извѣстны» для того, чтобы опредѣленно объяснить рѣзкія «противорѣчія», съ которыми мы постоянно встрѣчаемся и въ характерѣ Александра, и въ его дѣятельности, и въ отзывахъ о немъ современниковъ. Исторія Александра еще далека, конечно, и теперь отъ полноты. Но многое изъ того, что прежде было неяснымъ, достаточно вырисовывается уже на фонѣ новыхъ изысканій. И, быть-можетъ, прежде всего та искренность Александра, въ которую вѣровала прежняя исторіографія, значительно потускнѣла подъ скальпелемъ современнаго историческаго анализа; и все рельефнѣе подъ нимъ выступаетъ та оборотная сторона медали, которая омрачала на первыхъ же порахъ

«дней александровыхъ прекрасное начало». Многія изъ отрицательныхъ чертъ Александра, отмѣченныя современниками, найдутъ себѣ конкретное подтвержденіе въ дѣйствительности, очень далекой отъ осуществленія «благородныхъ принциповъ» и идеальныхъ мечтаній въ юной молодости.

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ воспитанія Александра, въ достаточной степени выясненнаго въ литературѣ. Это «заботливое» воспитаніе согласно всѣмъ правиламъ тогдашней философской педагогіи дѣйствительно чрезвычайно мало содѣйствовало выработкѣ сознательнаго и вдумчиваго отношенія къ гражданскимъ обязанностямъ правителя: Александра, по мѣткому выраженію Ключевскаго, какъ «сухую губку, пропитывало дистиллированной и общечеловѣческой моралью», т.-е. ходячими принципами, не имѣющими рѣшительно никакого отношенія къ реальнымъ потребностямъ жизни. Въ лицѣ своей бабки онъ видѣлъ, какъ модныя либеральныя идеи прекрасно уживаются съ реакціонной практикой, какъ, не отставая отъ вѣка, можно твердо держаться за старыя традиціи. Отъ своего воспитателя, республиканца Лагарпа онъ въ сущности воспринималъ то же умѣнье сочетать несовмѣстимое — либерализмъ со старымъ общественнымъ укладомъ. Лагарпа по справедливости можно назвать «ходячей и очень говорливой французской книжкой», проповѣдывавшей отвлеченные принципы и въ то же время старательно избѣгавшей касаться реальныхъ язвъ, разъѣдавшихъ государственный и общественный организмъ Россіи. Республиканскій наставникъ въ практическихъ вопросахъ былъ въ сущности консерваторомъ, отговаривавшимъ позже Александра отъ коренныхъ реформаторскихъ поползновеній. Его идеаломъ было «разумное самодержавіе». Какъ республиканство Лагарпа уживалось и мирилось съ деспотическимъ правленіемъ, такъ и теоретическое вольнодумство Александра, вынесенное изъ юныхъ лѣтъ, было очень далеко отъ искренняго либерализма. Въ этомъ отношеніи Александръ былъ типичнымъ сыномъ своего вѣка, когда отвлеченное вольтерьянство самымъ причудливымъ образомъ соединялось съ ухищренными крѣпостническими тенденціями. Это характерная черта эпохи. Въ «Азбукѣ изреченій», составленной Екатериной, Александръ вычитывалъ прописную мораль: «по рожденію всѣ люди равны»; въ ходячихъ сентенціяхъ Лагарпа ему открывались и другіе непререкаемые догматы французскихъ просвѣтителей, и никто не проявлялъ въ задушевныхъ разговорахъ такой «ненависти» къ деспотизму и «любовь» къ свободѣ, какъ Александръ въ юношескіе годы. Онъ давалъ клятвенное обѣщаніе «утвердить благо Россіи на основаніи непоколебимыхъ законовъ», вывести несчастное отечество со стези страданій



Вел. кн. Константинъ (Скородумовъ).

путемъ установленія «свободной конституціи». Онъ считаетъ «наслѣдственную монархію установленіемъ несправедливымъ и нелѣпымъ, ибо неограниченная власть все творитъ шиворотъ-навыворотъ». «Я никогда не привыкну царствовать деспотомъ». Единственное «мое желаніе,—говоритъ онъ Лагарпу въ 1797 г.,—предохранить Россію отъ поползновенія деспотизма и тиранніи». Лагарпъ «въ теченіе цѣлаго года» не слышалъ отъ Александра словъ «подданные и царство», онъ говоритъ о русскихъ, называя ихъ «соотечественники» или «сограждане» и т. д. Таковъ Александръ юноша въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ и мечтахъ... Но не забудемъ, что въ это время ничто не могло снискать Александру большой популярности, какъ подобныя признанія...

Если чрезъ Лагарпа Александръ пріобщался къ «лакомствамъ европейской мысли», то чрезъ другого его воспитателя М. Н. Муравьева въ него усиленно внѣдрялось сентиментально-романтическое чувство, столь же характерное для эпохи. Напрасно въ этомъ сентиментализмѣ искать искреннихъ эмоцій. Ихъ не могло быть, такъ какъ характерная черта сентиментализма именно «безпредметная чувствительность». Самыя ничтожныя причины вызываютъ аффектъ, завершающійся слезоизливаніемъ. Люди способны сидѣть часами въ глубокой меланхолической задумчивости, плакать, какъ Карамзинъ, когда сердцу «очень весело». Иногда совершенно непонятно, откуда только у современниковъ могла являться эта слезотечивость. Происходитъ шумный праздникъ въ Смольномъ институтѣ. Гремитъ музыка, кругомъ иллюминація, на сценѣ веселый балетъ — и всѣ плачутъ, какъ сообщаетъ Карамзинъ своему другу Дмитріеву. Этотъ ухищренный сентиментализмъ, въ свою очередь, прекрасно уживался съ барственнымъ укладомъ жизни. Любопытно, что сентименталисты были по преимуществу и крѣпостниками. И даже Аракчеевъ, отличавшійся рѣдкой жестокостью, истязавшій своихъ крестьянъ, собственноручно вырывавшій усы у солдатъ во время смотра, весьма склоненъ былъ къ сентиментальной чувствительности: онъ могъ прослезиться при чувствительномъ разсказѣ и любилъ на ряду съ самой изысканной порнографіей почитать книжку «О пользѣ слезъ» и т. д.

Дѣтство пріучило и Александра къ этой чувствительности. Муравьевъ развивалъ передъ нимъ свои сентиментально-дидактическія идилліи о любви къ человѣчеству. И Александръ любилъ, какъ разсказываетъ Чарторійскій, въ духѣ моднаго сентиментализма мечтать о сельскомъ уединеніи, восторгаться полевымъ цвѣткомъ, бытомъ поселянъ [1]). Сельскій пейзажъ легко вызывалъ въ немъ разговоры о бренности и суетности жизни, и онъ выражалъ охоту даже уступить «свое званіе за ферму». Я «жажду лишь мира и спокойствія», писалъ онъ Лагарпу въ 1796 г. Можно было бы подумать, что инертность натуры заставляетъ мечтать о «лѣнивыхъ досугахъ спокойной жизни». Этой инертности отнюдь не было у Александра, какъ мы отчетливо увидимъ дальше. Не было и той «особенной глубины», которую видѣла Екатерина въ природѣ своего внука. Его чувствительность была скорѣе наноснаго характера, какъ вся позднѣйшая мистика. Онъ сохранялъ чувствительность до конца жизни, и въ немъ она уживалась

[1]) Припомнимъ пастушескія идилліи въ швейцарскихъ домикахъ Маріи Антуанеты въ Тріанонѣ.

такъ же, какъ и у другихъ, съ проявленіемъ большой подчасъ жестокости. Александръ—«сама добродѣтель», говоритъ о немъ Екатерина. Однако эти обычныя сужденія о личной мягкости Александра въ значительной степени опровергаются его поступками. Онъ горько плачетъ, когда И. И. Дмитріевъ докладываетъ ему о жестокомъ обращеніи помѣщицы съ дворовой дѣвкой: «Боже мой! можемъ ли мы знать все, что у насъ дѣлается», съ горечью воскликнетъ онъ. Но затѣмъ Александръ узнаетъ, что ген. Тормасовъ келейно наказалъ розгами двороваго Кириллова, который позволилъ себѣ на Тверскомъ бульварѣ въ Москвѣ произнести «неприличныя слова» насчетъ помѣщиковъ. «Неприличныя слова» заключались въ разговорѣ о вольности и независимости крѣпостныхъ людей. Александръ вознегодуетъ на слабость Тормасова: за «столь буйственный и дерзновенный поступокъ слѣдовало наказать наистрожайшимъ образомъ и публично». Александръ будетъ рыдать въ объятіяхъ Магницкаго, когда тотъ будетъ докладывать о состояніи, въ которомъ пребываетъ Казанскій университетъ; онъ будетъ проливать «обильныя слезы» въ назидательной бесѣдѣ съ европейской пиѳіей бар. Крюденеръ; его лицо оросится слезами въ бесѣдѣ съ прибывшими въ Петербургъ квакерами; онъ будетъ плакать, слушая, какъ Шишковъ читаетъ свои глубокомысленныя выкладки, почерпнутыя изъ священнаго писанія для объясненія современныхъ событій и т. д. Онъ будетъ бесѣдовать съ квакерами о спасеніи души и вѣротерпимости, говорить въ офиціальныхъ указахъ, что человѣческія заблужденія нельзя исправить насиліемъ, а лишь просвѣщеніемъ и кротостью. Будетъ выслушивать проповѣди «искупителя»—скопца Кондратія Селиванова, и тутъ же, вопреки рѣшенію военнаго суда, прикажетъ наказать солдатъ скопцовъ батогами. Когда до Александра дойдетъ извѣстіе объ усмиреніи Аракчеевымъ въ 1819 г. бунта въ чугуевскихъ военныхъ поселеніяхъ,—усмиренія, во время котораго многіе умерли подъ шпицрутенами, Александръ въ отвѣтномъ письмѣ всецѣло одобритъ своего друга и выскажетъ лишь сожалѣніе о тѣхъ волненіяхъ, которыя должна была претерпѣть «чувствительная душа» Аракчеева. Когда ему будутъ говорить о вредѣ военныхъ поселеній, онъ скажетъ свою


Вел. кн. Александръ Павловичъ (П. Борель).

знаменитую фразу: «они будутъ во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова».

Какъ, однако, характерны эти мелкіе штрихи для обрисовки свѣтлаго идеализма Александра. Приходится повѣрить ген. С. А. Тучкову, отмѣчавшему прирожденную жестокость Александра. Но Александръ умѣлъ скрывать свои наклонности. Если «прекрасная Като», какъ называлъ Екатерину Вольтеръ, обладала рѣдкимъ даромъ обольщенія людей, то, быть-можетъ, ея внукъ обладалъ имъ еще въ большей степени. Уже въ дѣтствѣ Александръ необыкновенно «обходителенъ». Это — «рѣдкій экземпляръ красоты, доброты и смышлености», писала о немъ Гримму Екатерина. «О! онъ будетъ любезенъ, я въ этомъ не обманусь» — эти слова относились къ трехлѣтнему Александру. И дѣйствительно, Александръ умѣлъ подходить къ людямъ, умѣлъ имъ внушить по первому впечатлѣнію симпатіи и даже восторгъ. «Это сущій прельститель», сказалъ о немъ Сперанскій. Это «привлекательная особа, очаровывающая тѣхъ, кто соприкасается съ нимъ», повторилъ то же Наполеонъ Меттерниху. Привлекательная наружность Александра [1]) сама по себѣ уже вызывала такое обольщеніе и особенно среди женщинъ. «Граціозная любезность» Александра, его «умѣлая почтительность», «величественный видъ», «безчисленное множество оттѣнковъ» въ голосѣ и манеры, отмѣчаемыя графиней Шуазель, чудныя, красивыя «позы античныхъ статуй», «глаза безоблачнаго неба»,—все это придавало внѣшнее обаяніе его фигурѣ. Система воспитанія и условія, при которыхъ протекали юные годы, лишь изощрили эти природныя черты. Онъ поражалъ своей «обходительностью» въ три года, когда воспитаніе и среда не могли еще оказать вліянія. Затѣмъ ему пришлось пройти хорошую школу угожденія властолюбивой бабкѣ и подозрительному отцу. И тутъ помогъ воспитатель, опытный царедворецъ Н. И. Салтыковъ. Александръ прекрасно умѣлъ лавировать между салономъ Екатерины и гатчинской казармой Павла. Ему приходилось жить «на два ума,—говоритъ Ключевскій,—держать двѣ парадныя физіономіи». Это, правда, была хорошая школа скрытности и неискренности, но школа, которую легко было пройти Александру: и въ салонѣ и въ казармѣ онъ чувствовалъ себя какъ дома, Отъ перемѣны онъ отнюдь не попадалъ въ «страдательное положеніе», и тяжелая «служба» при Павлѣ не могла надломить его «восторженной и благородной натуры». Какъ ни странно, но восторженный поклонникъ просвѣтительной философіи былъ страстный любитель всякаго рода фронтовыхъ обязанностей. Очевидно, это была врожденная, наслѣдственная черта, — черта, отличавшая дѣда и дошедшая до нелѣпыхъ предѣловъ при отцѣ. Эту любовь къ «милитаризму» въ юные годы отмѣчаетъ намъ и воспитатель Александра Протасовъ въ 1793 г. Александръ жалуется Лагарпу, что при Павлѣ «капралъ» предпочитается человѣку образованному и полезному, но и самъ предпочитаетъ Аракчеева любому изъ своихъ друзей.

Любовь къ военнымъ экзерциціямъ Александръ сохранилъ на всю свою жизнь, удѣляя имъ наибольшее время, и она, въ концѣ-концовъ, обращается дѣйствительно въ «парадоманію», какъ назвалъ эту склонность

---

[1]) „Природа надѣлила его щедро самыми любезными качествами“. (Чарторійскій).

Александра Чарторійскій. Молодой царь въ періодъ мечтаній о реформѣ одинаково занятъ и своими фронтовыми занятіями. Такъ, въ 1803 г. онъ даетъ свое знаменитое предписаніе: при маршировкѣ дѣлать шагъ въ одинъ аршинъ и такимъ шагомъ по 75 шаговъ въ минуту, а скорымъ по 120 «и отнюдь отъ этой мѣры и каденсу ни въ коемъ случаѣ не отступать». Ген. С. А. Тучковъ въ своихъ запискахъ даетъ очень яркую картину казарменныхъ наклонностей Александра, когда въ 1805 г. авторъ записокъ попалъ въ Петербургъ. Его дворъ, разсказываетъ Тучковъ, «сдѣлался почти совсѣмъ похожъ на солдатскую казарму. Ординарцы, посыльные, ефрейторы, одѣтые для образца разныхъ войскъ солдаты, съ которыми онъ проводилъ по нѣскольку часовъ, дѣлая замѣтки мѣломъ рукою на мундирахъ и исподнихъ платьяхъ, наполняли его кабинетъ вмѣстѣ съ образцовыми щетками для усовъ и сапогъ, дощечками для чищенія пуговицъ и другихъ подобныхъ мелочей». Бесѣдуетъ Александръ съ Тучковымъ на тему, что ружье изобрѣтено не для того, чтобы «имъ только дѣлать на караулъ», и вдругъ разговоръ сразу прерывается, такъ какъ Александръ увидѣлъ, что гвардія при маршировкѣ «недовольно опускаетъ внизъ носки сапоговъ». «Носки внизъ!» закричалъ Александръ и бросился къ флангу. Александръ цѣлыми часами въ это время могъ проводить въ манежѣ, наблюдая за маршировкой: «онъ качался безпрестанно съ ноги на ногу, какъ маятникъ у часовъ, и повторялъ безпрестанно слова: «разъ-разъ» — во все время, какъ солдаты маршировали». Въ то же время Александръ тщательно смотрѣлъ, чтобы на мундирѣ было положенное число пуговицъ, зубчатыя вырѣзки клапанца замѣняетъ прямыми и т. д. Помимо Тучкова мы имѣемъ не мало и другихъ аналогичныхъ свидѣтельствъ. Александръ — въ этомъ отношеніи совершеннѣйшій отецъ. Онъ всегда готовъ заниматься смотрами: даже въ Вильнѣ въ іюнѣ 1812 г. разводы занимаютъ первое мѣсто. На смотрахъ Александръ видитъ только наружность: стойку, вытянутый носокъ, неподвижность плечъ, параллелизмъ шеренгъ, какъ сообщаетъ позднѣе—въ 1820 г. — ген. Сабанѣевъ, самъ большой фронтовикъ. В. И. Бакунина разсказываетъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ 13 января 1812 г. арестовываются всѣ офицеры третьяго баталіона пѣшаго полка гвардіи за «плохую маршировку». Былъ сильный морозъ, и офицеры озябли... Какая же разница между Павломъ и Александромъ? Хорошо извѣстенъ случай, столь сильное впечатлѣніе произведшій на И. Д. Якушкина, въ 1814 г., когда Александръ бросился


М. Н. Муравьевъ (Монье).

съ обнаженной шпагой на мужика, пробѣжавшаго черезъ улицу передъ лошадью императора, готовившагося отдать честь императрицѣ. Блестящій маневръ по всѣмъ правиламъ искусства не удался, и это взорвало всегда столь сдержаннаго Александра. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше. И въ концѣ-концовъ «разводы, парады и военные смотры были почти его единственныя занятія» (Якушкинъ). Они настолько поглощали его, что въ 1824 г., узнавъ о смерти дочери своей Софьи Нарышкиной, онъ заливается слезами, но, тѣмъ не менѣе, отправляется на ученіе и, только окончивъ его, ѣдетъ поклониться праху умершей... Вѣроятно, и военныя поселенія, достигшія подъ аракчеевской палкой изумительныхъ совершенствъ въ дѣлахъ военныхъ экзерцицій, Александръ любилъ преимущественно за эту сторону, которая такъ радовала его душу. Константинъ Павловичъ большой любитель «гатчинской муштры» и аракчеевской шагистики, искренно восторгавшійся тѣми «штуками», которыя на смотрахъ продѣлывала французская армія, и тотъ ужасался тѣми крайностями, къ которымъ приводило увлеченіе Александра фронтомъ. Въ 1817 г. онъ выразилъ даже увѣренность, что гвардія, поставленная на руки ногами вверхъ, а головой внизъ, все-таки промаршируетъ—такъ она вышколена и пріучена танцовальной наукѣ.

Быть-можетъ, любовь къ фронту у Александра объясняется свойственнымъ ему формализмомъ. Ген. Ермоловъ говорилъ, что любовь къ «симметріи» у Александра являлась наслѣдственной хронической болѣзнью. Сенаторъ Фишеръ разсказываетъ, что Александръ сердился, если листъ бумаги, на которомъ ему представлялся докладъ, былъ $^1/_8$ дюйма больше или меньше обыкновеннаго. Если первый взмахъ пера не выдѣлывалъ во всей точности начало буквы А, императоръ не подписывалъ указа... Врядъ ли всѣ эти черты пришли Александру изъ Гатчины. Казарменный режимъ царствованія Павла лишь усилилъ природныя склонности Александра, которыя не могло смягчить полученное имъ образованіе. Оно было въ дѣйствительности слишкомъ поверхностно, слишкомъ рано кончилось, не давъ ему ни реальныхъ знаній, ни дисциплины ума, ни самой элементарной привычки къ умственной работѣ. При той праздности и лѣности, которую отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ Протасовъ еще въ 1792 г., не могло быть и рѣчи о глубокомъ образованіи, какое было, легко вывѣтривалось на вахтпарадахъ. Мы можемъ лишь пожалѣть, что живой и проницательный умъ и возвышенныя нравственныя качества, которыя отмѣчаютъ воспитатели Александра, не получили развитія и совершенно стушевались передъ отрицательными чертами его характера. Эти отрицательныя черты отмѣтили тѣ же воспитатели: «лишнее самолюбіе», «упорство во мнѣніяхъ, т.-е. упрямство», «нѣкоторую хитрость» и желаніе «быть всегда правымъ». Александра можно было бы упрекнуть въ «притворствѣ», пишетъ одинъ изъ этихъ раннихъ наблюдателей характера великаго князя, если бы его осторожность «не слѣдовало приписать скорѣе тому натянутому положенію, въ какомъ онъ находился между отцомъ и своей бабушкой, чѣмъ его сердцу, отъ природы искреннему и открытому». Юность всегда скрадываетъ недостатки, она всегда до нѣкоторой степени искренна. Но затѣмъ недостатки вырисовываются уже болѣе рельефно. Однако и въ юности неискренность Александра можетъ удивить. Онъ пишетъ письмо Екатеринѣ,

въ которомъ соглашается на устраненіе Павла отъ престола, а наканунѣ въ письмѣ къ Аракчееву называетъ отца «Его Императорское Величество». Въ 1799 г. Аракчеевъ получаетъ отставку. Александръ, узнавъ, что на мѣсто его назначенъ Амбразанцевъ, выражаетъ большую радость въ присутствіи людей, ненавидѣвшихъ павловскую креатуру. «Ну, слава Богу... Могли попасть опять на такого мерзавца, какъ Аракчеевъ». А между тѣмъ незадолго до такого отзыва Александръ изливается въ дружбѣ и любви къ этому «мерзавцу» и черезъ двѣ недѣли вновь пишетъ къ своему «другу». Съ нѣкоторой наивностью Марія Ѳедоровна въ 1807 г. даетъ мудрый совѣтъ своему сыну: «Вы должны смотрѣть на себя, какъ на актера, который появляется на сценѣ». Но Александръ и такъ ужъ былъ хорошимъ актеромъ. Проявляя самую нѣжную внимательность и почтительность къ матери, онъ въ то же время подвергаетъ перлюстраціи письма вдовствующей императрицы, слѣдитъ за ея отношеніями къ принцу Евгенію Вюртембергскому, опасаясь материнскаго властолюбія.


Александръ I (типа Кюгельхенъ-Тардье).

Въ жизни Александръ всегда, какъ на сценѣ. Онъ постоянно принимаетъ ту или иную позу. Но быть въ жизни актеромъ слишкомъ трудно. При всей сдержанности природныя наклонности должны были проявляться. Не этимъ ли слѣдуетъ объяснять отчасти и противорѣчія у Александра? [1]) Понятно, что при такихъ условіяхъ Александръ производилъ самое различное впечатлѣніе на современниковъ. Ихъ отзывы до нельзя противорѣчивы. Правда, показанія современниковъ очень субъективны, далеко не всегда имъ можно безусловно довѣрять. Малую цѣнность для историка имѣетъ офиціальное виршество Державина, его поэтическое предвидѣніе высокихъ дарованій новаго императора: восторженно привѣтствуя одой восшествіе на престолъ Александра, екатерининскій геній съ такой же восторженностью передъ тѣмъ привѣтствовалъ и Павла. Мы не придадимъ цѣнности масонскимъ привѣтственнымъ пѣснямъ: «онъ — блага подданныхъ рачитель, онъ — царь и вмѣстѣ человѣкъ». Вѣдь это тоже полуофиціальное виршество. Но когда люди различныхъ лагерей сходятся въ опредѣленіи чертъ характера, когда панегиристы отмѣчаютъ отрицательныя его стороны, когда эти отзывы совпадаютъ съ фактами, которые мы знаемъ, тогда мы имѣемъ полное право довѣряться такимъ показаніямъ современниковъ. И факты лишь объясняютъ то, что современникамъ казалось непонятнымъ въ загадочной личности императора Александра.

---

[1]) Ихъ должна была отмѣтить еще Екатерина: „этотъ мальчикъ сотканъ изъ противорѣчій“.

Среди голосовъ современниковъ наибольшую, конечно, цѣнность имѣютъ тѣ, которые изображаютъ намъ непосредственныя впечатлѣнія. Впрочемъ, кратковременное знакомство неизбѣжно приводило весьма часто къ обманчивому впечатлѣнію. Такъ было съ г-жей Сталь. Она была въ восторгѣ отъ Александра, увидѣвъ въ немъ «человѣка замѣчательнаго ума и свѣдѣній». «Государь, вашъ характеръ есть уже конституція для вашей имперіи, и ваша совѣсть есть ея гарантія», сказала извѣстная своей наблюдательностью французская писательница. Она очень плохо поняла императора, и ея слова въ 1812 г. послѣ ссылки невиннаго Сперанскаго могли скорѣе звучать ироніей. Александръ скромно отвѣчалъ г-жѣ Сталь: «Если бы это было и такъ, я все-таки былъ бы только счастливою случайностью». Но Александръ въ этомъ отношеніи далеко не былъ «счастливой случайностью». Также обольщенъ былъ и знаменитый Штейнъ. «Александръ только и думаетъ о счастьи подданныхъ и, окруженный несочувствующими людьми, не имѣя достаточной силы воли, принужденъ обращаться къ оружію лукавства и хитрости для осуществленія своихъ цѣлей».Но самъ императоръ «постоянно дѣйствуетъ блестящимъ и прекраснымъ образомъ: нельзя достаточно изумляться тому, до какой степени этотъ государь способенъ къ преданности дѣлу, къ самопожертвованію, къ одушевленію за все великое и благородное».

Но нѣсколько уже другой тонъ звучитъ въ1823 г., въ отзывѣ французскаго посла графа Лафероне: «Я всякій день болѣе и болѣе затрудняюсь понять и узнать характеръ императора Александра. Едва ли кто можетъ говорить съ большимъ, чѣмъ онъ, тономъ искренности и правдивости... Между тѣмъ частые опыты, исторія его жизни, все то, чему я ежедневный свидѣтель, не позволяютъ ничему этому вполнѣ довѣряться... Самыя существенныя свойства его—тщеславіе и хитрость или притворство; если бы надѣть на него женское платье, онъ могъ бы представить тонкую женщину». Этотъ отзывъ объ Александрѣ передаетъ въ своихъ запискахъ Фарнгагенъ. Отсутствіе правдивости и прямодушія отмѣтитъ намъ и панегиристъ Александра — Алисонъ. Притворство, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, человѣка близко сталкивавшагося съ Александромъ, составляетъ «одну изъ главныхъ чертъ характера» императора. «Я сохраню навсегда истинное уваженіе къ великимъ его дарованіямъ, но не испытываю одинаковыхъ чувствъ къ личнымъ его свойствамъ». Непостоянство Александра прекрасно видѣли его друзья: «повѣрь мнѣ,—говорилъ кн. П. М. Волконскій Данилевскому,—что черезъ недѣлю послѣ моей смерти обо мнѣ забудутъ». Полагаться на благосклонность Александра нельзя—это общій голосъ всѣхъ его друзей. Александръ всегда говорилъ, что онъ не перемѣнчивъ. И быть-можетъ, только по отношеніи къ Аракчееву это было до нѣкоторой степени такъ. То непостоянство,которое мы видимъ въ отношеніяхъ Александра къ женщинамъ, всецѣло распространилось и на его друзей. Иначе и не могло быть при томъ болѣзненномъ самолюбіи, которое отличало Александра,—отличало, какъ мы видимъ, еще въ дѣтскіе годы. Онъ былъ самолюбивъ до крайности и вмѣстѣ съ тѣмъ злопамятенъ. «Государь такъ памятенъ,—говорилъ Трощинскій,—что ежели о комъ разъ одинъ услышитъ худое, то уже никогда не забудетъ». Александръ всегда жаловался, что у него нѣтъ людей, что онъ окруженъ без-

дарностями, глупцами и мерзавцами. И однако, какъ мѣтко замѣтилъ Кочубей Сперанскому: «иные заключаютъ, что государь именно не хочетъ имѣть людей съ дарованіями!» Способности подчиненныхъ какъ будто даже ему непріятны: «тутъ есть что-то непостижимое и чего истолковать не можно», добавлялъ Кочубей. Но въ дѣйствительности у человѣка болѣзненно самолюбиваго, стремящагося играть во всемъ первенствующую роль, черта эта совершенно естественна и понятна. Александръ не переносилъ, когда обнаруживалась какая-нибудь его слабость, даже не слабость, а намеки на то, что онъ поступилъ подъ чьимъ-либо вліяніемъ. Шишковъ изъ авторскаго самолюбія неосмотрительно сообщилъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, что онъ авторъ записки, побудившей Александра въ 1812 г. оставить армію. Когда это обнаружилось, Шишковъ принужденъ былъ оставить должность государственнаго секретаря. Сперанскій на себѣ болѣе, чѣмъ кто-либо, испыталъ непостоянство Александра. Александръ, конечно, не вѣрилъ въ его измѣну. По словамъ Лористона «главная вина Сперанскаго состояла въ нескромныхъ отзывахъ объ императорѣ». Поддаваясь въ данномъ случаѣ требованіямъ реакціонныхъ круговъ, Александръ отнюдь не хотѣлъ признаться въ этой слабости и съ гнѣвомъ разсказывалъ проф. Парроту объ измѣнѣ Сперанскаго. Передъ Сперанскимъ онъ былъ другимъ: «на моихъ щекахъ были его слезы», разсказывалъ Сперанскій. А потомъ тщетно Сперанскій старается оправдаться передъ Александромъ: письма его систематически остаются безъ отвѣта. Очевидно, Гречъ въ значительной степени былъ правъ, сказавъ про злопамятность Александра: онъ никогда прямо не казнилъ людей, а «преслѣдовалъ



Вел. кн. Александръ Павловичъ (Лампи).

ихъ медленно со всѣми наружными знаками благоволенія и милости: о немъ говорили, что онъ употребляетъ кнутъ на ватѣ». Александръ неоднократно говорилъ, что онъ любитъ правду, любитъ ее самъ говорить, любитъ ее и слушать. «Вы знаете,—писалъ онъ Екатеринѣ Павловнѣ,—что я не люблю создавать себѣ иллюзій, я люблю видѣть все такъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ». «Я слишкомъ правдивъ,—писалъ онъ Ростопчину по извѣстному дѣлу Верещагина,—чтобы говорить съ вами иначе, какъ съ полной откровенностью. Его казнь была не нужна, въ особенности ея отнюдь не слѣдовало производить подобнымъ образомъ. Повѣсить или разстрѣлять было бы лучше». Это писалъ Александръ 6 ноября 1812 г., когда невинность Верещагина была ясно доказана, когда противъ Ростопчина говорило все общественное мнѣніе, возмущенное жестокой расправой. Александръ могъ въ 1801 г. сказать Ламбу, возражавшему противъ какого-то распоряженія по военной части: «Ахъ, мой другъ, пожалуй, говори мнѣ чаще: не такъ. А то вѣдь насъ балуютъ». Отвѣтъ этотъ привелъ въ восторгъ И. М. Муравьева-Апостола, сообщавшаго въ письмѣ къ С. Р. Воронцову «всѣ подобнаго рода анекдоты нынѣшняго восхитительнаго царствованія». Но въ дѣйствительности Александръ не терпѣлъ, чтобы ему говорили правду. Онъ никогда не могъ простить Карамзину рѣзкость тона въ его запискѣ, порицавшей начинанія первыхъ лѣтъ царствованія, показывавшей ошибки Александра, съ чѣмъ-подъ вліяніемъ событій Александръ чувствовалъ себя вынужденнымъ согласиться. Онъ не могъ переварить малѣйшей откровенности, малѣйшей критики и порицанія своихъ дѣйствій. Весьма не понравились Александру возраженія старика И. В. Лопухина противъ милиціи въ 1806 г. Лопухинъ высказывался противъ побужденія со стороны правительства къ денежнымъ пожертвованіямъ и упоминалъ лишь о томъ, что онъ видѣлъ «отъ того ропотъ даже не между бѣднымъ купечествомъ». Болѣзненное самолюбіе проявлялось даже въ такихъ мелочахъ. Самъ если не масонъ, то яко бы сочувствующій масонству, Александръ посѣщаетъ ложи «Трехъ добродѣтелей». А. Н. Муравьевъ, согласно масонскому обычаю, давая объясненія императору, обращается къ нему на «ты», какъ къ брату. Александръ былъ сильно шокированъ подобнымъ обращеніемъ и впослѣдствіи не забылъ этой карбонарской выходки будущаго декабриста.

Крайнимъ самолюбіемъ и въ то же время жаждой популярности можно объяснить много загадочныхъ противорѣчій въ дѣятельности Александра. Исканіе популярности, желаніе играть міровую роль, пожалуй, и были главными стимулами, направляющими дѣятельность Александра. Какъ человѣкъ безъ опредѣленнаго міросозерцанія, безъ опредѣленныхъ руководящихъ идей, онъ неизбѣжно долженъ былъ бросаться изъ стороны въ сторону, улавливать настроенія, взвѣшивать силу ихъ въ тотъ или иной моментъ и, конечно, въ концѣ-концовъ, подлаживаться подъ нихъ. Отсюда неизбѣжные уколы самолюбія, раздраженіе, сознаніе утрачиваемой популярности. Быть-можетъ, такова неизбѣжная судьба всякаго игрока—и особенно въ области политики. Доведенная даже до артистическаго совершенства, подобная игра должна была привести къ отрицательнымъ результатамъ. Таковъ и былъ конецъ царствованія Александра I, когда въ сущности

недовольство охватывало и реакціонные и либеральные круги русскаго общества. Реформаторскіе порывы, парализованные своей половинчатостью, не удовлетворяли и тѣхъ, на кого могъ опереться Александръ и у кого онъ снискалъ популярность на первыхъ порахъ, не удовлетворили они и тѣхъ, кто свято блюлъ завѣты старины. Глубоко ошиблась Екатерина въ своемъ предвидѣніи: «Я оставлю Россіи даръ безцѣнный—Россія будетъ счастлива подъ Александромъ».



Александръ I (Виже-Лебренъ).

А между тѣмъ мы знаемъ, что Александръ началъ царствовать при самыхъ благопріятныхъ ауспиціяхъ. Его воцареніе было встрѣчено дворянствомъ съ восторгомъ. «Послѣ бури, бури преужасной, днесь насталъ намъ день прекрасный», распѣвала гвардія. «Нашъ ангелъ», писалъ о немъ упомянутый Муравьевъ-Апостолъ. Невозможно, конечно, сказать, каковы были задушевныя мысли самого Александра. Врядъ ли, однако, Александръ былъ такъ наивенъ, чтобы думать, что «достаточно пожелать добра, чтобы осчастливить людей», и что благоденствіе само водворится безъ всякихъ усилій съ его стороны. Быть-можетъ, въ его головѣ и роились грандіозные планы реформы «безобразнаго зданія имперіи», убаюкивающіе его самолюбіе. Его туманныя мечтанія давали поводъ говорить о его величіи, о молодомъ монархѣ, который горитъ желаніемъ «улучшить положеніе человѣчества»; предрекать, что Александръ вскорѣ получитъ въ Европѣ преобладающее вліяніе; намекать на то, что это крайне нежелательно «для нѣкоторыхъ равныхъ Александру по могуществу, но безконечно ниже его стоящихъ по мудрости и добротѣ», т.-е. намекать, что Александръ можетъ явиться достойнымъ соперникомъ великаго Наполеона, какъ это дѣлалъ Стонъ въ

письмѣ къ Пристлею. Наполеонъ несъ съ собой деспотизмъ. «Нынѣ это—знаменитѣйшій изъ тирановъ, какихъ мы находимъ въ исторіи,—писалъ Александръ въ 1802 г. по поводу объявленія Наполеона пожизненнымъ консуломъ.—«Завѣса упала; онъ самъ лишилъ себя лучшей славы, какой можетъ достигнуть смертный... доказать, что онъ безъ всякихъ личныхъ видовъ работалъ единственно для блага и славы своего отечества». Именно такимъ безкорыстнымъ дѣятелемъ долженъ былъ стать самъ Александръ, съ тяжелымъ сердцемъ отказавшійся отъ добровольнаго изгнанія, отъ своихъ мечтаній блаженствовать въ сельскомъ уединеніи, промѣнявшій скромную ферму на порфирную корону только для того, чтобы посвятить себя «задачѣ даровать странѣ свободу».

Нельзя забывать и того, что этотъ либерализмъ диктовался условіями времени. Русское дворянство, отнюдь не склонное къ мечтательнымъ идилліямъ о человѣческомъ благѣ, еще менѣе чувствовало симпатіи послѣ кошмарнаго царствованія Павла къ проявленію самодержавнаго деспотизма; въ немъ достаточно сильны были олигархическія тенденціи. Обѣщаніе царствовать по законамъ Екатерины означало водруженіе стараго знамени—дворянской монархіи. И первыя либеральныя мѣры Александра съ восторгомъ встрѣчались безотносительно къ ихъ либерализму—это была оппозиція прошедшему «царствованію ужаса».

Если событіе 11 марта 1801 г. «подобно коршуну терзало его (Александра) чувствительное сердце», если «наподобіе гетевскому Фаусту» ничто не могло «заглушить въ немъ немолчнаго голоса совѣсти», то въ равной мѣрѣ на него дѣйствовало и впечатлѣніе страха. Не даромъ Завалишинъ отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, начальныя дѣйствія Александра «легко объясняются необходимостью скрывать истинное свое мнѣніе и расположеніе, какъ вслѣдствіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ вступленіе его на престолъ, такъ и страхомъ, который наводили Наполеонъ и Франція,—страхомъ, заставлявшимъ и всѣхъ государей искать опоры и противодѣйствія въ привязанности народа—и возвышеніи ихъ духа». Плохо разбирался въ условіяхъ русской жизни Стонъ, писавшій Пристлею объ Александрѣ: «Этотъ молодой человѣкъ почти съ такимъ же макіавеллизмомъ выкрадываетъ деспотизмъ у своихъ подданныхъ, съ какимъ другіе государи «выкрадываютъ» свободу у своихъ согражданъ». Хорошо знавшій Александра Чарторійскій далъ совсѣмъ другой отзывъ, болѣе близкій къ реальной дѣйствительности: «Императоръ любилъ внѣшнія формы свободы, какъ можно любить представленіе. Онъ любовался собой при внѣшнемъ видѣ либеральнаго правленія, потому что это льстило его тщеславію; но кромѣ формъ къ внѣшности, онъ ничего не хотѣлъ и ничуть не былъ расположенъ терпѣть, чтобы онѣ обратились въ дѣйствительность,—однимъ словомъ, онъ охотно согласился бы, чтобы каждый былъ свободенъ, лишь бы всѣ добровольно исполняли одну только его волю». Аналогичныя свидѣтельства мы имѣемъ и у другихъ современниковъ. Этой чертой и слѣдуетъ объяснять «странное смѣшеніе философическихъ повѣрій XVIII в. съ принципами прирожденнаго самовластія», которое отличало Александра и, по мнѣнію Корфа, являлось результатомъ воспитанія «ни вполнѣ царскаго, ни вполнѣ философическаго». При самомъ вступленіи на престолъ Александра «изъ

нѣкоторыхъ его поступковъ,—записываетъ ген. Тучковъ,—виденъ былъ духъ неограниченнаго самовластія, мщенія, злопамятности, недовѣрчивости, непостоянства въ обѣщаніяхъ и обмановъ». Этотъ духъ дѣйствительно былъ замѣтенъ, что и дало поводъ А. И. Тургеневу говорить, что лучше деспотизмъ Павла, чѣмъ «деспотизмъ скрытый и перемѣнчивый», какой былъ у императора Александра.

Республиканецъ на словахъ, Александръ въ то же время имѣлъ твердое представленіе о власти самодержавной, какъ объ установленіи божественномъ. Понятно, что при такомъ воззрѣніи въ его либеральныхъ мѣропріятіяхъ не было «энтузіазма», какъ отмѣчаетъ современникъ. Правда, отсутствіе этого энтузіазма современникъ объясняетъ тѣмъ, что либеральныя мысли Александра не были связаны съ «дикимъ или чудаческимъ представленіемъ о свободѣ». Но естественнѣе предположить другое. Вспомнимъ, что на практикѣ либерализмъ Александра не выдержалъ самаго элементарнаго экзамена на первыхъ же порахъ. Сенату, какъ извѣстно, въ 1802 г. было дано право дѣлать представленія государю по поводу указовъ, несогласныхъ съ прочими узаконеніями. Это право современники готовы были уже разсматривать, «какъ ограниченіе самодержавной воли монарха». Но императоръ въ дѣйствительности на первыхъ же порахъ «обнаружилъ полную нетерпимость къ самому законному и умѣренному проявленію самостоятельныхъ взглядовъ» сенаторовъ. И когда сенатъ однажды воспользовался своимъ правомъ, онъ вызвалъ глубокій гнѣвъ Александра: «Я имъ дамъ себя знать». И было растолковано, что сенатъ въ правѣ обсуждать лишь законы, изданные въ предшествующія царствованія, дѣлать представленія по поводу ихъ отмѣны, но не долженъ касаться законоположеній, изданныхъ царствующимъ государемъ. А между тѣмъ только за годъ передъ тѣмъ Александръ говорилъ, что онъ не признаетъ «на землѣ справедливой власть, которая бы не отъ закона истекала»; когда ему подносили для подписи «Указъ нашему сенату», онъ восклицалъ: «Какъ нашему Сенату! Сенатъ есть священное хранилище законовъ: онъ учрежденъ, чтобы насъ просвѣщать», и своимъ восклицаніемъ приводилъ въ умиленіе корреспондента гр. Воронцова. Таковъ былъ Александръ, когда эпитетъ «ангелъ во плоти» былъ у всѣхъ на устахъ. Но играя въ либерализмъ, Александръ не сумѣлъ уловить тонъ господствующихъ настроеній въ дворянской средѣ. Естественно, что и



И. М. Муравьевъ-Апостолъ (Монье).

политическіе консерваторы, и политическіе англоманы-олигархи одинаково оказывались въ числѣ неудовлетворенныхъ и недовольныхъ. Это недовольство очень скоро стало проявляться въ общественныхъ кругахъ. О петербургскихъ «coteries» сообщается уже въ 1803 г., онѣ усиливались съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ внѣшняя политика Александра терпѣла крушеніе. И въ сущности въ 1805 г. Александръ уже возстановилъ Тайную экспедицію для наблюденія за вольномысліемъ, запрещенными сходбищами, вредными сочиненіями и т. д. Глубоко правъ былъ Д. Н. Свербеевъ, замѣтившій, что Александръ, «вопреки всѣмъ прекраснымъ качествамъ сердца, не оставлялъ безъ преслѣдованія ни одной грубой выходки крайняго либерализма и имѣлъ обыкновеніе отрезвлять иногда очень долгимъ заточеніемъ или ссылкой тѣхъ, которые считались противниками его верховной власти». Припомнимъ хотя бы позднѣйшую печальную судьбу лифляндскаго дворянина Бока [1]), заключеннаго за свою конституціонную записку въ 1818 г., направленную при письмѣ Александру, въ Шлиссельбургскую крѣпость и пробывшаго тамъ до конца дней Александра...

Александръ былъ «слишкомъ философъ», какъ выразился Жозефъ де-Местръ, чтобы заниматься черновой домашней работой, которая не сулила сдѣлать его великимъ человѣкомъ. Александръ мечталъ о болѣе широкомъ поприщѣ славы; въ немъ явно сказывалось, по словамъ Фонвизина, «притязаніе играть первенствующую роль въ политической системѣ Европы, оспаривать первенство у Франціи, возвеличенной счастливыми революціонными войнами». Въ излишней самоувѣренности Александръ слишкомъ торопился «играть роль въ Европѣ». Онъ воображалъ себя великимъ полководцемъ. Но могъ ли имъ быть тотъ, кто все воинское искусство видѣлъ въ парадахъ, кто изъ всей военной тактики Наполеона заимствовалъ лишь эполеты тамбуръ-мажоровъ? Говорятъ, что Александръ проявлялъ личную храбрость. Такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ Жозефъ де-Местръ, и позднѣе Шишковъ. Но соперничество съ Наполеономъ на поприщѣ брани привело лишь къ пораженію Александра. Его боевая слава померкла, не успѣвъ расцвѣсть, на поляхъ Аустерлица, что весьма чувствительно отзывалось на самолюбіи Александра.

Въ то же время Александръ зналъ о тѣхъ оппозиціонныхъ настроеніяхъ, о тѣхъ мнѣніяхъ, которыя вращались въ обществѣ и о которыхъ ему, между прочимъ, сообщала вдовствующая императрица въ письмѣ отъ 18 апрѣля 1806 г. Она констатируетъ, что недовольство существуетъ и въ столицахъ и въ провинціи. Публика, «не видя государя въ ореолѣ славы, критикуетъ вольно». Еще одно проигранное сраженіе, и имперія окажется въ опасности. Россія утратила свое былое вліяніе въ международной политикѣ. «Кто знаетъ, что въ это время дѣлается въ Петербургѣ!» сказалъ, по словамъ де-Местра, кто-то изъ придворныхъ послѣ Аустерлица, и это достаточно, чтобы Александръ скакалъ въ Петербургъ. А здѣсь, какъ сообщаетъ Стедингъ, 28 сентября 1807 г. говорятъ даже о заговорѣ, о возведеніи на престолъ Екатерины Павловны. Конечно, все это были вздорные слухи, показывающіе, однако, нѣкоторый поворотъ въ

[1]) „M-de Bock a perdu la raison", по словамъ Александра въ письмѣ къ Паулуччи.

обществѣ по отношенію къ Александру. И не даромъ появленіе Аракчеева де-Местръ объясняетъ внутреннимъ броженіемъ: Александръ захотѣлъ «поставить съ собой рядомъ пугало пострашнѣй»...

Французскій историкъ Вандаль такъ охарактеризовалъ значеніе Тильзита: это «искренняя попытка къ кратковременному союзу на почвѣ взаимнаго обольщенія». Трудно, конечно, сказать, насколько искрененъ былъ Александръ въ своемъ обольщеніи Наполеономъ; насколько искрененъ былъ онъ, когда говорилъ Савари: «Ни къ кому я не чувствовалъ такого предубѣжденія, какъ къ нему (т.-е. Наполеону), но послѣ бесѣды... оно разсѣялось, какъ сонъ». Можетъ-быть, здѣсь сказывалось то «въ высшей степени разсчитанное притворство», о которомъ упоминаетъ Коленкуръ и которое въ области дипломатіи у Александра доходило до виртуозности. Въ этомъ, повидимому, солидарны всѣ современники. «Александръ уменъ, пріятенъ, образованъ, но ему нельзя довѣрять; онъ неискрененъ: это — истинный византіецъ... тонкій, притворный, хитрый», сказалъ Наполеонъ уже на о. св. Елены. «Въ политикѣ,—писалъ шведскій посолъ въ Парижѣ Лагербіелне,—Александръ тонокъ, какъ кончикъ булавки, остеръ, какъ бритва, и фальшивъ, какъ пѣна морская». «Искренній, какъ человѣкъ, Александръ былъ изворотливъ, какъ грекъ, въ области политики»— таковъ отзывъ Шатобріана. И, дѣйствительно, къ международной дипломатіи, гдѣ искренность всегда затушевана политическимъ расчетомъ, характеръ Александра I чрезвычайно подходилъ. И, быть-можетъ, онъ очень тонко велъ свою линію отъ Тильзита до двѣнадцатаго года.



Вел. кн. Елизавета Алексѣевна (портр. наход. въ Баденѣ).

Это была выжидательная неопредѣленность: «измѣнятся обстоятельства, можно измѣнить и политику». Пока же союзъ съ Наполеономъ былъ неизбѣженъ; по крайней мѣрѣ, для авторитетнаго положенія Александра въ европейскихъ дѣлахъ. Этимъ только и слѣдуетъ объяснять новую французскую политику Александра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и либеральныя начинанія эпохи Сперанскаго. Конечно, Александръ никогда серьезно не думалъ осуществлять широкіе замыслы Сперанскаго, весьма скептически относившагося къ конституціоннымъ мечтаніямъ «на словахъ». Хотя Сперанскій и говоритъ о своемъ проектѣ 1809 г., что онъ былъ «принятъ какъ руководящее начало дѣйствія и какъ неизмѣнная норма всѣхъ предстоящихъ и желательныхъ преобразованій», однако, въ дѣйствительности Александръ отнюдь не былъ склоненъ поступаться прерогативами монарха. Онъ жаловался впослѣдствіи де-Сангленy: «Сперанскій вовлекъ

меня въ глупость». Ему нужны были лишь практическія мѣры Сперанскаго, такъ сказать, минимальная реформа, которая придала бы нѣкоторую хотя бы стройность «безобразному зданію имперіи». Въ этихъ реформахъ была слишкомъ осязательная потребность въ виду предвидѣнія неизбѣжнаго столкновенія Россіи съ Франціей.

Не всѣ обладали въ достаточной степени этой политической прозорливостью, не всѣ понимали и политику Александра, которая въ своихъ конкретныхъ проявленіяхъ въ связи съ континентальной системой затрогивала матеріальные интересы господствующаго класса. Первоначально имя Наполеона не вызывало въ Россіи «ненависти»; многіе изъ политическихъ консерваторовъ, какъ Карамзинъ, скорѣе готовы были его привѣтствовать за то, что онъ «умертвилъ чудовище революціи». Но затѣмъ Наполеонъ самъ дѣлается «исчадіемъ» революціи, носителемъ революціонныхъ принциповъ. Для правящаго дворянства всѣ либеральныя реформы являются также порожденіемъ революціоннаго духа. Вотъ почему и Сперанскій въ консервативныхъ кругахъ вызывалъ такое негодованіе. «Не знаю,—говоритъ Вигель,—развѣ только смерть лютаго тирана могла бы произвести такую всеобщую радость», какъ паденіе Сперанскаго. Александръ недостаточно учитывалъ первоначально оппозиціонное дворянское настроеніе: онъ думалъ весельемъ въ столицахъ парализировать «уныніе», о которомъ говорили противники Наполеона. Александръ боялся дворянства, такъ какъ ему неоднократно напоминали о дворцовыхъ событіяхъ 1801 г. «Ужасныя событія вашего воцаренія поколебали тронъ», говорила, напримѣръ, Марія Ѳедоровна въ цитированномъ выше письмѣ. Александръ относился подозрительно даже къ патріотическому движенію въ дворянствѣ, что особенно ярко проявилось въ періодъ отечественной войны. Несмотря на эти опасенія, Александръ долженъ былъ послѣдовать совѣтамъ, которые давалъ ему Ростопчинъ еще въ 1806 г.: возжечь въ дворянствѣ «паки въ сердцахъ любовь, совсѣмъ почти погасшую въ несчастныхъ происшествіяхъ». Либерализму была дана окончательная отставка.

Правда, въ дипломатіи либерализмъ какъ будто бы еще царитъ. Призывая Штейна въ Россію въ началѣ 1812 г., Александръ пишетъ: «Рѣшительныя обстоятельства должны соединить... всѣхъ друзей человѣчества и либеральныхъ идей... Дѣло идетъ... спасти ихъ отъ варварства и рабства». Но вѣдь все это было лишь внѣшней прикрасой, какъ и всѣ аналогичныя заявленія европейскихъ правительствъ, говорившихъ о возвращеніи свободы, обѣщавшія конституціи «сообразно съ желаніемъ» народа. Это было одно изъ знаменъ для борьбы съ Наполеономъ, которымъ при извѣстныхъ случаяхъ пользовался Александръ. Совершенно такъ же самые заядлые крѣпостники, въ родѣ гр. Ростопчина, въ обращеніи къ народнымъ массамъ говорили о крестьянской свободѣ. Въ сущности говоря, и правительственные манифесты обѣщали эту свободу. Какъ иначе было бороться противъ наполеоновскихъ прокламацій! Во всякомъ случаѣ въ эту пору «рѣшительный языкъ власти и барства болѣе не годился и былъ опасенъ», какъ мѣтко замѣтилъ ростовскій городской голова Маракуевъ.

Роли Александра I въ періодъ отечественной войны посвящается особая статья. Въ эту тяжелую для Россіи годину Александръ про-

явилъ большую твердость, удивившую отчасти и современниковъ и историковъ. Это была эпоха «наибольшаго развитія его нравственной силы,— говоритъ Пыпинъ.— Обыкновенно нерѣшительный и перемѣнчивый, не находившій въ себѣ силы одолѣвать препятствія», Александръ въ это время «удивилъ своимъ твердымъ стремленіемъ къ разъ положенной цѣли». Эта твердость даетъ поводъ одному изъ историковъ отечественной войны (К. А. Военскому) даже говорить, что «съ мягкостью обращенья императоръ Александръ соединилъ удивительную настойчивость и желѣзную силу воли.



Елизавета Алексѣевна (Виже-Лебренъ).

Въ семейномъ кругу его называли кроткимъ упрямцемъ — le doux entêté». Но упрямство и сила воли далеко не синонимы. Первая черта скорѣе признакъ слабохарактерности. Но обычное сужденіе о нерѣшительности Александра, о его уступчивости, какъ мы уже старались показать, дѣйствительно, можетъ быть оспариваемо! Въ Александрѣ была большая доля упрямства [1]), желанія во что бы то ни стало настоять на своемъ. Это отмѣтили еще воспитатели его ранней юности, а позднѣе шведскій посланникъ Стедингъ: «Если его трудно было въ чемъ-нибудь убѣдить, то еще труднѣе заставить отказаться отъ мысли, которая однажды въ немъ превозобладала!» И когда дѣло затрогивало его самолюбіе, онъ былъ удивительно настойчивъ. Исторія съ военными поселеніями можетъ служить наилучшимъ показателемъ. Если Александръ бросался изъ стороны въ сторону, то это не потому, что онъ искренно вѣрилъ послѣдовательно то въ прогрессъ, то въ реакцію. Какъ у тонкаго политика, у него все было построено на расчетѣ, хотя, быть-можетъ, часто этотъ расчетъ и былъ ошибоченъ: жизнь народа, жизнь

---

[1]) Его упрямство проявлялось иногда въ удивительныхъ мелочахъ. Михайловскій - Данилевскій въ доказательство твердости характера Александра разсказываетъ о такомъ случаѣ. Однажды во время дороги императоръ сказалъ Михайловскому, что онъ намѣренъ ѣхать три или четыре станціи, „не закрывая коляски и не выходя изъ оной“, и сдержалъ свое слово, „не взирая ни на какую погоду, на вѣтеръ, дождь или бурю“. Но неужели въ этомъ заключается сила воли?

общества не укладывается въ математическія рамки. Жизнь подчасъ путаетъ всѣ расчеты. Да и можно ли учесть перемѣнчивыя общественныя настроенія, ихъ силу или безсиліе? Здѣсь ошибки неизбѣжны, сильный человѣкъ ихъ сознаетъ. Александръ подъ вліяніемъ обстоятельствъ мѣнялся, но ошибокъ своихъ никогда не сознавалъ.

Въ отечественную войну Александръ проявилъ большую настойчивость вопреки ожиданію многихъ изъ современниковъ. Какъ разсказываетъ Сегюръ въ своихъ воспоминаніяхъ, послѣ взятія Москвы «Наполеонъ надѣялся на податливость своего противника, и сами русскіе боялись того». Этой твердости также удивляется и Гречъ. Вѣдь за окончаніе войны возвысились весьма авторитетные голоса: Марія Ѳедоровна, великій князь Константинъ, Аракчеевъ, Румянцевъ. И только Елизавета Алексѣевна и Екатерина Павловна были рѣшительными противницами мира. «Полубогиня тверская», какъ именовалъ Карамзинъ Екатерину Павловну, дѣйствительно, повидимому, отличалась большой и неутомимой энергіей; къ тому же это была женщина, искренно ненавидѣвшая все то, что отзывалось революціей. Елизавета Алексѣевна—«лучезарный ангелъ», по характеристикѣ того же Карамзина, въ свою очередь, проявила энергію въ ночь съ 13—14 марта 1801 года. По родственнымъ связямъ она должна была ненавидѣть Наполеона. Что же, Александръ поддался вліянію женщинъ? О нѣтъ! Для него борьба съ Наполеономъ была дѣломъ личнаго самолюбія, въ жертву котораго онъ готовъ былъ принести многое. Соперничество съ Наполеономъ заставило Александра быть столь же твердымъ въ рѣшеніи продолжить борьбу за границей и, воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ, сломить могущество Наполеона.

Александръ охотно отзывался на призывы Штейна быть освободителемъ Европы. Прусскій патріотъ, какъ мы уже знаемъ, вѣрилъ въ искренность либерализма Александра. «Пусть не удастся низости и пошлости,— писалъ онъ въ началѣ 1814 г.,—задержать его полетъ и помѣшать Европѣ воспользоваться во всемъ объемѣ тѣмъ счастіемъ, какое предлагаетъ ей Провидѣніе». И какъ бы слѣдуя Штейну, Пыпинъ доказывалъ, что энергію Александра даннаго времени нельзя объяснить тѣмъ, что «борьба съ Наполеономъ, рѣшеніе судьбы Европы представляли дѣятельность, завлекавшую его тщеславіе и честолюбіе»; энергія Александра была возбуждена тѣмъ, что «на этотъ разъ онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ своемъ предпріятіи, въ его необходимости и благотворности для человѣчества, а также тѣмъ, что на этотъ разъ его дѣятельность находила полную, безусловную опору въ голосѣ націи... Къ этому присоединился еще новый возбуждающій элементъ, не дѣйствовавшій прежде—элементъ религіозный». Конечно, въ періодъ отечественной войны Александръ находилъ «безусловную опору въ голосѣ націи». Но заграничные походы были популярны только въ нѣкоторыхъ либеральныхъ кругахъ. Въ придворной средѣ они вызывали неменьшее возраженіе, чѣмъ нежеланіе Александра заключить миръ послѣ занятія Москвы Наполеономъ. Прежде всего «война 1812 г. принесла Россіи болѣе безславія, нежели славы», какъ записалъ Погодинъ въ своемъ дневникѣ въ 1820 г. «Походъ 1812 г.,—писалъ Ростопчинъ Александру 24 сентября 1813 г.,—охладилъ воинственный пылъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ». Старецъ Шишковъ очень боялся, что въ болѣе благопріятныхъ

условіяхъ вновь разовьется военный геній Наполеона и Россія потерпитъ пораженіе. Фанатикъ реакціи, Ростопчинъ, пессимистически смотрѣвшій на будущее («трудно нынѣ царствовать: народъ узналъ силу и употребляетъ во зло вольность», писалъ онъ Брокеру въ 1817 г.), только и думавшій о борьбѣ съ такъ называемымъ внутреннимъ врагомъ, считалъ, что Наполеонъ уже «ускользнулъ» и что слѣдуетъ «подумать о мѣрахъ борьбы внутри государства съ врагами вашими и отечества», какъ писалъ онъ Александру 14 декабря 1812 г. Не хотѣлъ этой новой борьбы и Кутузовъ, видѣвшій въ Наполеонѣ, какъ бы противовѣсъ противъ Австріи и Пруссіи. Но для Александра заграничные походы открывали широкую арену для дѣятельности, для популярности, для вліянія на Европу, чего онъ такъ давно добивался. И одна невольно вырвавшаяся у него фраза какъ нельзя отчетливѣе передаетъ чувства Александра, когда онъ сдѣлался по-



Импер. Елизавета въ Ораніенбаумѣ (лит. Мартынова).

бѣдителемъ и въ то же время освободителемъ Европы. Когда А. П. Ермоловъ поздравилъ Александра съ побѣдой подъ Фершампегаузомъ, императоръ отвѣтилъ торжественнымъ тономъ: «Отъ всей души принимаю ваше поздравленіе, двѣнадцать лѣтъ я слылъ въ Европѣ посредственнымъ человѣкомъ; посмотримъ, что она заговоритъ теперь». Самолюбивый Александръ страдалъ оттого, что его могли считать посредственнымъ человѣкомъ, а низвергнутаго имъ соперника—геніемъ. Что Александра многіе считали таковымъ, показываетъ отзывъ Наполеона, писавшаго послѣ Тильзита Жозефинѣ: Александръ «гораздо умнѣе, чѣмъ думаютъ»...

Какую же сыгралъ роль другой привходящій элементъ, религіозный въ дѣятельности Александра? Въ юности у Александра была одна только религія — религія «естественнаго разума». Послѣ отечественной войны онъ явно дѣлается піэтистомъ и мистикомъ. Такъ на него повліялъ вихрь пережитыхъ событій; въ 1814 г. изъ-за границы онъ «привезъ домой сѣдые волосы». «Пожаръ Москвы,—говорилъ Александръ въ бесѣдѣ съ нѣмецкимъ

пасторомъ Эйлертомъ 20 сентября 1818 г.,—просвѣтилъ мою душу, а судъ Господень на снѣговыхъ поляхъ наполнилъ мое сердце такой жаркой вѣрой, какой я до сихъ поръ никогда не испытывалъ... Теперь я позналъ Бога... Я понялъ и понимаю Его волю и Его законы. Во мнѣ созрѣло и окрѣпло рѣшеніе посвятить себя и свое царствованіе прославленію Его. Съ тѣхъ поръ я сталъ другимъ человѣкомъ». Мистическому настроенію легко увлечь въ свои нѣдра. Мистики разнаго типа заполоняютъ вниманіе Александра. Въ ихъ туманныхъ, а подчасъ бредовыхъ идеяхъ черпается вся мудрость жизни. Александръ въ Карлсруэ при посѣщеніи баденскаго герцога поучается у самого Штиллинга—этого оракула западно-европейскаго мистицизма и такого же непреложнаго авторитета русскихъ мистиковъ [1]).

Передъ баронессой Крюденеръ, Александръ является въ видѣ кающагося грѣшника, сокрушающагося о прошлой жизни и прошлыхъ заблужденіяхъ. «Крюденеръ,—говоритъ Александръ,—подняла предо мною завѣсу прошедшаго и представила жизнь мою со всѣми заблужденіями тщеславія и суетной гордости». Онъ часами бесѣдуетъ съ квакерами-филантропами Алленомъ и Грелье, прочувственно плачетъ, когда ему говорятъ объ отвѣтственности, лежащей на немъ, на колѣняхъ цѣлуетъ руки вдохновеннымъ проповѣдникамъ и въ глубокомъ, торжественномъ молчаніи, длящемся нѣсколько минутъ, ожидаетъ «божественнаго осѣненія»: это молчаніе, вспоминалъ потомъ Алленъ, «было точно возсѣданіе на небеси во Іисусѣ Христѣ». Точно такъ же Александръ покровительствуетъ и татариновскимъ радѣніямъ: его сердце «пламенѣетъ любовью къ Спасителю», когда онъ читаетъ письма Р. А. Кошелева по поводу кружка Татариновой. Онъ обращается ко всякаго рода пророкамъ и пророчицамъ, чтобы узнать намѣренія Провидѣнія: юродивый музыкантъ Никитушка Өедоровъ, вызванный къ Александру какъ пророкъ, награждается даже чиномъ XIV класса и т. д. Изъ подобныхъ бесѣдъ, изъ библейскихъ выписокъ, сдѣланныхъ Шишковымъ въ Германіи примѣнительно къ современнымъ политическимъ событіямъ, Александръ черпаетъ идеи Священнаго союза и убѣждается, что онъ, избранное орудіе Божества. Какъ Наполеонъ послужилъ бичомъ Божіимъ для выполненія великаго дѣла Провидѣнія, такъ и Александру предназначена великая миссія освобожденія Европы отъ вліянія «грязной и проклятой» Франціи (Михайловскій-Данилевскій). Можно ли здѣсь заподозрѣть какую-либо неискренность? Тенёта мистицизма и ханжества очень цѣпки, но нельзя забывать и того, что новая идеологія, обосновывающая европейскую политику Александра, чрезвычайно гармонировала съ его старыми мечтами. Серьезно ли было вліяніе Крюденеръ на Александра? Быть-можетъ, глубоко правъ былъ одинъ изъ первыхъ біографовъ г-жи Крюденеръ, сказавшій: «Очень вѣроятно, что Александръ дѣлалъ видъ, что принимаетъ поученія г-жи Крюденеръ, для того, чтобы думали, что онъ преданъ мечтаніямъ, которыя стоятъ квадратуры круга и философскаго камня, и изъ-за нихъ не видѣли его честолюбія и глубокаго макіавеллизма». Александръ любилъ выслушивать пророчества и тонкую лесть Крюденеръ и ей подобныхъ оракуловъ, но очень не любилъ, когда они реально вмѣ-

[1]) Мистицизму въ Россіи въ связи съ реакціей, послѣдовавшей послѣ отечественной войны, будетъ посвящена особая статья: поэтому здѣсь мы его касаемся лишь въ нѣсколькихъ словахъ.

шивались въ область дипломатіи. И когда Крюденеръ, окруженная славой, явилась въ петербургскіе салоны и попробовала вмѣшаться въ неподлежащую ей сферу, она моментально была выслана изъ Петербурга.

Не надо забывать и того, что новыя идеи дали новое освѣщеніе и отечественной войнѣ. Наполеона побѣдила природа. Войдя въ Россію, предсказывалъ Шишковъ, Наполеонъ «затворился во гробѣ, изъ котораго не выйдетъ живъ». Это слишкомъ простое объясненіе потрясающимъ событіямъ, только что пережитымъ, казалось уже неудовлетворительнымъ для современниковъ. Надо было найти болѣе глубокій смыслъ. Если прежде отечественная война выставлялась, какъ борьба за свободу, то ее теперь готовы разсматривать въ соотвѣтствіи съ новыми мистическими настроеніями, какъ тяжелое испытаніе, ниспосланное судьбой за грѣхи. Судъ Божій произошелъ на снѣговыхъ поляхъ... Совершонное дѣло выше силъ человѣческихъ. Здѣсь явленъ «Промыселъ Божій». Новое объясненіе упрощенно разрѣшало цѣлый рядъ сложныхъ обязательствъ, лежившихся на правительство. Истиннымъ героемъ народной войны былъ русскій крестьянинъ, беззавѣтно любящій родину и боровшійся за нее. Его надо было вознаградить. Только одну награду ждали — освобожденія отъ рабскихъ цѣпей. Но если отечественная война наслана была Провидѣніемъ, кто изъ смертныхъ можетъ воздать должное народу, который Самъ Богъ избралъ орудіемъ мщенія! Русскій народъ совершилъ великую миссіанскую задачу. Онъ долженъ гордиться тѣмъ, что Богъ избралъ его «совершить великое дѣло», и, не предаваясь гордости, смиренно благодарить «Того, Кто изліялъ на насъ толикія щедроты». «Кто, кромѣ Бога, кто изъ владыкъ земныхъ и что можетъ ему воздать? Награда ему



М. А. Нарышкина (Стройли).

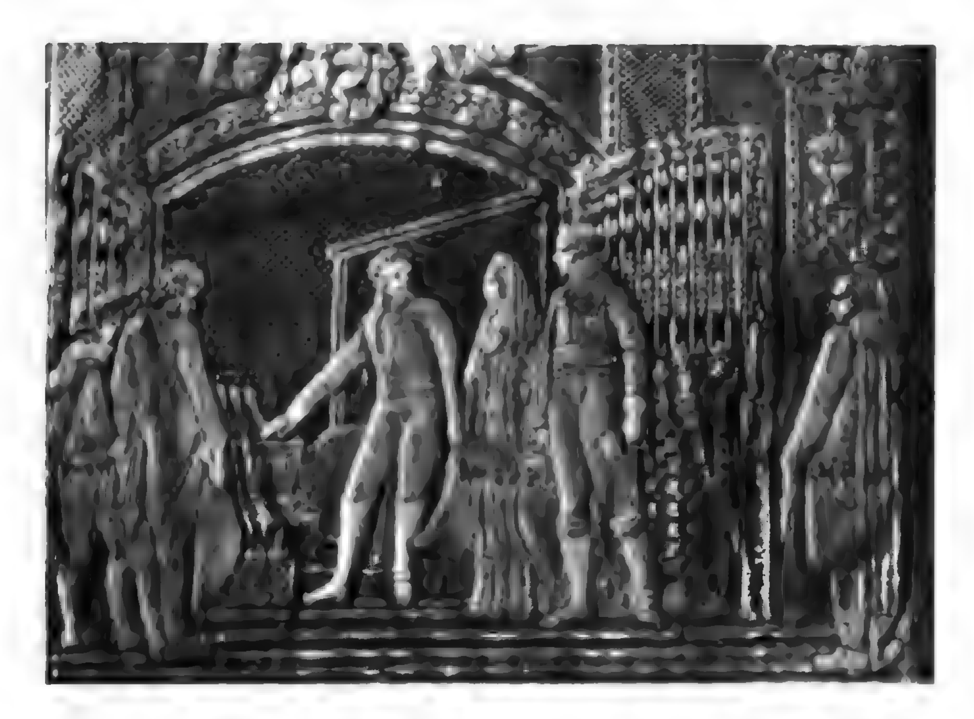
дѣла его, которымъ свидѣтели небо и земля», гласилъ манифестъ 1 января 1816 года. «Не намъ, не намъ, Господи, а имени Твоему»—вотъ эпилогъ войны. И въ видѣ утѣшенія въ горестяхъ народу дана была Библія.

Обоснованіе международной и внутренней политики на христіанскихъ началахъ, вступленіе Россіи на «новый политическій путь — апокалипсическій», какъ мѣтко выразился Шильдеръ, влекло за собой реакцію во всѣхъ сферахъ общественнаго и государственнаго уклада. Мрачная реакція, реакція безъ поворотовъ, безъ отступленій, безъ колебаній и характеризуетъ вторую половину царствованія императора Александра. Скоро мистицизмъ былъ, въ свою очередь, заподозрѣнъ въ революціонизмѣ. Мистицизмъ смѣнила реакція ортодоксальная, и просвѣтовъ, которые отмѣчали «дней александровыхъ прекрасное начало», уже не повторялось.

Александръ разочаровался, говорятъ, въ своихъ прежнихъ политическихъ идеалахъ. Реформаторскія неудачи вызываютъ раздраженіе, скептическое отношеніе ко всему русскому, нравственное уныніе завлекаетъ Александра въ тенёта ухищреннаго мистицизма. Россія оказалась неподготовленной къ осуществленію благожелательныхъ начинаній императора, и онъ охладѣваетъ къ задачамъ внутренней политики. Онъ «удаляется отъ дѣлъ». Но въ это обычное представленіе надо прежде всего внести одинъ существенный коррективъ. Можетъ-быть, нѣкоторымъ изъ современниковъ и казалось, что Александръ, возненавидѣвшій Россію (Якушкинъ), удалился отъ дѣлъ. Европа и мрачная непрезентабельная фигура временщика Аракчеева закрывали собой Александра. Въ дѣйствительности, однако, какъ неопровержимо теперь уже выяснено, въ періодъ реакціи и охлажденія къ дѣламъ Александръ слѣдилъ за всѣми мелочами внутренняго управленія. Дѣла Комитета Министровъ не оставляютъ никакого сомнѣнія. Аракчеевъ, котораго любили выставлять какимъ-то злымъ геніемъ второй половины царствованія Александра, былъ лишь вѣрнымъ исполнителемъ велѣній своего шефа. Аракчееву приписывали иниціативу и военныхъ поселеній, но несомнѣнно, что творцомъ этого неудачнаго дѣтища александровскаго царствованія, вызывавшаго наибольшую ненависть и оппозицію въ обществѣ и народѣ, былъ самъ императоръ. Мы знаемъ также, что многіе изъ знаменитыхъ аракчеевскихъ приказовъ правились самимъ Александромъ, нѣкоторые изъ черновиковъ написаны его рукою. Александръ сознательно скрывался за Аракчеева, какъ бы возлагая на него всю отвѣтственность передъ обществомъ за ходъ государственной жизни и тѣмъ самымъ перекладывая на «злодѣя»-временщика свою непопулярность. Это отмѣтилъ еще де-Местръ. А популярность Александра съ каждымъ годомъ падала. Росла оппозиція — оппозиція не консервативно-дворянскаго характера, а прогрессивная. Въ этомъ отношеніи Александръ не учелъ вліяніе, которое имѣла для Россіи его европейская политика; не учелъ той роли, которую могли имѣть заграничные походы, такъ называемая освободительная война. Отвѣтомъ на оппозицію была реакція; въ отвѣтъ на реакцію усиливалось оппозиціонное настроеніе съ революціоннымъ оттѣнкомъ. Это типичное историческое явленіе не миновало Россіи. Отсюда понятны и раздраженіе и скептицизмъ Александра.

Въ Западной Европѣ «мирно-религіозная» идиллія Священнаго союза съ ея завѣтами христіанской морали приводила къ тѣмъ же результатамъ—

къ воплощенію въ жизни Меттерниховской «системы». Но тамъ для Александра была привлекательна лишь авторитетная роль, которую онъ игралъ на конгрессахъ, какъ освободитель Европы, какъ самый могущественный европейскій государь, какъ самый надежный оплотъ престоловъ и монархическихъ принциповъ. Ему льстило вниманіе, которое ему удѣляли монархи и избранные члены европейскаго общества. Тамъ его самодержавной власти непосредственно не угрожали никакія потрясенія, тамъ онъ былъ въ сторонѣ отъ той неурядицы, отъ того хаоса, который охватываетъ Россію въ послѣдніе годы царствованія Александра. Тамъ все для него облекается въ радостный «видъ», и онъ не видитъ «только разореніе», не слышитъ только однѣ «жалобы». Для Михайловскаго-Данилевскаго было «непостижимо», почему Александръ «не посѣтилъ ни одного классическаго мѣста



Александръ I и Вильгельмъ III у гроба Фридриха II въ 1805 г. (съ кости).

войны 1812..., хотя изъ Вѣны ѣздилъ на Ваграмскія поля..., а изъ Брюсселя—въ Ватерлоо». Но на самомъ дѣлѣ это психологически совершенно естественно. Въ Россіи, разсказываетъ тотъ же современникъ, Александръ «рѣдко во время путешествія входилъ въ разговоры о нуждахъ жителей», за границей онъ охотно «посѣщалъ дома поселянъ». За границей Александръ иногда не прочь надѣть и либеральную тогу, которая ни къ чему не обязывала. Меттернихъ въ общественномъ мнѣніи выставлялъ Александра истиннымъ вдохновителемъ реакціи, и Александръ какъ бы въ отвѣтъ на Ахенскомъ конгрессѣ выскажетъ мудрую мысль, что правительства, ставъ во главѣ общественнаго движенія, должны проводить либеральныя идеи въ жизнь; онъ внимательно будетъ выслушивать мечтательные планы энтузіаста Овэна, признавать всю ихъ важность, будетъ соглашаться съ квакеромъ,

что царство Христа есть царство справедливости и мира, что союзные государи должны руководиться правилами христіанской морали, «если кто тебя ударитъ по щекѣ, подставь ему другую», быть отцами своихъ подданныхъ, будетъ говорить противъ рабства, возмущаться въ парижскихъ салонахъ торговлей неграми, а когда рѣчь зайдетъ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, скажетъ: «съ Божьей помощью оно прекратится еще въ мое управленіе»...

Иногда въ Россіи онъ намекнетъ о возможности установленія «законно-свободныхъ учрежденій». Онъ будетъ въ 1811 г. говорить Армфельту, что конституціонные порядки въ Финляндіи ему гораздо болѣе по душѣ, чѣмъ пользоваться самовластіемъ. Онъ то же скажетъ и при открытіи польскаго сейма въ 1818 г. Тогда же Новосильцевъ, по его порученію, будетъ составлять свою «уставную грамоту». Любовь къ «конституціоннымъ учрежденіямъ» будетъ фигурировать въ бесѣдѣ съ Лафероне, а въ 1825 г. съ Карамзинымъ, этимъ «республиканцемъ въ душѣ». Онъ будетъ утверждать, что жилъ и умретъ республиканцемъ. Не служитъ ли это нагляднымъ показателемъ того, что Александръ, начавъ поклоняться «новымъ богамъ», не разбилъ и старыхъ? Несомнѣнно, онъ всегда поклонялся и тѣмъ и другимъ богамъ. Это была изъ тѣхъ многочисленныхъ позъ, которыя, въ концѣ-концовъ, повергали въ полное недоумѣніе современниковъ: что же, Александръ говоритъ «отъ души или съ умысломъ дурачитъ свѣтъ?» Это одна изъ чертъ того арлекинства, которое отмѣтилъ Пушкинъ. Въ устахъ самодержавнаго монарха республиканскія идеи были красивы и эстетичны. Напоминанія о нихъ въ періодъ реакціонныхъ вакханалій мистицизма и аракчеевской военщины будили надежды, привлекали сердца прогрессивныхъ слоевъ общества, мечтавшихъ о реформѣ. «Возложите надежды на будущее», говорилъ Александръ Парроту при посѣщеніи Дерпта, когда гуманный профессоръ говорилъ о необходимости великодушныхъ преобразованій, о необходимости призвать къ общественной жизни «несчастный народъ, пользующійся только призрачнымъ существованіемъ». «Я думаю объ этомъ, я работаю надъ этимъ и надѣюсь осуществить это дѣло», отвѣчалъ Александръ. Можно было бы повѣрить искренности Александра, если бы противорѣчія между словомъ и дѣломъ не проходили бы красной нитью черезъ всѣ дни жизни этого «благожелательнаго неудачника на тронѣ»; если бы эти противорѣчія не касались бы тѣхъ областей, гдѣ элементарная справедливость должна была бы поднять свой голосъ. Неужели можно повѣрить наивности, проявленной Александромъ въ 1820 г., когда въ Государственномъ Совѣтѣ шли пренія о непродажѣ крестьянъ безъ земли и когда Александръ высказалъ убѣжденія, что «въ его государствѣ уже двадцать лѣтъ не продаютъ людей порознь». Эта наивность удивила даже Кочубея. Высказанное императоромъ убѣжденіе не помѣшало, однако, Государственному Совѣту отвергнуть внесенный законопроектъ. Благожелательность Александра, такимъ образомъ, разбилась о дворянскую косность. Но не слишкомъ ли большую роль придаютъ этой дворянской оппозиціи? Александръ былъ всегда противникъ рабства на словахъ, «всѣмъ сердцемъ желалъ уничтожить въ Россіи крѣпостное право». Онъ освободилъ бы крестьянъ цѣною собственной жизни, «если бы образованность была бы

болѣе высокой степени». Такъ говорилъ Александръ Савари въ 1807 г. Итакъ, опять независящія обстоятельства, которыя Александръ не сумѣлъ преодолѣть: но въ дѣйствительности это неумѣніе въ значительной степени было вызвано и другими причинами: въ намѣреніи Александра освободить господскихъ крестьянъ, по мнѣнію Тучкова, «скрывалась цѣль большаго еще утвержденія деспотизма». Т.-е. въ крестьянствѣ онъ думалъ найти оплотъ противъ олигархическихъ стремленій дворянства, но другая сторона его останавливала: это «боязнь снять узду», какъ говоритъ Завалишинъ. Отсюда вытекала нерѣшительность. Позднѣе опасенія передъ дворянствомъ улеглись. И для Александра въ вопросѣ о рабствѣ важна лишь внѣшность. «Патріархальность» крѣпостного права всецѣло оправдывала существованіе рабства: какъ государь—«отецъ» народа, согласно идеямъ Священнаго союза, такъ и помѣщикъ—отецъ крѣпостной семьи. Русскій крестьянинъ благоденствуетъ подъ игомъ крѣпостного ярма. И можно ли было говорить о «варварскихъ обычаяхъ» въ странѣ, руководимой просвѣщеннымъ монархомъ! Александръ поэтому вполнѣ удовлетворился тѣмъ, что сдѣланный имъ намекъ «о варварскомъ обычаѣ продавать людей «понять», какъ писалъ Стонъ Пристлею; объявленій о работорговлѣ нынѣ нѣтъ, ибо «никто не желаетъ быть причисленнымъ къ потомкамъ варваровъ». И Александръ могъ убѣжденно говорить въ 1820 г., что продажи не существуетъ. Александру много разъ указывали на ужасное положеніе крестьянъ: «вникните въ гибельныя послѣдствія рабства владѣльческаго и казеннаго,—писалъ ему надворный совѣтникъ Извольскій въ 1817,—ваше сердце обольется кровью». Онъ отъ «искренняго сердца», какъ говоритъ Фонвизинъ, хотѣлъ улучшить положеніе. Такъ, по поводу положенія Комитета Министровъ 1819 г., запрещавшаго принимать жалобы отъ крестьянъ помимо мѣстнаго начальства, Александръ писалъ: «извѣстно мнѣ, что были случаи, гдѣ крестьяне, жалующіеся на помѣщиковъ, взамѣнъ удовлетворенія, были еще наказаны». И вотъ предписывалось не возбранять подавать жалобы и прошенія. Жалобы на первыхъ порахъ насыпались какъ изъ рога изобилія: по свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго, при путешествіи Александра близъ Байдаръ на пространствѣ 32 верстъ было подано 700 прошеній. Какъ, однако, самъ реагировалъ Александръ на подаваемыя ему прошенія? Тотъ же современникъ рисуетъ безподобную картину: Александръ гуляетъ, «взглядъ его выражаетъ кротость и милосердіе». А между тѣмъ онъ только что велѣлъ «посадить подъ караулъ двухъ крестьянъ, которыхъ


Александръ I поднимаетъ на Охтенской дорогѣ «человѣка безъ чувствъ лежащаго и покрытаго однимъ только рубищемъ» (Брюлловъ).

единственная вина состояла въ томъ, что они подали ему прошеніе»... «Чѣмъ болѣе я разсматриваю сего необыкновеннаго мужа, тѣмъ болѣе теряюсь въ заключеніи», добавляетъ разсказчикъ. Не то же ли было съ военными поселеніями, т.-е. съ рабствомъ гораздо болѣе ужаснымъ, чѣмъ крѣпостное право? Мы уже приводили знаменитый отвѣтъ Александра по поводу указанія на вредъ поселеній. Онъ зналъ ужасное положеніе поселеній, гдѣ процентъ смертности дошелъ до необычайныхъ предѣловъ. Бунты постоянно свидѣтельствовали объ ужасѣ, къ которому приводило «великодушное» побужденіе облагодѣтельствовать крестьянскій міръ, умолявшій о защитѣ «крещенаго народа» отъ Аракчеева. Нѣсколько сотъ поселенцевъ въ 1817 г. останавливаютъ Николая Павловича и на колѣняхъ просятъ ихъ пощадить: «Прибавь намъ подать, требуй изъ каждаго дома по сыну на службу, отбери у насъ все..., но не дѣлай всѣхъ насъ солдатами». Аналогичный случай происходитъ и съ Маріей Ѳедоровной. Александръ все это зналъ. Но военныя поселенія—его затѣя, долженствовавшая обезпечить Россіи постоянную сильную армію, а вмѣстѣ съ тѣмъ—авторитетное положеніе въ Европѣ...

Такова была оборотная сторона всѣхъ великихъ государственныхъ начинаній первой четверти XIX вѣка. Напрасно видятъ какое-то исключеніе въ дѣятельности Александра въ Польшѣ, видятъ въ этой дѣятельности послѣ 1812 г. отблески либеральнаго начала царствованія. «Александръ, разочарованный въ Россіи, во вторую половину царствованія жилъ умомъ и сердцемъ по ту сторону Вислы». Такъ казалось отчасти современникамъ, оскорблявшимся предпочтеніемъ, которое оказывалъ Александръ Польшѣ передъ Россіей. Положеніе, конечно, было различно. Но это различіе объясняется всѣмъ предшествующимъ положеніемъ вещей, а не высокими либеральными идеями Александра. То, что говорилъ про Россію Жозефъ де-Местръ, можно по преимуществу отнести именно къ Польшѣ. Здѣсь Александръ разсчитывалъ соединить неумолимый деспотизмъ съ фиктивнымъ конституціонализмомъ, съ тѣмъ самымъ, какой воздвигъ Наполеонъ на развалинахъ французской республики. И «carte blanche», которую даетъ Александръ Константину, какъ намѣстнику Польши, служитъ, пожалуй, лучшимъ подтвержденіемъ правильности этой оцѣнки.

Характеръ и дѣятельность Александра I вовсе не представляютъ изъ себя какой-то исторической загадки. Такихъ людей, какъ Александръ, исторія знаетъ много. Не таковъ ли и современникъ Александра Каразинъ, который также долгое время былъ среди непонятныхъ и загадочныхъ личностей. Энтузіастъ, либералъ, крѣпостникъ и реакціонеръ, Каразинъ вызывалъ много споровъ. Но Воейковъ уже далъ ему въ «Домѣ сумасшедшихъ» эпитетъ «Хамалеона». Злая сатира Воейкова не принадлежала къ числу объективныхъ историческихъ источниковъ, и, однако, теперь уже, пожалуй, мало найдется такихъ изслѣдователей, которые не вынуждены будутъ согласиться съ наблюдательнымъ современникомъ. Факты уничтожили романтическій обликъ русскаго «маркиза Позы». Факты снимаютъ ореолъ загадочности и драматичности и съ императора Александра I. Современники, въ концѣ-концовъ, поняли прекрасно эту загадочную личность.

Англійскіе и американскіе друзья Александра, обольщенные отзывомъ Лагарпа и письмами Александра, признавали въ 1802 г. «появленіе такого

человѣка на тронѣ» феноменальнымъ явленіемъ, которое создастъ цѣлую «эпоху». Однако, долженъ былъ замѣтить Джефферсонъ въ письмѣ къ Пристлею 29 ноября 1802 г., Александръ имѣетъ передъ собою геркулесовскую задачу—обезпечить свободу тѣмъ, которые «неспособны сами позаботиться о себѣ». Но первые года уже несли съ собой противорѣчіе. И эти друзья должны утѣшаться тѣмъ, что для Александра «было бы нецѣлесообразнымъ возбуждать опасенія среди привилегированныхъ сословій, пытаясь создать сейчасъ что-либо въ родѣ представительнаго правленія; быть-можетъ, даже нецѣлесообразнымъ было бы обнаружить желаніе полнаго освобожденія крестьянъ». Проходятъ годы, и прежняя «нецѣлесообразность» остается все въ томъ же положеніи... Черезъ шестнадцать лѣтъ (12 декабря 1818 г.) Джефферсонъ долженъ уже выразить сомнѣніе: «я опасаюсь, что нашъ прежній любимецъ Александръ уклонился отъ истинной вѣры. Его участіе въ мнимо-священномъ союзѣ, антинаціональные принципы, высказанные имъ отдѣльно, его положеніе во главѣ союза, стремящагося приковать человѣчество на вѣчныя времена къ угнетеніямъ, свойственнымъ самымъ варварскимъ эпохамъ — все это кладетъ тѣнь на его характеръ» [1]). Для русскихъ современниковъ Александра эта «тѣнь» его характера вырисовывалась еще рельефнѣе. Пушкинъ вспоминалъ впослѣдствіи, какъ «прекрасенъ» былъ Александръ, когда «изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался»: «народовъ другъ, спаситель ихъ свободы».



Старецъ Өеодоръ Кузьмичъ.

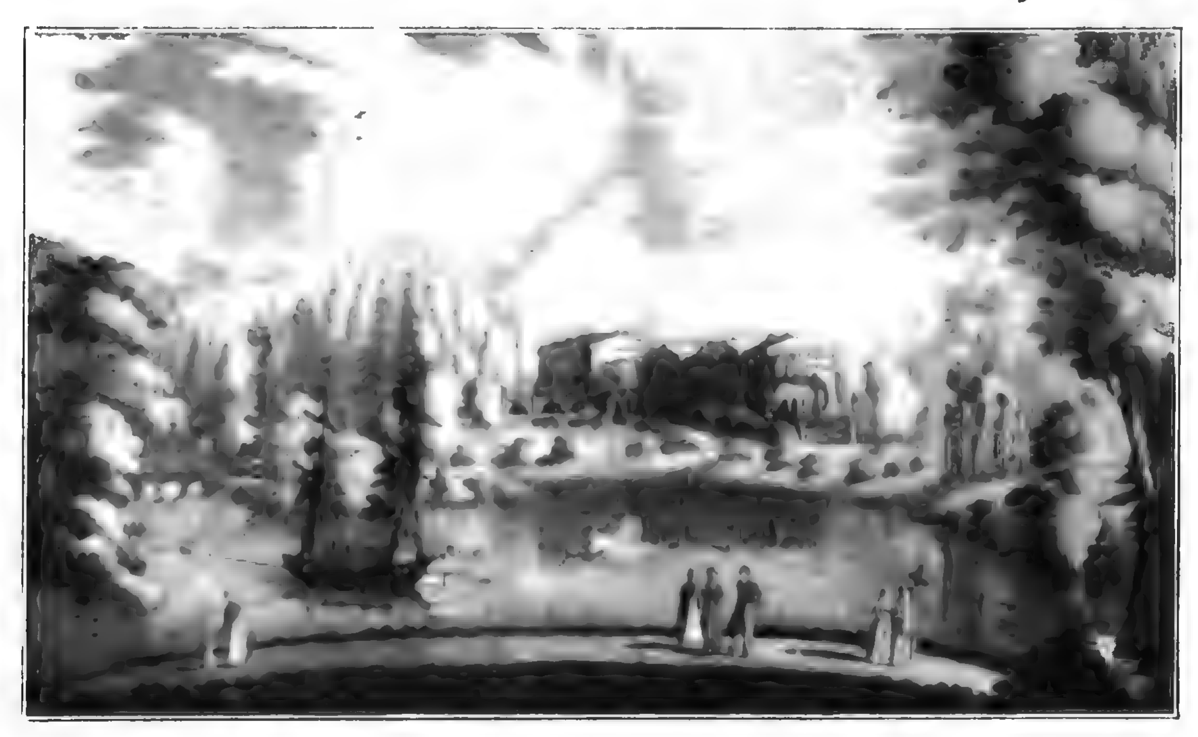
«Вселенная, пади предъ нимъ: онъ твой спаситель! Россія, имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой царь!» такъ передалъ свое впечатлѣніе о московскомъ пребываніи Александра въ 1814 г. кн. П. А. Вяземскій.

Но куда же исчезъ этотъ энтузіазмъ черезъ нѣсколько лѣтъ? «Варшавскія рѣчи» (1818), по свидѣтельству Карамзина, «сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ: спятъ и видятъ конституцію»; не у всѣхъ, однако, нашли онѣ такой отзвукъ. Уже немногіе, пожалуй, какъ декабристъ М. А. Фонвизинъ, продолжали вѣрить въ «искренность свободолюбивыхъ намѣреній и желаній» императора Александра. «Пора уснуть бы, наконецъ,

[1]) Эта любопытная переписка, которую мы цитировали ужъ не разъ и выше, опубликована г. Козловскимъ въ „Русской Мысли“ за 1910 г.

послушавши, какъ царь-отецъ разсказываетъ сказки» — вотъ впечатлѣніе Пушкина, высказанное въ его «сказкахъ». «Владыка слабый и лукавый... нечаянно пригрѣтый славой»—вотъ другой отзывъ Пушкина въ извѣстномъ шифрованномъ стихотвореніи. И даже старый воспитатель Александра, Лагарпъ, учившій своего воспитанника мудрости править, и тотъ долженъ былъ не безъ разочарованія признаться въ 1824 г.: «Я обольщался надеждой, что воспиталъ Марка Аврелія для пятидесятимилліоннаго населенія... я имѣлъ, правда... минутную радость высокаго достоинства, но она исчезла безвозвратно, и бездонная пропасть поглотила плоды моихъ «трудовъ со всѣми моими надеждами». Въ этомъ Лагарпъ былъ самъ виноватъ, но за «минутную радость» вознесетъ ли потомство Александра на высокій пьедесталъ?»

С. Мельгуновъ.



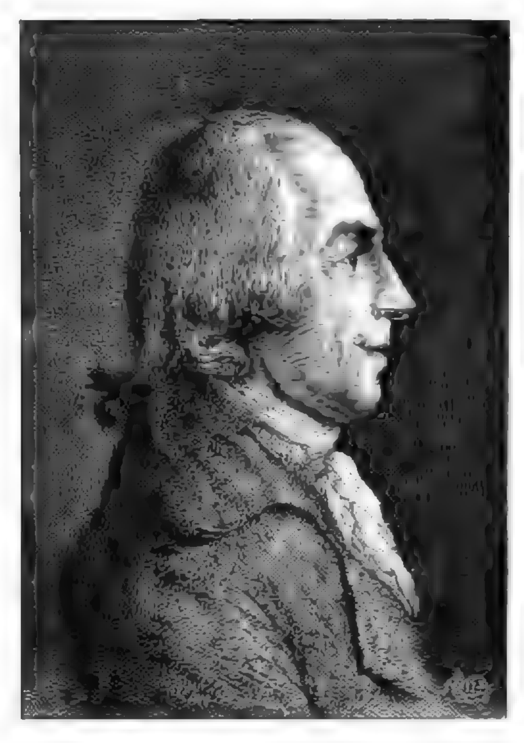
Царское Село. (Альбомъ 1826 г.).

II. Либеральные планы въ правительственныхъ сферахъ въ первой половинѣ царствованія имп. Александра I.

Проф. В. И. Семевскаго.

11 марта 1801 г. у княгини Бѣлосельской въ Петербургѣ былъ званый вечеръ. За ужиномъ одинъ изъ гостей, вынувъ изъ кармана часы, сказалъ по-французски: «Великому императору въ эту минуту не очень-то по себѣ!» Наступило общее молчаніе, — и никто не спросилъ, что это значитъ, такъ какъ петербургское общество понимало возможность и даже необходимость катастрофы. Это понимала даже супруга наслѣдника цеса-

ревича, Елизавета Алексѣевна, которая въ письмѣ къ матери (7 августа 1797 г.) выражала надежду, что произойдетъ нѣчто особенное, и увѣренность, что для успѣха не хватаетъ только рѣшительнаго лица; въ письмѣ этомъ Павелъ прямо названъ тираномъ. А вотъ приговоръ надъ временемъ Павла консерватора Карамзина: «Сынъ Екатерины... къ неизъяснимому удивленію россіянъ, началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды—прелесть; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій... и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать, отвратилъ дворянъ отъ воинской службы; презирая душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился»... Тѣмъ не менѣе, «въ сіе царствованіе... какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ: общее бѣдствіе сближало сердца, и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности» [1]).



Лагарпъ (грав. XVIII в.).

Съ устраненіемъ Павла естественно являлся вопросъ, какъ предупредить возможность переживанія вновь такихъ ужасныхъ годовъ. Чувствовалась необходимость коренныхъ реформъ.

Міросозерцаніе молодого императора начало слагаться еще въ отрочествѣ подъ вліяніемъ Лагарпа, бывшаго его наставникомъ и воспитателемъ почти 11 лѣтъ (1784—95 г.). Рукописи уроковъ, читанныхъ и диктованныхъ имъ великимъ князьямъ — Александру и Константину Павловичамъ, въ значительной степени сохранились; большинство ихъ относится къ исторіи, преимущественно римской, а затѣмъ къ статистикѣ, политической экономіи и проч. [2]). Чтобы показать, къ чему приводитъ нарушеніе правъ

---

[1]) Ср. о царствованіи Павла въ моемъ введеніи къ переводу книги Брикнера „Смерть Павла I", Спб., 1907 г.

[2]) Въ римской исторіи Лагарпъ безусловно осуждаетъ Юлія Цезаря и убійство его признаетъ дѣломъ вполнѣ справедливымъ, неизбѣжнымъ и законнымъ. Изложеніе возстанія гладіаторовъ приводитъ его къ выводу, что „необузданный произволъ не ограждаетъ отъ мщенія со стороны угнетаемыхъ, какъ бы ни казались они слабыми и ничтожными". По поводу паденія Калигулы и возведенія на престолъ Клавдія онъ говоритъ: „Сила основала троны, но чтобы ихъ поддержать и примирить сильнаго со слабымъ, нужно прибѣгнуть къ основнымъ законамъ. Напрасно сами государи объявляли себя царствующими милостію Божіею. Напрасно они имѣли притязаніе на то, чтобы никому не отдавать отчета въ

народа, Лагарпъ упоминаетъ о казни Карла I, сопровождаемой упраздненіемъ на время монархіи въ Англіи, и низложеніи Іакова II.

Уроки Лагарпа произвели на Александра Павловича такое впечатлѣніе, что 13-лѣтнимъ мальчикомъ, слѣдовательно, въ 1790—91 г., онъ далъ обѣтъ «утвердить благо Россіи на основаніяхъ непоколебимыхъ», о чемъ наставникъ письменно напомнилъ ему за нѣсколько дней до его коронованія.

Лагарпъ предполагалъ изложить своимъ ученикамъ вопросъ о происхожденіи обществъ, но о немъ стали говорить, какъ объ якобинцѣ, и ему пришлось измѣнить систему преподаванія и, вмѣсто изложенія уроковъ по собственнымъ запискамъ, читать съ великими князьями рѣчи Демосѳена, произведенія Плутарха, Тацита, Локка, Сиднея, Мабли, Руссо, Гиббона и др. Эти чтенія, какъ и уроки Лагарпа, содѣйствовали выработкѣ у Александра Павловича либеральныхъ взглядовъ, которые онъ высказывалъ не только предъ ихъ вдохновителемъ. Такъ, по свидѣтельству его воспитателя Протасова, въ 1791 г., разговаривая по поводу чтенія газетъ о французскихъ дѣлахъ, Александръ Павловичъ выражалъ сочувствіе «объявленію равенства людей» (т.-е. деклараціи правъ). Въ началѣ 1792 г. французскій повѣренный въ дѣлахъ сообщилъ своему правительству, что великіе князья серьезно разсуждали о злоупотребленіяхъ при феодальномъ режимѣ, даже напѣвали во дворцѣ революціонныя пѣсни и въ присутствіи придворныхъ вытаскивали изъ кармановъ трехцвѣтныя кокарды. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Александръ Павловичъ началъ съ придворными споръ о правахъ человѣка и другихъ вопросахъ французскаго государственнаго строя. Оказалось, что бабушка заставила его прочесть французскую конституцію, объяснила ему всѣ ея статьи, объяснила причины французской революціи 1789 г. и дала ему по этому поводу совѣты съ тѣмъ, чтобы онъ запечатлѣлъ ихъ въ своей памяти, но никому не говорилъ о нихъ.

Уроки Лагарпа страдали нѣкоторою неопредѣленностью, но все же они дали возможность его ученику усвоить общія идеи политическаго либерализма и даже радикализма, и весною и лѣтомъ 1796 г. въ бесѣдахъ съ кн. Адамомъ Чарторыскимъ Александръ Павловичъ заявилъ ему, что онъ «далеко не одобряетъ политики и образа дѣйствій своей бабки, что онъ порицаетъ ея основныя начала, что все его сочувствіе на сторонѣ Польши..., что онъ оплакиваетъ ея паденіе, что онъ ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ одинаковое право всѣ люди, что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французскою революціею, что, осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ успѣховъ республикѣ и радуется имъ». Онъ шелъ даже далѣе и сказалъ, что «желалъ бы всюду видѣть республики и признаетъ эту форму правленія единственно сообразною съ правами человѣческими... Онъ утверждалъ, что наслѣдственность престола—установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть должна даровать не случайность рожденія, а голосованіе народа, который сумѣетъ избрать наи-

своемъ поведеніи. Вездѣ, гдѣ государь считалъ себя лишь первымъ должностнымъ лицомъ націи, первымъ слугою государства и отцомъ своего народа, онъ былъ охраняемъ законами и любовью своихъ подданныхъ гораздо лучше, чѣмъ крѣпостями и солдатами“.

болѣе способнаго управлять государствомъ». Но, на ряду съ этими радикальными рѣчами и сентиментальными мечтами о жизни въ хорошенькой фермѣ въ отдаленной и живописной странѣ, наблюдательный товарищъ подмѣтилъ въ великомъ князѣ проявленіе страсти къ милитаризму, который сталъ прививаться къ нему вслѣдствіе начавшагося значительно ранѣе сближенія съ отцомъ и который принесъ впослѣдствіи такъ много зла Россіи.

Еще во время коронаціи императора Павла (совершившейся въ Москвѣ 5 апрѣля 1797 г.) Чарторыскій наскоро набросалъ, по просьбѣ великаго князя, проектъ манифеста, имъ одобренный, въ которомъ было изложено, что намѣревался сдѣлать цесаревичъ въ тотъ моментъ, когда къ нему перейдетъ верховная власть, указывалось на неудобства существующей въ Россіи формы правленія и на выгоды той, которую Александръ предполагалъ ей со временемъ даровать, на благодѣянія свободы и правосудія, и гдѣ заявлялось о его рѣшеніи, по исполненіи этой священной для него обязанности, отказаться отъ власти съ тою цѣлью, чтобы тотъ, кого найдутъ наиболѣе достойнымъ ее носить, могъ быть призванъ для упроченія и усовершенствованія дѣла, основаніе которому онъ положилъ. Но скоро намѣренія великаго князя приняли уже болѣе реальный характеръ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ письмѣ къ Лагарпу, прося совѣтовъ и указаній своего наставника «въ дѣлѣ чрезвычайной важности—обезпеченіи блага Россіи введеніемъ въ ней свободной конституціи» и описывая безпорядокъ, вызываемый въ то время «неограниченною властью, которая все творитъ шиворотъ-навыворотъ», Александръ Павловичъ заявлялъ о рѣшимости не оставлять родины, когда придетъ его очередь царствовать, а поработать надъ дарованіемъ ей свободы. «Мнѣ кажется,—писалъ онъ,—что это было бы лучшимъ видомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью. Когда придетъ мой чередъ, нужно будетъ стараться создать—само собою разумѣется, постепенно—народное представительство, которое, извѣстнымъ образомъ руководимое, составило бы свободную конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы».

Цесаревичъ стремился выяснить себѣ нѣкоторыя подробности желательныхъ преобразованій. Это повело къ обращенію его чрезъ Кочубея къ дядѣ послѣдняго, кн. Безбородку, который въ особой запискѣ высказался за необходимость самодержавія, но при участіи сословныхъ представителей въ «собраніи депутатовъ» (на разсмотрѣніе котораго должны были передаваться проекты новыхъ законовъ до «ревизіи» ихъ въ общемъ собраніи Сената), въ высшемъ совѣстномъ судѣ, въ генеральномъ уголовномъ судѣ и въ сенатскихъ ревизіяхъ, а также считалъ необходимымъ предоставить Сенату право дѣлать представленія о вредѣ издаваемаго указа, если это будетъ единогласно признано необходимымъ при первомъ его чтеніи въ Сенатѣ.

Извѣстно, что Александръ Павловичъ былъ, путемъ долгихъ уговоровъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, приведенъ къ убѣжденію въ необходимости устраненія императора Павла отъ управленія государствомъ. При обсужденіи этого вопроса гр. Н. П. Панинымъ, Паленомъ и цесаревичемъ первый первоначально предполагалъ привлечь къ участію въ переворотѣ

Сенатъ, вѣроятно, потому, что народъ привыкъ повиноваться его указамъ, и желалъ, чтобы Сенатъ принудилъ государя, безъ вмѣшательства цесаревича въ это дѣло, признать Александра своимъ соправителемъ, что означало въ этомъ случаѣ учрежденіе регентства. Но потомъ эта мысль была оставлена, такъ какъ, по словамъ Палена, «большинство сенаторовъ безъ души, безъ одушевленія. Они... никогда не имѣли бы мужества и самоотверженія для довершенія добраго дѣла» [1]).

По словамъ Беннигсена, Панинъ въ переговорахъ съ Александромъ Павловичемъ «обѣщалъ, что императора арестуютъ» (но жизнь его будетъ сохранена), «и ему (Александру) будутъ предложены отъ имени націи бразды правленія». Паленъ также далъ ему слово, что не будутъ покушаться на жизнь его отца. Саблуковъ слышалъ, что, когда заговорщики проникли въ спальню Павла, кн. Платонъ Зубовъ держалъ въ рукахъ свертокъ, содержавшій въ себѣ «соглашеніе монарха съ народомъ»; а Чарторыскому сообщили, будто бы, передъ самымъ моментомъ убійства, Павла заставили подписать отреченіе, но этотъ слухъ не соотвѣтствуетъ разсказамъ достовѣрныхъ очевидцевъ. Разсказывали также, что Александръ, послѣ ужина съ отцомъ, до катастрофы, подписалъ манифестъ, которымъ принималъ на себя роль соправителя.

Есть извѣстія декабристовъ М. А. Фонвизина (со словъ гр. П. А. Толстого) и Лунина, что Панинъ и Паленъ предполагали ограничить самодержавіе, заставивъ Александра подписать конституцію, но что убѣдилъ его на это не соглашаться, по словамъ Фонвизина, командиръ Преображенскаго полка Талызинъ, а по другому свидѣтельству, по смерти Павла — также генералъ Уваровъ и полковникъ кн. П. М. Волконскій. Писатель Коцебу, вращавшійся тогда въ придворныхъ сферахъ, въ изданномъ лишь недавно сочиненіи сообщаетъ иное извѣстіе. Когда молодой императоръ въ день восшествія на престолъ, 12 марта 1801 г., переѣхалъ въ Зимній дворецъ, онъ, какъ самъ говорилъ потомъ своей сестрѣ, сказалъ заговорщикамъ: «Ну, господа, такъ какъ вы позволили себѣ зайти такъ далеко, довершите дѣло (faites le reste)—опредѣлите права и обязанности государя; безъ этого престолъ не будетъ имѣть для меня привлекательности». «У гр. Палена,—добавляетъ Коцебу,—безъ сомнѣнія, было благотворное намѣреніе ввести умѣренную конституцію; то же намѣреніе имѣлъ и кн. Зубовъ. Этотъ послѣдній дѣлалъ нѣкоторые намеки, которые не могутъ, кажется, быть истолкованы иначе, и бралъ у Клингера (директора корпуса, извѣстнаго нѣмецкаго писателя) «Англійскую конституцію» де-Лольма для прочтенія. Однако, несмотря на приведенныя слова императора, это дѣло встрѣтило много противодѣйствія и не было осуществлено» [2]).

---

[1]) Александръ Павловичъ былъ также низкаго мнѣнія о личномъ составѣ Сената. Но все же нѣкоторые сенаторы, въ томъ числѣ гр. Толстой и Трощинскій (который 14 октября 1800 г. былъ отставленъ отъ службы), были посвящены въ тайну заговора. Беннигсенъ, называя въ числѣ заговорщиковъ сенаторовъ Николая и Валеріана Зубовыхъ, прибавляетъ, что Трощинскій составилъ манифестъ (отъ имени Сената) о томъ, что „императоръ вслѣдствіе своей болѣзни принялъ великаго князя въ соправители“, и такъ какъ предполагалось, что онъ добровольно на это никогда не согласится, то (среди заговорщиковъ) „было рѣшено принудить его къ этому и въ случаѣ крайней нужды отвезти въ Шлиссельбургъ“.

[2]) „Цареубійство 11 марта 1801 г., записки участниковъ и современниковъ“. Изд. Суворина, 1908 г., стр. 397.

Карамзинъ въ «Запискѣ о древней и новой Россіи» говоритъ: «Два мнѣнія были тогда господствующими въ умахъ: одни хотѣли, чтобъ Александръ... взялъ мѣры для обузданія неограниченнаго самовластія, столь бѣдственнаго при его родителѣ; другіе, сомнѣваясь въ надежномъ успѣхѣ такого предпріятія, хотѣли единственно, чтобы онъ возстановилъ разрушенную систему Екатеринина царствованія, столь счастливую и мудрую въ сравненіи съ системою Павла». Тутъ до извѣстной степени вѣрная характеристика двухъ направленій; но дѣло только въ томъ, что изъ желавшихъ «обузданія неограниченнаго самовластія» одни стремились къ дѣйствительному ограниченію самодержавія, другіе желали только, чтобы деспотія была обращена въ монархію, опирающуюся на основные, незыблемые законы, хранилищемъ которыхъ долженъ былъ сдѣлаться Сенатъ. Въ манифестѣ, написанномъ Трощинскимъ, было объявлено, что государь принимаетъ на себя «обязанность управлять Богомъ» ему «врученный народъ по законамъ и по сердцу» своей бабки, императрицы Екатерины. Соотвѣтственно этому были возстановлены дарованныя ею грамота дворянству и городовое положеніе, но все же императоръ понималъ, что необходимо сдѣлать что-либо для прекращенія возможности произвола, подобнаго тому, который испытала Россія при его отцѣ.



Графъ П. А. Паленъ.

Цѣлый рядъ проектовъ второй половины XVIII вѣка (проф. Десницкаго, гр. Н. И. Панина, кн. М. М. Щербатова, императрицы Екатерины II 1788 и 1794—5 гг., наконецъ упомянутая выше записка кн. Безбородко, переданная цесаревичу Александру) ставили Сенатъ во главу угла государственныхъ преобразованій. Соотвѣтственно этому, 5 іюня 1801 г. императоръ Александръ далъ указъ Сенату, въ которомъ высказывалъ желаніе «возстановить» его «на прежнюю степень, ему приличную», и требовалъ отъ него представленія доклада объ его правахъ и обязанностяхъ. Государь заявлялъ въ этомъ указѣ, что намѣренъ поставить права и преимущества Сената «на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ... и подкрѣплять, сохранять и содѣлать его навѣки непоколебимымъ». Но въ этомъ же указѣ Сенатъ былъ названъ «верховнымъ мѣстомъ правосудія и исполненія законовъ», а законосовѣщательной роли, очевидно, предоставлять ему не предполагалось. Тѣмъ не менѣе, указъ произвелъ сильное впечатлѣніе и возбудилъ большія ожиданія [1]).

[1]) Однимъ изъ побужденій къ изданію этого указа могла послужить анонимная записка, найденная во дворцѣ черезъ десять дней послѣ вступленія на престолъ Александра I, авторъ которой, какъ оказалось, Каразинъ, выражалъ надежду, что государь дастъ странѣ „непреложные законы, ограничитъ ими

Составленіе доклада выпало на долю гр. П. В. Завадовскаго. Во введеніи къ «Положенію о правахъ Сената» Завадовскій, говоря объ униженіи его въ последніе годы и применивъ къ нему известныя слова Тацита, выразился такъ: «се образъ порабощеннаго сената, въ которомъ молчать тяжко, говорить было бедственно!» Въ этомъ докладе сказалось стремленіе обезпечить самостоятельность и авторитетъ решеніямъ Сената, который «управляетъ всеми гражданскими местами въ имперіи» и «высшей власти надъ собою не иметъ, кроме единой самодержавнаго государя». Повеленія его исполняются, какъ именные указы государя. Сенатъ, доложивъ государю, можетъ увеличивать подати. Выражено было пожеланіе, чтобы ему дано было право избирать кандидатовъ въ президенты коллегій, кроме трехъ первыхъ, въ губернаторы и другія места и представлять государю. Наконецъ ходатайствовалось о дозволеніи делать представленія государю, если бы изданный законъ или указъ оказался въ противоречіи съ прежде изданнымъ или былъ бы «вреденъ или не ясенъ». Державинъ предложилъ назначать сенаторовъ изъ кандидатовъ, избираемыхъ «отъ всехъ другихъ присутственныхъ местъ и знаменитыхъ особъ въ обеихъ столицахъ».

Проектъ Завадовскаго и замечанія на него обсуждались въ трехъ заседаніяхъ общаго собранія Сената, и затемъ въ заседаніи 26 іюля 1801 г. была принята несколько измененная редакція [1]). Докладъ Сената былъ представленъ государю вместе съ замечаніями отдельныхъ сенаторовъ.

По словамъ кн. Чарторыскаго, Сенатъ «сделался idée fixe» обоихъ братьевъ Воронцовыхъ: «въ немъ они видели средства, основаніе и источникъ всехъ безопасныхъ улучшеній». После одного обеда у гр. Строганова, на которомъ присутствовалъ и государь, оба Воронцовы попытались и лично повліять на государя въ пользу увеличенія правъ Сената.

5 августа 1801 г. сенатскій докладъ былъ переданъ государемъ на обсужденіе неофиціальнаго комитета, составившагося изъ его молодыхъ друзей—Строганова, Чарторыскаго, Кочубея и Новосильцова, но они были проникнуты иными взглядами и неблагопріятно отнеслись къ нему.

Во время восшествія на престолъ императора Александра I изъ всехъ молодыхъ друзей государя въ Петербурге находился только гр. П. А. Строгановъ, ученикъ Ромма, деятеля французской революціи, который въ 1790 г. сделалъ его въ Париже членомъ клубовъ «Друзей закона» и «якобинцевъ» [2]). 23 апреля 1801 года, въ разговоре съ государемъ о предстоящихъ реформахъ, Строгановъ высказалъ мысль, что нужно прежде всего заняться преобразованіемъ администраціи и потомъ уже составить конституцію въ собственномъ смысле этого слова, которая должна быть лишь следствіемъ первой реформы. Государь одобрилъ это предположеніе и сказалъ, что одною изъ главныхъ основъ этой работы должно

самодержавіе свое и своихъ наследниковъ, составитъ коренное учрежденіе, изберетъ ему блюстителей и, оградивъ ихъ личною безопасностью..., уделитъ имъ избытокъ своей власти на охраненіе святыхъ законовъ отечества".

[1]) Между прочимъ, согласно предложенію Державина, былъ включенъ пунктъ о печатаніи единогласныхъ решеній общаго собранія.

[2]) Передъ этимъ въ Швейцаріи Строгановъ познакомился съ Дюмономъ, сотрудникомъ Мирабо и другомъ Бентама и издателемъ по-французски въ своей обработке его сочиненій.

быть «опредѣленіе столь знаменитыхъ правъ человѣка», но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что все должно подготовляться въ полной тайнѣ. Во время второй бесѣды, 9 мая, онъ выразилъ желаніе, чтобы хорошенько познакомились со всѣми конституціями, какія были обнародованы, и чтобы, руководясь всѣми этими основными началами, составили конституцію для Россіи [1]).

Строгановъ въ особомъ набросвѣ далъ такое опредѣленіе конституціи: это «есть законное признаніе правъ народа и тѣ формы, въ которыхъ онъ можетъ ихъ осуществлять». Для осуществленія этихъ правъ должна быть гарантія въ томъ, что сторонняя власть не можетъ помѣшать ихъ дѣйствію. «Если ея не существуетъ, то цѣль пользованія этими правами, состоящая въ томъ, чтобы никакая мѣра не была принята пра-



Видъ Марина въ Петергофѣ. (Рис. С. Щедрина).

вительствомъ вопреки истинной пользѣ народа, не будетъ достигнута, и тогда можно сказать, что конституціи нѣтъ. Итакъ, конституцію можно раздѣлить на три части: установленіе правъ, способъ пользованія ими и гарантія. Двѣ первыя существуютъ у насъ, по крайней мѣрѣ отчасти [2]), но... отсутствіе третьей совершенно уничтожаетъ двѣ другія».

Въ первомъ засѣданіи неофиціальнаго комитета (24 іюня 1801 г.) участвовалъ и возвратившійся въ Петербургъ Новосильцовъ, который въ 1797 г. уѣхалъ за границу и поселился въ Лондонѣ, гдѣ сблизился съ русскимъ посломъ гр. С. Р. Воронцовымъ и изучалъ юриспруденцію и политическую экономію. Чарторыскій называетъ его наиболѣе осторож-

---

[1]) Кочубей въ бесѣдѣ съ гр. Строгановымъ высказалъ, что пораженъ безпорядкомъ, который царитъ въ проектахъ государя, тѣмъ, что онъ не составилъ себѣ никакого плана и, такъ сказать, стучится во всѣ двери.

[2]) Строгановъ разумѣетъ тутъ грамоту дворянству и городовое положеніе.

нымъ членомъ комитета [1]). Кочубей довершилъ образованіе въ Женевѣ, Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ занимался политическими науками. Въ немъ рано проявились задатки царедворца, вышедшаго изъ школы Безбородка, «un homme commode» (покладистый человѣкъ), какъ выражались о немъ лица, его знавшія. По словамъ Чарторыскаго, онъ былъ наиболѣе медлительнымъ изъ четырехъ членовъ неофиціальнаго комитета, а если еще принять во вниманіе, что Чарторыскій, по собственному его признанію, старался успокоить слишкомъ большое нетерпѣніе своихъ друзей, то при этихъ условіяхъ нельзя было ожидать большихъ результатовъ отъ дѣятельности неофиціальнаго комитета для ограниченія самодержавія [2]). Но какъ англійская школа, пройденная двумя изъ членовъ неофиціальнаго комитета, такъ и желательность сближенія съ Англіею, вызываемаго экономическими потребностями русскаго дворянства, нуждавшагося въ сбытѣ въ эту страну изъ своихъ имѣній хлѣба, лѣса, сала, пеньки, льна и проч., создавали тѣ англоманскія теченія, которыя еще при Екатеринѣ II начали сказываться и въ нѣкоторыхъ проектахъ политическихъ преобразованій, и въ изученіи англійской юриспруденціи и англійской агрономіи. Естественно, что въ планахъ нѣкоторыхъ членовъ неофиціальнаго комитета обнаруживалось вліяніе знакомства съ англійскимъ государственнымъ строемъ.

Въ первомъ же засѣданіи неофиціальнаго комитета государь выразилъ опасеніе, что его обращеніе къ Сенату не приведетъ къ желаннымъ результатамъ, и полагалъ, что «эта кампанія», о которой онъ былъ не высокаго мнѣнія, можетъ получить организацію на основаніи правильныхъ началъ лишь посредствомъ даннаго имъ самимъ указа. Затѣмъ онъ сказалъ, что ему приходитъ въ голову установить, чтобы въ каждой губерніи «назначались» (вѣроятно, посредствомъ выборовъ въ дворянскихъ собраніяхъ) по два кандидата, и чтобы затѣмъ назначеніе сенаторовъ производилось изъ числа лицъ, означенныхъ въ этомъ спискѣ.

Быть-можетъ, поэтому мнѣніе Державина болѣе всѣхъ понравилось государю, и ему черезъ Зубова было приказано написать подробный планъ устройства Сената. Уже въ первомъ планѣ Державина «О правахъ, преимуществахъ и существенной должности Сената» онъ надѣляетъ его 4 властями: законодательною, судебною, исполнительною и оберегательною. То же начало положено и въ основаніе второго его труда—«Проекта устройства Сената». Кандидаты въ сенаторы избираются, по проекту Державина, изъ четырехъ состоящихъ на государственной службѣ классовъ собраніемъ знатнѣйшихъ государственныхъ чиновъ и 5-классными всѣхъ присутственныхъ мѣстъ чиновниками въ обѣихъ столицахъ. Изъ трехъ кандидатовъ государь выбираетъ одного въ сенаторы; изъ сенаторовъ назначаетъ онъ министровъ.

По вопросу о Сенатѣ Новосильцовъ представилъ неофиціальному комитету докладъ, основная мысль котораго состояла въ томъ, что нельзя и

---

1) Но все же онъ, подобно Строганову, высказалъ мысль, что преобразованіе администраціи должно быть увѣнчано гарантіею посредствомъ конституціи, соотвѣтственной истинному духу націи.

2) Лагарпъ говоритъ, что во время его пребыванія въ Петербургѣ въ 1801—2 г. ему былъ передaнъ на разсмотрѣніе проектъ, который „представлялъ безобразную смѣсь клочковъ, вырванныхъ изъ конституцій различныхъ странъ и сшитыхъ на живую нитку“. Таковъ же былъ отзывъ о немъ и самого государя, по словамъ Лагарпа, который узналъ потомъ, что авторомъ проекта былъ Чарторыскій.

думать о врученіи законодательной власти собранію, которое, по своему составу, не можетъ заслуживать довѣрія народа и которое, состоя исключительно изъ лицъ, назначаемыхъ государемъ, не допускаетъ участія общества въ составленіи законовъ. Съ другой стороны, императоръ, предоставивъ Сенату значительныя права, связалъ бы себѣ руки и не могъ бы выполнить всего задуманнаго имъ на пользу народа, такъ какъ въ невѣжествѣ этихъ людей встрѣтилъ бы помѣху для осуществленія своихъ предположеній. Поэтому Сенату нужно предоставить только судебную власть, но въ возможно полномъ размѣрѣ съ совершенною независимостью отъ опеки прокуроровъ и генералъ-прокурора. Относительно мнѣнія Державина было замѣчено, что оно основано на весьма ошибочномъ раздѣленіи властей. Затѣмъ государь прочиталъ записку, поданную ему гр. Воронцовымъ, въ которой тотъ говоритъ, что нужно положить преграду произвольной власти деспота, но государь былъ ею недоволенъ, такъ какъ



Видъ Марина 1805 г. (грав. Галактіонова).

средства для этого не были указаны въ ней ясно и точно и къ тому же графъ впадалъ въ ту же ошибку, какъ и Державинъ, предоставляя Сенату всѣ власти, тогда какъ ему должна принадлежать только судебная. Государь съ грустью замѣтилъ, что это ни на шагъ не подвигаетъ его къ столь желанной цѣли—обузданію деспотизма нашего правительства.

Во время большей части засѣданій неофиціальнаго комитета въ Петербургѣ жилъ (съ августа 1801 до начала мая 1802 г.) Лагарпъ. Хотя онъ не присутствовалъ въ немъ, но Чарторыскій называетъ его даже пятымъ членомъ комитета, потому что государь часто бесѣдовалъ съ нимъ, Лагарпъ подавалъ ему записки по различнымъ вопросамъ, и отдѣльные члены комитета должны были съ нимъ совѣтоваться. Но, подъ вліяніемъ опыта своей политической дѣятельности на родинѣ, онъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости въ данное время твердой власти въ Россіи. Позднѣйшая дѣятельность Лагарпа въ карбонарскихъ вентахъ Швей-

царіи доказываетъ, что онъ не сдѣлался консерваторомъ, но онъ считалъ пока необходимою неограниченную власть государя для проведенія реформъ [1]). Эти совѣты запали въ душу государя и могли сыграть дурную роль въ отношеніяхъ Александра къ Сперанскому. «Верховный совѣтъ, захватившій власть по смерти Петра II, — продолжаетъ Лагарпъ, — не пользовался любовью и довѣріемъ народа. Несравненно хуже было бы принять что-либо подобное въ настоящее время». Вѣроятно, наставникъ государя видѣлъ олигархическія стремленія въ желаніи Сената увеличить свое значеніе, а ненависть Лагарпа къ олигархіи была воспитана въ немъ тѣми притѣсненіями, которымъ подвергали его родину, Ваадтъ, олигархи Берна и Фрейбурга.

Лагарпъ, однако, признаетъ необходимость реформы, но, подсчитывая ея возможныхъ противниковъ и защитниковъ [2]), онъ хотя и дѣлаетъ нѣкоторыя вѣрныя замѣчанія, почерпнутыя, очевидно, изъ 12-лѣтнихъ наблюденій русской жизни въ концѣ царствованія Екатерины II, хотя и замѣчаетъ новыя «стремленія, зарождающіяся въ русскомъ обществѣ», «усиленныя ошибками прошлаго царствованія», но все же недостаточно отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ потрясеніи, которому подверглось все русское общество подъ вліяніемъ безумнаго произвола императора Павла и которое вызывало десять лѣтъ спустя очень рѣзкую оцѣнку даже въ такомъ консерваторѣ, какъ Карамзинъ [3]).

Предположеніе о расширеніи правъ Сената вызвало энергическій протестъ Лагарпа. Онъ полагалъ, что это неминуемо повлекло бы за собою ограниченіе верховной власти; онъ не допускалъ ни малѣйшей уступчивости въ этомъ отношеніи со стороны государя и вмѣстѣ съ тѣмъ не признавалъ ни пользы отъ замѣны Сената какимъ-либо другимъ собраніемъ, ни возможности это сдѣлать.

Его совѣты не могли не повліять на отношеніе императора Александра къ вопросу о государственныхъ преобразованіяхъ, тѣмъ болѣе, что молодые друзья государя не сумѣли представить ему столь опредѣленныхъ и талантливо написанныхъ проектовъ, какъ впослѣдствіи Сперанскій. Характеризуя императора Александра, Строгановъ, между прочимъ, говоритъ: «По свойственной ему лѣности, онъ естественно долженъ предпочитать тѣхъ, которые, легко схватывая его мысль, способны выразиться такъ, какъ онъ самъ хотѣлъ бы это сдѣлать, и, избавляя его отъ труда старательно отыскивать желательное выраженіе, изложатъ его мысль ясно и,

1) „Не увлекайтесь отвращеніемъ,—говоритъ онъ,—которое вы питаете къ неограниченной власти; имѣйте мужество сохранить ее всецѣло, безъ малѣйшаго ущерба, до тѣхъ поръ, пока окончатся всѣ предварительныя работы, существенно необходимыя для какого бы то ни было измѣненія, но и тогда слѣдуетъ оставить за собою какъ можно болѣе власти и отнюдь не менѣе того, сколько требуется для полнаго обезпеченія силы и могущества правительства. Принимайте къ свѣдѣнію проекты, представляемые вамъ для ограниченія вашихъ правъ, но не давайте никакихъ на этотъ счетъ обѣщаній“.

2) Упоминая въ числѣ послѣднихъ о государѣ, онъ называетъ его „императоромъ-гражданиномъ“ и говоритъ, что Александръ I „въ самовластіи, ему ввѣренномъ законами..., видитъ одно только средство вѣрнѣе доставить россійскому народу гражданскую вольность“. (Арх. Собств. Е. Вел. Канц., № 2350).

3) Что же касается скептическаго отношенія Лагарпа къ невѣжественному народу, то, если бы онъ жилъ въ Россіи во второй половинѣ 1760-хъ годовъ, онъ могъ бы изъ наблюденій надъ екатерининскою законодательною комиссіею убѣдиться, что народъ, посредствомъ выборовъ, можетъ выдвинуть изъ своей среды весьма разумныхъ людей (это умѣлъ оцѣнить Дидро, предлагая обратить комиссію для сочиненія новаго уложенія въ постоянное учрежденіе), а затѣмъ составители манифестовъ Пугачева умѣли очень хорошо сформулировать главнѣйшія народныя нужды и потребности.

если возможно, даже изящно. Это условіе избавленія его отъ труда существенно необходимо». Дѣло было пока не столько въ нежеланіи работать, сколько въ неподготовленности къ нелегкому дѣлу государственныхъ реформъ, частію въ потерѣ времени на ненужные разъѣзды [1]); въ этихъ словахъ Строганова указаны причины будущаго значенія Сперанскаго, о которомъ Александръ I (въ бесѣдѣ съ французскимъ посланникомъ Лористономъ) впослѣдствіи замѣтилъ, что онъ «легко работаетъ».

Въ засѣданіи неофиціальнаго комитета 11 сентября 1801 г. въ Москвѣ, гдѣ шла рѣчь о новыхъ проектахъ Зубова и Державина, государь заявилъ: «Лагарпъ не хочетъ, чтобы я отказывался отъ власти». Его собесѣдники замѣтили, что въ сущности и ихъ мнѣніе таково же, что только такимъ образомъ онъ можетъ выполнить свои благія намѣренія, между тѣмъ какъ законодательная власть Сената, по проекту Державина, можетъ этому сильно помѣшать. Такъ какъ государь стоялъ за охранительную власть Сената, то члены комитета (Кочубей отсутствовалъ) справедливо замѣтили, что истинная охрана законности заключается въ организаціи политическаго строя и въ общественномъ мнѣніи.


П. В. Завадовскій.

Государь поручилъ имъ составить проектъ устройства Сената, и въ засѣданіи 9 декабря 1801 г. Строгановъ прочелъ его; здѣсь сенату предоставлялась власть административная и судебная. Обсужденіе вопроса о преобразованіи Сената происходило еще въ трехъ засѣданіяхъ. При этомъ разсматривалось предложеніе Державина (какъ его передаетъ Строгановъ въ своихъ записяхъ) предоставить выборъ кандидатовъ въ Сенатъ въ каждомъ уѣздѣ изъ лицъ первыхъ четырехъ классовъ, дворянамъ первыхъ восьми классовъ. Эта мысль не была одобрена членами неофиціальнаго комитета, во-первыхъ, потому, что лица первыхъ четырехъ классовъ недостаточно извѣстны, а потому нельзя ожидать дѣльнаго выбора, и, во-вторыхъ, нынѣшніе выборы находятся въ слишкомъ сильной зависимости отъ воли правительства, а тѣмъ болѣе это будетъ при избраніи сенаторовъ. Вообще комитетъ полагалъ, что еще рано думать объ этомъ, и государь, повидимому, согласился съ ихъ мнѣніемъ. Очевидно, боялись, что настроенный консервативно высшій кругъ дворянства избралъ бы такихъ кандидатовъ въ Сенатъ, которые своею косностью и невѣжествомъ помѣшали бы осуществленію государственныхъ преобразованій въ либеральномъ смыслѣ.

---

[1]) Гр. С. Р. Воронцовъ въ бесѣдѣ съ гр. П. А. Строгановымъ 27 мая 1802 г. сказалъ, что было бы лучше, если бы государь, вмѣсто того, чтобы „скакать по большимъ дорогамъ, употребилъ это время на изученіе необходимыхъ реформъ".

Въ засѣданіи 10 февраля 1802 г. была прочтена записка кн. Чарторыскаго объ общемъ планѣ государственныхъ преобразованій. Предлагая здѣсь введеніе министерствъ, онъ устанавливалъ, что министры должны ежегодно давать отчетъ Сенату. Государь и комитетъ были очень довольны этою работою, но позднѣе императоръ пожелалъ, чтобы тремя членами комитета былъ предварительно обсужденъ вопросъ о правѣ Сената дѣлать представленія государю въ томъ случаѣ, если бы министръ привелъ въ своемъ докладѣ факты ложные или выдуманные и тѣмъ ввелъ государя въ заблужденіе. Всѣ трое, Новосильцовъ, Строгановъ и Кочубей, нашли, что безъ этого права Сената весь манифестъ потеряетъ значеніе, что отсутствіе отвѣтственности министровъ еще болѣе усилитъ деспотизмъ. Когда въ засѣданіи комитета 16 марта императоръ Александръ возбудилъ вопросъ, можно ли предоставить Сенату это право и въ тѣхъ случаяхъ, если докладъ министра уже утвержденъ, то получилъ отвѣтъ, что только такимъ образомъ можно предотвратить обманъ государя; тогда и императоръ согласился на это [1]).

Проектъ указа Сенату, переданный на разсмотрѣніе Совѣта, былъ разсмотрѣнъ въ нѣсколькихъ его засѣданіяхъ въ апрѣлѣ и маѣ 1802 г. Изъ 13 членовъ Совѣта, мнѣнія которыхъ напечатаны въ «Архивѣ Государственнаго Совѣта» — 3 предложили частныя поправки, 9 отрицательно отнеслись къ нему, находя его ненужнымъ, несвоевременнымъ или, напротивъ, недостаточнымъ и, наконецъ, гр. С. П. Румянцовъ, въ общемъ одобряя проектъ, предложилъ, однако, другой [2]).

Въ засѣданіи 1 мая прочелъ свое мнѣніе о правахъ Сената Н. С. Мордвиновъ, основная идея котораго состоитъ въ желаніи, «чтобы Сенатъ содѣлался тѣломъ политическимъ», при чемъ «права политическія должны быть основаны на знатномъ сословіи весьма уважаемомъ, дабы и самыя права воспріяли таковое же уваженіе». Императрица Екатерина, продолжаетъ Мордвиновъ, предоставила дворянству свободу избирать своихъ судей и предводителей; вѣроятно, Россія не созрѣла еще тогда до распространенія этого права на «первое правительственное мѣсто». Теперь, по мнѣнію Мордвинова, обстоятельства благопріятствуютъ «введенію избранія части сенаторовъ»: каждая губернія можетъ посылать въ Сенатъ по два депутата, выбираемыхъ на томъ же основаніи, какъ губернскіе предводители, т.-е. однимъ дворянствомъ и также на три года [3]). «Право... свободнаго избранія, — говоритъ Мордвиновъ, — есть существенное и ко-

---

[1]) Записки гр. Строганова о засѣданіяхъ неофиціальнаго комитета см. въ книгѣ великаго князя Николая Михаиловича „Гр. П. А. Строгановъ“, Спб., 1903 г., т. II.

[2]) Представителемъ крайнихъ консервативныхъ мнѣній явился кн. А. Б. Куракинъ, который заявилъ, что въ распространеніи правъ Сената нѣтъ никакой надобности. Онъ находилъ задуманное преобразованіе несвоевременнымъ и утверждалъ, что оно умалитъ власть самодержавную. Напротивъ, А. Р. Воронцовъ, защищая проектъ, хотя и полагалъ, что онъ недостаточно возвышаетъ Сенатъ, не нашелъ въ немъ никакого отношенія „къ идеямъ, французскими дѣлами порожденнымъ“, не находилъ его и въ возлагаемой на Сенатъ обязанности дѣлать представленія самодержавной власти, если онъ найдетъ ея повелѣнія неудобными или отяготительными народу, такъ какъ эта мысль высказана и въ наказѣ Екатерины II, въ ея проектѣ преобразованія Сената.—Гр. С. П. Румянцовъ предложилъ свой проектъ раздѣленія Сената на двѣ палаты: вышнюю палату правительства и вышнюю палату правосудія, при чемъ выразилъ надежду, что государь откажется отъ всякаго вліянія на судебную власть и будетъ назначать членовъ палаты правосудія пожизненно, чтобы обезпечить ихъ независимость.

[3]) Главною ихъ обязанностью будетъ попеченіе о благѣ той губерніи, отъ которой они избраны.

ренное основаніе тѣла политическаго или власти, содѣйствующей въ управленіи царствъ земныхъ».

Мордвиновъ являлся среди людей стараго поколѣнія представителемъ англоманскихъ теченій, что яснѣе видно изъ его позднѣйшихъ проектовъ [1]).

27 мая 1802 г. гр. П. А. Строгановъ имѣлъ совѣщаніе съ извѣстнымъ англоманомъ гр. С. Р. Воронцовымъ по вопросу объ учрежденіи министерствъ, въ которомъ Воронцовъ съ большимъ одобреніемъ отнесся къ установленію надзора Сената надъ министрами. По его мнѣнію, «не нужно много сенаторовъ, но необходимо, чтобы это были люди неподкупные, неспособные ни на малѣйшую низость, пользующіеся общимъ уваженіемъ, находящіеся въ независимомъ положеніи». Воронцовъ выразилъ желаніе, чтобы имъ дали чинъ перваго класса и доходъ (revenue), по крайней мѣрѣ, въ 30.000 р. [2]). Въ этой бесѣдѣ было сдѣлано сравненіе Сената съ верхнею палатою, съ которою, по мнѣнію Строганова, онъ сближался правомъ наблюдать за веденіемъ дѣла министрами, и поднятъ былъ вопросъ о наслѣдственности званія сенатора (sur l'heredité). Строгановъ отнесся къ этой мысли весьма одобрительно, но Воронцовъ замѣтилъ, что «это справедливо относительно Англіи, но что у насъ дѣло иное, и что пока будутъ существовать тѣ принципы, которые мы почерпаемъ въ нашемъ воспитаніи, подобное учрежденіе у насъ будетъ опасно». Эта бесѣда приподнимаетъ уголокъ завѣсы относительно отдаленныхъ плановъ молодыхъ англомановъ: имъ было бы симпатично введеніе у насъ наслѣдственной аристократіи, очевидно съ цѣлью ограниченія посредствомъ нея самодержавія. Эту мечту не захотѣлъ раздѣлить съ ними гр. С. Р. Воронцовъ, не желавшій, какъ и его братъ Алекс. Ром., итти далѣе стремленія къ монархіи, основанной на незыблемыхъ законахъ, хранилищемъ которыхъ долженъ былъ быть Сенатъ.



Жильбергъ - Роммъ (грав. XVIII в.).

Но если старики-вельможи отступали предъ желаніемъ молодыхъ аристократовъ прямо стремиться къ введенію англійскаго государственнаго устройства, то былъ уже талантливый дѣятель въ бюрократическихъ сферахъ, который носился какъ разъ тогда съ этою мыслію: это былъ Сперанскій.

---

[1]) Былъ еще какой-то конституціонный проектъ гр. Н. П. Панина, который современникъ характеризуетъ словами: „конституція англійская, передѣланная на русскіе нравы и обычаи", и еще какой-то проектъ кн. Платона Зубова о Сенатѣ, который, вѣроятно, также былъ отчасти навѣянъ англійскими вліяніями (см. выше извѣстіе о чтеніи имъ книги де Лольма), отчасти же имѣлъ черты сходства съ проектомъ Державина: Зубовъ также предлагалъ замѣщеніе вакансій въ Сенатѣ посредствомъ избранія.

[2]) Онъ также, очевидно, имѣлъ въ виду, чтобы это учрежденіе могло сыграть роль регента при подобныхъ монархахъ, какъ Павелъ.

Къ сожалѣнію, мы точно не знаемъ, когда Сперанскій впервые сдѣлался лично извѣстнымъ членамъ неофиціальнаго комитета.

Постоянныя же отношенія между Кочубеемъ и Строгановымъ, съ одной стороны и Сперанскимъ—съ другой, устанавливаются съ 8 сентября 1802 г., когда, одновременно съ изданіемъ манифеста объ учрежденіи министерствъ, статсъ-секретарю Сперанскому повелѣно было «быть при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ», министромъ былъ назначенъ Кочубей, а Строгановъ—его товарищемъ; но еще ранѣе Сперанскій, по порученію Кочубея, втайнѣ занялся разными приготовительными работами къ предстоявшему учрежденію министерствъ. Едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что между ними были и еще болѣе раннія сношенія: это заставляетъ предполагать сходство нѣкоторыхъ мыслей, высказываемыхъ Строгановымъ въ неофиціальномъ комитетѣ, съ тѣмъ, что писалъ Сперанскій въ это время. Такъ, въ неизданной его рукописи «Отрывокъ о комиссіи уложенія. Введеніе», которая не могла быть написана ранѣе августа 1801 г. и позже 12 сент. 1802 г., авторъ говоритъ, что основныя правила будущаго «государственнаго постановленія» (т.-е. конституціи), съ «духомъ» котораго должно сообразоваться уложеніе, «должны быть извѣстны только тѣмъ», кто будетъ его составлять, при чемъ онъ полагалъ, что отъ «зарожденія его» (государственнаго постановленія) «въ правительствѣ до обнародованія, вѣроятно, пройдетъ еще полвѣка: «путь до народа еще не близокъ и не приготовленъ». Обѣ эти мысли — о необходимости выработки основъ конституціи втайнѣ и о нескоромъ ея осуществленіи—соотвѣтствуютъ идеямъ, высказаннымъ въ неофиціальномъ комитетѣ императоромъ Александромъ и его друзьями (см. выше). Выработанный комиссіею проектъ Сперанскій предлагаетъ передать на разсмотрѣніе представителей различныхъ сословій, не всѣхъ сразу, а одного сословія за другимъ; но сначала нужно выработать уложеніе. И члены неофиціальнаго комитета держались, при обсужденіи вопроса о преобразованіи Сената, того мнѣнія, что для выборовъ еще не настало время. Государь также сказалъ Строганову, что прежде, чѣмъ дать силу конституціи, нужно будетъ составить простое и понятное для всѣхъ уложеніе законовъ.

Въ «Отрывкѣ записки о комиссіи уложенія» Сперанскій упоминаетъ объ уже написанномъ имъ въ 1802 г. (для самого себя) разсужденіи о конституціи.

Сперанскому были извѣстны мнѣнія по поводу проекта преобразованія Сената, такъ какъ онъ былъ начальникомъ экспедиціи при совѣтѣ, когда этотъ проектъ тамъ обсуждался, и, быть-можетъ, мнѣнія по этому предмету Державина, Мордвинова и гр. С. П. Румянцова побудили его написать записку о конституціи. Что онъ много готовился къ ней, мы видимъ по цитатамъ изъ Блэкстона, Монтескьё, Филанджіери, исторіи Даніи «Маллета» (Mallet). Въ эту пору, какъ и многіе другіе, Сперанскій былъ въ періодѣ сочувствія къ англійскому государственному строю. Въ запискѣ 1803 г. встрѣчаются еще цитаты изъ Стюарта и Бентама и видно знакомство съ Юмомъ [1]).

[1]) Къ англійскимъ симпатіямъ приводили и личныя отношенія: Сперанскій былъ другомъ жившаго въ Россіи брата Бентама и самъ женатъ былъ на англичанкѣ.

Сперанскій могъ и искренно прійти къ убѣжденію, что наслѣдственная аристократія наиболѣе удобное средство для обезпеченія народа отъ самовластія государя, но убѣдить себя въ этомъ ему все же было не легко, какъ это выдаютъ зачеркнутыя мѣста въ его запискѣ. Первоначально онъ написалъ, что «призывать» въ высшій классъ «достойнѣйшихъ по избранію народа было бы, можетъ-быть, всего справедливѣе». Но тутъ его одолѣваютъ сомнѣнія относительно способа выборовъ. Плебей-поповичъ выдаетъ свои истинныя чувства, называя наслѣдственное дворянство «нелѣпымъ учрежденіемъ», но потомъ зачеркиваетъ все это и приходитъ къ выводу, что высшій классъ, эти «стражи» интересовъ народа, должны уже ими родиться.



Кн. В. П. Кочубей (П. Соколовъ).

Не имѣя возможности подробно останавливаться здѣсь на конституціонномъ проектѣ Сперанскаго 1802 г. [1]), въ которомъ онъ предлагаетъ искусственное созданіе аристократіи для ограниченія самодержавія, я укажу только самыя существенныя черты предположеннаго имъ преобразованія государственнаго строя. Онъ предлагалъ даровать право первородства высшему дворянству и предназначить его для занятія первыхъ государственныхъ мѣстъ и для охраненія законовъ. Государь долженъ имѣть право вводить въ него нѣкоторое количество лицъ изъ низшаго класса. Всѣ остальные составляютъ низшій классъ или народъ. Для устройства высшаго класса Сперанскій предлагаетъ «отдѣлить два, три или четыре первые классы отъ прочаго дворянства» и ввести право первородства. Чтобы успокоить недовольство младшихъ дѣтей высшаго дворянства, которое долженъ былъ вызвать такой законъ, Сперанскій допускалъ, чтобы благопріобрѣтенныя имѣнія подвергались равному раздѣлу между всѣми сыновьями этихъ дворянъ. «Государственный сеймъ», по его проекту

[1]) См. о немъ мою статью „Первый политическій трактатъ Сперанскаго", „Русское Богатство", 1907 г., № 1.

1802 г., долженъ былъ состоять изъ двухъ камеръ: дворянство первыхъ четырехъ классовъ составитъ особую камеру, а дворяне «прочихъ классовъ» будутъ помѣщены «въ одномъ засѣданіи съ народомъ». Высшимъ классамъ дворянства будетъ предложено возстановить для себя законъ Петра Великаго, и Сперанскій полагалъ, что они примутъ это предложеніе съ восхищеніемъ; оспариваніе его въ камерѣ народа не можетъ встрѣтить въ ней общаго сочувствія, такъ какъ законъ этотъ, по мнѣнію Сперанскаго, не будетъ касаться народа. Нужно имѣть въ виду, что Петръ Великій установилъ единонаслѣдіе не для одного высшаго дворянства и не только для служилаго сословія вообще, но и для купцовъ, при чемъ отецъ, распоряжаясь своимъ недвижимымъ имуществомъ по завѣщанію, могъ назначить наслѣдникомъ не непремѣнно старшаго, а любого изъ сыновей. Сперанскій полагалъ установить первородство для одного высшаго дворянства, но онъ не обратилъ вниманія на то, что закономъ Петра Великаго дворянство въ свое время было весьма недовольно и, согласно его желанію, указъ о единонаслѣдіи былъ отмѣненъ Анною Іоанновною.

Остался ли этотъ проектъ неизвѣстнымъ Кочубею и Строганову— вопросъ, для разрѣшенія котораго пока нѣтъ данныхъ. Возможно, что благопріятный отзывъ Строганова о наслѣдственности званія сенатора, не встрѣтившій сочувствія въ гр. С. Р. Воронцовѣ, былъ вызванъ запискою Сперанскаго: не даромъ она была написана именно около этого времени. Но гораздо важнѣе то, что въ одной позднѣйшей неизданной запискѣ, представленной Сперанскимъ государю, онъ привелъ весьма существенное мѣсто изъ своего трактата 1802 г. (см. ниже).

8 сентября 1802 г. въ одинъ и тотъ же день изданъ указъ о правахъ и обязанностяхъ Сената и (написанный Сперанскимъ) манифестъ объ учрежденіи министерствъ, которое во многихъ отношеніяхъ парализовало «возстановленіе Сената». Правда, по учрежденію о министерствахъ, министры должны были представлять ежегодно чрезъ Сенатъ письменные отчеты государю, при чемъ на Сенатъ была возложена обязанность разсматривать ихъ, въ случаѣ надобности требовать отъ министровъ объясненій и докладывать государю свое мнѣніе объ отчетѣ. Но это право Сената, какъ предсказалъ С. Р. Воронцовъ въ бесѣдѣ съ гр. Строгановымъ, превратилось въ пустую формальность. Кромѣ того, Сенату дано право, «если бы по общимъ государственнымъ дѣламъ с у щ е с т в о в а л ъ у к а з ъ, который сопряженъ былъ бы съ великими неудобствами въ исполненіи, или по частнымъ суднымъ не согласенъ съ прочими узаконеніями, или же не ясенъ, представлять о томъ Императорскому Величеству, но когда по такому представленію не будетъ учинено перемѣны, то остается онъ въ своей силѣ».

По поводу этого указа о правахъ Сената Чарторыскій въ своихъ запискахъ говоритъ: «Льстили себя надеждою, что это первый шагъ на пути къ народному представительству, по которому намѣревались постепенно подвигаться: мысль о реформѣ Сената состояла въ томъ, чтобы лишить его функцій исполнительной власти, предоставить ему права высшаго судилища и сдѣлать его постепенно чѣмъ-то въ родѣ высшей палаты, п р и с о е д и н и в ъ к ъ н е й с о в р е м е н е м ъ д е п у т а т о в ъ о т ъ д в о р я н-

ства, которые, вмѣстѣ съ Сенатомъ или собранные отдѣльно, участвовали бы въ совѣщаніяхъ, имѣющихъ цѣлью представить государю точныя свѣдѣнія о томъ, какъ ведутъ дѣла его министры и на сколько пригодны законы и общія постановленія, уже дѣйствующіе или лишь проектируемые. Все это не было осуществлено, и дѣла скоро приняли... совершенно другой оборотъ». Мысль о привлеченіи въ Сенатъ представителей дворянства высказывалъ въ неофиціальномъ комитетѣ самъ государь, а въ Совѣтѣ—Мордвиновъ. Государю были извѣстны и нравились даже еще менѣе удачныя предложенія Державина. Мысль о верхней палатѣ также промелькнула въ неофиціальномъ комитетѣ [1]). Но даже и при осуществленіи въ полномъ видѣ предположенія, указаннаго Чарторыскимъ, при чемъ въ Сенатѣ или рядомъ съ нимъ образовывалось бы дворянское представительство съ характеромъ совѣщательнаго и контролирующаго дѣятельность исполнительной власти учрежденія, оно было бы далеко ниже того «государственнаго сейма» изъ двухъ палатъ, который былъ проектированъ Сперанскимъ въ его запискѣ 1802 г. Эта мысль, быть-можетъ, потому и не была развита имъ подробнѣе, что изъ сношеній съ Кочубеемъ онъ убѣдился въ неосуществимости тогда своихъ мечтаній.



Графъ П. А. Строгановъ (Монье).

Въ засѣданіи неофиціальнаго комитета 17 марта 1802 г. Новосильцовъ заявилъ, что онъ показывалъ Лагарпу планъ общаго устройства имперіи, который возможно будетъ осуществить со временемъ, «когда умы будутъ подготовлены къ представительному правленію», и что Лагарпъ очень одобрялъ этотъ проектъ. Быть-можетъ, часть этого труда сохрани-

[1]) Въ засѣданіи его 21 апрѣля 1802 г. разсуждали о распредѣленіи судебныхъ департаментовъ Сената по имперіи съ тѣмъ, чтобы въ столицѣ оставался первый департаментъ, который, какъ убѣдились члены комитета, нельзя лишить административныхъ обязанностей, и „онъ можетъ сдѣлаться нѣкоторымъ образомъ зародышемъ верхней палаты“.

лась въ бумагахъ Новосильцова, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи Публичной библіотеки. Здѣсь есть собственноручный проектъ Новосильцова (часть котораго есть далѣе и въ копіи). Первая глава «Книги предварительной» говоритъ о законѣ; вторая глава посвящена вопросу «о правахъ»: 1) личной безопасности, 2) личной свободы и 3) частной собственности, при чемъ мѣстами видно нѣкоторое вліяніе Великой англійской хартіи 1215 г. и закона Habeas corpus 1679 г. Авторъ возбуждаетъ вопросъ о томъ, какъ бороться противъ нарушенія правъ. «Права политическія, человѣку принадлежащія, — говоритъ Новосильцовъ, — могутъ быть нарушены или равными ему, или самимъ начальствомъ... Въ Англіи отъ нарушенія сихъ правъ со стороны начальства ограждаетъ: 1) конституція земли, власть и преимущества парламента; 2) ограниченіе власти государя, которая безъ согласія народа распространена (т.-е. увеличена) быть не можетъ; 3) право неотъемлемое (варіантъ: «право для каждаго») имѣть прибѣжище къ судамъ». Говоря о «совѣтѣ императорскаго величества» и его министрахъ, Новосильцовъ упоминаетъ объ ихъ «отвѣтственности», но совершенно не развиваетъ этой мысли.

Когда Сенатъ попробовалъ въ 1803 г. воспользоваться своимъ правомъ дѣлать представленія объ указѣ, исполненіе котораго неудобно или несогласно съ другими законами, то это вызвало сильное неудовольствіе государя, и было разъяснено, что оно относится лишь къ тѣмъ законамъ и указамъ, которые изданы до 8 сентября 1802 г. Чарторыскій замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что отношеніе императора къ Сенату показало его характеръ въ истинномъ свѣтѣ. «Великіе помыслы объ общемъ благѣ,— говоритъ онъ,—великодушныя чувства, желаніе принести имъ въ жертву собственныя удобства и часть своей власти, отказаться, наконецъ, отъ неограниченнаго могущества, чтобы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить въ будущемъ счастіе людей, подчиненныхъ его волѣ, все это нѣкогда искренно занимало императора, все это занимало его и теперь, но было скорѣе юношескими мечтами, чѣмъ твердымъ рѣшеніемъ зрѣлаго человѣка. Императоръ любилъ лишь формы свободы, какъ любятъ зрѣлища. Ему нравилась внѣшняя сторона народнаго представительства, и это составляло предметъ его тщеславія; но онъ желалъ только формъ и внѣшняго вида, а не дѣйствительнаго его осуществленія; однимъ словомъ, онъ охотно согласился бы на то, чтобы весь міръ былъ свободенъ при томъ условіи, чтобы всѣ добровольно подчинились исключительно его волѣ». Приведенныя слова были написаны Чарторыскимъ уже послѣ того, какъ отношеніе императора къ польской конституціи заставило его друга въ немъ разочароваться, но Россія не получила и того, что дано было Польшѣ.

Въ 1803 г. государь чрезъ гр. Кочубея, его тогдашняго начальника, поручилъ Сперанскому составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи. Упоминая объ этомъ въ извѣстномъ пермскомъ письмѣ (1813 г.), Сперанскій прибавляетъ: «Я принялъ сіе порученіе съ радостью и исполнилъ его съ усердіемъ». Слѣдовательно, записка эта была представлена государю, но, къ сожалѣнію, она пока найдена только въ черновомъ видѣ, при чемъ нѣкоторыя части ея не разработаны. Въ этомъ есть нѣкоторое удобство: мы видимъ, такимъ образомъ, тѣ чрезвычайно существенныя измѣненія, которымъ, вѣроятно,

подъ давленіемъ Кочубея, ему пришлось подвергнуть самыя основныя мысли записки.

Въ «правильной монархіи» или «въ совершенномъ правленіи монархическомъ» «государственный законъ» (что означаетъ по терминологіи Сперанскаго—конституцію) рисуется ему въ слѣдующихъ чертахъ: 1) «всѣ состоянія» (т.-е. сословія) «государства, бывъ свободны, участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ во власти законодательной»; 2) власть исполнительная вся принадлежитъ одному лицу, участвующему во всякомъ законодательномъ дѣйствіи и утверждающему его; 3) «есть общее» (т.-е. общественное) «мнѣніе, оберегающее законъ въ исполненіи его; 4) есть независимое «сословіе народа» (т.-е. законодательное учрежденіе, предъ которымъ «исполнители» отвѣтственны [1]); 5) «существуетъ система законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, принятая народомъ; 6) судъ не лицомъ государя отправляется, но избранными отъ народа и имъ утвержденными исполнителями, кои сами суду подвержены быть могутъ; 7) всѣ дѣянія управленія» (въ числѣ которыхъ Сперанскій въ этой запискѣ разумѣетъ и судъ) «публичны», исключая нѣкоторыхъ случаевъ опредѣленныхъ; 8) существуетъ свобода печати «въ извѣстныхъ, съ точностью опредѣленныхъ границахъ».

Но все это мѣсто въ черновой рукописи зачеркнуто и, вѣроятно, не вошло въ окончательную редакцію. Правда, нѣкоторыя черты «государственнаго закона» изложены Сперанскимъ выше: указано и на силу «общаго мнѣнія», и на независимость «сословія», «установленнаго» для охраненія закона отъ власти исполнительной, которая предъ нимъ отвѣтственна, и на то, что судъ долженъ отправляться не отъ лица государя, а лицами, избранными народомъ (присяжными) вмѣстѣ съ президентами, комиссарами и судьями, назначенными государемъ, и на публичность дѣяній управленія, исключая немногихъ опредѣленныхъ случаевъ, подлежащихъ тайнѣ, и на свободу печати «съ исключеніями, кои бы не стѣсняли дѣйствія общаго мнѣнія». Но въ зачеркнутомъ мѣстѣ записки Сперанскаго были и новыя, весьма важныя черты: было сказано, что 1) «всѣ состоянія государства, бывъ свободны, участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ во власти законодательной», слѣдовательно, отсутствіе крѣпостного права считалось однимъ изъ необходимыхъ условій «правильной монархіи» или «совершеннаго монархическаго правленія»; 2) власть исполнительная, принадлежащая вся одному лицу, участвуетъ во «всякомъ законодательномъ дѣйствіи и утверждаетъ его»; 3) «существуетъ система законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, принятая народомъ».

Исключивъ изложенное выше, чрезвычайно важное, мѣсто своей записки [2]), Сперанскій вновь возвращается, однако въ другой формѣ, къ ука-

---

[1]) Что тутъ разумѣется учрежденіе законодательное, видно изъ дальнѣйшаго мѣста этой записки. „Историч. Обозрѣніе". Изд. Историч. О-ва при Спб. университетѣ, т. XI, стр. 34.

[2]) Если принять во вниманіе свидѣтельство Чарторыскаго о Кочубеѣ: „съ нами (Чарторыскимъ, Строгановымъ и Новосильцовымъ) онъ дозволялъ себѣ либеральныя заявленія, но всегда съ извѣстнаго рода умолчаніями, такъ какъ чувства этого рода не могли примириться съ его собственными мнѣніями", то всего скорѣе можно думать, что Кочубей нашелъ нужнымъ охладить либеральный пылъ своего подчиненнаго. Очень можетъ быть, что вслѣдствіе давленія Кочубея или суроваго отношенія государя, къ попыткѣ Сената воспользоваться своимъ правомъ представленія и неблагопріятнаго разъясненія пункта указа 8 сент. 1802 г., этого права касающагося, Сперанскій и сказалъ находящемуся въ это время въ Петербургѣ другу Бентама—Дюмону, что не вѣритъ въ возможность установить политическую сво-

занію основныхъ чертъ истинной монархіи, но утверждаетъ, что Россія не скоро ею сдѣлается: «Надобно только сравнить,— говоритъ онъ,— образъ управленія монархическаго съ управленіемъ, нынѣ въ Россіи существующимъ, чтобъ удостовѣриться, что никакая сила человѣческая не можетъ сего послѣдняго превратить въ первое, не призвавъ къ содѣйствію время и постепенное всѣхъ вещей движеніе къ совершенству», и указываетъ далѣе, что у насъ половина населенія находится въ совершенномъ рабствѣ: нѣтъ «государственнаго закона» (т.-е. конституціи) и «уложенія» (уголовнаго и гражданскаго), нѣтъ и другихъ основныхъ признаковъ истинной монархіи.

Поэтому, предлагая (очевидно, до поры, до времени) сохранить «настоящую самодержавную конституцію государства», Сперанскій считалъ, по крайней мѣрѣ, необходимымъ ввести «разныя установленія, которыя бы, постепенно раскрываясь, приготовляли истинное монархическое управленіе и приспособляли бы къ нему духъ народный». Такими учрежденіями должны были быть сенатъ законодательный и сенатъ исполнительный. Первый долженъ былъ состоять изъ сенаторовъ по назначенію государя, второй—исполнительный—до времени раздѣлиться на двѣ части—судную и управленія, при чемъ вторая должна состоять изъ министровъ.

Сперанскій надѣется, что этотъ «образъ управленія... со временемъ» превратится «въ совершенную монархическую систему, пріучая народъ взирать на законодательную власть въ нѣкоторомъ наружномъ отдаленіи: онъ воспитываетъ, такъ сказать, духъ его къ другому порядку вещей. Когда приспѣетъ время, т.-е... когда созрѣетъ возможность лучшаго управленія», тогда надобно будетъ «сенатъ законодательный составить на другой лучшей системѣ»—изъ зачеркнутаго здѣсь примѣчанія видно, что онъ колебался, на какой именно: «представленія» (въ планѣ 1809 г. Сперанскій скажетъ: народнаго представленія) «или первородства» (отраженіе идей трактата 1802 г.), а судный сенатъ переименовать въ высшій судъ [1]).

Дѣйствительную отвѣтственность министровъ при существовавшемъ тогда государственномъ строѣ Сперанскій считаетъ невозможною: «отвѣтственность сія,— говоритъ онъ,—не учреждается однимъ словомъ или велѣніемъ; она перемѣняетъ конституцію государства и, слѣдовательно, не можетъ быть нигдѣ безъ важныхъ превращеній. Она предполагаетъ законъ, утвержденный печатью общаго принятія, и извѣстную гарантію сего закона въ вещественныхъ установленіяхъ. Безъ сего все будетъ состоять только въ словахъ». Тутъ ясно критическое отношеніе Сперанскаго къ тѣмъ разговорамъ о либеральныхъ реформахъ, которыми усердно занимались молодые друзья императора Александра во время существованія неофиціальнаго комитета.

боду въ Россіи. Это не значитъ, какъ думаетъ проф. Середонинъ, что „Сперанскій считалъ Россію неподготовленной къ конституціи“, а въ 1809 г. „перемѣнилъ“ свои мнѣнія. Сперанскій былъ конституціоналистомъ уже въ 1802 г., но видѣлъ въ тогдашнихъ правительственныхъ сферахъ непреодолимыя препятствія къ введенію конституціи.

[1]) Но и теперь уже, по его мнѣнію, можно сдѣлать важный подготовительный шагъ къ болѣе совершенному государственному устройству, установивъ, чтобы „всѣ дѣянія“ сената исполнительнаго публиковались: это „ознакомитъ народъ съ правительствомъ, родитъ общее мнѣніе..., приготовитъ людей къ дѣламъ, поставитъ министровъ подъ судъ общаго разума... Можно быть удостовѣреннымъ, что Россія скоро пожелаетъ знать, что дѣлаетъ для нея правительство“.

II.

Въ іюнѣ 1804 г. министръ юстиціи Лопухинъ, управлявшій и комиссіею составленія законовъ, передалъ служившему въ комиссіи бар. Розенкампфу, который не зналъ тогда русскаго языка, повелѣніе государя заняться составленіемъ проекта конституціи для Россіи. Розенкампфъ былъ этимъ крайне пораженъ, такъ какъ «комиссія не успѣла еще ознакомиться съ основными началами существующаго государственнаго строя Россіи, а отъ нея желаютъ имѣть окончательный выводъ изъ нихъ—конституцію». Однако онъ долженъ былъ повиноваться и составилъ кадръ конституціи, но самъ авторъ сознается, что въ этомъ трудѣ его было множество пробѣловъ. Онъ пока не найденъ, и неизвѣстно, были ли въ немъ постановленія, ограничивающія самодержавную власть [1]). Трудъ Розенкампфа былъ пе-



Царское Село. Въѣздъ въ Петербургъ. (Рис. Лангера).

реданъ Новосильцову и кн. Чарторыскому, которые выработали полный проектъ, но онъ остался безъ движенія вслѣдствіе войнъ съ Наполеономъ 1805—7 гг., и паденія вліянія англомановъ—Строганова, Кочубея, Чарторыскаго и Новосильцова, противниковъ союза съ Наполеономъ. По возвращеніи въ 1808 г. изъ Эрфурта [2]) государь передалъ этотъ проектъ

---

[1]) Въ 1803 г. возвратился изъ Парижа Магницкій, по его словамъ, „съ проектомъ конституціи и запискою о легкомъ способѣ ввести ее“, которые были представлены государю. Съ другой стороны, профессоръ дерптскаго университета Парротъ, пользовавшійся большимъ расположеніемъ государя, послѣ продолжительнаго разговора съ нимъ, въ письмѣ отъ 28 марта 1805 г., старался, подобно Лагарпу, отговорить его отъ ограниченія самодержавія. Онъ доказывалъ, что Россія не подготовлена къ воспріятію политической свободы: въ ней нѣтъ третьяго сословія, у насъ не развито уваженіе къ законамъ, и народъ недостаточно просвѣщенъ. „Я убѣжденъ,—писалъ Парротъ,—что Россія придетъ къ этому не ранѣе, какъ черезъ сто лѣтъ, если вообще это безтолковое скопище народовъ и народностей способно къ воспріятію представительнаго правленія“. („Русск. Стар.“, 1895 г., № 4, стр. 192—194). Но уже въ 1830 г., въ письмѣ къ имп. Николаю, онъ утверждаетъ, что русское „дворянство, военные и гражданскіе чины стремятся къ представительному правленію“ и что „необходимо произвести революцію сверху“.

[2]) Куда Сперанскій сопровождалъ государя, гдѣ бесѣдовалъ съ Наполеономъ и получилъ отъ него табакерку, осыпанную брильянтами, и гдѣ совѣщался съ Талейраномъ о кодификаціи русскихъ законовъ. Наполеонъ назвалъ Сперанскаго „единственною свѣтлою головою въ Россіи“.

Сперанскому (19 октября назначенному государственнымъ секретаремъ), который его не одобрилъ.

Въ 1806 г., во время своихъ частыхъ болѣзней, Кочубей началъ посылать Сперанскаго къ государю съ бумагами вмѣсто себя. Въ своемъ пермскомъ письмѣ къ императору Александру Сперанскій говоритъ:

«Въ самомъ началѣ царствованія В. И. В-во постановили себѣ правиломъ, послѣ толикихъ колебаній нашего правительства, составить, наконецъ, твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія.... До 1808 г. я былъ почти только зрителемъ и удаленнымъ исполнителемъ сихъ преобразованій.... Въ концѣ 1808 г.... В. В-во начали занимать меня постоянно предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ Вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ Вамъ вошедшія, и нерѣдко удостоивая провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся.—Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ, можетъ-быть, разговоровъ и разсужденій В-го В-ва надлежало, наконецъ, составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія.... Въ теченіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ занимаясь почти ежедневно разсмотрѣніемъ его, послѣ многихъ перемѣнъ, дополненій и исправленій В. В-во положили, наконецъ, приводить его въ дѣйствіе» [1]).

На основаніи этихъ словъ Сперанскаго, естественно старавшагося въ письмѣ изъ ссылки представить себя простымъ исполнителемъ воли и предположеній государя, стали преувеличивать роль Александра I въ выработкѣ плана государственныхъ преобразованій. Но отчего же этотъ, столь замѣчательный для своего времени, планъ удалось составить только Сперанскому? Если бы онъ былъ простымъ редакторомъ предположеній государя, то отчего же не выработали подобный проектъ друзья государя въ неофиціальномъ комитетѣ? Въ томъ-то и дѣло, что Сперанскій былъ гораздо талантливѣе ихъ, самъ же императоръ Александръ не обладалъ для этого достаточною подготовкою: уроки Лагарпа дали хорошее направленіе его мыслямъ и чувствамъ, но послѣ женитьбы, уже и при Екатеринѣ II, онъ мало увеличивалъ свой запасъ познаній, мало могъ и при Павлѣ дополнять свое образованіе чтеніемъ. Сперанскому приходилось читать съ нимъ разныя серьезныя сочиненія, разжевывать ему нѣкоторыя элементарныя истины, въ своихъ запискахъ преподносить ему уроки государственнаго права [2]).

Однимъ изъ такихъ уроковъ послужила неизданная записка, подъ заглавіемъ «Размышленія неизвѣстнаго о государственномъ управленіи вообще», сохранившаяся въ архивѣ Государственнаго Совѣта въ бумагахъ комитета, Высоч. утвержденнаго 6 декабря 1826 г. Можно доказать, что эта записка принадлежитъ Сперанскому. Она начинается такъ: «Представляя В-му В-ву продолженіе извѣстныхъ Вамъ бумагъ о составѣ уложенія [3]), долгомъ правды и личной моей къ Вамъ приверженности считаю подвергнуть усмотрѣнію Вашему слѣдующія размышленія мои о способахъ,

---

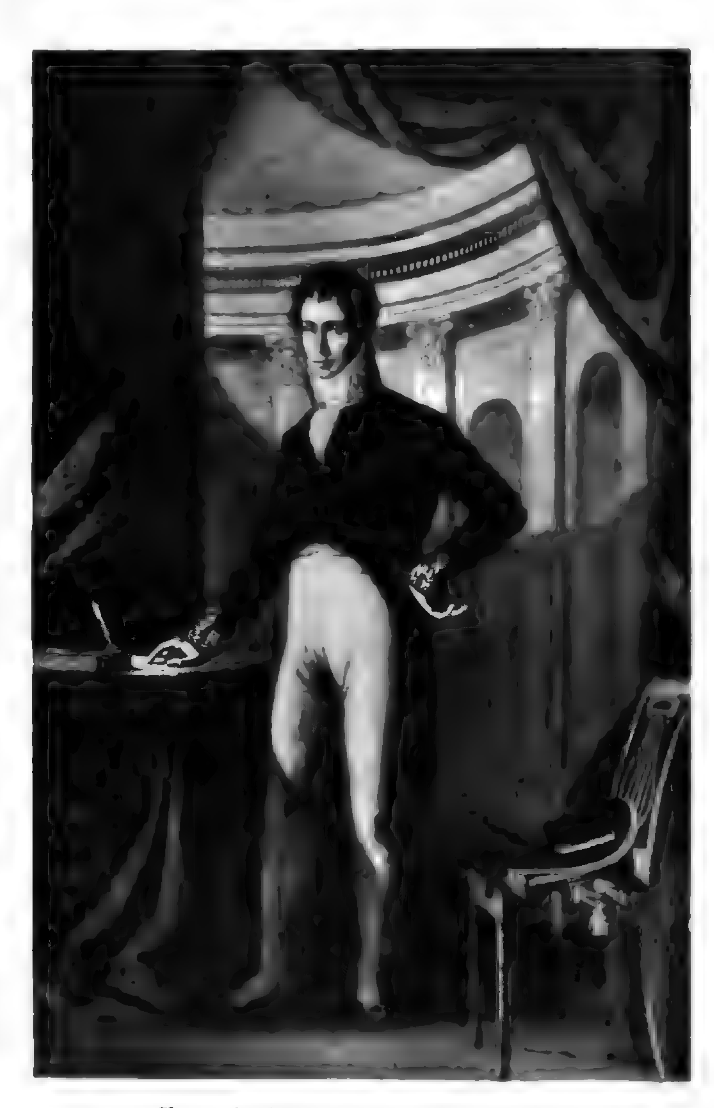
[1]) Шильдеръ, „Императоръ Александръ I", т. III, 517. Въ оправдательной запискѣ на французскомъ языкѣ Сперанскій говоритъ, что работа надъ выработкою общаго плана реформъ заняла весь 1809 г. Ibid., 528.

[2]) По свидѣтельству Лубяновскаго, Сперанскій обладалъ „рѣдкимъ умѣніемъ прививать другому свою мысль такъ, чтобы тотъ и не замѣтилъ, что это не его мысль". „Русск. Арх.", 1872 г., I, 481—482.

[3]) 20 декабря 1808 г. Сперанскому велѣно было докладывать государю по дѣламъ для составленія законовъ. Майковъ, „Второе отдѣленіе собств. Е. И. В. канцеляріи", Спб., 1906 г., стр. 51—59. Корфъ, „Жизнь гр. Сперанскаго", I, 148—155.

коими подобныя сему предположенія, если они приняты будутъ В-мъ В-вомъ, могутъ приведены быть въ дѣйствіе».

Авторъ говоритъ императору Александру, что если онъ, забывъ возлагаемыя на него надежды, «страшась перемѣнъ» или обольщаясь «наружною простотою деспотической власти», сочтетъ прежній «образъ правленія приличнѣйшимъ для Россіи», то можетъ быть, что его царствованіе «протечетъ не только мирно», но и его народы «заснутъ въ пріятномъ мечтаніи», но этотъ сонъ «не будетъ ни продолжителенъ, ни естественъ». Сперанскій грозитъ Александру въ этомъ случаѣ возможностью революціи: «Тогда бѣшенство страстей народныхъ, неминуемое слѣдствіе слабости, заступитъ мѣсто силы и благоразумія, необузданная вольность и безначаліе представятся единымъ средствомъ къ свободѣ, — послѣдствія сего расположенія мыслей столько же будутъ ужасны, какъ и неисчислимы, но таковы всегда были превращенія царствъ деспотическихъ, когда народъ ихъ начиналъ». Но если даже народъ «не захочетъ или не будетъ въ силахъ» разорвать свои цѣпи и государь будетъ справедливъ, то министры всегда будутъ «пристрастны» и корыстны, а дѣйствительно безкорыстныхъ людей, «съ твердыми началами», государь не будетъ имѣть возможности найти вокругъ себя. Но если бы даже ему и удалось пріискать одного, двухъ, трехъ «дѣятельныхъ, просвѣщенныхъ, непоколебимыхъ» министровъ, и онъ пожелаетъ самъ управлять народомъ, то ка́къ онъ можетъ самъ «все видѣть, все знать... и никогда не ошибаться: чтобъ быть деспотомъ справедливымъ, надобно быть почти Богомъ». Необходимо передать «великую часть дѣлъ» «мѣстамъ», т.-е. учрежденіямъ, и чтобы дать имъ «тѣнь бытія политическаго», оставить имъ «монархическія формы, введенныя предшественниками», и «дѣйствія воли неограниченной назвать законами имперіи». Но



Князь А. А. Чарторыскій (Олешкевичъ).

лица, входящія въ составъ этихъ учрежденій, не связанныя общими интересами съ народомъ, «на угнетеніи его оснуютъ свое величіе, будутъ править весьмъ самовластно, а ими управлять будутъ вельможи, наиболье отличаемые» государемъ, и «такимъ образомъ монархическіе виды послужатъ только покрываломъ страстямъ и корыстолюбію, а существо правленія останется непремѣннымъ». Государство въ обоихъ этихъ «случаяхъ не избѣгнетъ своего рока» и должно разрушиться. Государь обязанъ это предотвратить, и затѣмъ Сперанскій дѣлаетъ цитату изъ своего политическаго трактата 1802 [1]), чѣмъ и доказывается съ полною несомнѣнностью принадлежность этой записки его перу.

Положительный выводъ, къ которому приходитъ Сперанскій, состоитъ въ томъ, что выработку полнаго плана государственныхъ преобразованій нужно поручить «сословію умовъ» подъ покровомъ «непроницаемой тайны», т.-е. онъ повторяетъ мысль, высказанную имъ въ «Отрывкѣ о комиссіи уложенія» относительно предварительной подготовки втайнѣ общаго начертанія государственнаго постановленія (т.-е. конституціи). Онъ утверждаетъ, что это необходимо и для законодательства вообще: такъ, напр., онъ высказываетъ мысль, что даже дарованіе «дворянской грамоты и городового положенія не могло бы имѣть мѣста, если бы государственное положеніе имѣло свое начертаніе». Соотвѣтственно своему политическому трактату 1802 г. Сперанскій признаетъ, что «въ государствѣ монархическомъ долженъ быть извѣстный классъ людей», предназначенныхъ «къ охраненію закона», но онъ убѣжденъ, что «этотъ классъ никакъ не можетъ быть установленъ на тѣхъ деспотическихъ началахъ», на которыхъ основана грамота дворянская [2]). Другой примѣръ неудачной законодательной мѣры Сперанскій беретъ уже изъ времени Александра I: «Предположеніе о такъ называе-

---

[1]) „Иначе, — продолжаетъ онъ, — государь долженъ будетъ отказаться: 1) Отъ всякой мысли о твердости и постоянствѣ законовъ,—ибо въ семъ правленіи законовъ быть не можетъ. 2) Отъ всѣхъ предпріятій народнаго просвѣщенія. Правило сіе должно принять столько же изъ человѣколюбія,—ибо ничто не можетъ быть несчастнѣе раба просвѣщеннаго,—какъ и изъ доброй политики, ибо всякое просвѣщеніе (я разумѣю: общее народное) вредно сему образу правленія и можетъ только произвесть смятеніе и непокорливость. 3) Отъ всѣхъ предпріятій (утонченной) народной промышленности,—я разумѣю всѣ фабрики и заведенія, на свободныхъ художествахъ основанныя, или близко съ ними связь имѣющія. 4) Отъ всякаго возвышенія въ народномъ характерѣ, ибо рабъ имѣть его не можетъ,—онъ можетъ быть здоровъ и крѣпокъ въ силахъ тѣлесныхъ, но никогда не способенъ къ великимъ предпріятіямъ.... 5) Отъ всякаго чувствительнаго возвышенія народнаго богатства, ибо первая основа богатства есть право неотъемлемой собственности, а безъ законовъ она быть не можетъ. 6) Еще болѣе должно отказаться отъ улучшенія домашняго состоянія низшаго класса народа: избытки его всегда будутъ пожираемы роскошью класса высшаго. 7) Словомъ, должно отказаться отъ всѣхъ прочныхъ устроеній, не на лицѣ государя владѣющаго, но на порядкѣ вещей основанныхъ". (Срав. мою статью: „Первый политическій трактатъ Сперанскаго" въ „Русскомъ Богатствѣ", 1907 г., № 1, стр. 76). „И царство твое,—продолжаетъ авторъ,—столь много обѣщавшее, будетъ царство обыкновенное, покойное, можетъ-быть, блистательное, но для прочнаго счастья Россіи ничтожное", да и такимъ оно можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, если какою-либо „чудесною силою" и усиленнымъ надзоромъ прекращенъ будетъ доступъ въ Россію „мыслей сосѣдственныхъ, столь чувствительно дѣйствующихъ на мысли твоего народа" (т.-е. отрѣзано вліяніе Западной Европы).

[2]) Онъ характеризуетъ се такъ: „Это привилегія рабовъ, уполномочивающая ихъ тяжесть цѣпей, ими влачимыхъ, возлагать на другихъ слабѣйшихъ. Какую связь пользъ дворянство сіе имѣетъ съ народомъ? Не на исключительномъ ли правѣ владѣнія земель и людей, какъ вещественной собственности, основаны главныя его преимущества? Не отъ суда ли самовластнаго, государемъ установленнаго, зависитъ имѣніе и лицо дворянина? Не четырнадцать ли разъ каждый дворянинъ, переходя изъ класса въ классъ, чувствуетъ на себѣ силу неограниченной воли и не четырнадцать ли разъ, привязываясь къ сей волѣ, отторгается онъ отъ народа?" Ср. отзывъ Сперанскаго о правѣ дворянства на „крѣпостное владѣніе людьми" и о томъ, что „чины не могутъ быть признаны установленіемъ для государства ни нужнымъ, ни полезнымъ" въ его запискѣ „Объ усовершенствованіи общаго народнаго воспитанія", которая была „читана 11 декабря 1808 г.", т.-е. самимъ государемъ или государю Сперанскимъ. „Матеріалы для исторіи учебныхъ реформъ въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ", собр. С. В. Рождественскій. „Записки ист.-филол. факультета Спб. университета", ч. 96 вып. 1, Спб. 1910 г., стр. 377—378.

момъ преобразованіи Сената было бы не менѣе сего несходно съ истинными началами благоустроенной монархіи, въ которой мѣсто, охраняющее законъ, должно имѣть нѣчто болѣе, нежели пустыя выраженія правъ и преимуществъ».

Сперанскій считалъ необходимымъ «учрежденіе сословія» (т.-е. комитета), извѣстнаго только одному государю, которое составило бы «коренные законы» и постепенно приводило бы ихъ въ исполненіе «безъ крутости, безъ переломовъ, нечувствительно». Это сословіе будетъ всегда представлять государю «истину въ началѣ ея», и онъ, дѣйствуя чрезъ него по утвержденному имъ самимъ плану и предупрежденный о видахъ и намѣреніяхъ каждаго изъ министровъ, будетъ вести и ихъ къ извѣстной цѣли, и имъ придется только «съ удивленіемъ покориться» его волѣ. Сперанскій утверждаетъ, что все время, прошедшее безъ такого «учрежденія, потеряно для прошлаго государства положенія». Онъ изъявлялъ готовность представить болѣе подробный планъ такого «учрежденія» и настаивалъ на томъ, что оно, если даже останется неизвѣстнымъ, «можетъ быть наиболѣе блистательнымъ» изъ всего, что сдѣлано государемъ, и что «все прочее должно или на немъ быть основано, или не будетъ имѣть такого основанія». Такъ какъ Сперанскій докладывалъ государю по дѣламъ комиссіи для составленія законовъ съ 20 дек. 1808 г. (см. выше) и такъ какъ онъ говоритъ, что на составленіе общаго плана преобразованій потребовался весь 1809 г., то я полагаю, что эта записка была подана имп. Александру въ началѣ 1809 г. Доказывая здѣсь необходимость выработки втайнѣ общаго плана государственныхъ преобразованій, Сперанскій предлагаетъ для этого учрежденіе негласнаго комитета, но государь уже достаточно убѣдился въ малой полезности комитета въ 1801—3 гг. и, очевидно,



Графъ Н. Н. Новосильцовъ (С. Щукинъ).

предпочелъ работать по этому предмету съ однимъ государственнымъ секретаремъ. Въ числѣ матеріаловъ, изъ которыхъ Сперанскій могъ коечѣмъ воспользоваться, были проекты Балугьянскаго.

Мих. Андр. Балугьянскій [1]) въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1808 г. составилъ «Mémoires sur le droit public» (III Analyse du pouvoir législatif), а въ началѣ слѣдующаго года «Plan du Code du droit public», которые могли навести Сперанскаго на нѣкоторыя соображенія при составленіи имъ плана государственныхъ преобразованій. Возможно, впрочемъ, что къ первой работѣ Балугьянскій приступилъ еще по порученію Новосильцова.

Предположенія Балугьянскаго гораздо менѣе рѣшительны, чѣмъ планы Сперанскаго. Въ первомъ изъ двухъ названныхъ трудовъ («Анализъ законодательной власти»), написанномъ въ послѣдніе мѣсяцы 1808 г., Балугьянскій послѣ историко-теоретическаго разсмотрѣнія этого предмета проектируетъ для Россіи учрежденіе законодательнаго Сената (на ряду съ административнымъ и судебнымъ), члены котораго назначаются императоромъ, по крайней мѣрѣ, по два отъ каждой губерніи. Условія этого назначенія: а) обладаніе собственностью земельною или промышленною съ чистымъ доходомъ, размѣръ котораго Балугьянскимъ не опредѣленъ, и в) служба въ извѣстной должности—министра, губернатора, президента одного изъ государственныхъ учрежденій, чинъ статскаго совѣтника,—для того, чтобы была представлена каждая отрасль администраціи; кромѣ того, въ составъ Сената входятъ министры, начальники департаментовъ исполнительной власти и первоприсутствующіе въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Званіе сенатора пожизненно; его можно утратить только по судебному приговору. «Законодательный» (т.-е. собственно законосовѣщательный) Сенатъ, состоящій изъ одной палаты, созывается государемъ, когда онъ найдетъ это нужнымъ, обыкновенно же два раза въ годъ. Каждый Сенатъ имѣетъ право предлагать изданіе того или другого закона. Проекты законовъ, принятые Сенатомъ, подлежатъ утвержденію монарха. Тутъ, слѣдовательно, нѣтъ и рѣчи ни объ ограниченіи самодержавія, ни объ участіи въ законодательствѣ, хотя бы съ совѣщательнымъ голосомъ, депутатовъ, избираемыхъ народомъ.

Другой трудъ Балугьянскаго—«Государственное уложеніе» (Code du droit public)—написанъ въ началѣ 1809 г. [2]). По этому проекту русскій народъ раздѣляется на четыре класса: 1) дворяне, 2) именитые граждане, 3) классъ промышленный и 4) классъ рабочій. Первые три пользуются политическими правами. Къ именитымъ гражданамъ, между прочимъ, отно-

---

[1]) Уроженецъ Карпатской Руси, венгерецъ, профессоръ политическихъ наукъ венгерской академіи въ Гроссъ-Вардейнѣ, а затѣмъ въ Пештскомъ университетѣ, Балугьянскій занялъ въ 1803 г. каѳедру политической экономіи въ петербургской „учительской гимназіи“, преобразованной въ слѣдующемъ году въ педагогическій институтъ. Приглашенный на это мѣсто Новосильцовымъ, онъ былъ хорошо извѣстенъ также Строганову и Чарторыскому. Затѣмъ онъ опредѣленъ былъ и въ комиссію для составленія законовъ, куда въ августѣ 1808 г. былъ назначенъ присутствующимъ въ совѣтѣ комиссіи и Сперанскій, въ декабрѣ того же года сдѣланный товарищемъ министра юстиціи вмѣсто Новосильцова. Служба въ одномъ учрежденіи сблизила Сперанскаго съ Балугьянскимъ, и послѣдній, видимо, признававшій превосходство способностей своего начальника, могъ быть ему полезенъ своими научными знаніями и личными наблюденіями, хотя по-русски и впослѣдствіи говорилъ плохо. Балугьянскій лично присутствовалъ въ Западной Европѣ на представительныхъ собраніяхъ: въ своихъ „Размышленіяхъ о проектѣ Правительствующаго Сената“ 1811 г. (см. ниже) онъ говоритъ: „Я видѣлъ собранія свободнаго народа, я присутствовалъ на нихъ сто разъ“.

[2]) Изложеніе его показываетъ, что онъ долженъ былъ подлежать обсужденію другого лица, которому предоставлялось рѣшить нѣкоторые, поставленные въ проектѣ, вопросы.

сятся землевладѣльцы - недворяне и крупные арендаторы казенныхъ и помѣщичьихъ земель; къ промышленному классу—мелкіе свободные арендаторы помѣщичьихъ земель и лица, имѣющія права гражданства въ городахъ—мелочные торговцы и хозяева мастерскихъ; къ четвертому классу, не имѣющему политическихъ правъ, въ деревняхъ—«свободные половники (однодворцы)» [1]) и свободные рабочіе, въ городахъ—«посадскіе», подмастерья и ученики, свободные поденщики и слуги и, наконецъ, вообще всѣ крѣпостные.

Балугьянскій не предлагаетъ и въ этомъ проектѣ созданія государственной думы, какъ Сперанскій въ его проектѣ 1809 г.; политическія права лицъ, ими пользующихся, осуществляются посредствомъ слѣдующихъ учрежденій: 1) собранія дворянъ и деревенскихъ именитыхъ гражданъ въ каждомъ уѣздѣ, а въ каждомъ городѣ или части города — собранія городскихъ именитыхъ гражданъ и лицъ, имѣющихъ право гражданства; 2) коллегіи или комитета нотаблей въ каждомъ уѣздѣ и въ каждомъ городѣ [2]); 3) коллегіи, комитета или собранія депутатовъ трехъ сословій (ordres) въ каждой губерніи. Уѣздное собраніе составляется изъ дворянъ; кромѣ того, въ немъ «могутъ» участвовать землевладѣльцы - недворяне, крупные арендаторы казенныхъ или помѣщичьихъ земель и, наконецъ, каждая деревня, «сдѣлавшаяся свободною» (авторъ, вѣроятно, разумѣетъ тутъ свободныхъ хлѣбопашцевъ), имѣетъ право посылать въ него двухъ старшинъ. Всѣ эти члены уѣзднаго собранія имѣютъ въ немъ право голоса. Населеніе казенныхъ и удѣльныхъ имѣній представлено въ собраніяхъ чиновниками, ими завѣдующими, а крѣпостные и рабочіе—прокуроромъ. Обыкновенно собранія созываются черезъ каждыя пять лѣтъ; они выбираютъ предводителя, исправника, членовъ гражданскихъ судовъ первой инстанціи и мировыхъ судей волости (по одному на каждые 5.000 жителей); тѣ и другіе утверждаются правительствомъ. Собра-



Мордвиновъ. (Пис. Рейхель).

[1]) Опредѣленіе совершенно невѣрное.
[2]) На поляхъ написано по-французски: „это лишнее“.

ніе избираетъ также депутатовъ въ комитетъ нотаблей и можетъ подавать петиціи правительству. Комитетъ нотаблей собирается ежегодно, выбираетъ кандидатовъ въ нѣкоторыя уѣздныя учрежденія, распредѣляетъ подати между мѣстечками и деревнями и выбираетъ депутатовъ въ губернское собраніе».

Губернское собраніе, состоящее изъ уѣздныхъ и городскихъ депутатовъ, лицъ, назначаемыхъ императоромъ (не болѣе пяти), и архіерея, предлагаетъ правительству 10 лицъ, которыхъ оно считаетъ наиболѣе способными къ веденію важнѣйшихъ дѣлъ въ государствѣ и губерніи, сообщаетъ ему свѣдѣнія о мѣстныхъ нуждахъ, производитъ раскладку податей между уѣздами и имѣетъ право дѣлать правительству (государю и Сенату) представленія, если мѣстные интересы нарушены. Изъ списковъ, присылаемыхъ губернскими собраніями, составляется списокъ нотаблей всего государства, и изъ этихъ лицъ императоръ назначаетъ по два сенатора отъ каждой губерніи, министровъ, начальниковъ департаментовъ и проч. Губернское собраніе выбираетъ также кандидатовъ на разныя губернскія должности въ двойномъ числѣ, изъ которыхъ назначеніе производитъ государь [1]).

Сперанскій серьезно поработалъ надъ своимъ трудомъ: «Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ» [2]); въ немъ есть указаніе на изученіе имъ «всѣхъ извѣстныхъ конституцій». Еще ранѣе онъ внимательно изучилъ англійскую конституцію, какъ видно изъ его трактата 1802 года, а также труды Бентама, Юма и др., на которые ссылается въ проектѣ 1803 г. Планъ преобразованій 1809 г. обнаруживаетъ слѣды пристальнаго изученія Монтескьё, Сіэса и французскихъ конституцій (хотя источники въ немъ нигдѣ не указаны) [3]). Та или другая статья его навѣяна нѣкоторыми постановленіями иностранныхъ конституцій или идеями извѣстныхъ писателей, иногда, быть-можетъ, проектами Балугьянскаго, но все же отсюда не слѣдуетъ, что планъ Сперанскаго, какъ это находитъ С. М. Середонинъ [4]), «сшитъ изъ лоскутковъ», или, что Сперанскій, «по всей вѣроятности, при посредствѣ Балугьянскаго ознакомился съ политической литературой того времени и разнообразными конституціями». Напротивъ, «Введеніе» Сперанскаго довольно основательно продумано, логически построено и представляетъ явленіе весьма замѣчательное для своего времени, по условіямъ котораго его и надо судить, такъ что онъ имѣлъ полное основаніе имъ гордиться. Конечно, въ трудѣ Сперанскаго многое можно признать неудовлетворительнымъ съ современной точки зрѣнія, но

---

1) Архивъ Государственнаго Совѣта, бумаги Сперанскаго.

2) Черновая собственноручная рукопись его, хранящаяся въ Имп. Публ. Библіотекѣ, напечатана въ „Историческомъ Обозрѣніи", изд. Историч. Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, т. X, и перепечатана въ изданіи „Русской Мысли": „Планъ госуд. преобразованія графа Сперанскаго", М., 1905 г. „Подлинникъ этого плана,—писалъ Сперанскій государю 3 марта 1812 г. изъ Нижняго,—долженъ находиться въ кабинетѣ вашего величества, а французскій переводъ его былъ врученъ въ то время по вашему повелѣнію принцу Ольденбургскому", мужу любимой сестры государя, съ которою онъ бесѣдовалъ о самыхъ серьезныхъ государственныхъ дѣлахъ. Этотъ ненапечатанный французскій переводъ представляетъ значительно сокращенную редакцію, съ нѣкоторыми притомъ варіантами, сравнительно съ собственноручною черновою рукописью и копіею, хранящеюся въ архивѣ Государственнаго Совѣта.

3) Въ бумагахъ Сперанскаго въ арх. Госуд. Сов. есть нѣмецкій переводъ шведской конституціи 1809 года.

4) „Графъ М. М. Сперанскій. Очеркъ государственной дѣятельности", Спб., 1909 г., стр. 14 (оттискъ изъ Русск. біогр. словаря, изд. Имп. Русск. Историческаго Общества).

необходимо не забывать, что его взгляды оказались, въ концѣ-концовъ, слишкомъ радикальными для правящихъ сферъ, и что онъ пострадалъ за свой проектъ.

Сперанскій (слѣдуя деклараціи правъ и французской конституціи 1791 г.) «начало и источникъ силъ» (властей) законодательной, исполнительной и судной видитъ въ народѣ.

Изъ исторической части введенія къ его плану отмѣтимъ рѣшительное осужденіе имъ закона Петра Великаго (1714 г.) о «правѣ первородства» (т.-е. единонаслѣдія) [1]. Такимъ образомъ, смѣна англійскихъ вліяній французскими привела Сперанскаго къ болѣе демократическимъ воззрѣніямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ увидимъ, и къ однопалатной системѣ государственной думы вмѣсто двухпалатнаго «сейма» [2].

Онъ доказываетъ теперь, что уже недостаточно, вопреки тому, что казалось ему возможнымъ при составленіи записки 1803 г. и что было въ тогдашней наполеоновской Франціи, «облечь правленіе самодержавное всѣми, такъ сказать, внѣшними формами закона», а нужно ограничить самодержавіе «внутреннею и существенною силою установленій» (т.-е. учрежденій) «не словами, но самымъ дѣломъ». Для этого необходимо: 1) учрежденіе «законодательнаго сословія» (во французскомъ переводѣ: corps législatif), постановленія котораго нуждались бы въ утвержденіи ихъ державною властью, «но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали бы собою мнѣніе народное»; 2) сословіе судебное должно зависѣть отъ свободнаго выбора, и только надзоръ за соблюденіемъ судебныхъ формъ и охраненіе общей безопасности принадлежали бы правительству; 3) власть исполнительная должна быть ввѣрена исключительно правительству, но такъ какъ она могла бы своими распоряженіями, подъ видомъ исполненія законовъ, совсѣмъ уничтожить ихъ, то необходимо сдѣлать ее отвѣтственною предъ властью законодательною.

Предложеніе закона (законодательный починъ) должно быть предоставлено «правительству» (т.-е. «державной власти»). Если оно какою-либо мѣрою явно нарушаетъ коренной государственный законъ относительно личной или политической свободы или въ «установленное время» не представитъ узаконенныхъ отчетовъ, но только въ этихъ двухъ случаяхъ «законодательное сословіе» можетъ собственнымъ своимъ «движеніемъ», предупредивъ, однако, «правительство, предложить дѣло на уваженіе (т.-е. обсужденіе) и возбудить узаконеннымъ порядкомъ слѣдствіе противъ того министра, который подписалъ сію мѣру и просить вмѣстѣ съ тѣмъ ея отмѣны». «Уваженіе» закона, т.-е. обсужденіе и составленіе его, принадлежитъ законодательному сословію при участіи министровъ, а утвержденіе закона — державной власти.

---

[1] „Сіе установленіе, совершенно феодальное, могло бы,—по мнѣнію Сперанскаго,—уклонить Россію на нѣсколько вѣковъ отъ настоящаго ея пути“.

[2] Въ самой подробной (собственноручной черновой) редакціи своего плана Сперанскій указываетъ слѣдующіе „достовѣрные признаки“ того, что современная ему Россія „имѣетъ прямое направленіе къ свободѣ“: 1) ослабленіе уваженія къ чинамъ и почестямъ; 2) ослабленіе моральной власти правительства; 3) „невозможность частныхъ исправленій“ и, между прочимъ, невозможность привести въ порядокъ финансы тамъ, „гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, нѣтъ публичнаго установленія, порядокъ ихъ охраняющаго“, и 4) всеобщее недовольство, которое онъ объясняетъ „глухимъ, но сильнымъ желаніемъ другого порядка вещей“.

Вся исполнительная власть должна принадлежать власти державной, но за мѣры, нарушающія законъ, отвѣчаютъ министры, которые подписали актъ. Члены законодательнаго сословія могутъ предъявлять противъ нихъ обвиненія, и если оно большинствомъ голосовъ будетъ признано основательнымъ и утверждено державною властью, то наряжается судъ или слѣдствіе. Требуя утвержденія державной власти для возбужденія слѣдствія противъ министра (кромѣ случаевъ нарушенія коренныхъ государственныхъ законовъ относительно личной или политической свободы и непредставленія узаконенныхъ отчетовъ), Сперанскій нѣсколько ослаблялъ значеніе министерской отвѣтственности.

Въ отдѣлѣ о составленіи закона онъ различаетъ законы (т.-е. «тѣ постановленія, которыми вводится какая-либо перемѣна въ отношеніи силъ государственныхъ или частныхъ людей между собою») отъ уставовъ или учрежденій (которые «не вводятъ никакой существенной перемѣны, учреждаютъ только образъ исполненія первыхъ»). Первые, т.-е. законы, должны быть непремѣнно составлены и приняты законодательнымъ сословіемъ, вторые «относятся къ дѣйствію власти исполнительной», но подъ отвѣтственностью за изданіе ихъ предъ законодательнымъ сословіемъ, которую правительство можетъ сложить съ себя, внося уставы и учрежденія въ это «сословіе» [1]).

Политическія права, по проекту Сперанскаго, основываются на обладаніи собственностью, имущественнымъ цензомъ, при чемъ, обсуждая этотъ вопросъ теоретически, онъ допускаетъ для ценза (какъ и Балугьянскій) «недвижимую собственность» и «капиталы промышленности» въ извѣстномъ количествѣ [2]). Балугьянскій въ своемъ сочиненіи «Code du droit public», какъ мы видѣли, дѣлитъ народъ на четыре класса, Сперанскій же—на три «состоянія»: дворянство, «людей средняго состоянія» и «народъ рабочій». Дворянство имѣетъ политическія права не иначе, какъ на основаніи собственности [3]). Лица средняго состоянія «имѣютъ политическія права по ихъ собственности»; оно «составляется изъ купцовъ, мѣщанъ» (во французскомъ переводѣ прибавлено: лицъ свободныхъ профессій и ремесленниковъ), «однодворцевъ и всѣхъ (некрѣпостныхъ) поселянъ, имѣющихъ недвижимую собственность, а во французскомъ переводѣ— земельную собственность (certaine quantité de terrain) въ извѣстномъ количествѣ (размѣръ ея во «Введеніи» не опредѣленъ) [4]). Наконецъ третье

---

[1]) Внесеніе въ Государственную Думу нѣкоторыхъ уставовъ и учрежденій въ законодательное „сословіе“ Сперанскій дѣлаетъ даже обязательнымъ.

[2]) Говоря далѣе о „волостной думѣ“, производящей выборы первой степени, Сперанскій не упоминаетъ о „капиталахъ промышленности“ и говоритъ, что она составляется „изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности“ съ присоединеніемъ представителей отъ казенныхъ крестьянъ, хотя въ составъ волости входили не только селенія, но и „волостные города“.

[3]) Дворянство, по проекту Сперанскаго, свободно „отъ личной службы очередной“, но обязано прослужить не менѣе десяти лѣтъ по своему выбору въ гражданскомъ или военномъ званіи, и дѣти потомственнаго дворянина, до тѣхъ поръ, пока не отслужатъ положеннаго числа лѣтъ, считаются личными дворянами. При уклоненіи отъ службы потомственное дворянство обращается въ личное. Эти предположенія Сперанскаго, вполнѣ соотвѣтствовавшія взглядамъ императора Александра, встрѣтили бы наибольшее сопротивленіе со стороны дворянства, такъ же какъ и его предложенія относительно ограниченія крѣпостного права, разсмотрѣніе которыхъ не входитъ въ планъ нашего очерка. Конфликтъ съ Сенатомъ въ 1803 г. разыгрался также по поводу мѣры правительства относительно службы дворянъ: предписанія увольнять ихъ въ отставку лишь послѣ 12 лѣтъ службы, если они не имѣютъ чина оберъ-офицера.

[4]) Точно такъ же и въ трудѣ Балугьянскаго „Analyse du pouvoir législatif“ (1808 г.) размѣръ имущественнаго ценза не установленъ и собственность недвижимая вообще не отличена отъ земельной.

состоянiе—«рабочiй народъ», къ которому принадлежатъ «всѣ помѣстные крестьяне» (т.-е., кромѣ помѣщичьихъ, вѣроятно, удѣльные, поссессiонные и т. п.), мастеровые, ихъ работники и домашнiе слуги. Переходъ изъ этого класса въ слѣдующiй открытъ всѣмъ, кто прiобрѣлъ «недвижимую собственность» (а во французскомъ переводѣ — propriété foncière, т.-е. земельную собственность) «въ извѣстномъ количествѣ и исполнилъ повинности, коими обязанъ былъ по прежнему состоянiю» (для помѣщичьихъ крестьянъ это, конечно, предполагало необходимость выкупа на свободу)[1]).

Сперанскiй устанавливаетъ въ своемъ проектѣ четыре степени «порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго»: 1) въ «волостныхъ» городахъ, а гдѣ нѣтъ такого города, то въ селенiяхъ; 2) въ каждомъ окружномъ городѣ[2]); 3) въ каждомъ губернскомъ и 4) въ столицѣ.



П. А. Лопухинъ. (Пис. Боровиковскiй).

«Въ каждомъ волостномъ городѣ или въ главномъ волостномъ селенiи каждые три года изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности составляется собранiе подъ названiемъ волостной думы». Кромѣ этихъ лицъ, имѣющихъ право непосредственнаго участiя въ волостной думѣ по своему личному цензу, въ немъ участвовали еще представители крестьянъ: «казенныя селенiя отъ каждаго пятисотеннаго участка посылаютъ въ думу одного старшину». Волостная дума выбираетъ членовъ волостного правленiя, депутатовъ въ окружную думу, разсматриваетъ отчетъ въ сборахъ и употребленiи суммъ, ввѣренныхъ волостному правленiю, составляетъ списокъ 20 отличнѣйшихъ обывателей, живущихъ въ волости, и представляетъ окружной думѣ о нуждахъ волости. Такимъ образомъ, волостная дума была учрежденiемъ несословнымъ: въ ней могли участвовать всѣ дворяне и лица средняго состоянiя, въ томъ числѣ однодворцы и крестьяне, имѣющiе недвижимую собственность. Размѣръ имущественнаго ценза не указанъ, но такъ какъ въ волостную думу допускались и мѣщане и крестьяне, имѣющiе недвижимую собственность, то, вѣроятно, онъ былъ не великъ. Очевидно, участiе въ выборахъ депутатовъ чрезъ своихъ представителей Сперанскiй предполагалъ предоставить весьма значитель-

---

[1]) Духовенству, очевидно, не предоставлялось политическихъ правъ, такъ какъ о немъ вовсе не упомянуто въ проектѣ Сперанскаго.

[2]) Округовъ въ губернiи предполагалось отъ двухъ до пяти.

ному числу лицъ, но это достоинство его проекта значительно ослабляется многостепенностью выборовъ [1]).

Изъ депутатовъ волостныхъ думъ черезъ каждые три года въ окружномъ городѣ собирается окружная дума. Предметы ея дѣятельности аналогичны (конечно, въ своей сферѣ) дѣятельности волостной думы, но только, кромѣ членовъ окружного совѣта, она выбираетъ и членовъ окружного суда. Соотвѣтственно этому опредѣлены и предметы дѣятельности губернской думы, которая выбираетъ членовъ государственной думы (изъ обоихъ состояній, имѣющихъ политическія права), число которыхъ опредѣляется для каждой губерніи закономъ. При этомъ въ проектѣ не сказано, какъ великъ долженъ быть цензъ для тѣхъ, кто могъ бы быть выбраннымъ въ депутаты. Хотя раньше въ этомъ же «Введеніи» Сперанскій говоритъ, что пассивный цензъ для выбора депутата «во всѣхъ государствахъ» выше активнаго, но въ данномъ мѣстѣ къ этому вопросу онъ не возвращается [2]). Кромѣ того, губернская дума составляетъ списокъ отличнѣйшихъ обывателей губерніи по окружнымъ спискамъ и отправляетъ его на имя канцлера государственной думы [3]). Балугьянскій въ своемъ проектѣ 1809 г., какъ мы видѣли, устанавливаетъ уѣздныя и губернскія собранія, совсѣмъ не упоминая о болѣе мелкой единицѣ—волости; интересы казенныхъ крестьянъ представлены у него чиновниками, у Сперанскаго же эти крестьяне имѣютъ своихъ собственныхъ представителей.

Предлагать устройство законодательнаго собранія, основаннаго на выборахъ, Балугьянскій не рѣшался. Напротивъ, по проекту Сперанскаго «изъ депутатовъ, представленныхъ отъ губернской думы, составляется законодательное сословіе подъ именемъ государственной думы». Очень важно то, что дума собирается не по повелѣнію императора, а «по коренному закону и безъ всякаго созыва — ежегодно [4]), въ сентябрѣ мѣсяцѣ». Срокъ «дѣйствія ея» опредѣляется количествомъ дѣлъ, подлежащихъ ея разсмотрѣнію. Дѣйствіе ея (т.-е. сессія) прерывается или отсрочкою до будущаго года, или «совершеннымъ увольненіемъ всѣхъ ея членовъ». И то, и другое производится актомъ державной власти въ Государственномъ Совѣтѣ, — въ послѣднемъ случаѣ съ указаніемъ новыхъ членовъ, «назначенныхъ послѣдними выборами губернскихъ думъ». Слѣдовательно, обычная продолжительность сессіи государственной думы не опредѣлена; вѣроятно, императоръ Александръ опасался стѣснить себя, если составъ думы оказался бы несоотвѣтствующимъ его намѣреніямъ. Если бы дума, по желанію государя, не распускалась и дѣйствовала въ

---

1) Которые для казенныхъ крестьянъ были, вѣроятно, четырехстепенные (если бы выборы старшины пятисотеннаго участка были прямыми), а для членовъ средняго состоянія и для дворянства—трехстепенные.

2) Губерніи относительно выборовъ предполагалось раздѣлить на пять классовъ и каждый годъ производить ихъ не вездѣ, а лишь въ десяти не „близко-смежныхъ одна съ другой губерніяхъ“. Въ губерніяхъ, состоящихъ въ одномъ классѣ, выборы должны были производиться одинъ разъ въ три года. Принявъ во вниманіе число губерній, мы найдемъ, что одно противорѣчитъ другому, если только составъ классовъ, на которые распредѣлены губерніи, оставался постояннымъ. По французской конституціи 1802 г., откуда это правило, вѣроятно, заимствовано, департаменты относительно выборовъ въ законодательное собраніе раздѣлялись также на пять серій. Тоже и у Балугьянскаго въ Code du droit public относительно уѣздныхъ собраній, но они созывались не черезъ три года, какъ это было установлено дворянскою грамотою и въ проектѣ Сперанскаго, а черезъ пять лѣтъ.

3) Мысль о составленіи списковъ „отличнѣйшихъ“ гражданъ заимствована Сперанскимъ и Балугьянскимъ изъ французской конституціи 1799 г., составленной Сіэсомъ.

4) Подобное же постановленіе есть и во французской конституціи 1791 г.

одномъ составѣ долѣе, чѣмъ требовалось для обновленія всего состава депутатовъ, избираемыхъ губернскими собраніями, то депутаты извѣстнаго выбора нѣкоторыхъ, а при еще большей продолжительности и всѣхъ собраній, могли бы и вовсе не войти въ составъ государственной думы [1]). Иначе было бы, если бы допущено было частичное обновленіе государственной думы соотвѣтственно частичнымъ выборамъ въ одномъ изъ «классовъ», на которые распредѣлялись для выборовъ губерніи. При данныхъ же условіяхъ существовалъ бы такой порядокъ, что, «кромѣ общаго увольненія, члены государственной думы не могутъ оставить свое мѣсто, развѣ смертью или опредѣленіемъ верховнаго суда» [2]). Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ мѣста членовъ думы замѣщаются однимъ изъ «кандидатовъ, въ спискѣ послѣдняго выбора означенныхъ». Тутъ опять лица, выбранныя въ члены государственной думы, потому называются кандидатами, что не всѣ они попадаютъ въ думу.



Д. П. Трощинскій. (Рис. Боровиковскій).

Уже выше было сказано, что «предложеніе закона» (т.-е. законодательная инициатива) предоставляется Сперанскимъ правительству; онъ говоритъ: «дѣла государственной думы предлагаются отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ или членовъ Государственнаго Совѣта». Кромѣ двухъ указанныхъ выше исключеній изъ этого правила — случаевъ уклоненія правительства отъ отвѣтственности (т.-е. отъ представленія отчетовъ) и его мѣръ, нарушающихъ коренные государственные законы, Сперанскій прибавляетъ здѣсь еще третье: «представленія о государственныхъ нуждахъ» [3]). Болѣе подробныя постановленія относительно государственной думы предполагалось дать въ коренныхъ законахъ, во «Введеніи» же было сказано, что «никакой законъ не можетъ имѣть силы», если «не будетъ составленъ въ законодательномъ сословіи» [4]).

---

[1]) Вѣроятно, этимъ объясняется выраженіе Сперанскаго, что государственная дума составляется не изъ депутатовъ, выбранныхъ губернскими думами, а ими „представленныхъ“, такъ какъ нѣкоторые или даже и всѣ выбранные губернскими собраніями могли и не дождаться своей очереди войти въ составъ государственной думы. Съ другой стороны, если бы государь пожелалъ распускать думу чаще, чѣмъ одинъ разъ въ три-четыре года, то нѣкоторыя губернскія собранія не успѣли бы избрать новыхъ членовъ думы.

[2]) Въ русской рукописи плана Сперанскаго, хранящейся въ Архивѣ Государственнаго Совѣта, прибавлено: „или опредѣленіемъ въ совѣтъ, сенатъ и министерство“.

[3]) Основанныя, какъ видно изъ французскаго перевода, на „представленіяхъ объ общественныхъ нуждахъ“, присылаемыхъ въ государственную думу губернскими думами.

[4]) Къ числу законовъ отнесены: уложенія государственное, гражданское, уголовное и сельское. Кромѣ того, вносятся въ законодательное „сословіе“ и подчиняются порядку, установленному для зако-

При обсужденіи проекта Сперанскаго 1809 г. нужно помнить, что, какъ видно изъ самаго его заглавія, онъ смотрѣлъ на него лишь какъ на «введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ», какъ на изложеніе общихъ его принциповъ, которые подробнѣе и обстоятельнѣе должны были быть разработаны въ самомъ уложеніи.

Сравнительно съ законодательнымъ корпусомъ наполеоновской Франціи государственная дума, по проекту Сперанскаго, должна была имѣть гораздо большее значеніе. По словамъ извѣстнаго французскаго историка Олара[1]), въ это время во Франціи новыхъ законовъ почти не изготовлялось: все совершалось посредствомъ сенатскихъ постановленій и императорскихъ декретовъ. Законодательному корпусу почти нечего было дѣлать, и его почти не созывали. Трибунатъ былъ упраздненъ въ 1807 г. Проектъ Сперанскаго давалъ государю возможность оставлять безсрочно тотъ же составъ государственной думы[2]), но все же дума была учрежденіемъ законодательнымъ. Каковы бы ни были недостатки проекта Сперанскаго, нельзя не признать, что онъ сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, и сумѣлъ, хотя бы въ теоріи, добиться отъ Александра I большихъ уступокъ; нельзя не удивляться тому, какъ велико было тогда его вліяніе на государя[3]). Но Александръ I не забывалъ совѣтовъ Лагарпа: онъ принялъ только къ свѣдѣнію планъ государственныхъ преобразованій, но не пожелалъ вполнѣ его осуществить, и мы увидимъ даже, что составленный Сперанскимъ проектъ, по его словамъ въ письмѣ къ государю изъ Нижняго-Новгорода въ 1812 году, былъ «первою и единственною» причиною его паденія и что государь жаловался тогда на стремленіе Сперанскаго ограничить самодержавіе. Стоитъ только сравнить его «Введеніе» съ проектами Балугьянскаго, чтобы видѣть, какъ далеко, сравнительно съ этими послѣдними, шагнулъ Сперанскій. Его проектъ былъ оригиналенъ и значителенъ уже въ томъ отношеніи, что порвалъ, наконецъ, съ преданіемъ нѣсколькихъ десятилѣтій, связывавшимъ съ Сенатомъ всѣ проекты государственныхъ преобразованій, основанные на выборахъ депутатовъ отъ одного дворянства, а иногда и купечества, и установилъ выборы отъ весьма значительной части населенія, хотя и не прямые и основанные на имущественномъ цензѣ.

За Сенатомъ Сперанскій оставляетъ въ своемъ проектѣ значеніе лишь высшей судебной инстанціи. Мѣста его членовъ по смерти ихъ или увольненіи[4]) замѣщаются державною властью изъ числа лицъ, избранныхъ въ губернскихъ думахъ и внесенныхъ въ «государственный избирательный

новъ: уставъ судебный, общія судебныя и правительственныя учрежденія, всѣ постановленія о налогахъ и общихъ народныхъ повинностяхъ, о продажѣ и залогѣ государственныхъ имуществъ. Ежегодныя же смѣты приходовъ и расходовъ (бюджетъ) и чрезвычайныя финансовыя мѣры должны были обсуждаться въ Государственномъ Совѣтѣ.

[1]) „Политическая исторія французской революціи", М., 1902 г., стр. 941—94.

[2]) По французской конституціи 1791 г., законодательное собраніе не могло быть распущено королемъ (гл. I, п. 5), но эта конституція была результатомъ революціи, а Сперанскій опирался на шаткую волю самодержца.

[3]) Графъ де-Местръ писалъ въ концѣ 1810 г. министру сардинскаго короля: „Одинъ изъ важныхъ сановниковъ въ откровенномъ разговорѣ сказалъ мнѣ: въ послѣдніе два года я не узнаю императора, до такой степени онъ сдѣлался философомъ". По контексту видно, что это приписывалось вліянію Сперанскаго, о которомъ, кстати замѣчу, французскій посолъ Коленкуръ отзывался, что онъ „немножко нѣмецкій философъ".

[4]) Во французскомъ переводѣ сказано, что сенаторы занимаютъ свои мѣста пожизненно.

списокъ» (очевидно, «отличнѣйшихъ обывателей губерніи»)[1]. Сенатъ рѣшаетъ дѣла публично, при открытыхъ дверяхъ[2]. Верховный уголовный судъ составляется изъ третьей части сенаторовъ, всѣхъ членовъ Государственнаго Совѣта и извѣстнаго числа членовъ государственной думы. Относительно порядка суднаго отмѣчу еще, что особый уставъ долженъ былъ опредѣлить тѣ дѣла, при разсмотрѣніи которыхъ волостной судья обязанъ былъ вызывать въ качествѣ присяжныхъ двухъ депутатовъ изъ волостного совѣта, предсѣдатель окружного суда—изъ окружного совѣта, губернскій—изъ губернскаго совѣта. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ этихъ депутатовъ долженъ былъ быть того же «состоянія» (т.-е. сословія), что и подсудимый.

Къ началу октября 1809 г. «Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ», или «планъ всеобщаго государственнаго образованія», какъ иначе называлъ его Сперанскій, былъ готовъ. Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло почти въ ежедневномъ вмѣстѣ съ государемъ разсмотрѣніи его, оставившемъ слѣдъ въ урѣзкахъ и передѣлкахъ его въ русскихъ и французской редакціяхъ.

Сперанскій стоялъ за осуществленіе всего плана сразу[3]. Но государь предпочелъ «твердость сему блеску» и призналъ лучшимъ «терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи».

Сперанскій выработалъ записку, въ которой, заявивъ, что имъ приступлено къ окончательному изложенію всѣхъ частей плана, опредѣляетъ порядокъ приведенія въ дѣйствіе «всѣхъ предназначенныхъ установленій». Онъ предложилъ прежде всего открыть 1 января 1810 г. Государственный Совѣтъ, что и было исполнено, произвести преобразованія въ прежнихъ министерствахъ и учредить нѣкоторыя новыя. Къ маю мѣсяцу того же года, какъ онъ надѣялся, «государственное уложеніе... не только будетъ составлено», но во всѣхъ частяхъ и разсмотрѣно Государственнымъ Совѣтомъ, и потому можно будетъ «положить первыя начала его введенія». Для этого онъ предлагалъ манифестомъ, подобнымъ тому, который былъ изданъ императрицей Екатериной въ 1766 году съ цѣлью созванія комиссіи для сочиненія новаго уложенія, «назначить выборъ депутатовъ изъ всѣхъ состояній, взявъ предлогомъ изданіе гражданскаго уложенія» (которое къ этому времени также предполагалось разсмотрѣть въ Государственномъ Совѣтѣ). Собраніе депутатовъ Сперанскій желалъ созвать къ 15 августа, назвать его государственною думою[4] «и назначить срокъ ея продолженія». Для разсмотрѣнія депутатскихъ наказовъ назна-

---

1) Въ одномъ краткомъ наброскѣ о государственныхъ преобразованіяхъ Сперанскій предоставлялъ назначеніе сенаторовъ государственной думѣ.

2) При разсмотрѣніи порядка исполнительнаго Сперанскій подвергаетъ строгой критикѣ учрежденіе министерствъ и прежде всего отсутствіе дѣйствительной отвѣтственности министровъ. Указавъ на то, что Сенатъ не сумѣлъ добиться осуществленія этой отвѣтственности, онъ не сожалѣетъ объ этомъ, такъ какъ, въ случаѣ усиленія значенія Сената, образовалось бы „сословіе аристократическое", противное пользѣ Россіи, между тѣмъ какъ въ 1802 г. онъ желалъ введенія права первородства для дворянства первыхъ двухъ, трехъ или четырехъ классовъ и составленія изъ него высшей палаты.

3) „Блистательнѣе, можетъ-быть, было бы,—писалъ онъ государю въ пермскомъ письмѣ,—всѣ установленія сего плана, приуготовивъ вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія".

4) Слѣдовательно, съ 1 мая по 15 августа должно было бы созвать одни за другими по всей Россіи собранія волостныхъ, окружныхъ и губернскихъ думъ.

чить канцлера, т.-е. предсѣдателя государственной думы[1]), которому депутаты предъявятъ свои полномочія. Открывъ думу 1 сентября, предполагалось начать ея дѣйствіе разсмотрѣніемъ гражданскихъ законовъ, а затѣмъ, если не встрѣтится «какихъ-либо непреоборимыхъ препятствій», предложить государственное уложеніе, принятіе котораго онъ предлагалъ утвердить «общею присягою»[2]). Съ этого времени государственная дума займетъ предназначенное ей мѣсто въ порядкѣ государственныхъ установленій, затѣмъ образуется «и судная часть, и Сенатъ станетъ также въ порядкѣ государственныхъ сословій». Сперанскій, котораго Коленкуръ называетъ «министромъ нововведеній», надѣялся, что въ 1811 г. преобразованія будутъ закончены.

Изъ отчета за 1810 г., представленнаго Сперанскимъ государю 11 февр. 1811 г., видно, что въ это время онъ уже терялъ надежду на осуществленіе коренныхъ преобразованій государственнаго строя: «отлагая до лучшихъ обстоятельствъ всѣ тѣ предположенія», которыя «собственно принадлежатъ къ устройству законодательнаго порядка», онъ намѣчалъ очередныя работы и въ числѣ ихъ указывалъ на необходимость устройства Сенатовъ судебнаго и правительствующаго.

Но это подчиненіе обстоятельствамъ вовсе не означаетъ, что Сперанскій самъ, какъ думаютъ нѣкоторые, отказался отъ своихъ плановъ преобразованія государственнаго строя. Его здоровье, какъ видно изъ письма къ Столыпину въ октябрѣ 1811 г., страдало не только вслѣдствіе переутомленія отъ работъ, но и отъ того, что приходилось признавать эти планы неосуществимыми «затѣями».

Представляя въ Государственный Совѣтъ проектъ учрежденія правительствующаго и судебнаго Сената, Сперанскій предпослалъ ему обширное введеніе, до сихъ поръ не напечатанное, въ которомъ, между прочимъ, доказываетъ, что Сенатъ не можетъ быть «законодательнымъ сословіемъ».

«Если бы,—говоритъ онъ,—въ какой-либо эпохѣ бытія нашей имперіи и можно было предполагать необходимость установить особенное законодательное сословіе на началахъ, общему довѣрію болѣе свойственныхъ, то установленіе сіе не можетъ быть вмѣщено въ Сенатѣ... Изъ судебнаго и исполнительнаго сословія преобразить его въ сословіе законодательное было бы сохранить только одно имя, превративъ совершенно все существо первоначальнаго его установленія. Правда, что въ другихъ государствахъ Сенатъ въ кругѣ его дѣйствій нерѣдко вмѣщалъ власть законодательную. Таковъ былъ Сенатъ въ Римѣ, въ Венеціи, въ Швеціи, а нынѣ есть во Франціи. Но установленія сіи были и есть сословія политическія; съ нашимъ Сенатомъ они сходствуютъ только именемъ. Если, уваживъ одно сіе сходство, превратить Сенатъ въ законодательное сословіе, то вмѣстѣ съ тѣмъ должно учредить другія два совсѣмъ новыя установленія, изъ коихъ одно должно быть средоточіемъ верховнаго суда, а другое—верховнаго исполненія, ибо... три сіи установленія ни въ какомъ случаѣ ни въ какомъ государствѣ благоустроенномъ не могутъ быть сливаемы воедино. Но время ли помышлять нынѣ въ Россіи о законодательномъ сословіи въ истинномъ его разумѣ, нынѣ въ ея трудномъ положеніи финансовъ, въ трудныхъ положеніяхъ политическихъ и въ совершенномъ недостаткѣ всякаго рода положительныхъ законовъ и учрежденій. Когда же время сіе настанетъ, когда не

---

[1]) Въ копіи проекта, хранящейся въ архивѣ Государственнаго Совѣта, сказано, что канцлеръ не назначается, а избирается государственною думою изъ ея членовъ и утверждается державною властью.

[2]) Въ обществѣ уже ходили слухи о созваніи „конгресса" для одобренія первой части „новаго государственнаго уложенія" (письмо В. Г. Полетики, „Кіев. Стар.", 1893 г., № 1, стр. 56—57).

прихотьми уновленія или подражанія, но силою и движеніемъ обстоятельствъ имперія наша придетъ въ сію эпоху, тогда какъ всѣ стихіи установленія сего будутъ готовы, трудно ли будетъ приложить имъ приличное имя» [1])? Такъ вынужденъ былъ теперь писать Сперанскій.

Первоначальный проектъ новаго учрежденія Сената былъ прежде всего сообщенъ Кочубею. Въ письмѣ къ Сперанскому (14 декабря 1810 г.) онъ очень одобрилъ введеніе къ проекту Сената, но замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ проекта недостаточно отдѣлена часть судная отъ исполнительной: «что скажутъ въ просвѣщенной Европѣ? что скажутъ, когда станутъ сличать даже установленія Наполеона, азіатски управлять желающаго». Кочубей высказался также противъ того, чтобы министры и члены Государственнаго Совѣта были сенаторами. Затѣмъ проектъ былъ разсмотрѣнъ въ комитетѣ предсѣдателей Государственнаго Совѣта, напечатанъ и внесенъ въ Совѣтъ, причемъ данъ былъ мѣсячный срокъ для того, чтобы каждый могъ его обдумать.



Кн. М. С. Воронцовъ (С.-Обена).

По проекту преобразованія Сената (въ окончательной редакціи) предполагалось составить правительствующій Сенатъ изъ министровъ, ихъ товарищей и «главныхъ начальниковъ разныхъ частей управленія», а Сенатъ судебный — изъ сенаторовъ, частью назначаемыхъ государемъ, частью утверждаемыхъ имъ изъ кандидатовъ по выбору отъ дворянства. Судебный Сенатъ долженъ былъ размѣститься по четыремъ судебнымъ округамъ (въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ).

Въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ вызвалъ много замѣчаній. Гр. Н. И. Салтыковъ нашелъ, что раздѣленіе судебнаго Сената на четыре части и избраніе сенаторовъ дворянами по губерніямъ «противно разуму самодержавнаго правленія и могутъ быть нѣкогда поводомъ къ поколебанію цѣлости имперіи». В. Поповъ полагалъ, что преобразованіе Сената не своевременно: оно требуетъ мира и тишины и едва ли удобно осуществлять его, «когда свирѣпствуютъ брани», «являются коловратныя обстоятельства,... ниспроверженіе царствъ и паденіе народовъ».

Въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта проектъ разсматривался въ засѣданіяхъ 17, 24 и 31 іюля и 7 августа 1811 г. Въ послѣднемъ засѣда-

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, бумаги комитета предсѣдателей Государственнаго Совѣта. Ср. любопытное письмо государя (5 іюля 1811 г.) великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ при отправленіи къ ней печатнаго проекта новой организаціи Сената. „Переписка императора Александра съ великою княгинею Екатериною Павловною“, стр. 51—52.

ніи предсѣдательствовалъ государь. По вопросу о своевременности введенія преобразованія 9 членовъ высказались положительно, двѣнадцать — предлагали отложить его до болѣе удобнаго времени. Государь утвердилъ мнѣніе меньшинства, но въ черновомъ журналѣ, который весь написанъ рукою Сперанскаго, приписано другою рукою: «предоставляя себѣ назначить опредѣлительную эпоху его изданію» [1]). Слова эти находятся и въ чистовомъ журналѣ.

Сперанскій въ особой запискѣ предложилъ «назначить рѣшительно время», когда слѣдуетъ ввести новое устройство Сената; къ ней былъ приложенъ, какъ это нерѣдко дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ, и проектъ манифеста, которымъ выборы кандидатовъ въ сенаторы назначались на 15 ноября. Однако, какъ видно изъ пермскаго письма, осуществленіе преобразованія рѣшено было отложить вслѣдствіе «возрастающихъ слуховъ о войнѣ», и оно осталось невыполненнымъ. Это не такъ важно, какъ неосуществленіе всего плана преобразованій и учрежденіе государственной думы, такъ какъ основной принципъ устройства судебнаго Сената—введеніе въ него лицъ, назначаемыхъ государемъ изъ кандидатовъ, выбранныхъ однимъ дворянствомъ, было отступленіемъ отъ тѣхъ принциповъ, которые были положены въ основу плана 1809 г. Правда, и тамъ предполагалось назначать сенаторовъ изъ лицъ, внесенныхъ въ «избирательный списокъ» губернскими думами, но его составляли, по крайней мѣрѣ, представители не одного дворянства.

Въ августѣ 1811 г. закончилось разсмотрѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ проекта преобразованія Сената. Вѣроятно, не случайно именно въ этомъ же мѣсяцѣ была составлена любопытная записка подъ заглавіемъ «Reflexions sur le projet du Statut de Senat dirigeant» (Размышленія о проектѣ учрежденія правительствующаго Сената), подписанная буквами М. В., что, несомнѣнно, означаетъ: Михаилъ Балугьянскій.

Проектъ устава правительствующаго Сената, по мнѣнію Балугьянскаго, можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) какъ проектъ улучшенія существующей организаціи Сената и 2) какъ новое учрежденіе въ его отношеніи къ власти законодательной, административной и судебной. Онъ думаетъ, что невозможно судить о предполагаемой реформѣ Сената до учрежденія законодательнаго корпуса (по терминологіи Сперанскаго: «законодательнаго сословія»); слѣдовательно, Балугьянскій смотрѣлъ на проектъ преобразованія Сената лишь какъ на подготовительный шагъ къ созданію представительнаго учрежденія законодательною властью. Посвятивъ первую часть записки замѣчаніямъ на проектъ Сперанскаго, во второй ея половинѣ онъ набрасываетъ пять предположеній объ устройствѣ законодательнаго корпуса.

Я остановлюсь только на второмъ видѣ законодательнаго Сената (изъ числа проектируемыхъ Балугьянскимъ), которому онъ наиболѣе сочувствуетъ. Законодательная власть принадлежитъ нераздѣльно императору; онъ осуществляетъ ее посредствомъ Государственнаго Совѣта и законодательнаго Сената. Государственный Совѣтъ подготовляетъ (какъ въ планѣ

---

[1]) За выборы кандидатовъ въ сенаторы Сената судебнаго подано было 15 голосовъ, противъ—7; относительно запрещенія жаловаться на его рѣшенія государю высказались за 9 членовъ, противъ—13; государь утвердилъ мнѣніе меньшинства. Противъ этого пункта горячо возражали Поповъ и кн. Голицынъ.

Сперанскаго для Государственной Думы) проекты, предлагаемые этому Сенату, который обсуждаетъ ихъ, а императоръ утверждаетъ и превращаетъ въ законъ. Законодательный Сенатъ состоитъ изъ императора, палаты сенаторовъ и палаты представителей, или депутатовъ. Слѣдовательно, однопалатная система, положенная Сперанскимъ въ основу его проекта 1809 г., замѣнена Балугьянскимъ двухпалатною. «Ни одинъ законъ, ни одинъ налогъ, ни одинъ расходъ не могутъ быть установлены безъ обсужденія въ законодательномъ Сенатѣ и утвержденія ихъ императоромъ». Онъ созываетъ, распускаетъ законодательный Сенатъ и отсрочиваетъ его засѣданія грамотами, исходящими изъ Государственнаго Совѣта. Палата сенаторовъ состоитъ изъ принцовъ крови, великихъ имперскихъ сановниковъ, епископовъ и лицъ, назначенныхъ государемъ; членами Сената должны быть также четыре президента судебнаго Сената съ двумя депутатами - сенаторами отъ каждаго судебнаго округа.

Палата депутатовъ состоитъ: 1) изъ членовъ Государственнаго Совѣта и представителей высшей администраціи, назначаемыхъ государемъ въ опредѣленномъ количествѣ, 2) депутатовъ отъ дворянства по одному на уѣздъ, 3) депутатовъ отъ имперскихъ городовъ и мѣстечекъ по одному отъ каждой ихъ части, 4) представителей, университетовъ и академій, пользующихся университетскими правами, 5) депутатовъ отъ духовенства по одному на епархію, 6) отъ банковской корпораціи, сѣверо-американской компаніи и проч. Палата сенаторовъ замѣняетъ наслѣдственную аристократію, столь необходимую, по мнѣнію Балугьянскаго, въ наслѣдственной монархіи. Вѣроятно, онъ надѣялся найти поддержку для осуществленія своего проекта въ аристократическихъ кругахъ. Сенаторы назначаются императоромъ пожизненно по его усмотрѣнію; единственнымъ исключеніемъ изъ правила о назначеніи сенаторовъ государемъ являются члены судебнаго Сената, «половина (?) которыхъ по печатному проекту (Сперанскаго) избирается дворянствомъ» [1]). Балугьянскій заявляетъ, что не желалъ бы вовсе допустить избираемыхъ сенаторовъ. Сенаторы судебные, по его мнѣнію, должны имѣть (въ законодательномъ Сенатѣ) не рѣшающій, а только совѣщательный голосъ. Депутаты избираются въ палату представителей на основаніи дворянской грамоты, городового положенія и проч. [2]). Чтобы быть выбраннымъ дворянствомъ, городами, университетами, нужно быть владѣльцемъ недвижимой или движимой собственности, приносящей доходъ опредѣленной величины, размѣръ которой не указанъ. Только депутаты духовенства могутъ получать жалованье, назначенное ихъ избирателями; всѣ остальные живутъ на свой счетъ. Отъ университетовъ Балугьянскій совѣтуетъ избирать не профессоровъ,—совѣтъ, весьма характерный въ устахъ профессора. Военные также могутъ быть избираемы, если имѣютъ имущественный цензъ.

Составъ законодательнаго Сената опредѣляется на 10 лѣтъ; сессіи должны быть трехлѣтнія. Выборы въ низшую палату производятся на десятомъ году, при чемъ члены ея могутъ быть избраны вновь. Право за-

---

[1]) Дворянство избирало, по проекту Сперанскаго, не сенаторовъ, а только кандидатовъ, изъ которыхъ государемъ назначается часть сенаторовъ судебнаго Сената, но въ проектѣ не сказано, чтобы это была именно половина.

[2]) При этомъ авторъ отсылаетъ къ правиламъ о выборахъ въ его трудѣ 1809 г.

конодательной иниціативы принадлежитъ и правительству, и Сенату, и палатѣ депутатовъ, такъ что проектъ, имѣющій форму билля, можетъ быть представленъ или Государственнымъ Совѣтомъ, или палатою сенаторовъ, или палатою депутатовъ. Проекты законовъ, предлагаемые правительствомъ, или вносятся сначала въ одну изъ палатъ законодательнаго Сената, или въ обѣ одновременно; проекты финансовыхъ законовъ всегда вносятся министромъ финансовъ сначала въ палату депутатовъ. Каждый членъ одной изъ палатъ, хотя бы онъ былъ и чиновникомъ, имѣетъ право предложить въ своей палатѣ то, что онъ считаетъ полезнымъ для общаго блага. «Если она принимаетъ его предложеніе и обращаетъ его, согласно установленнымъ формамъ, въ свое «мнѣніе» (билль), то считается, что отъ нея исходитъ иниціатива закона, который она вноситъ въ другую палату». Если билль принятъ обѣими палатами безъ измѣненія, то онъ получаетъ названіе: «мнѣніе или положеніе двухъ палатъ»; если же между ними произойдетъ разногласіе, то назначается согласительный комитетъ изъ членовъ обѣихъ палатъ, и составленный имъ текстъ закона долженъ быть принятъ или отвергнутъ палатами, безъ обсужденія. Если онѣ вновь разойдутся въ мнѣніяхъ, проектъ представляется государю, который отвергаетъ его, измѣняетъ или утверждаетъ. Напротивъ, «мнѣніе или положеніе» обѣихъ палатъ, по этому проекту Балугьянскаго, должно быть всегда утверждаемо государемъ. По его мнѣнію, за обладаніе правомъ veto безусловнаго или отсрочивающаго Карлъ I и Людовикъ XVI поплатились трономъ и жизнью.

Въ заключеніе составитель записки выражаетъ надежду, что у насъ будетъ учрежденъ законодательный корпусъ того или другого изъ предложенныхъ имъ пяти видовъ [1]). Проектъ Балугьянскаго находится въ дѣлахъ комитета предсѣдателей Государственнаго Совѣта; слѣдовательно, онъ во всякомъ случаѣ, т.-е. былъ ли онъ представленъ государю, или нѣтъ, не остался въ портфелѣ автора, а сдѣлался извѣстнымъ въ высшихъ сферахъ.

Любопытно, что въ это время даже Розенкампфъ, столь ненавидѣвшій Сперанскаго, еще разсуждалъ о государственныхъ преобразованіяхъ. Въ одномъ дѣлѣ съ «Размышленіями» Балугьянскаго находится записка Розенкампфа (также на французскомъ языкѣ) «О проектѣ органическаго устава правительствующаго и судебнаго Сената». Въ ней онъ упрекаетъ Петра Великаго за то, что тотъ не создалъ «національнаго представительства для распредѣленія налоговъ, для доставленія правительству свѣдѣній о мѣстныхъ нуждахъ и для законодательства, которое было бы результатомъ не личныхъ взглядовъ нѣсколькихъ сенаторовъ или министровъ, а общественныхъ интересовъ... Ни онъ, ни многіе древніе и новые законодатели не замѣтили, что учрежденіе такого представительства самое вѣрное средство для упроченія власти государя и для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, «удвоить средства и силы государства». Розенкампфъ съ похвалою отзывается о проектѣ правительствующаго и судебнаго Сената, составленномъ Сперанскимъ, и говоритъ, что слѣдствіемъ его явится имперская конституція, которая не будетъ фантастическимъ произведеніемъ

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта.

людей, неопытныхъ въ дѣлѣ управленія. Но въ то же время онъ указываетъ на необходимость, съ одной стороны, упрочить монархическую власть, съ другой—охранить личную свободу посредствомъ преобразованія судебныхъ учрежденій; нужно установить «участіе въ администраціи и судахъ, а также и въ дѣлахъ финансовыхъ, депутатовъ отъ главнѣйшихъ корпорацій или классовъ собственниковъ, которымъ предоставлены права политическія, и дать имъ средства обращать вниманіе правительства на пробѣлы въ законодательствѣ». Онъ считаетъ необходимыми «совѣты, составленные изъ гражданъ, пользующихся политическими правами (начиная отъ деревенскихъ общинъ), центромъ которыхъ долженъ быть Государственный Совѣтъ». Очевидно, Розенкампфъ желалъ, въ отличіе отъ плана Сперанскаго 1809 г., введенія представительства съ значеніемъ не законодательнымъ, а лишь законосовѣщательнымъ.


Г. Ф. Парротъ (съ лит. въ Юрьевск. унив.).

Записка Розенкампфа (1811 г.) была написана, повидимому, нѣсколько ранѣе записки Балугьянскаго и, вѣроятно, ранѣе, чѣмъ окончилось разсмотрѣніе проекта Сперанскаго въ Государственномъ Совѣтѣ, но все же, если такъ писалъ Розенкампфъ, то, значитъ, конституціонная волна еще не схлынула тогда окончательно, и вліяніе Сперанскаго еще давало себя чувствовать. Самъ Сперанскій, даже и послѣ упомянутаго письма къ Столыпину (въ октябрѣ 1811 г.) продолжалъ еще бороться за свою основную идею и старался противодѣйствовать враждебнымъ ей вліяніямъ на государя въ придворныхъ сферахъ, какъ видно изъ его записки «О силѣ правительства», прочитанной императору Александру 3 декабря 1811 г. «Люди, воспитанные въ дворскихъ уваженіяхъ,—писалъ онъ здѣсь,—думаютъ, что сила сія состоитъ въ великолѣпіи двора, въ пышности государскихъ титуловъ, въ таинственномъ словѣ самодержавія». Но Сперанскій указываетъ другіе источники силы правительства.

«Власть,—говоритъ онъ,—должно различать отъ самовластія. «Власть» (основанная на законахъ) даетъ силу правительству, а самовластіе ее разрушаетъ, ибо самовластіе, даже и тогда, когда оно поступаетъ справедливо, имѣетъ видъ притѣсненія... Правильное законодательство даетъ болѣе истинную силу правительству, нежели неограниченное самовластіе. Въ Англіи законъ даетъ правительству власть, и потому оно можетъ быть тамъ сильно, въ Турціи законъ даетъ правительству самовластіе, и потому оно тамъ всегда должно быть слабо. Извѣстно, что въ Россіи власть правительства не ограничена, а потому истинная сила правительства въ семъ отношеніи всегда у насъ была весьма слаба и пребудетъ таковою, доколѣ законъ не установитъ ее въ истинныхъ ея отношеніяхъ».

Сперанскій приходитъ къ заключенію, что «истинная сила правительства состоитъ: 1) въ законѣ, 2) въ образѣ управленія, 3) въ воспитаніи

4) въ военной силѣ, 5) въ финансахъ»; изъ этихъ элементовъ «три первые у насъ», по его словамъ, почти не существуютъ.

По внѣшности Сперанскій сохранялъ еще въ это время расположеніе императора Александра, но въ дѣйствительности надъ его головой уже давно собрались грозныя тучи.

В. Семевскій.



Видъ каскада въ Павловскомъ саду (гр. Ческаго).

III. Консерваторы и націоналисты въ Россіи въ началѣ XIX в.

В. Н. Бочкарева.

Въ теченіе всей второй половины XVIII вѣка въ русскомъ обществѣ все усиливалось вліяніе французской культуры, которое росло и крѣпло, главнымъ образомъ, потому, что воспитаніе подрастающихъ поколѣній находилось въ рукахъ иностранцевъ, преимущественно французовъ. Въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ, какъ сообщаетъ одинъ изъ бывшихъ его питомцевъ, С. Н. Глинка, всѣ воспитывались «совершенно на французскій ладъ и на языкѣ французскомъ». «Дѣти,—какъ видно изъ записокъ Глинки,—по вступленіи въ корпусъ, тотчасъ попадали въ руки надзирательницъ француженокъ и подъ ихъ вліяніемъ скоро забывали и родной языкъ и воспоминанія о прежней жизни». Всѣ учителя въ корпусѣ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XVIII в., за

исключеніемъ одного только Княжнина, были французы, даже русскую исторію преподавали на французскомъ языкѣ извѣстные въ свое время Леклеркъ и Левекъ. Разговорнымъ языкомъ кадетовъ былъ почти исключительно французскій, на немъ они любили декламировать, на немъ же разыгрывали пьесы въ домашнемъ театрѣ. Немудрено, что кадеты выходили изъ корпуса «совершенными французами», проникнутые глубокимъ интересомъ ко всему тому, что совершалось въ то время въ Западной Европѣ.

Если въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на правительственный счетъ, такъ сильно было развито французское вліяніе, то еще болѣе интенсивно оно проявляется въ тѣхъ частныхъ пансіонахъ и училищахъ, которые въ такомъ обиліи открывались и въ столицахъ и въ крупныхъ губернскихъ городахъ. Еще при Екатеринѣ, на Фонтанкѣ, рядомъ съ великолѣпнымъ домомъ кн. Юсупова, былъ открытъ аббатомъ Николемъ французскій пансіонъ. Громкой извѣстности Николя, какъ преподавателя и воспитателя, въ высшемъ петербургскомъ обществѣ способствовалъ одинъ изъ французскихъ эмигрантовъ, графъ Шуазель, въ домѣ котораго этотъ аббатъ началъ свою педагогическую дѣятельность. Въ этомъ пансіонѣ все было проникнуто католическими воззрѣніями, ученики должны были слушать мессу, хотя въ извѣстные дни въ классѣ появлялся русскій священникъ, преподававшій православный катихизисъ. Послѣ того какъ въ царствованіе Павла петербургская католическая церковь св. Екатерины попала въ руки іезуитовъ, они приложили всѣ старанія, чтобы съ согласія правительства открыть благородный пансіонъ или конвиктъ. На мѣстѣ, подаренномъ самимъ императоромъ Павломъ, на углу Итальянской и Екатерининскаго канала, было сооружено превосходное зданіе, въ которомъ начало функціонировать съ 1803 года католическое учебное заведеніе. Этотъ пансіонъ былъ закрытымъ и воспитанниковъ въ теченіе шести лѣтъ обучали «всему, что нужно молодому человѣку знать для прохожденія съ честью различныхъ должностей, къ какимъ онъ можетъ быть призванъ въ обществѣ». У іезуитовъ такъ же, какъ и у аббата Николя, въ основѣ ихъ учебныхъ плановъ лежала программа французскихъ гимназій, съ основательнымъ изученіемъ классическихъ языковъ. На ряду съ воспитаніемъ на чисто-французскій ладъ на питомцевъ іезуитскаго пансіона оказывала сильное вліяніе и католическая пропаганда. «Здѣсь,—говоритъ священникъ Морошкинъ,—юные представители древнихъ родовъ нашихъ молились по-латыни, по-латыни же читали Евангеліе, учились закону Божію по латинскому катихизису и во время латинской мессы аколитами прислуживали священно-дѣйствующимъ патерамъ». Отдавая своихъ дѣтей къ аббату Николю и къ отцамъ іезуитамъ, русскіе дворяне не жалѣли денегъ: за каждаго воспитанника въ этихъ пансіонахъ брали отъ 1.800 до 2.000 рублей въ годъ, и, тѣмъ не менѣе, они были всегда переполнены. Въ какіе-нибудь два года въ іезуитскомъ петербургскомъ пансіонѣ уже было 56 воспитанниковъ, изъ которыхъ болѣе трехъ четвертей были дѣти русской православной знати: Голицыны, Гагарины, Толстые, Шуваловы, Строгоновы, Вяземскіе, Одоевскіе. Успѣхъ іезуитскихъ учебныхъ заведеній объяснялся тѣмъ, что въ нихъ были хорошіе и опытные преподаватели, тогда какъ въ большинствѣ случаевъ домашніе учителя и гувернеры не могли считаться сколько-нибудь подгото-

вленными къ педагогической дѣятельности. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ гр. Разумовскому сардинскій посланникъ, гр. Жозефъ де-Местръ, такимъ образомъ отзывается объ этихъ педагогахъ и воспитателяхъ: «Такъ какъ люди истинно образованные и нравственные рѣдко оставляютъ свое отечество, гдѣ ихъ почитаютъ и награждаютъ, то одни только люди посредственные, и къ тому же не только развратные, но и совершенно испорченные, являются на сѣверъ предлагать за деньги свою мнимую ученость. Особенно теперь (1810 г.) Россія,—пишетъ де-Местръ,—ежедневно покрывается этою пѣною, которую выбрасываютъ на нее политическія бури сосѣднихъ странъ. Сюда попадаетъ соръ Европы, и несчастная Россія дорого платитъ сонмищу иностранцевъ, исключительно занятому ея порчей». Видя въ революціонныхъ началахъ «нѣчто сатанинское», де-Местръ, открыто сочувствующій іезуитамъ, пропагандировалъ въ петербургскомъ обществѣ такія воззрѣнія: «Всякій государственный человѣкъ,—съ жаромъ доказывалъ онъ,—долженъ прійти къ заключенію, что іезуиты драгоцѣнны для государства, такъ какъ у новаторовъ, открыто стремящихся ниспровергнуть существующій въ Европѣ порядокъ, нѣтъ враговъ, равныхъ іезуитамъ по мужеству и уму, а потому, чтобы положить преграду разрушительнымъ мнѣніямъ, слѣдуетъ поручить воспитаніе юношества іезуитскому ордену». Провинція также не отставала отъ столицы, и въ ней иностранцы съ успѣхомъ открывали учебныя заведенія. Въ началѣ XIX вѣка даже въ селѣ Никольскомъ, въ 50 верстахъ отъ Симбирска, существовалъ французскій пансіонъ. Къ чему, въ концѣ-концовъ, приводило это воспитаніе на иностранный ладъ, превосходно обнаруживаетъ министръ народнаго просвѣщенія, гр. А. К. Разумовскій, въ своемъ докладѣ государю въ 1811 г. «Въ отечествѣ нашемъ,—читаемъ мы въ этомъ офиціальномъ документѣ,—далеко простерло свои корни воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстью занятыхъ, презирающихъ все неиностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу отечеству воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ». Нѣсколько, можетъ-быть, сгущая краски, Разумовскій такими штрихами рисуетъ картину постановки педагогическаго дѣла въ тогдашней Россіи: «Всѣ почти пансіоны въ имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ, для нихъ чуждой, они юнымъ россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянина образуютъ иностранца. Сего не довольно, и для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ же, что усугубляетъ вредъ, воспитаніемъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго. Воспитанники ихъ и мыслятъ, и говорятъ по-иноземному, между тѣмъ не могутъ нѣсколько словъ правильно сказать на языкѣ отечественномъ».

Французская школа, которую проходили русскіе дворяне и у себя дома, а нерѣдко и за границей, гдѣ они съ царствованія Екатерины II любили заканчивать свое образованіе, оставляла глубокіе слѣды въ ихъ

образѣ мыслей. О Новосильцовѣ, извѣстномъ сотрудникѣ императора Александра, одинъ современникъ отзывается такъ: «Онъ знаетъ Францію наизусть, и сверхъ всего этого, онъ хватилъ не малую дозу нѣмецкаго яда». Съ юныхъ лѣтъ дворянская молодежь, привыкая употреблять въ разговорѣ исключительно французскій языкъ, нерѣдко окончательно забывала свой родной. Александръ Тургеневъ зналъ множество лицъ хорошихъ дворянскихъ фамилій, не умѣвшихъ двухъ строкъ написать по-русски. «Мой отецъ,—пишетъ кн. П. А. Вяземскій,—говорилъ большей частью по-французски. Когда же ему приходилось употреблять въ разговорѣ русскій языкъ, онъ всегда думалъ по-французски». И такихъ лицъ было громадное большинство въ тогдашнемъ высшемъ дворянскомъ обществѣ, насквозь пропитанномъ французской культурой.

Идя навстрѣчу вкусамъ и потребностямъ русскаго общества, современные писатели и журналисты старались развивать въ своихъ произведеніяхъ французскія идеи и французскія понятія. Такъ, Карамзинъ, предпринимая изданіе «Вѣстника Европы», преслѣдовалъ на первомъ планѣ цѣль «знакомить читателей съ Европой и сообщать имъ свѣдѣнія о томъ, что тамъ происходитъ замѣчательнаго и любопытнаго». Главной духовной пищей тогдашнихъ русскихъ баръ были, конечно, книги на французскомъ языкѣ. У гр. Салтыкова, напримѣръ, въ его домашней библіотекѣ было ихъ до 5.000 томовъ на какую-нибудь сотню книгъ на русскомъ и другихъ языкахъ. Преобладали, конечно, классическія сочиненія, но и послѣднія книжныя новинки весьма цѣнились тогдашними читателями и читательницами. На домашнихъ театрахъ и въ столицахъ и въ провинціи ставились почти исключительно французскія пьесы, въ которыхъ съ успѣхомъ выступали и взрослые и дѣти; такъ, напримѣръ, до насъ дошло извѣстіе о томъ, что въ 1809 г. десятилѣтній Пушкинъ поражалъ своей игрой въ одной французской комедіи. На балахъ больше всего были въ ходу французскіе танцы, а фран-



Жозефъ де-Местръ (Фогеля. Рис. карандаш.).

цузская труппа, во главѣ со знаменитой m-lle Жоржъ, вплоть до самаго 1812 г. производила фуроръ своими спектаклями и въ новой и въ старой столицѣ.

Французское вліяніе, пожалуй, еще больше, чѣмъ въ сферѣ идей и воспитанія, сказывалось въ образѣ жизни и во внѣшнемъ видѣ тогдашнихъ представителей и представительницъ русскаго дворянскаго общества. Не говоря уже о Петербургѣ, въ которомъ французскія моды привились довольно прочно, и въ старой патріархальной Москвѣ, на Кузнецкомъ или на Тверскомъ бульварѣ можно было встрѣтить лицъ, одѣтыхъ во фраки новѣйшаго покроя съ длинными, заостренными фалдами цвѣта морской волны, въ розовыхъ или голубыхъ жилетахъ, въ обтянутыхъ брюкахъ, заправленныхъ въ сапоги à la Суворовъ, изготовляемые въ Парижѣ; съ галстуками, доходящими до самыхъ губъ, въ которыхъ виднѣлись громадной величины булавки; на груди у такихъ франтовъ висѣли цѣпочки съ массой брелоковъ, на пальцахъ и даже въ ушахъ виднѣлись кольца; въ одной рукѣ у нихъ дубинка «правъ человѣка», а въ другой «русская шляпа», также изъ Парижа съ улицы Ришелье, которую они не рѣшались надѣть, боясь смять свою прическу à la Duroc или à la Titus; несмотря на свое хорошее зрѣніе, многіе изъ нихъ, слѣдуя парижской модѣ, носили очки и лорнеты. Русскія дамы, вслѣдъ за француженками, облекались въ свободныя греческія туники, съ открытой шеей и обнаженными руками. Онѣ приходили въ восторгъ отъ этой новой моды и, вслѣдъ за московской красавицей Шепелевой, говорили своимъ знакомымъ: «вы не можете себѣ представить, какъ это прекрасно! Надѣнешь на себя рубашку, посмотришь и какъ будто на тебѣ ничего нѣтъ». Салоны и будуары этихъ русскихъ дамъ, равно какъ и остальныя комнаты ихъ роскошныхъ домовъ, были обставлены и украшены по самой послѣдней парижской модѣ.

Въ этомъ-то обществѣ, вполнѣ зараженномъ галломаніей, преклонявшемся передъ старой монархіей Бурбоновъ, передъ бѣлымъ знаменемъ и бѣлыми лиліями, появляются французскіе эмигранты-роялисты и сразу попадаютъ въ какую-то почти родственную атмосферу. Идея легитимной власти, власти «Божьей милостью», пустила глубокіе корни при русскомъ дворѣ. Ею были проникнуты люди стараго поколѣнія, всѣ эти «орлы» великой Екатерины, но и среди болѣе молодыхъ охранительные принципы были еще очень сильны. Этотъ легитимный образъ мыслей въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ еще болѣе укрѣплялся отъ присутствія множества знатныхъ французскихъ эмигрантовъ. Въ великосвѣтскихъ салонахъ жадно слушали ихъ печальныя повѣствованія о вынесенныхъ ими страданіяхъ, объ ужасахъ революціи, о бѣдствіяхъ и гибели королевской фамиліи, о развратѣ и неистовствахъ Бонапарта. Представители самыхъ громкихъ французскихъ фамилій, передъ которыми привыкло благоговѣть молодое русское дворянство, появляются какъ-то вдругъ въ столичномъ обществѣ. Княгиня де-Тарантъ, герцогиня Грамонъ, герцогъ Ришелье, князь Полиньякъ, графы Дама, Блакасъ, Шуазель-Гуфье и др. являются желанными гостями въ домахъ знатныхъ русскихъ баръ. «Можно было себя представить находящимся въ Парижѣ, — говоритъ г-жа Виже-Лебренъ, — такъ много было французовъ во всѣхъ слояхъ общества». Родной языкъ

эмигрантовъ повсюду слышался въ гостиныхъ, въ которыхъ они чувствовали себя своими людьми, а для того, чтобы какъ-нибудь ихъ не огорчить и не раздражить въ этихъ салонахъ, старательно избѣгали затрогивать политическія и военныя темы.

Французскіе аристократы, перепуганные ужасами революціи, повсюду видѣли плебеевъ-заговорщиковъ. «Тогда,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Вигель,—высшее общество совсѣмъ офранцузилось, сдѣлалось гордѣе, недоступнѣе, стало отталкивать тѣхъ, кои не имѣли предписанныхъ имъ формъ». «Россія для иностранцевъ,—справедливо замѣчаетъ другой современникъ кн. Вяземскій,—была поистинѣ Индіей или Перу». Многіе изъ эмигрантовъ посредствомъ браковъ породнились съ русской знатью; большинство ихъ вступило на русскую службу или по военному, или по гражданскому вѣдомству; нѣкоторые изъ наиболѣе знатныхъ получили придворное званіе. Тѣмъ изъ эмигрантовъ, которымъ не удавалось пристроиться на государственной службѣ, оставалось снискивать себѣ пропитаніе или какими-нибудь ремеслами, или преподавательскимъ трудомъ. Въ петербургскихъ газетахъ начала XIX вѣка попадаются довольно часто объявленія объ учителяхъ иностранцахъ. Въ Москвѣ же дѣло обстояло еще проще: по воскресеньямъ такія лица толпились у дверей католической церкви, куда являлись лакеи изъ богатыхъ домовъ и приглашали кого-нибудь изъ нихъ слѣдовать за собой къ своимъ господамъ. Другимъ мѣстомъ для найма учителей въ Москвѣ былъ большой трактиръ въ Охотномъ ряду, который называли «учительской биржей». Такіе учителя ученостью не отличались, но, подобно эмигранту Рашару, о которомъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Устряловъ, очень живо умѣли болтать.



Графъ А. К. Разумовскій. (Пис. Гуттенбруннъ).

Хотя въ громадномъ большинствѣ представители французской эмиграціи были заражены вольтерьянствомъ и атеизмомъ, но среди нихъ было не мало лицъ, глубоко преданныхъ католицизму и носившихся даже съ идеей ультрамонтанства. Особенно среди дамъ высшаго свѣта, воспитанныхъ въ религіозномъ индиферентизмѣ, католическая пропаганда эмигрантовъ нашла себѣ много прозелитокъ. Такіе «мученики революціи», какъ княгиня Тарантъ, гр. де-Местръ и кавалеръ д'Огардъ, вмѣстѣ съ католическими патерами, увлекали въ лоно римской церкви цѣлый рядъ русскихъ знатныхъ дамъ, въ родѣ княгини Голицыной, гр. Головиной, гр. Протасовой, гр. Ростопчиной, г-жи Свѣчиной и другихъ. По словамъ гр. де-Фаллу, занимаясь

прозелитизмомъ, эмигранты какъ бы старались отплатить русскому обществу за оказываемое имъ гостепріимство.

Рука объ руку съ эмигрантами въ дѣлѣ распространенія католицизма въ Россіи дѣйствовали и іезуиты. При Павлѣ іезуиту Груберу удалось снискать себѣ полное довѣріе государя, и папскимъ бреве въ 1801 г. іезуитскій орденъ былъ возстановленъ въ предѣлахъ Россіи, «согласно желанію императора Россійскаго и русскаго дворянства». На Невскомъ, противъ Казанскаго собора, въ католической церкви св. Екатерины стали совершаться, съ невиданной до тѣхъ поръ въ Петербургѣ пышностью, латинскія мессы, сопровождавшіяся великолѣпной музыкой. На самомъ изящномъ французскомъ языкѣ іезуитскими патерами произносились краснорѣчивыя и увлекательныя проповѣди. Вскорѣ объ іезуитахъ заговорила вся столица. Эмигранты убѣждали русскихъ въ томъ, что іезуиты «это ваши сторожевые псы, оборони Богъ ихъ гнать. Если вы не хотите, чтобы они кусали воровъ — это ваше дѣло, но, по крайней мѣрѣ, пусть они бродятъ вокругъ домовъ вашихъ и, когда нужно, будятъ васъ прежде, чѣмъ воры успѣютъ выломать двери или влѣзть въ окна». На балахъ и раутахъ, какъ свидѣтельствуетъ г-жа Свѣчина, «шопотомъ произносили свои отреченія и лепетали свою первую латинскую исповѣдь новообращенныя овцы іезуитскаго стада».

Какъ бы въ противовѣсъ тому французскому вліянію, которымъ насыщена была общественная атмосфера въ первые годы XIX ст., въ нашей литературѣ и въ общественныхъ кругахъ начинаютъ раздаваться голоса людей, призывающихъ къ борьбѣ съ иноземными заимствованіями во имя патріотизма и русской національности. Среди этихъ галлофобовъ мы встрѣчаемъ и людей Екатерининской эпохи въ родѣ Державина, Шишкова и бывшаго любимца императора Павла, а теперь фрондирующаго вельможу, гр. Ростопчина, и писателя, стоявшаго въ то время въ зенитѣ своей литературной славы, Н. М. Карамзина. Около этихъ крупныхъ именъ было много людей мелкихъ, незначительныхъ, которые, тѣмъ не менѣе, способствовали тому, что общественное недовольство все сильнѣе и ярче проявлялось наружу.

«Наша молодежь,—возмущается Ростопчинъ,—хуже французской: не повинуются и не боятся никого. Нужно сознаться, что, одѣвшись по-европейски, мы еще очень далеки отъ того, чтобы быть цивилизованными. Всего хуже то, что мы перестали быть русскими и что мы купили знаніе иностранныхъ языковъ цѣною нравовъ нашихъ предковъ». Называя Бонапарта «великимъ проходимцемъ», ополчаясь на французовъ и французолюбцевъ, Ростопчинъ, въ своемъ патріотическомъ увлеченіи, доходитъ до того, что даже въ улучшенныхъ способахъ обработки земли видитъ капризъ, проистекающій отъ страсти къ новшествамъ.

Почти тѣ же мотивы слышатся и въ одномъ изъ писемъ Ростопчина къ его другу, кавказскому герою, кн. Циціанову: «Какое несчастіе, что Петръ I насъ обрилъ, а Шуваловъ заставилъ говорить нечестивымъ этимъ французскимъ языкомъ».

Въ то время, какъ въ Москвѣ въ своемъ полу-добровольномъ, полувынужденномъ изгнаніи Ростопчинъ металъ перуны противъ галломановъ и ратовалъ перомъ и словомъ противъ «людей, соединяющихъ въ себѣ

глупость русскую съ иноземною», въ Петербургѣ націоналистическій консерватизмъ проявлялъ старикъ Державинъ, административная карьера котораго приходила къ концу какъ разъ въ эти годы. Всѣ окружающіе императора Александра были, по его словамъ, «набиты конституціоннымъ французскимъ и польскимъ духомъ». Молодыхъ совѣтниковъ государя онъ называлъ «людьми, ни государства ни дѣлъ гражданскихъ основательно не знающими», а реформа министерствъ была, по его мнѣнію, «несообразна съ настоящимъ дѣломъ». Отстаивая реакціонную позицію въ крестьянскомъ вопросѣ, пѣвецъ Фелицы еще въ 1801 г. говорилъ, что «дарованная воля будетъ хуже рабства». Консервативное, а нерѣдко даже реакціонное, настроеніе представителей старшаго поколѣнія находило себѣ отклики и среди молодежи. Такъ, Гречъ, впослѣдствіи издатель «Сына Отечества», такъ отзывался о французахъ: «Владычество этого племени въ Европѣ есть въ ней то же, что преобладаніе золотушнаго начала въ человѣческомъ тѣлѣ».


Державинъ. (Соб. Ровинскаго. Съ неизв. оригинала).

Что касается современной литературы, то въ ней въ защиту правъ, попранной русской національности одновременно выступили и провозвѣстникъ новыхъ началъ — Карамзинъ, и горячій поборникъ старины — адмиралъ Шишковъ. Еще въ эпоху «Писемъ русскаго путешественника» изъ-подъ пера Карамзина выходили фразы, окрашенныя въ строго охранительный колоритъ. Въ началѣ же XIX в. это направленіе начинаетъ преобладать въ его литературномъ творчествѣ. Такъ, въ статьѣ «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени», онъ писалъ: «Громъ грянулъ во Франціи... мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой благодарить небо за цѣлость права нашего и быть разсудительными. Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменемъ властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новостяхъ». Въ той же статьѣ мы встрѣчаемъ не мало ультраконсервативныхъ сужденій въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: «Самое турецкое правленіе лучше анархіи... учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума». Осуждая ужасы революціи, Карамзинъ естественно долженъ былъ враждебно относиться ко всему, что было связано съ великимъ французскимъ переворотомъ. Въ одной изъ статей, написанной имъ въ 1802 г., онъ со всѣмъ жаромъ своего литературнаго таланта нападаетъ на современныя моды. «Наши стыдливыя дѣвицы и жены,—читаемъ мы въ этой статьѣ,—оскорбляютъ природную стыдливость свою единственно для того, что француженки не имѣютъ ея, безъ сомнѣнія, тѣ, которыя прыгали контрдансъ на могилахъ родителей,

мужей и любовниковъ! Мы гнушаемся ужасами революціи и перенимаемъ моды ея!» Указавъ, что послѣ революціи тонъ въ Парижѣ даютъ жены банкировъ и подрядчиковъ, Карамзинъ съ возмущеніемъ восклицаетъ: «Мудрено то, что въ государствѣ благоустроенномъ, гдѣ есть нравы, воспитаніе и правила, женщины, вообще любезныя, слѣдуютъ модѣ парижскихъ мѣщанокъ».

Но наибольшаго напряженія консервативно-націоналистическій тонъ Карамзина достигаетъ въ извѣстномъ его разсужденіи «О любви къ отечеству и народной гордости». Оно написано въ томъ же 1802 г. и проникнуто тѣми же нападками на все иностранное, преимущественно французское. «Слава была колыбелью народа русскаго, а побѣда—вѣстницею бытія его,—гордо заявляетъ Карамзинъ, напоминая объ итальянскихъ походахъ Суворова и рядѣ пораженій французскихъ республиканскихъ армій.— До сего времени Россія безпрестанно возвышалась, какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Можно сказать, что Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ—и мы еще въ срединѣ нашего славнаго теченія». Но при этомъ онъ оговаривается: «Мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ,—а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того, безъ сомнѣнія, и другіе уважать не будутъ!» Стараясь играть на патріотическихъ струнахъ своихъ читателей, Карамзинъ съ паѳосомъ восклицаетъ: «Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою». Возмущаясь тѣмъ, что образованные люди въ Россіи, «зная лучше Парижскихъ жителей всѣ произведенія французской литературы, не хотятъ и взглянуть на русскую книгу», Карамзинъ вразумительно замѣчаетъ: «Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ дамамъ утверждать, что русскій языкъ грубъ и непріятенъ... и что, однимъ словомъ, не стоитъ труда знать его». Призывая русское общество къ національной самобытности и народному самосознанію, пробуждая въ немъ любовь къ родинѣ и народную гордость, авторъ разсужденія въ заключеніе говоритъ: «Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ».

Такъ говорилъ самый популярный писатель той эпохи, и къ его голосу, очевидно, должны были прислушиваться многочисленные круги его читателей. Его мысли, облеченныя въ такія изящныя литературныя формы, должны были, естественно, оказывать сильное воздѣйствіе на общественное мнѣніе и настраивать его на консервативный и націоналистическій тонъ. Одинъ изъ его почитателей и младшій его современникъ, С. Н. Глинка, отзывается о Карамзинѣ, какъ о человѣкѣ полезномъ и съ русскою душою, несмотря на европейскую его образованность. Но мнѣніе такихъ лицъ, какъ Глинка, раздѣлялось въ то время далеко не всѣми. Представители стараго поколѣнія, въ которыхъ рѣзко проявлялся воинствующій націонализмъ, считали даже Карамзина человѣкомъ опаснымъ и исчадіемъ французской философіи XVIII в.: такъ, адмиралъ Шишковъ, этотъ убѣжденный консерваторъ и старовѣръ въ литературѣ и языкѣ,

вмѣстѣ съ своими единомышленниками велъ упорную борьбу съ Карамзинымъ, какъ съ новаторомъ мысли и новаторомъ слова. Въ глазахъ этихъ охранителей Карамзинъ, со своими свѣжими литературными принципами, былъ «якобинцемъ и представителемъ безнравственности, матеріализма и безбожія».

Стоя на стражѣ русскаго языка и русскихъ оборотовъ рѣчи, Шишковъ, не ладившій съ новыми людьми первыхъ лѣтъ царствованія Александра, находился какъ бы въ оппозиціи всему тому, что имѣло въ эти годы значеніе и вѣсъ въ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ. Ломая копья съ представителями молодыхъ литературныхъ теченій и обвиняя ихъ чуть ли не въ измѣнѣ и въ союзѣ съ Наполеономъ, этотъ «славянофилъ» выставлялъ на видъ, что «мы не для того обрили бороды, чтобы презирать тѣхъ, которые ходили прежде или ходятъ еще и нынѣ съ бородами, не для того надѣли короткое нѣмецкое платье, дабы гнушаться тѣми, у которыхъ долгіе зипуны». «Просвѣщеніе, — по его словамъ, — велитъ избѣгать пороковъ, какъ старинныхъ, такъ и новыхъ; но просвѣщеніе не велитъ, ѣдучи въ каретѣ, гнушаться телѣгою. Напротивъ, оно, соглашаясь съ естествомъ, рождаетъ въ душахъ нашихъ чувство любви даже къ безсловеснымъ вещамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ родились предки наши и мы сами». Онъ любилъ приводить изреченіе Порталиса, говорившаго: «прежде всего старайтесь языкъ народный, а потомъ и самый народъ уничтожить». Вѣкъ Екатерины, передъ которымъ Шишковъ и его послѣдователи благоговѣли, считался у нихъ не только русскимъ, но даже русскою стариною. «Они вопили,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ С. Т. Аксаковъ,—противъ иностраннаго направленія—и не подозрѣвали, что охвачены имъ съ ногъ до головы, что они не умѣютъ даже думать по-русски».



А. С. Шишковъ. (Грав. А. Осиповъ 1809 г.).

Особенно полно отразились консервативно-патріотическіе взгляды Шишкова въ его «Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка». Подобно другимъ представителямъ консервативныхъ тенденцій общественной мысли, Шишковъ старается высмѣять тогдашнихъ галломановъ, которые «часъ отъ часу болѣе дѣлаются совершенными обезьянами». «Французы учатъ насъ всему,—говоритъ Шишковъ:—какъ одѣваться, какъ ходить, какъ стоять, какъ пѣть, какъ говорить, какъ кланяться, и даже какъ сморкаться и кашлять. Мы безъ знанія языка ихъ почитаемъ себя невѣждами и дураками». Нарисовавъ довольно вѣрную, хотя, можетъ-быть, и нѣсколько утрированную, картину французскаго вліянія въ современномъ русскомъ обществѣ, неутомимый борецъ за отцовскіе обычаи и славянороссійскій языкъ съ горечью замѣчаетъ:

«Однимъ словомъ, французы запрягли насъ въ колесницу, сѣли въ оную торжественно и управляютъ нами, а мы ихъ возимъ съ гордостью, и тѣ у насъ въ посмѣяніи, которые не спѣшатъ отличать себя честью возить ихъ».

По словамъ одного современника, «исключительный образъ мыслей Шишкова, его рѣзкія и грубыя выходки противъ настоящей жизни общества, а главное противъ французскаго направленія—очень не нравились большинству высшей публики, и всякій, кто осмѣивалъ этого старовѣра и славянофила, имѣлъ вѣрный успѣхъ въ модномъ свѣтѣ». Французскій посланникъ даже жаловался государю на печатныя враждебныя и оскорбительныя выходки Шишкова противъ французовъ.

Такимъ образомъ, уже на порогѣ XIX ст. въ русскомъ обществѣ довольно сильно проявляется національно-консервативное направленіе, возникшее и созрѣвшее, главнымъ образомъ, на почвѣ слѣпого и безсмысленнаго поклоненія всему иностранному. Но если въ эпоху революціи и въ періодъ консульства реакціонные мотивы выходили изъ-подъ пера или отъявленныхъ ретроградовъ, или офиціальныхъ представителей стараго режима, то съ момента убійства герцога Энгіенскаго и провозглашенія Наполеона императоромъ даже сторонники либеральныхъ принциповъ начинаютъ видѣть въ этомъ «коронованномъ солдатѣ» врага политической свободы и національной независимости. Ненависть къ императору французовъ и ко всему французскому все шире и шире разливается въ русскомъ обществѣ, превращая въ отъявленныхъ консерваторовъ и убѣжденныхъ націоналистовъ многихъ поклонниковъ философскихъ принциповъ просвѣтительной литературы XVIII столѣтія.

Антагонизмъ къ Франціи и къ правительству императора Наполеона сталъ еще болѣе усиливаться въ русскомъ обществѣ въ связи съ первыми военными неудачами. Одни носились съ планами, какъ бы укротить наглость французовъ. Другіе въ воинственномъ увлеченіи глумились надъ «сухопарыми французишками». Воинственный задоръ шелъ рука объ руку съ обличительными тирадами «противъ той язвы, которая подкапываетъ всѣ наши добродѣтели». Въ каждомъ вольнодумцѣ или человѣкѣ либеральнаго образа мыслей начинали видѣть «настоящаго агента и союзника революціи». Однако правительство не поощряло этого консервативно-націоналистическаго настроенія. Въ 1805 г. была учреждена въ Петербургѣ высшая полиція для наблюденія за состояніемъ умовъ и для преслѣдованія всякихъ толковъ, неумѣстныхъ въ тѣхъ обстоятельствахъ. Всякіе политическіе толки о событіяхъ строго преслѣдовались; приходилось говорить о нихъ на ухо и то только въ интимномъ кругу. При такомъ настроеніи правительственныхъ сферъ, вплоть до 1812 г., общество было какъ бы парализовано. По справедливому замѣчанію одного изслѣдователя, «въ Россіи былъ лишь патріотизмъ пассивный, патріотизмъ жертвъ и терпѣнія». Гр. Ростопчинъ, въ одномъ изъ писемъ къ кн. Циціанову отъ 10 января 1806 г., такими словами характеризуетъ современное настроеніе русскаго общества: «Нѣтъ нужды писать тебѣ объ уныніи, такъ сказать, всей Россіи. Неудача, измѣна нѣмцевъ, неизвѣстность о прошедшемъ, сомнѣніе о будущемъ, а еще больше рекруты, дурной годъ и пагубная зима—все преисполнило и дворянство и народъ явною печалью. Все мол-

чить, одни лишь министры бранятся въ совѣтѣ и пьютъ по домамъ». Все это наводило Ростопчина на самыя грустныя размышленія. «Господи помилуй!—читаемъ мы въ другомъ письмѣ къ тому же кн. Циціанову.—Какъ я ни люблю свое отечество и какъ ни разрывался, смотря на многое, но теперь очень холодно смотрю на то, что бѣсило». Однако обстоятельства скоро вызвали Ростопчина къ дѣятельности и пробудили въ немъ свойственный ему рѣдкій сарказмъ и всесокрушающую насмѣшку.

Тильзитскій миръ, приведшій къ сближенію официальной Россіи съ правительствомъ императора французовъ, давалъ пищу для цѣлаго ряда проявленій общественнаго недовольства. Гр. С. Р. Воронцовъ въ своемъ гнѣвѣ на состоявшееся примиреніе доходилъ до того, что предлагалъ «чтобы сановники, подписавшіе Тильзитскій договоръ, совершили въѣздъ въ столицу на ослахъ». Эмигранты и нѣмецкіе недоброжелатели Наполеона еще болѣе укрѣпляли въ русскомъ обществѣ враждебныя чувства къ Франціи и ея правительству. Русскіе патріоты хотѣли смыть пятно національнаго униженія. «Отъ знатнаго царедворца до малограмотнаго писца, — читаемъ въ запискахъ Вигеля, — отъ генерала до солдата, — все, повинуясь, роптало съ негодованіемъ». Другой современникъ Гречъ, вспоминая это время, говоритъ: «Земля наша была свободна, но отяжелѣлъ воздухъ; мы ходили на волѣ, но не могли дышать, ненависть къ французамъ возрастала по часамъ». Самъ императоръ Александръ могъ подмѣчать вокругъ себя признаки недовольства и открытой враждебности ко всему французскому. Любопытныя извѣстія сообщаетъ 28 сентября 1807 г. шведскій посланникъ Штедингъ королю Густаву IV: «Неудовольствіе противъ императора болѣе и болѣе возрастаетъ и на этотъ счетъ говорятъ такія вещи, что страшно слушать... Не только въ частныхъ собраніяхъ, но и въ публичныхъ собраніяхъ толкуютъ о перемѣнѣ правленія». Правительство воспрещало печатать о военныхъ неудачахъ французскаго императора — этого новаго союзника Россіи, и при такихъ условіяхъ возникаетъ ярко выраженное патріотическое направленіе въ литературѣ, ставшее вполнѣ естественно въ оппозицію къ правительственнымъ мѣропріятіямъ. Въ этой литературѣ наши неудачи стали объясняться французскимъ воспитаніемъ, отсутствіемъ національнаго чувства. Политическаго знанія и политическаго такта въ ней не было, а имѣло мѣсто одно лишь патріотическое чувство. Неоткуда было почерпнуть точнаго знанія политическихъ событій. Въ газетахъ и журналахъ давались лишь безсвязныя и отрывочныя свѣдѣнія. Разъ по цензурнымъ соображеніямъ нельзя было серьезно обсуждать современное положеніе Россіи, то патріотамъ ничего



Гр. Ростопчинъ (гр. Матюшина).
„Безъ дѣла и безъ скуки
Сижу, поджавши руки".

не оставалось, какъ изливать свое недовольство въ рѣзкихъ филиппикахъ и страстныхъ памфлетахъ.

Содержаніе патріотической литературы состояло въ нападеніи на личность Наполеона, на его завоеванія, неуваженіе къ правамъ народнымъ и въ защитѣ Россіи, которую наполеоновскіе публицисты старались выставить страною грубою и невѣжественною. Первымъ застрѣльщикомъ былъ страстный и желчный гр. Ростопчинъ, этотъ, по словамъ Глинки, «вельможа, убѣждающій русскихъ быть русскими». «Ненависть къ французамъ,—говоритъ Н. С. Тихонравовъ,—была какъ бы вдохновеніемъ Ростопчина». Свой патріотическій задоръ онъ довольно характерно проявляетъ въ письмѣ къ Глинкѣ, издателю «Русскаго Вѣстника»: «Пора духу русскому пріосаниться. Шопотъ—дѣло сплетницъ. Чего нѣтъ въ нашей родной колыбели? Было бы только у насъ горячее къ ней сердце да обнимала бы ее покрѣпче душа русская, а то постоитъ она за себя».

Въ 1807 г. изъ-подъ его пера вышла небольшая книжка «Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ ефремовскаго помѣщика, Силы Андреевича Богатырева». «Она обошла всю Россію, быстро разойдясь въ 7.000 экземплярахъ; ее читали съ восторгомъ,—пишетъ одинъ изъ современниковъ.— Ростопчинъ былъ въ этой книжкѣ голосомъ народа; не мудрено, что онъ былъ понятъ всѣми русскими». Пересыпая свою рѣчь народными поговорками и прибаутками, Ростопчинъ высмѣивалъ нашихъ французомановъ и какъ нельзя болѣе во-время проявлялъ свой чисто-русскій патріотизмъ, пробуждая въ обществѣ заглохшіе націоналистическіе мотивы. «Русскій языкъ во всей простотѣ безыскусственной разговорной народной рѣчи,— говоритъ М. А. Дмитріевъ,—доходитъ въ этой книжкѣ до неподражаемаго, оригинальнаго совершенства». Въ то время никому не бросалось въ глаза мнимо-народная прибауточная рѣчь Ростопчина, нѣкоторое стремленіе его поддѣлаться подъ народный тонъ, такъ какъ горячее чувство, которымъ было проникнуто это произведеніе, превосходно совпадало съ настроеніемъ большинства тогдашняго общества. Много лѣтъ спустя, самъ Ростопчинъ объяснялъ появленіе своихъ «Мыслей вслухъ» тѣмъ, что это «небольшое сочиненіе имѣло своимъ назначеніемъ предупредить жителей городовъ противъ французовъ, жившихъ въ Россіи, которые старались пріучить умы къ мысли пасть передъ арміями Наполеона».

Герой этого памфлета, Богатыревъ восклицаетъ вмѣстѣ со всѣми французофобами: «Долго ли намъ быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за умъ». Онъ предлагаетъ, сотворивъ молитву, сказать французу: «Сгинь ты, дьявольское наважденіе! Ступай въ адъ или во-свояси, все равно, только не будь на Руси». «Ужели Богъ на то создалъ Русь,— восклицаетъ старый патріотъ,—чтобы она кормила, поила и богатила всю дрянь заморскую, а ей—кормилицѣ—и спасибо никто не скажетъ». Вглядываясь въ современную русскую молодежь, авторъ устами своего героя даетъ ей такую характеристику: «Отечество ихъ на Кузнецкомъ Мосту, а царство небесное—Парижъ. Родителей не уважаютъ, стариковъ презираютъ и, бывъ ничто, хотятъ быть все». Богатыревъ доходитъ даже до того, что выражаетъ пожеланіе, чтобы дубинкой Петра Великаго, взятой «на недѣльку изъ кунсткамеры, выбили дурь» изъ современной молодежи. Называя французовъ «плутами и разбойниками», Богатыревъ, полный не-

нависти, восклицаетъ: «революція—пожаръ, французы—головешки, а Бонапарте—кочерга». Обнаруживая свой консерватизмъ, онъ замѣчаетъ: «Вѣдь что проклятые надѣлали въ эти 20 лѣтъ. Все истребили, пожгли и разорили... Законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя—отца! Головы рубили, какъ капусту; всѣ повелѣвали: то тотъ, то другой злодѣй. Думали, что это будетъ равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носа показать, и судъ былъ хуже Шемякина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ. Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, топить, мучить, жарить, ѣсть, опрокинулись къ сосѣдямъ и начали грабить и душить, приговаривая: послѣ спасибо скажете». Въ особенную ярость приходитъ Богатыревъ при имени французскаго императора: «Что за Александръ Македонскій! — глумится онъ. — Мужичишка въ рекруты не годится!.. Ни кожи, ни рожи, ни вида̀нія, разъ ударишь, такъ слѣдъ простынетъ и духъ вонъ». Всѣ французы въ его глазахъ ничтожны: «что за мелочь, что за худерба», восклицаетъ онъ.



П. А. Вяземскій.

Въ другомъ своемъ произведеніи «Вѣсти или убитый живой» Ростопчинъ влагаетъ въ уста Богатырева, въ которомъ онъ выводитъ типичнаго씨 стародума и націоналиста, такія слова: «О, матушка Россія!— Проволокли цѣпь дѣтушки твои богатырскими руками; отмежевались живымъ урочищемъ; поставили вмѣсто столбовъ памятники побѣдъ, вмѣсто межника—могилы враговъ твоихъ». О Россіи и русскихъ онъ выражается такъ: «Я ничего лучше и славнѣй не знаю. Это брильянтъ между камнями, левъ между звѣрями, орелъ между птицами». Другимъ типичнымъ патріотомъ Ростопчинъ выставляетъ Устина Ульяновича Вѣникова, въ письмахъ къ которому Богатыревъ пространно выхваляетъ добродѣтели предковъ и доблести старой Руси: Сила Андреевичъ Правдинъ, также истый русакъ, въ своихъ «Мысляхъ не вслухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго» съ гордостью заявляетъ: «Пора сказать, что Россія, любезное отечество наше, и въ древнія времена свои являла свѣту великія дѣла и имѣла великихъ полководцевъ и дѣловцевъ государевыхъ». Возмущаясь тѣми французами, которымъ родители ввѣряютъ своихъ сыновей и дочерей,

Правдинъ, впадая въ дидактическій тонъ, замѣчаетъ: «Пора за умъ хвататься и матерямъ самимъ образовывать родившихся и поселять въ юныя невинныя сердца дѣтей вѣру, честь, любовь къ своему родовому». Въ своей недоконченной повѣсти «Охъ, французы» Ростопчинъ выставляетъ на видъ вредъ французскаго воспитанія и осмѣиваетъ его, называя себя «лѣкаремъ, снимающимъ катаракты». По нравственному вліянію на питомцевъ русская мама, по его мнѣнію, выше всякихъ французскихъ bonnes. «И чѣмъ,—восклицаетъ онъ,—жены англійскаго конюха, швейцарскаго пастуха и нѣмецкаго солдата должны быть лучше, умнѣй и добронравнѣй женъ нашихъ приказчиковъ, дворецкихъ и конюховъ?» Въ произведеніяхъ Ростопчина, доставившихъ ему такую громкую извѣстность, можно было подслушать какъ бы голосъ старой Москвы, съ ея особымъ мѣстнымъ патріотизмомъ и съ вѣчно оппозиціонными стремленіями «этой столицы недовольныхъ». Лица, консервативно-настроенныя, цѣликомъ проникались воззрѣніями графа, считали его человѣкомъ умнымъ, видѣли въ немъ благородную, патріотическую душу. Они любили и уважали его, подобно Карамзину, какъ это видно изъ его переписки съ И. И. Дмитріевымъ. Другой старовѣръ, принадлежавшій къ болѣе молодому поколѣнію, кн. П. А. Вяземскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ о гр. Ростопчинѣ» говоритъ о немъ, что «онъ былъ коренной русскій истый москвичъ, но и кровный парижанинъ. Онъ французовъ ненавидѣлъ и ругалъ ихъ на чисто-французскомъ языкѣ».

Подъ вліяніемъ силы времени и обстоятельствъ у Ростопчина появилось не мало подражателей. Какой-то Левшинъ свой противофранцузскій образъ мыслей облекъ въ форму «Посланія русскаго къ французолюбцамъ». Одновременно на сценѣ съ извѣстнымъ успѣхомъ ставилась комедія «Высылка французовъ», въ которой слышался знакомый уже намъ политическій тонъ. То же общественное настроеніе даетъ завязку для двухъ комедій Крылова «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ». Въ первой пьесѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является помѣщица Сумбурова, пріѣхавшая въ Москву закупать приданое для падчерицы и всецѣло поглощенная французскими модами. Модная лавка, куда попадаетъ эта провинціальная барыня, выставлена притономъ мошенничества и нечистыхъ дѣлъ. Француженка «мадамъ», ея хозяйка, является самымъ безнравственнымъ существомъ. За свои модные уборы она беретъ неимовѣрно бѣшеныя деньги. У нея въ магазинѣ можно найти и контрабанду, а за хорошее вознагражденіе она превращаетъ его въ мѣсто неприличныхъ любовныхъ свиданій. Мужъ Сумбуровой выставленъ ненавистникомъ модныхъ товаровъ и поклонникомъ всего русскаго, изъ-за чего у него происходятъ безпрестанныя ссоры съ женою. Въ другой комедіи—«Урокъ дочкамъ»—основною цѣлью автора является осмѣяніе неумѣреннаго пристрастія къ воспитанію на французскій ладъ. Двѣ дочери помѣщика Велькарова, которымъ московская тетка дала воспитаніе на послѣдній манеръ, по возвращеніи къ отцу немедленно «поставили домъ вверхъ дномъ, всю отцовскую родню отвадили грубостями и насмѣшками» и «накликали въ домъ такихъ не Русей», среди которыхъ бѣдный старикъ шатался, какъ около Вавилонской башни, не понимая ни слова, что говорятъ и чему хохочутъ гости его дочерей. Въ концѣ-концовъ, выведенный изъ себя, Велькаровъ запираетъ дочерей въ деревнѣ

и, приставивъ къ нимъ для надзора няню Василису, строго воспрещаетъ имъ употреблять въ разговорѣ французскій языкъ. Хотя въ обѣихъ комедіяхъ было много натянутаго и искусственнаго, но онѣ выражали, какъ нельзя лучше, господствующее въ публикѣ настроеніе и потому были приняты весьма сочувственно.

Въ тѣ же годы, подъ вліяніемъ первыхъ наполеоновскихъ войнъ и сближенія съ Франціей, проявляетъ свой патріотизмъ и націонализмъ С. Н. Глинка, «немного взбалмошный, но смѣлый гражданинъ», по словамъ А. Н. Пыпина, и поклонникъ всего русскаго. Струя патріотическаго возбужденія наводитъ его на мысль издавать «Русскій Вѣстникъ». Какъ видно изъ записокъ самого Глинки, онъ въ своемъ журналѣ говорилъ «о томъ, что было забыто—о русскомъ духѣ и направленіи, о русской старинѣ, о необходимости своеобразнаго развитія и о вредѣ подражанія Европѣ». Правда, Глинка не прямо возстаетъ противъ новаго направленія въ развитіи Россіи, онъ видитъ въ немъ «довольно истинно-полезнаго» и требуетъ, повидимому, только одного, чтобы «пріобрѣтенное было соединено съ своимъ собственнымъ, чтобы мы были богаты не чужимъ, не заимствованнымъ, но своимъ роднымъ добромъ», но онъ возстаетъ противъ реформъ, вооружается противъ основной мысли XVIII вѣка, требовавшей преобразованій. Въ цѣломъ рядѣ статей онъ доказываетъ, что Россія до Петра Великаго не была страною варварскою и что «древнее наше правительство было не только просвѣщенное и человѣколюбивое, но и образованнѣе многихъ европейскихъ, признаваемыхъ таковыми». «Странно,—недоумѣваетъ Глинка,—что у насъ всякій почти старается отыскать что-нибудь худое въ своемъ отечествѣ, лучшее же остается безъ примѣчанія или умышленно представляется въ видѣ невыгодномъ». Въ умѣ читателя «Русскаго Вѣстника» патріотическій тонъ его статей вызывалъ идеализированные образы родной старины. Общая тема—о



И. В. Лопухинъ.

любви къ отечеству—повторяется въ журналѣ безпрерывно. Вполнѣ серьезно Глинка доказываетъ, что «во времена Рюрика ни одна европейская страна не была просвѣщеннѣе Россіи въ нравственномъ и политическомъ образованіи, и что вообще до Алексѣя Михайловича и до Петра Великаго Россія едва ли уступала какой странѣ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, въ законодательствѣ, въ чистотѣ нравовъ, въ жизни семейственной и во всемъ томъ, чѣмъ благоденствуетъ народъ, чтущій обычаи праотеческіе, отечество, царя и Бога!» Называя себя «сторожемъ духа народнаго», издатель «Русскаго Вѣстника» обнаруживалъ глубоко-консервативный патріотизмъ, ненавидящій все новое и вмѣстѣ съ тѣмъ сближеніе съ Европой и заимствованіе изъ нея идей и внѣшняго комфорта. Направленіе «Русскаго Вѣстника», слишкомъ полное патріотическаго задора, вызывало даже жалобы со стороны французскаго посла Коленкура; но въ публикѣ журналъ имѣлъ большой успѣхъ. «Всѣ знакомые,—какъ передаетъ самъ Глинка,—говорили ему спасибо за «Вѣстникъ»; студенты Московскаго университета спѣшили ловить книжки журнала при выходѣ ихъ», но консервативная привязанность къ старинѣ всего больше привлекала на сторону Глинки симпатіи членовъ Англійскаго клуба и знатныхъ вельможъ, идеалы которыхъ были не впереди, а въ воспоминаніяхъ о далекомъ и недавнемъ прошломъ.

Особнякомъ отъ другихъ консервативныхъ группъ стояли въ то время масоны, которыхъ по преимуществу продолжали называть мартинистами. Они все болѣе удалялись отъ завѣтовъ Новикова и все сильнѣе предавались изученію туманныхъ доктринъ европейскихъ мистиковъ. Борясь съ раціонализмомъ и лжеумствованіями философіи XVIII в., они еще въ исходѣ царствованія Екатерины враждебно отнеслись къ французской революціи. Тотъ же антагонизмъ ко всему, что шло изъ Франціи, «къ буйнымъ стремленіямъ, къ мнимому равенству и своеволію», господствовалъ въ масонскихъ кружкахъ и въ началѣ XIX ст. Въ погибающей Франціи, по мнѣнію русскихъ мистиковъ, воцарился духъ крушенія. Особенно видное положеніе среди тогдашнихъ масоновъ занималъ старикъ Лопухинъ, который въ 1809 г. выпустилъ книгу подъ заглавіемъ «Отрывки. Сочиненіе одного стариннаго судьи». Здѣсь во всей силѣ обнаруживается его консервативный образъ мыслей въ вопросахъ политическихъ. Нападая на «Contrat social» Руссо, онъ обрушиваетъ свой гнѣвъ на сторонниковъ активнаго сопротивленія. «Не только зло, во всякомъ правленіи человѣческомъ неотвратимое, терпѣливо сносить должно,—говоритъ онъ,—но лучше терпѣть величайшее притѣсненіе и тиранство, нежели возмущаться и частнымъ людямъ предпринимать перемѣну правленія». «Истинный патріотизмъ — по его словамъ — состоитъ въ томъ, чтобъ желать Отечеству истиннаго добра и содѣйствовать тому всѣми силами; желать, чтобъ ни на Французовъ или Англичанъ походили Русскіе, а были бы столько счастливы, какъ только они быть могутъ». Наполеона Лопухинъ называетъ «врагомъ всемірнаго спокойствія». На ряду съ Лопухинымъ большимъ авторитетомъ пользовался другой масонъ, уже чисто мистическаго направленія, Лабзинъ. Въ своихъ изданіяхъ, особенно въ «Угрозахъ свѣтовостоковъ», онъ пропагандировалъ идеи Юнга Штиллинга и другихъ современныхъ теософовъ. Вслѣдъ за нѣмецкими мистиками Лабзинъ напа-

даетъ на начала французской революціи, причинившей въ Германіи столько бѣдствій. Литературное направленіе Лабзина совпадало съ общимъ патріотическимъ настроеніемъ русскаго общества и способствовало успѣху его книгъ и журналовъ. Особенно реакціоннымъ духомъ отличался одинъ изъ московскихъ масоновъ Голенищевъ-Кутузовъ, занимавшій должность попечителя университета. Онъ полагалъ, что сочиненія Карамзина, со взглядами котораго мы уже успѣли познакомиться, «исполнены вольнодумческаго и якобинскаго яда». Онъ не остановился даже передъ тѣмъ, чтобы написать на исторіографа доносъ министру народнаго просвѣщенія, гр. А. К. Разумовскому: «Карамзинъ явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе», читаемъ мы въ этомъ любопытномъ документѣ. «Государь не знаетъ,—возмущается Кутузовъ,—какой гибельный ядъ въ сочиненіяхъ Карамзина кроется. Не орденъ бы ему надобно дать, а давно бы пора его запереть; не хвалить его сочиненія, а надобно бы ихъ сжечь». «Ваше есть дѣло,—наставительно пишетъ министру авторъ доноса,—открыть государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной наготѣ, яко врага Божія и врага всякаго блага и яко орудіе тьмы». Но всего интереснѣе тотъ выводъ, который московскій попечитель дѣлаетъ по поводу образа мыслей Карамзина: «Онъ цѣлитъ не менѣе, какъ въ сіейсы или въ первые консулы,—это здѣсь всѣ знаютъ и всѣ слышатъ».

Если благонамѣренный и даже консервативный Карамзинъ былъ въ глазахъ нѣкоторыхъ масоновъ якобинцемъ и революціонеромъ, то сами масоны, благодаря своему кружковому сепаратизму, представляли изъ себя въ глазахъ нѣкоторыхъ охранителей опасную секту, скрывавшую свои замыслы подъ покрываломъ религіи, любви къ ближнему и смиренія. Эта точка зрѣнія на масоновъ ярко отражается въ составленной въ 1811 г. для вел. кн. Екатерины Павловны гр. Ростопчинымъ «Запискѣ о мартинистахъ».

«Монархистъ въ полномъ значеніи слова,—говоритъ о Ростопчинѣ кн. Вяземскій,—врагъ народныхъ собраній и народной власти, вообще врагъ такъ называемыхъ либеральныхъ идей, онъ съ ожесточеніемъ, съ какой-то маноманіей, idée fixe, вездѣ отыскивалъ и преслѣдовалъ якобинцевъ и мартинистовъ, которые въ глазахъ его были тѣ же якобинцы». «Московскіе и петербургскіе масоны,—по словамъ Ростопчина,—поставили себѣ цѣлью произвести революцію, чтобы играть въ ней видную роль, подобно негодяямъ, которые погубили Францію и поплатились собственною жизнью за возбужденныя ими смуты». Гр. Ростопчинъ полонъ самыхъ тревожныхъ предчувствій; «я не знаю,—пишетъ онъ о мартинистахъ въ своей запискѣ,—какія сношенія они могутъ имѣть съ другими странами; но я увѣренъ, что Наполеонъ, который все направляетъ къ достиженію своихъ цѣлей, покровительствуетъ имъ и когда-нибудь найдетъ сильную опору въ этомъ обществѣ, столь же достойномъ презрѣнія, сколько опасномъ. Тогда увидятъ, но слишкомъ поздно, что замыслы ихъ не химера, а дѣйствительность; что они намѣрены быть не посмѣшищемъ дня, а памятнымъ въ исторіи, и что эта секта не что иное, какъ потаенный врагъ правительствъ и государей».

Такимъ образомъ, въ связи съ событіями первыхъ лѣтъ царствованія Александра и, главнымъ образомъ, благодаря сближенію офиціальной Россіи съ правительствомъ императора Наполеона въ русскомъ обществѣ и литературныхъ сферахъ растетъ и крѣпнетъ консервативно-націонали-

стическое.настроеніе. «Знатныя барыни,—читаемъ въ запискахъ Вигеля,—начали на французскомъ языкѣ восхвалять русскій, изъявлять желаніе выучиться ему или притворно показывать, будто его знаютъ». Другой современникъ, будущій министръ народнаго просвѣщенія, Уваровъ характеризуетъ эту эпоху консервативнаго подъема въ такихъ выраженіяхъ: «Это такой хаосъ воплей, страстей, ожесточенныхъ раздоровъ, увлеченія партій, что невозможно долго выдержать этого зрѣлища. У всѣхъ на языкѣ слова: религія въ опасности, нарушеніе нравственности, приверженецъ иноземныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкмасонъ, фанатикъ и т. д. Словомъ, это совершенное безуміе». Вполнѣ понятно, что на г-жу Сталь, вращавшуюся въ русскомъ обществѣ какъ разъ въ эти годы, оно производило самое консервативное впечатлѣніе. «Русское общество, особенно высшая аристократія,—пишетъ она,—гораздо менѣе либерально, чѣмъ самъ императоръ. Привыкнувъ быть абсолютными господами своихъ крестьянъ, они хотятъ, чтобы монархъ, въ свою очередь, былъ всемогущимъ, чтобы поддерживать іерархію деспотизма».

Въ концѣ 10-хъ годовъ консервативное настроеніе находитъ себѣ поддержку въ двухъ идейныхъ центрахъ. Около одного изъ нихъ группировались націоналистическіе и реакціонные элементы петербургскихъ общественныхъ сферъ, а въ другомъ собирались представители охранительныхъ теченій старой, полной шовинизма, Москвы. Этими центрами были «Бесѣда любителей Россійской словесности» и тверской салонъ вел. кн. Екатерины Павловны. Въ нихъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивалось въ то время все то, что вело ожесточенную борьбу съ французоманіей и французолюбцами во имя исконныхъ русскихъ началъ, во имя старыхъ литературныхъ традицій и прежнихъ устоевъ русской общественной и государственной жизни.

По словамъ С. Т. Аксакова, мысль объ учрежденіи «Бесѣды» родилась и образовалась въ первую половину зимы 1811 г. Ея основателями были Державинъ и Шишковъ. Укрѣпленіе въ русскомъ обществѣ патріотическаго чувства, при помощи русскаго языка и словесности, было основной цѣлью новаго литературнаго общества, такъ какъ, по словамъ одного современника, «торжество отечественной словесности должно было предшествовать торжеству вѣры и отечества». Обстоятельства, по мѣткому замѣчанію Вигеля, «чрезвычайно благопріятствовали учрежденію и началамъ «Бесѣды». «Мудрено,—говоритъ тотъ же современный наблюдатель,—объяснить тогда состояніе умовъ въ Россіи и ея столицахъ. По вкоренившейся привычкѣ не переставали почитать Западъ наставникомъ, образцомъ и кумиромъ своимъ; но на немъ тихо и явственно собиралась страшная буря, грозящая намъ истребленіемъ или порабощеніемъ. Вѣра въ природнаго законнаго защитника нашего была потеряна, и люди, умѣющіе размышлять и предвидѣть, невольно тѣснились вокругъ знамени, нѣкогда водруженнаго на Голгоѳѣ, и вокругъ другого, невидимаго еще знамени, на которомъ читали они уже слово: отечество». На торжественныхъ публичныхъ засѣданіяхъ «Бесѣды», среди шитыхъ мундировъ, лентъ и звѣздъ чиновныхъ старцевъ, громче всего звучали патріотическія рѣчи адмирала Шишкова, выступавшаго, еще въ самомъ началѣ столѣтія, на защиту древняго россійскаго слога и на борьбу съ галломаніей.

Ярче всего этотъ пылъ стараго адмирала проявился въ его «Разсужденіи о любви къ отечеству», съ публичнымъ чтеніемъ котораго онъ долгое время не рѣшался выступать на собраніяхъ «Бесѣды», боясь немилости и гнѣва государя. Возвращаясь къ своей излюбленной темѣ, Шишковъ въ этомъ «Разсужденіи» обрушивается на отрицательныя стороны воспитанія того времени. «Воспитаніе,—доказываетъ онъ,—должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранецъ можетъ преподать намъ, когда нужно, нѣкоторыя знанія свои въ наукахъ, но не можетъ вложить въ душу нашу огня народной гордости, огня любви къ отечеству, точно такъ же, какъ я не могу вложить въ него чувствованій моихъ къ моей матери». «Иностранецъ научитъ меня своему языку, своимъ нравамъ, своимъ обычаямъ, своимъ обрядамъ: воспалитъ во мнѣ любовь къ нимъ; а мнѣ надобно любить свои». Въ характерѣ и направленіи воспитанія Шишковъ видитъ основные устои всей общественной и политической структуры даннаго народа. «Народное воспитаніе,—по его словамъ,—есть весьма важное дѣло, требующее великой прозорливости и предусмотрительности. Оно не дѣйствуетъ въ настоящее время, но приготовляетъ счастіе или несчастіе предбудущихъ временъ и призываетъ на главу нашу или благословеніе, или клятву потомковъ». Всѣ стрѣлы своего краснорѣчія авторъ «Разсужденія» направляетъ на тѣхъ, кто, пренебрегая своимъ роднымъ языкомъ, говоритъ не иначе, какъ по-французски. Въ языкѣ, въ его развитіи главная основа народнаго духа, государственнаго могущества и національнаго самосознанія. «Если человѣкъ,—восклицаетъ Шишковъ,—теряетъ любовь къ своему языку, то съ нею теряетъ и привязанность къ отечеству и совершенно противоборствуетъ разсудку и природѣ». Въ концѣ своего трактата онъ кратко формулируетъ основной выводъ всѣхъ своихъ разсужденій: «вѣра, воспитаніе и языкъ суть самыя сильнѣйшія средства къ возбужденію и вкорененію въ насъ любви къ отечеству, которое ведетъ насъ къ силѣ, твердости, устройству и благополучію».


А. Ѳ. Лабзинъ (грав. Масловскаго).

Если высокій литературный паѳосъ и тяжеловѣсный славяно-русскій языкъ господствовали въ обширныхъ залахъ Державинскаго дома, гдѣ собирались на свои бесѣды литературные старовѣры бюрократическаго Петербурга, то въ совершенно иной обстановкѣ развивались консервативныя, а нерѣдко даже и реакціонныя мнѣнія въ Твери, подъ гостепріимными сводами генералъ-губернаторскаго дворца. Въ салонѣ вел. кн. Екатерины Павловны, любимой сестры императора Александра, и въ кабинетѣ ея супруга, принца Георга Ольденбургскаго, занимавшаго должность тверского генералъ-губернатора, можно было встрѣтить самыхъ разнообразныхъ лицъ, пріобрѣвшихъ себѣ имя или своей служебной дѣятельностью, или на почвѣ литературныхъ и научныхъ занятій.

Центральное мѣсто въ своемъ салонѣ занимала, безспорно, сама хозяйка дома; эта «тверская полубогиня», по выраженію Карамзина. Любимая внучка императрицы Екатерины, великая княгиня съ ранняго дѣтства пристрастилась къ серьезному чтенію и пріобрѣла такимъ образомъ многостороннія познанія. Она говорила и писала хорошо по-русски, что было большой рѣдкостью для высшаго общества конца XVIII в. въ Россіи. Она также страстно любила живопись, много посвящала ей времени и иногда цѣлыми днями не выпускала кисти изъ рукъ.


Вел. кн. Екатерина Павловна.

Широко образованная и полная самыхъ разнообразныхъ интересовъ, великая княгиня представляла изъ себя какъ бы оплотъ націонализма и консерватизма среди членовъ Императорской Семьи. Интересы и честь Россіи стояли у нея на первомъ планѣ, и она горячо вѣрила въ то, что, въ концѣ-концовъ, Россія должна занять первое мѣсто въ Европѣ. Вполнѣ понятно, что при такомъ образѣ мыслей она рѣзко ополчалась на все иноземное и преимущественно на то, что шло изъ Франціи.

Націонализмъ великой княгини, естественно, сближалъ ее съ тѣми людьми, которые въ то время занимали наиболѣе видныя мѣста, среди консервативно настроенныхъ общественныхъ сферъ. Въ ея салонѣ мы встрѣчаемъ такихъ легитимистовъ и патріотовъ, какъ гр. Ростопчинъ, И. И. Дмитріевъ, Карамзинъ и др. Всѣ эти лица часто пріѣзжали въ Тверь, проводя тамъ время въ бесѣдахъ на современныя политическія и общественныя темы.

Тамъ же въ Твери, подъ вліяніемъ консервативныхъ идей, царившихъ въ «очарованномъ замкѣ» великой княгини, зародилась знаменитая записка Карамзина «О древней и новой Россіи», которую сама Екатерина Павловна находила очень сильной. Когда въ мартѣ 1811 г. императоръ Александръ посѣтилъ въ Твери свою любимую сестру, она вручила ему записку историографа, которая произвела на государя сначала довольно неблагопріятное впечатлѣніе. Дѣйствительно, въ этой запискѣ,

которую біографъ Карамзина, Погодинъ, сравниваетъ съ политическимъ завѣщаніемъ Ришелье, воплотился, какъ въ фокусѣ, тотъ консерватизмъ и націонализмъ, которыми насыщена была въ то время общественная атмосфера. Однако слѣдуетъ отмѣтить, что записка во многомъ «грѣшила невѣдѣніемъ настоящаго». Историкъ царствованія Александра I, Богдановичъ, такъ характеризуетъ это политическое произведеніе русскаго исторіографа: «При многообъемлющей учености Карамзина ему недоставало знанія подробностей государственнаго управленія. Увлекаясь крайнимъ консерватизмомъ, онъ нерѣдко, противъ собственной воли, осуждалъ то, чего вовсе не было въ предложенныхъ нововведеніяхъ, и старался возвысить устарѣлые, отжившіе свое время, уставы». Можетъ-быть, этотъ обличительный характеръ записки и повліялъ неблагопріятно на императора Александра, крайне ревниво относящагося какъ къ полнотѣ своей неограниченной власти, такъ и ко всѣмъ тѣмъ распоряженіямъ, которыя отъ него исходили. Однако для насъ «Записка о древней и новой Россіи» представляетъ громадный интересъ, потому что въ ней смѣлое перо историка-публициста ярко и выпукло начертало то, что, можно сказать, носилось тогда въ воздухѣ, о чемъ шли бесѣды и въ тверскомъ салонѣ великой княгини, и въ московскихъ великосвѣтскихъ гостиныхъ.



П. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

Набросавъ довольно рѣзкими штрихами историческую картину судебъ древней Россіи, Карамзинъ приходитъ къ слѣдующему знаменательному выводу: «Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновластія, а спаслась мудрымъ самодержавіемъ». Дѣлая какъ бы прямой намекъ на современное положеніе Россіи, исторіографъ изумляется мудрости политической системы государей московскихъ. «Имѣя цѣлью одно благоденствіе народа, они, по его словамъ, воевали только по необходимости, всегда готовые къ миру; уклонялись отъ всякаго участія въ дѣлахъ Европы, болье пріятнаго для суетности монарховъ, нежели полезнаго для государства, и возстановивъ Россію въ умѣренномъ, такъ сказать, величіи, не алкали завоеваній невѣрныхъ или опасныхъ, желая сохранять, а не пріобрѣтать». «При завершеніи смуты «отечество даровало самодержавіе Романовымъ», и перо историка рисуетъ слѣдующую картину политическаго благоденствія Россіи въ XVII в.: «Дуга небеснаго мира возсіяла надъ трономъ Россійскимъ. Отечество подъ сѣнію самодержавія успокоилось, извергнувъ чужеземныхъ хищниковъ изъ нѣдръ своихъ, возвеличилось пріобрѣтеніями и вновь образовалось въ гражданскомъ порядкѣ». Отдавая дань должнаго дѣяніямъ Петра Великаго, Карамзинъ также не безъ намека на современныхъ совѣтниковъ императора

Александра отмѣчаетъ въ преобразователѣ «важнѣйшее для самодержавцевъ дарованіе—употреблять людей по способностямъ. Полководцы, министры, законодатели не родятся въ такое или такое царствованіе, но единственно избираются»; и авторъ записки съ удареніемъ замѣчаетъ: «избрать значитъ угадать, угадываютъ же людей только великіе люди». Однако надъ заимствованіями новыхъ обычаевъ въ эпоху Петра Карамзинъ произноситъ суровый приговоръ. «Петръ—по его словамъ—не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости». «Искореняя древніе навыки, представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь Россіи унижалъ Россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ». «Съ эпохи Петра честью и достоинствомъ Россіянъ сдѣлалось подражаніе». Карамзинъ довольно подробно вскрываетъ тотъ культурный переломъ, который пережило русское общество въ теченіе XVIII ст. «Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи виною Петра». Тѣмъ не менѣе, націоналистическій протестъ во имя народной самобытности и стародавнихъ обычаевъ былъ настолько силенъ, что Петру приходилось прибѣгать къ самымъ крайнимъ и жестокимъ мѣрамъ воздѣйствія. «Пытки и казни служили средствомъ нашего славнаго преобразованія государственнаго. Многіе гибли за одну честь русскихъ кафтановъ и бороды, ибо не хотѣли оставить ихъ и дерзали порицать монарха». Самую мысль перенести столицу въ «Сѣверный край, среди зыбей болотныхъ, въ мѣстахъ, осужденныхъ природою на безплодіе и недостатокъ», Карамзинъ считаетъ въ высшей степени пагубной. «Можно сказать,—говоритъ онъ,—что Петербургъ основанъ на слезахъ и трупахъ». Переходя къ царствованію Екатерины II, авторъ записки отмѣчаетъ, что «главное дѣло сей незабвенной монархини состоитъ въ томъ, что ею смягчилось самодержавіе, не утративъ силы своей». Отмѣтивъ, что въ годы ея царствованія «исчезъ у насъ духъ рабства, по крайней мѣрѣ, въ вышнихъ гражданскихъ состояніяхъ», Карамзинъ въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ политическое настроеніе русской общественной мысли въ тѣ годы: «Мы пріучились судить, хвалить въ дѣлахъ государя только похвальное, осуждать противное». Подводя итогъ продолжительной государственной дѣятельности великой императрицы, историкъ-публицистъ приходитъ къ такому заключенію: «Екатерина очистила самодержавіе отъ примѣсей тиранства. Слѣдствіемъ были спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній разума». Но съ кончины Екатерины картина рѣзко мѣняется: «что сдѣлали якобинцы въ отношеніи къ республикамъ, то Павелъ сдѣлалъ въ отношеніи къ самодержавію: заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго». Указавъ на трагическую кончину Павла, Карамзинъ съ осужденіемъ относится къ виновникамъ его смерти. «Если нѣкоторые вельможи, генералы, тѣлохранители присвоятъ себѣ власть тайно губить монарховъ или смѣнять ихъ, что будетъ самодержавіе? Игралищемъ олигархіи и должно скоро обратиться въ безначаліе, которое ужаснѣе самаго злѣйшаго властителя». По мнѣнію Карамзина, «законъ долженъ располагать трономъ, а Богъ одинъ—жизнью царей». Съ философскимъ спокойствіемъ онъ замѣчаетъ: «Кто вѣритъ Провидѣнію, да видитъ въ такомъ самодержцѣ бичъ гнѣва небеснаго.... Заговоры да устрашаютъ народъ

для спокойствія государей! Да устрашаютъ и государей для спокойствія народовъ». Задаваясь вопросомъ: «можно ли и какими способами ограничить самовластіе въ Россіи, не ослабивъ спасительной царской власти», Карамзинъ цѣлымъ рядомъ доводовъ старается опровергнуть это положеніе. «Умы легкіе — по его словамъ — не затрудняются отвѣтомъ» и говорятъ: «можно, надобно только законъ поставить еще выше государя». Но Карамзинъ недоумѣваетъ: «кому дадимъ право, — вопрошаетъ онъ, — блюсти неприкосновенность этого закона»? Сенату ли? Совѣту ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ или государствомъ? Въ первомъ случаѣ, они угодники царя, во второмъ — захотятъ спорить съ нимъ о власти. Вижу аристократію, а не монархію». Всѣмъ характеромъ своей записки Карамзинъ какъ бы устраняетъ самый вопросъ о преобразованіяхъ, поставленный на очередь Александромъ въ началѣ его царствованія. Онъ отстаиваетъ цѣлую политическую систему, поддерживая теорію слѣпой безправной покорности. Онъ изображаетъ врагами божескими и человѣческими людей, думавшихъ объ улучшеніи общественнаго быта. У общества исторіографъ отнимаетъ самую мысль объ усовершенствованіи порядка вещей, подъ которымъ оно живетъ. «Это воля Провидѣнія, — говоритъ онъ: — сносите ее, какъ бурю, какъ землетрясеніе и не помышляйте о томъ, чтобы могъ наступить иной порядокъ вещей, въ которомъ право и законъ устраняли бы необходимость подвергаться землетрясеніямъ». Отстаивая необходимость для Россіи самодержавія, авторъ записки восклицаетъ: «Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга, а право безъ власти есть мечта». Стоя на своей консервативно - націоналистической точкѣ зрѣнія, Карамзинъ убѣжденъ въ томъ, что самодержавіе основало и воскресило Россію: съ перемѣною государственнаго устава ея она гибла и должна погибнуть». Полный вѣры въ спасительную силу неограниченнаго единовластія, онъ открыто заявляетъ: «если бы Александръ подписалъ уставъ, основанный на правилахъ общей пользы, и скрѣпилъ бы оный святостью клятвы», то эта клятва не будетъ обязательна для его преемниковъ.



Марія Ѳеодоровна въ 1801 г. (Клаубера).

Переходя къ характеристикѣ современнаго политическаго положенія Россіи, Карамзинъ впадаетъ въ крайне пессимистическій тонъ, говоря: «Россія наполнена недовольными, жалуются въ палатахъ и хижинахъ». Причину этого всеобщаго общественнаго ропота онъ усматриваетъ въ ошибочныхъ мѣропріятіяхъ правительства, въ сферѣ какъ внѣшней, такъ и внутренней политики. «Никто не увѣритъ Россіянъ,—восклицаетъ, полный консервативнаго паѳоса, публицистъ,—чтобы совѣтники трона въ дѣлахъ внѣшней политики слѣдовали правиламъ истинной мудрой любви къ отечеству и доброму государю». Еще болѣе обличительнымъ тономъ дышитъ записка Карамзина, когда онъ переходитъ къ оцѣнкѣ реформъ, предпринятыхъ Александромъ въ періодъ преобразовательныхъ начинаній и въ годы его сближенія со Сперанскимъ. «Совѣтники государя,—говоритъ онъ,—оставили безъ вниманія правила мудрыхъ, что всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надобно прибѣгать только въ необходимости, ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ». Съ особой силой своего пылкаго краснорѣчія нападаетъ Карамзинъ на учрежденіе министерствъ, явившееся, по его мнѣнію, мѣрою крайне поспѣшною и необдуманною: «Министры стали между государемъ и народомъ, заслоняя Сенатъ, отнимая его силу и величіе». Возставая противъ учрежденія Государственнаго Совѣта и отстаивая значеніе петровскаго Сената, Карамзинъ высмѣиваетъ формулу: «внявъ мнѣнію совѣта», которою государь долженъ былъ скрѣплять одобренные Государственнымъ Совѣтомъ законопроекты. «Государь россійскій,—заявляетъ онъ,—внемлетъ только мудрости, гдѣ находитъ ее, въ собственномъ ли умѣ, въ книгахъ ли, въ головѣ ли лучшихъ своихъ подданныхъ, но въ самодержавіи не надобно ничьего одобренія для законовъ, кромѣ подписи государя». Усматривая въ этой формулѣ точный переводъ съ французскаго, защитникъ исконныхъ русскихъ основъ замѣчаетъ: «Пусть французы справедливо или несправедливо употребляютъ оное. Выраженіе «le conseil d'état entendu» не имѣетъ смысла для гражданина Россійскаго». Не безъ намека на Сперанскаго Карамзинъ выноситъ такой приговоръ ближайшимъ сотрудникамъ государя: «вообще новые законодатели Россіи славятся наукою письмоводства болѣе, нежели наукою государственною». Отрицательно относясь и къ административнымъ реформамъ императора Александра и къ тѣмъ лицамъ, трудами которыхъ обновлено было все центральное управленіе, консервативный публицистъ дѣлаетъ государю слѣдующее предостереженіе: «Перемѣны сдѣланныя не ручаются за пользу будущихъ; ожидаютъ ихъ болѣе со страхомъ, нежели съ надеждою, ибо къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно». «Новости ведутъ къ новостямъ и благопріятствуютъ необузданностямъ произвола». Въ глазахъ автора записки мѣропріятія правительства, направленныя въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ, чреваты самыми неожиданными послѣдствіями: «Въ государственномъ общежитіи право естественное уступаетъ гражданскому и что благоразумный самодержецъ отмѣняетъ единственно тѣ уставы, которые дѣлаются вредными или недостаточными и могутъ быть замѣнены лучшими». Вполнѣ понимая тѣ соображенія, которыми руководствуется въ данномъ случаѣ государь, Карамзинъ, тѣмъ не менѣе, выставляетъ слѣдующія соображенія: «Онъ желаетъ сдѣлать зе-

мледѣльцевъ счастливѣе свободою; но ежели сія свобода вредна для государства? и будутъ ли земледѣльцы счастливѣе, освобожденные отъ власти господской, но преданные въ жертву ихъ собственнымъ порокамъ, откупщикамъ и судьямъ безсовѣстнымъ?» Успокаивая совѣсть Александра и вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь положить предѣлъ его преобразовательнымъ начинаніямъ, историкъ, выражая господствующее въ то время мнѣніе консервативнаго дворянства, замѣчаетъ: «Государь! исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало, но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ». Попытки создать гражданское уложеніе, въ которыхъ, какъ извѣстно, наиболѣе видную роль игралъ Сперанскій, вызываютъ со стороны Карамзина цѣлый рядъ язвительныхъ замѣчаній. «Издаются двѣ книжки,—не безъ явнаго юмора замѣчаетъ онъ,—подъ именемъ проекта Уложенія. Что же находимъ? Переводъ Наполеонова кодекса». «Какое изумленіе для Россіянъ! какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго, у насъ еще не Вестфалія, не Италіанское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ кодексъ Наполеоновъ, со слезами переведенный, служитъ уставомъ гражданскимъ». Карамзинъ, полный искренняго возмущенія, восклицаетъ: «Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство, около тысячи лѣтъ, чтобы намъ торжественно передъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную въ Парижѣ 6 или 7 эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами?» Подвергая всесторонней критикѣ проектъ новаго гражданскаго уложенія, исторіографъ даетъ волю своимъ противофранцузскимъ убѣжденіямъ. «Оставляя все другое,—восклицаетъ онъ,—спросимъ: время ли теперь предлагать Россіянамъ законы французскіе, хотя бы оные и могли быть удобно примѣнены къ нашему гражданственному состоянію? Мы всѣ—любящіе Россію, Государя, ея славу, благоденствіе,—всѣ такъ ненавидимъ сей народъ, обагренный кровью Европы, осыпанный прахомъ столь многихъ державъ разрушенныхъ—и въ то время, когда имя Наполеона приводитъ сердце въ содроганіе, мы положимъ его кодексъ на святой алтарь отечества. Для стараго народа не надобно новыхъ законовъ». Ярко проявляя свой націонализмъ, Карамзинъ въ концѣ своей записки обнаруживаетъ довольно опредѣленно и сословно-дворянскую тенденцію своего публицистическаго трактата. Неограниченное самодержавіе и дворянскія привилегіи у него сплетаются въ нераздѣльную историческую ткань, прочность и цѣлость которой онъ заботливо охраняетъ. «Самодержавіе есть палладіумъ Россіи, цѣлость его необходима для ея счастья; но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы государь, единственный источникъ власти, имѣлъ причины унижать дворянство столь же древнее, какъ и Россія». Стоя на стражѣ дворянскихъ интересовъ, Карамзинъ полагаетъ, что дворянству наносится тяжкое оскорбленіе тѣмъ, что люди низкаго происхожденія появляются на ступеняхъ трона, «гдѣ мы издревле обыкли видѣть бояръ сановитыхъ». Въ заключеніе сословные мотивы еще сильнѣе подчеркиваются историкомъ-публицистомъ. «Итакъ, желаю,—говоритъ онъ,—чтобы Александръ имѣлъ правиломъ возвышать санъ дворянства, коего блескъ можно назвать отливомъ царскаго сіянія». Въ этихъ цѣляхъ онъ даже предлагаетъ, чтобы государь изрѣдка, въ торжественныхъ дворянскихъ

собраніяхъ, появлялся въ качествѣ главы дворянскаго сословія и не въ военномъ, а въ дворянскомъ мундирѣ.

Такимъ образомъ, въ этомъ консервативномъ публицистическомъ трактатѣ опытное перо исторіографа облекло въ изящныя, литературныя формы тѣ идеи, которыя витали въ тверскомъ салонѣ Екатерины Павловны. На фонѣ ненависти ко всему, что шло изъ Франціи, что прямо или косвенно носило на себѣ отпечатокъ великой революціи, Карамзинъ, совершенно въ униссонъ съ великой княгиней и постоянными посѣтителями ея дворца, рисуетъ идеалъ твердой, самодержавной власти, опирающейся на сословныя привилегіи землевладѣльческаго дворянства и на порабощеніе крестьянской многомилліонной массы. Идеалъ Карамзина не въ будущемъ, а позади, въ Екатерининской эпохѣ, когда въ Россіи царила эра широкихъ дворянскихъ привилегій. Въ этой запискѣ, которая является какъ бы сплошнымъ панегирикомъ неограниченному самодержавію, русское консервативно-настроенное общественное мнѣніе сказало свое наиболѣе вѣское, наиболѣе рѣшительное слово. И это слово въ устахъ Карамзина было сказано какъ разъ въ такой моментъ, когда волны патріотизма и національнаго возбужденія начинали подниматься все выше и выше. На ихъ гребнѣ выплыли на широкую общественную арену тѣ самые представители консерватизма и реакціи, которые первыя 10—12 лѣтъ царствованія Александра стояли въ оппозиціи правительственнымъ начинаніямъ. Подъ вліяніемъ надвигающейся грозы Наполеоновскаго нашествія правительство должно было уступить напору патріотической партіи: оно какъ бы испугалось и растерялось. Идеи «записки» Карамзина теперь восторжествовали и сдѣлались руководящими. Всѣ уже знакомые намъ фрондирующіе государственные дѣятели и легитимные публицисты занимаютъ теперь первыя мѣста на административномъ поприщѣ. Шишковъ облекается званіемъ государственнаго секретаря, а гр. Ростопчинъ превращается въ московскаго главнокомандующаго. Что касается Карамзина, то ему императоръ хотѣлъ предложить сперва мѣсто государственнаго секретаря, а затѣмъ постъ министра народнаго просвѣщенія, но хотя, въ концѣ-концовъ, исторіографъ и не получилъ никакихъ административныхъ назначеній, однако его вліяніе на Александра съ каждымъ годомъ росло и крѣпло.

В. Бочкаревъ.



Императорскій дворецъ въ Екатерингофѣ (нач. XIX в.).



Дворецъ Екатерины Павловны въ Твери.

IV. Паденіе Сперанскаго.

Проф. В. И. Семевскаго.

Первыми правительственными мѣрами, вызвавшими въ обществѣ раздраженіе противъ Сперанскаго, были указы 3 апрѣля 1809 г. о лицахъ придворныхъ званій и 6 августа того же года объ экзаменахъ на чины.

Со времени Екатерины II званіе камеръ-юнкера и камергера, какъ бы ни были молоды лица, ихъ получившія, давали прямо чинъ: первое V, а второе—IV класса. Вслѣдствіе этого молодые люди знатныхъ фамилій нерѣдко занимали по своимъ придворнымъ чинамъ прямо высшія мѣста къ ущербу людей, дѣйствительно заслуженныхъ и знающихъ. Указомъ 3 апрѣля 1809 г. (даннымъ по предложенію Сперанскаго) лицамъ, имѣвшимъ уже званіе камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и не состоявшимъ въ военной или гражданской службѣ (императоръ Александръ I называлъ ихъ полотерами), повелѣно было избрать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ родъ дѣйствительной службы, впредь же эти званія, при пожалованіи ихъ, считать отличіями, не приносящими никакого чина. Черезъ четыре мѣсяца велѣно было всѣхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, не заявившихъ желанія поступить на дѣйствительную службу, считать въ отставкѣ. Съ этого времени началась злоба аристократіи на дерзкаго поповича; недовольные указомъ говорили, что онъ нанесъ послѣдній ударъ старинному дворянству.

Указъ объ экзаменахъ на чины былъ подготовленъ именнымъ указомъ Сенату (даннымъ 24 января 1803 года), которымъ было постановлено, чтобы, черезъ пять лѣтъ со времени предписаннаго тогда учрежденія училищъ, въ каждомъ округѣ никто не былъ опредѣляемъ къ должностямъ, требующимъ юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ курса въ общественномъ или частномъ училищѣ. Однако число учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ медленно увеличивалось. Сославшись на это въ своей запискѣ, доложенной государю 11 декабря 1808 г., Сперанскій обратилъ его вниманіе на неудобство чиновъ, даваемыхъ «большею частью по лѣтамъ службы». Онъ указалъ, между прочимъ, и на то, что чины даютъ дворянство, основанное «на крѣпостномъ владѣніи людьми», и такимъ образомъ увеличиваютъ «массу, народъ тяготящую», при чемъ лица, получившія дворянство выслугою, «бываютъ и горше, и алчнѣе старыхъ». Доказывая, что «чины не могутъ быть признаны установленіемъ для государства ни нужнымъ, ни полезнымъ», онъ считалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ возвращеніе къ старому порядку, когда чины означали мѣста, дѣйствительно занимаемыя, когда коллежскій секретарь былъ дѣйствительно секретаремъ коллегіи. Но это преобразованіе требуетъ, по его мнѣнію, мѣръ подготовительныхъ. Сперанскій предлагалъ, между прочимъ, награждать чиномъ коллежскаго асессора, дававшаго тогда право на потомственное дворянство, только тѣмъ, которые «будутъ обучаться» или выдержатъ экзаменъ въ университетахъ [1]). Составленный имъ проектъ указа на этотъ разъ утвержденъ не былъ, но Сперанскій добился осуществленія его даже въ большемъ размѣрѣ въ указѣ 6 августа 1809 г., которымъ было повелѣно не производить въ чинъ коллежскаго асессора, хотя бы и по выслугѣ опредѣленнаго числа лѣтъ, лицъ, не окончившихъ курса въ университетѣ или не выдержавшихъ въ немъ экзамена. То же требовалось и для производства въ статскіе совѣтники сверхъ службы не менѣе 10 лѣтъ. Для не обучавшихся въ университетѣ установлена была особая программа испытаній. Насколько ненавистна была эта мѣра для массы чиновничества, видно изъ словъ Карамзина въ «Запискѣ о древней и новой Россіи» и Вигеля въ его запискахъ, а также и изъ того, что чрезъ четыре дня послѣ ссылки Сперанскаго былъ сдѣланъ первый шагъ къ допущенію исключеній изъ правилъ указа 6 августа [2]).

Ненависть къ Сперанскому быстро возрастала. Самъ онъ въ отчетѣ за 1810 г., представленномъ государю 11 февраля 1811 г., говоритъ:

«Въ теченіе одного года я поперемѣнно былъ мартинистомъ, поборникомъ масонства, защитникомъ вольности, гонителемъ рабства и сдѣлался, наконецъ, записнымъ иллюминатомъ. Толпа подъячихъ преслѣдовала меня за указъ 6 августа эпиграммами и карикатурами; другая такая же толпа вельможъ со всею ихъ свитою, съ женами ихъ и дѣтьми меня, заключеннаго въ моемъ кабинетѣ, одного, безъ всякихъ связей, меня, ни по роду моему ни по имуществу не принадлежащаго къ ихъ сословію, цѣлыми родами преслѣдуютъ, какъ опаснаго уновителя. Я знаю, что большая ихъ часть и сами не вѣрятъ симъ нелѣпостямъ; но, скрывая собственныя

---

[1]) С. В. Рождественскій. „Матеріалы для исторіи учебныхъ реформъ въ Россіи XVIII—XIX вѣкахъ". „Записки Ист.-Фил. Фак. СПБ. Университета", ч. 96, вып. I, 1910 г., стр. 374—379.

[2]) Гр. Ростопчинъ въ запискѣ, поданной государю въ Петербургѣ 20 марта 1812 г. (т.-е. черезъ восемь дней послѣ ссылки Сперанскаго), также совѣтовалъ измѣнить правила объ экзаменахъ на чины.

ихъ страсти подъ личиною общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именемъ вражды государственной: я знаю, что тѣ же самые люди превозносили меня и правила мои до небесъ, когда предполагали, что я во всемъ съ ними буду соглашаться, когда воображали найти во мнѣ послушнаго кліэнта..., но какъ скоро движеніемъ дѣлъ приведенъ я былъ въ противоположность имъ и въ разномысліе, такъ скоро превратился въ человѣка опаснаго».

Въ этой благородной самозащитѣ нельзя не обратить вниманія на то, что Сперанскаго считали «гонителемъ рабства», а это дѣлало его ненавистнымъ не для одной уже знати, а для всего дворянства. Дѣйствительно, мы видѣли, что даже въ основѣ указа 6 августа 1809 г. лежало отчасти желаніе уменьшить количество лицъ, имѣющихъ право владѣть крѣпостными; во «Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ» онъ требовалъ серьезныхъ мѣръ для ограниченія крѣпостного права [1]). Сперанскій понималъ также связь между самодержавіемъ, опирающимся на дворянство, крестьянскою неволею и политическимъ рабствомъ еще въ 1802 г. онъ писалъ: «Пользы дворянства состоятъ въ томъ, чтобъ крестьяне были въ неограниченной ихъ власти; пользы крестьянъ состоятъ въ томъ, чтобъ дворянство было въ такой же зависимости отъ престола». Поэтому онъ находилъ въ Россіи лишь два сословія: «рабы государевы и рабы помѣщичьи». Понятно, что Сперанскій былъ ненавистенъ массѣ дворянства не только какъ гонитель рабства, но и какъ «защитникъ вольности» въ политическомъ смыслѣ, такъ какъ всякое либеральное выступленіе императора Александра (какъ, напримѣръ, позднѣе рѣчь его въ 1818 г. на польскомъ сеймѣ) вызывало въ дворянахъ опасеніе за ихъ власть надъ крѣпостными. Желая опровергнуть обвиненіе, что онъ старается всѣ дѣла привлечь въ свои руки, Сперанскій въ отчетѣ за 1810 г. просилъ государя сложить съ него званіе государственнаго секретаря и дѣла финляндскія и оставить при одной должности директора комиссіи для составленія законовъ, но просьба его уважена не была.

Вслѣдъ за тѣмъ въ мартѣ того же 1811 года Сперанскому былъ нанесенъ тяжелый ударъ. Для полнаго пониманія хода событій слѣдуетъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ императора Александра къ его сестрѣ Екатеринѣ Павловнѣ, женщинѣ умной, рѣзкой и весьма честолюбивой, которую онъ страстно любилъ. Честолюбіе, желаніе играть роль было самою видною чертою ея характера [2]). Быть-можетъ, не случайно именно ее императоръ Павелъ хотѣлъ обручить съ принцемъ Евгеніемъ Вюртембергскимъ, котораго онъ думалъ въ концѣ жизни сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, а въ 1807 г. недовольство въ обществѣ сближеніемъ Александра I съ Наполеономъ вызвало болтовню не только въ частныхъ домахъ, но даже и въ общественныхъ собраніяхъ о необходимости возвести на престолъ великую княгиню Екатерину [3]). Въ періодъ исканія ей жениховъ императрицею Маріею Ѳеодоровною, уже въ царствованіе Александра I, Екатерина Павловна готова была выйти замужъ даже за безобразнаго и антипатичнаго австрійскаго императора Франца. Въ

---

[1]) См. „Историческое Обозрѣніе“, т. X, 29—30.

[2]) Ср. „Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ императора Александра и Наполеона“, изд. великаго князя Николая Михаиловича, т. VI, 1908, стр. 55.

[3]) Шильдеръ, II, 298.

апрѣлѣ 1809 г. она стала женою принца Георгія Ольденбургскаго, который былъ назначенъ главнокомандующимъ путями сообщенія и генералъ-губернаторомъ тверскимъ, новгородскимъ и ярославскимъ. Императоръ Александръ любилъ навѣщать сестру въ Твери и продолжалъ писать ей нѣжныя, иногда даже страстныя письма [1]). Въ перепискѣ съ братомъ она никогда не упоминала объ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, съ которою была въ дурныхъ отношеніяхъ, но зато всегда навѣдывалась о другой семьѣ государя, М. А. Нарышкиной (имѣвшей двухъ дѣтей отъ императора Александра), зная, что это ему очень пріятно. Съ матерью, Маріей Ѳедоровной, она, какъ и государь [2]), не ладила, и та говорила о дочери: «У нея самыя лучшія губерніи въ Россіи, а она все недовольна! Я не знаю, чего хочетъ Екатерина» [3]).

Государь любилъ бесѣдовать съ Екатериною Павловною о самыхъ серьезныхъ вопросахъ. Въ концѣ декабря 1810 г., собираясь навѣстить ее въ Твери въ будущемъ году, онъ составилъ заранѣе программу разговоровъ, чтобы «вести ихъ въ большемъ порядкѣ и чтобы имѣть время поговорить» обо всемъ: 1) о политикѣ, 2) о военныхъ дѣйствіяхъ, 3) о внутреннемъ управленіи. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ были намѣчены: 1) отчетъ государственнаго секретаря (Сперанскаго), 2) его частный отчетъ, 3) мысли о предполагаемыхъ учрежденіяхъ и проч. Такимъ образомъ то, что писалъ Сперанскій въ своемъ частномъ отчетѣ для одного государя, становилось извѣстнымъ великой княгинѣ Екатеринѣ, а черезъ нее, вѣроятно, и лицамъ, къ ней приближеннымъ.

Екатерина Павловна слыла истинной патріоткой; она познакомилась въ концѣ 1809 г. въ Москвѣ, куда привезъ ее государь, съ Н. М. Карамзинымъ; у нея въ Твери бывалъ также гр. Ѳ. В. Ростопчинъ, потѣшавшій ее разными курьезными разсказами и, между прочимъ, объ ея отцѣ (которому онъ былъ такъ многимъ обязанъ). Оба они враждебно относились къ Сперанскому и встрѣтили въ этомъ отношеніи сочувствіе въ великой княгинѣ. Нужно замѣтить, что въ завѣдываніи Сперанскаго находилась офиціальная переписка съ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, и великая княгиня, очень охранявшая достоинство своего мужа и однажды написавшая изъ-за него очень непріятное письмо даже самому императору, какъ говорятъ, и въ этомъ отношеніи нашла поводъ быть недовольною Сперанскимъ [4]). Раздраженіе Екатерины Павловны доходило

[1]) Въ одномъ изъ нихъ (въ ноябрѣ 1811 г.) онъ выражается такимъ образомъ: „Увы, я не могу воспользоваться моими прежними правами (дѣло идетъ о вашихъ ногахъ, понимаете) (курсивъ подлинника) на самые нѣжные поцѣлуи въ вашей спальнѣ въ Твери“. Великій князь Николай Михаиловичъ, „Переписка императора Александра I съ сестрою великою княгинею Екатериною Павловною“, Спб, 1910, стр. 59, ср. 3, 7.

[2]) Марія Ѳедоровна не симпатизировала либеральнымъ стремленіямъ государя, и около нея группировались лица, имъ не сочувствующія. „Mémoires du pr. Adame Czartoryski“, P. 1887, I, 316. Она была противницею и союза съ Наполеономъ и громко фрондировала въ этомъ отношеніи. Вел. князь Николай Михаиловичъ, „Импер. Елизавета Алексѣевна“, II, 256, ср. „Русск. Стар.“, 1899 г., № 4.

[3]) Екатерина Павловна, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Лубяновскій, „любила... говорить обо всемъ и обо всѣхъ изъ бывшихъ тогда на сценѣ лицъ, начиная съ самой высшей ступени..., а заключенія ея всегда были кратки, рѣшительны и часто нещадны“. Позднѣе, лѣтомъ 1814 г., не поладивъ въ Лондонѣ съ регентомъ и первымъ министромъ, она повліяла на находившагося тамъ въ это время императора Александра во враждебномъ имъ смыслѣ, и это отразилось даже на дипломатическихъ отношеніяхъ Россіи и Англіи.

[4]) По словамъ лица, къ нему близкаго, онъ раздражилъ великую княгиню тѣмъ, что однажды отказался исполнить ея просьбу (противорѣчащую указу 6 августа 1809 г.) о награжденіи чиномъ коллежскаго асессора Бушмана, секретаря и библіотекаря принца Георгія. Ростопчинъ раздулъ ея неудоволь-

до того, что, какъ разсказываетъ Лубяновскій, она жаловалась ему на слабость брата, на то, что «кому удастся подчинить его своему вліянію, тотъ имъ и руководитъ», говорила, что Сперанскій разоряетъ государство и ведетъ его къ гибели [1]), что «онъ преступникъ, а братъ мой и не подозрѣваетъ этого».—«Можно ли такого злодѣя при себѣ держать», восклицалъ и принцъ. Лубяновскій сообщилъ объ этомъ Сперанскому еще въ 1810 г. и въ своихъ запискахъ говоритъ, что съ этого времени началъ за него опасаться.

Екатерина Павловна пригласила Карамзина навѣщать ее въ Твери, и онъ былъ у нея затѣмъ нѣсколько разъ и читалъ ей отрывки изъ своей «Исторіи». Въ февралѣ 1811 г. онъ провелъ съ женою двѣ недѣли въ Твери, куда привезъ съ собою записку «О древней и новой Россіи», написанную по настоятельной просьбѣ Екатерины Павловны для государя, прочелъ ее великой княгинѣ, задававшей ему много вопросовъ, и отдалъ ее ей [2]). Предупрежденный ею и получивъ извѣстіе отъ Дмитріева, что государь желаетъ видѣть его, Карамзинъ пріѣхалъ въ Тверь. Екатерина Павловна вновь говорила съ нимъ о его запискѣ и однажды сказала, что находитъ ее «очень сильною», т.-е. смѣлою. Государь съ большимъ вниманіемъ слушалъ каждый день чтеніе отрывковъ изъ «Исторіи» Карамзина, говорилъ съ нимъ о самодержавіи, причемъ историкъ былъ за него, а государь—противъ, осыпалъ его любезностями, приглашалъ его въ Петербургъ, говоря, что великая княгиня, конечно, помѣститъ его въ своемъ Аничковомъ дворцѣ, но, прочтя записку, которую она передала ему 18 марта съ надписью à mon frère seul, отнесся къ нему съ замѣтною холодностью.


Итальянскій фонтанъ въ Петергофѣ (грав. Галактіонова).

ствіе, сказавъ ей: „Какъ смѣетъ этотъ дрянной поповичъ отказывать сестрѣ своего государя, когда долженъ былъ почитать за милость, что она обратилась къ его посредничеству". Вѣроятно, она была недовольна и тѣмъ, что, когда государь желалъ въ началѣ 1810 г. назначить министромъ народнаго просвѣщенія Карамзина, то Сперанскій отговорилъ его отъ этого, предложивъ сдѣлать его сначала кураторомъ московскаго университета, отъ чего Карамзинъ отказался.

[1]) Не оттуда ли пошло въ ходъ крылатое слово: „деретъ этотъ поповичъ кожу съ народа; сгубитъ онъ государство".

[2]) 3 марта 1811 г. онъ писалъ Дмитріеву: „Съ великимъ любопытствомъ читалъ я на сихъ дняхъ проектъ законовъ; на иное сдѣлалъ бы свое примѣчаніе, но писать объ этомъ неловко. Дай Богъ всего добраго нашему отечеству". Я полагаю, что тутъ рѣчь идетъ о планѣ государственныхъ преобразованій, французскій переводъ котораго, сообщенный ея мужу, вѣроятно, дала Карамзину на прочтеніе великая княгиня.

Записка Карамзина, при первомъ ея чтеніи, дѣйствительно могла раздражить императора Александра: авторъ указывалъ на «любострастность» двора Екатерины, на раздачу «государственныхъ богатствъ» тѣмъ, кто имѣлъ только красивое лицо, выражалъ мнѣніе, что «какъ люди ни развратны, но внутренно не могутъ уважать развратныхъ», что, вспоминая слабости Екатерины, «краснѣешь за человѣчество». Карамзинъ далъ здѣсь въ нѣсколькихъ строкахъ блестящую характеристику деспотизма Павла, называя его тираномъ, говорилъ объ общей ненависти къ нему, о восторгѣ, вызванномъ его смертью. Воспоминаніе о днѣ 11 марта 1801 г., когда былъ убитъ императоръ Павелъ, было зіяющею раною въ груди Александра I всю его жизнь, и въ немъ не могло не вызвать тяжелаго страданія не совсѣмъ тактичное утвержденіе Карамзина, что въ этомъ случаѣ, «не сомнѣваясь въ добродѣтели Александра, судили единственно заговорщиковъ». Но далѣе Карамзинъ не жалѣлъ указаній на серьезные недостатки правленія и самого Александра: заявлялъ, что Россія «наполнена недовольными», порицалъ внѣшнюю политику правительства, называлъ важнѣйшею ошибкою Тильзитскій миръ и разрывъ съ Англіею, утверждалъ, что ни за что не слѣдовало допускать образованія герцогства Варшавскаго, что, завоевавъ Финляндію, мы заслужили «ненависть шведовъ, укоризну всѣхъ народовъ», что, можетъ, было бы лучше потерпѣть еще разъ пораженіе отъ французовъ, чѣмъ слѣдовать въ этомъ случаѣ «ихъ хищной системѣ», высказывался вообще противъ нововведеній, не одобрялъ учрежденія министерствъ, такъ какъ министры заслонили собою Сенатъ, стали между государемъ и народомъ, отвѣтственность же ихъ предъ Сенатомъ осталась «пустымъ обрядомъ», высказывалъ крѣпостническія мнѣнія по крестьянскому вопросу, совѣтовалъ принимать дворянъ въ военную службу прямо офицерами почти безъ всякаго образовательнаго ценза, указывалъ на вредъ парадоманіи. Все это не могло понравиться императору Александру.

Не мало обвиненій досталось въ этой запискѣ и на долю Сперанскаго, хотя имя его не было названо. Учрежденіемъ Государственнаго Совѣта Сенатъ униженъ, формула—«внявъ мнѣнію совѣта» не имѣетъ смысла въ самодержавномъ государствѣ, право министра не скрѣпить своей подписью указъ государя (по министерскому наказу) равносильно заявленію передъ всѣми, что указъ вреденъ, «указъ объ экзаменахъ осыпанъ вездѣ язвительными насмѣшками». Вызываетъ въ Карамзинѣ порицаніе и признаніе государственнымъ долгомъ ассигнацій, при чемъ мнѣніе его относительно ихъ выпуска крайне наивно.

Но, въ концѣ-концовъ, программа историка, сводившаяся къ тому, что нужны только хорошіе губернаторы, что нововведеній не требуется, что государь не имѣетъ даже права ограничить самодержавіе, что оно «палладіумъ Россіи», «цѣлость» котораго «необходима для ея счастья», могла явиться пріятною поддержкою нерѣшительности государя, его опасенія серьезныхъ реформъ, и по возвращеніи имп. Александръ сказалъ Коленкуру, что «нашелъ въ Твери очень разумныхъ людей».

Обсужденіе проекта преобразованія сената въ Государственномъ Совѣтѣ происходило уже послѣ представленія Карамзинымъ этой записки. Посылая 5 іюля 1811 г. Екатеринѣ Павловнѣ печатный проектъ этого преобра-

зованія, государь присоединилъ для принца Георгія наказъ министрамъ въ окончательномъ видѣ, а также учрежденіе Министерства Полиціи, и желалъ знать мнѣніе Екатерины Павловны и ея мужа объ этихъ уставахъ.

Преобразованіе министерствъ не дешево обошлось Сперанскому:

«Здѣсь каждый министръ,—писалъ онъ позднѣе въ пермскомъ письмѣ государю,—считалъ ввѣренное ему министерство за пожалованную ему деревню, старался наполнить ее и людьми, и деньгами. Тотъ, кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель государства,—и это былъ я. Мнѣ одному противъ осьми сильныхъ надлежало вести сію тяжбу... Въ самыхъ правилахъ наказа надлежало сдѣлать важныя перемѣны... преградить насильныя завладѣнія одной части надъ другою... Можно ли было сего достигнуть, не прослывъ рушителемъ всякаго добра, человѣкомъ опаснымъ и злонамѣреннымъ?»

Если вѣрить свидѣтельству И. И. Дмитріева, министра юстиціи и человѣка, близкаго Балашову, государь уже въ августѣ 1811 г. велѣлъ министру полиціи присматривать за Сперанскимъ. А. Д. Балашовъ, бывшій съ 1808 г. оберъ-полицмейстеромъ въ Петербургѣ, съ 1809 г.—испр. обяз. петербургскаго военнаго губернатора, съ 1810 г., по представленію Сперанскаго, очевидно, недостаточно его знавшаго, былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и министромъ полиціи. Корыстный картежникъ въ молодости, онъ на ввѣренномъ ему служебномъ посту зарекомендовалъ себя лихоимствомъ и склонностью къ усиленному шпіонству.

Кочубей писалъ впослѣдствіи императору Александру, что Балашовъ, ставъ во главѣ Министерства Полиціи, «превратилъ его въ министерство шпіонства. Городъ наполнился шпіонами всѣхъ цвѣтовъ,—наемными шпіонами русскими и иностранцами, шпіонами-друзьями, сплошь и рядомъ переодѣтыми полицейскими офицерами, при чемъ въ переодѣваніи, какъ говорятъ, принималъ участіе и самъ министръ. Эти агенты не ограничивались тѣмъ, что стремились узнавать новости и давать возможность правительству предупреждать преступленія; они старались создавать преступленія и возбуждать подозрѣнія. Они вступали въ откровенности съ людьми различныхъ классовъ, жаловались» на государя, «критикуя мѣры правительства, лгали, чтобы вызвать также откровенныя заявленія или жалобы» (существовала, слѣдовательно, провокація). «Все устраивалось потомъ согласно видамъ тѣхъ, которые руководили этимъ дѣломъ. Маленькіе люди, испуганные доносами, входили въ сдѣлки съ второстепенными чиновниками, какъ Сангленъ (правитель особенной канцеляріи Министерства Полиціи)» и другіе; о болѣе извѣстныхъ лицахъ сообщалось министру, который пользовался этими свѣдѣніями по своему усмотрѣнію.

Другимъ лицомъ, сыгравшимъ крупную роль въ паденіи Сперанскаго, былъ баронъ Густавъ-Морицъ Армфельтъ, пользовавшійся немалою извѣстностью въ Швеціи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. По завоеваніи Финляндіи, гдѣ у него были большія помѣстья, онъ пріѣхалъ въ іюлѣ 1810 г. въ Петербургъ. Одинъ изъ самыхъ искусныхъ интригановъ своего времени, человѣкъ чрезвычайно честолюбивый, онъ сумѣлъ завоевать себѣ положеніе въ высшихъ петербургскихъ сферахъ. Сперанскій, не имѣвшій времени заниматься порученными ему дѣлами Финляндіи въ той степени, какъ они этого требовали, самъ содѣйствовалъ возвышенію Армфельта. Вѣроятно, онъ былъ подкупленъ нѣкоторыми его либеральными стремленіями. По словамъ его біографа [1]), онъ освободилъ своихъ

[1]) Абовъ, „Густавъ-Морицъ Армфельтъ", Спб., 1901 г.

крѣпостныхъ въ старой Финляндіи (Выборгской губерніи) и склонялъ государя къ прекращенію крѣпостного права въ Россіи, занимался интересами Польши, гдѣ, по порученію императора Александра, имѣлъ постоянныхъ корреспондентовъ, и писалъ для нея проектъ конституціи, состоялъ въ сношеніяхъ съ гр. Огинскимъ, которымъ былъ представленъ проектъ образованія изъ сѣверо-западныхъ губерній княжества Литовскаго съ цѣлью его будущаго соединенія съ герцогствомъ Варшавскимъ и образованія такимъ образомъ польскаго королевства съ присоединеніемъ къ нему Галиціи; онъ же составлялъ планъ для отраженія ненавистнаго ему Наполеона на случай его вторженія въ Россію. Впослѣдствіи, когда Сперанскій разгадалъ характеръ Армфельта, онъ отмѣтилъ въ немъ «чудовищное соединеніе откровенности и прямодушія съ коварствомъ и плутовствомъ». Въ 1811 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ финляндской комиссіи, уставъ которой, написанный Сперанскимъ, былъ утвержденъ въ началѣ сентября этого года; это открыло ему возможность непосредственныхъ докладовъ императору и работы съ нимъ по финляндскимъ дѣламъ, Сперанскій же былъ отъ нихъ освобожденъ. Казалось бы, послѣ этого Армфельту не за что было недружелюбно относиться къ Сперанскому, и онъ даже писалъ въ ноябрѣ 1811 г., что находится съ нимъ «въ добромъ согласіи»; это было бы тѣмъ естественнѣе, что взгляды Сперанскаго на Финляндію были вообще весьма благопріятны для финляндскихъ патріотовъ: онъ считалъ эту страну «государствомъ, а не губерніею», а финляндскій сеймъ—«прочнымъ основаніемъ для предстоящей организаціи страны»; имъ были написаны не только двѣ рѣчи императора при открытіи и закрытіи сейма въ Борго, но и грамота («Обнадеживаніе всѣмъ жителямъ Финляндіи») 15 марта 1809 г., которою государь подтверждалъ сохраненіе коренныхъ законовъ и конституціи Финляндіи. Но Армфельту, видимо, хотѣлось добиться такого же вліятельнаго положенія относительно государя, какое занималъ Сперанскій (ненавистный ему еще и потому, что онъ считался сторонникомъ во внѣшнихъ сношеніяхъ союза съ Наполеономъ), а для этого нужно было удалить талантливаго государственнаго секретаря.

Въ своей французской оправдательной запискѣ Сперанскій говоритъ: «Два лица, уже пользовавшіяся довѣріемъ императора, предложили Сперанскому посвятить ихъ въ свои виды и учредить секретный и анонимный комитетъ, который управлялъ бы всѣми дѣлами, между тѣмъ какъ совѣтъ и сенатъ явились бы простыми исполнителями. Сперанскій съ полною прямотою отвергъ это предложеніе, но былъ настолько неловокъ, что не сообщилъ объ этомъ императору. Это была капитальная ошибка. Какъ человѣкъ кабинетный, онъ не сумѣлъ въ этомъ случаѣ распутать всѣ тонкія нити уже составленнаго заговора. Онъ не понялъ, что такого рода сообщеніе не могло быть оставлено безъ послѣдствій. Нужно было или покориться, или бороться. Сперанскій не сдѣлалъ ни того ни другого и скоро былъ опрокинутъ».

Впослѣдствіи онъ разсказывалъ А. В. Воейкову, что это произошло въ концѣ октября 1811 г. и что упросилъ его принять Балашова и Армфельта Магницкій, одинъ изъ его подчиненныхъ по службѣ въ Государственномъ Совѣтѣ, статсъ-секретарь по департаменту законовъ, дружески принятый у него въ домѣ. По показанію Лубяновскаго со словъ Сперанскаго, онъ отвѣчалъ на предложеніе Балашова: «Упаси, Боже, вы

не знаете государя, онъ увидитъ тутъ прикосновеніе къ своимъ правамъ, и намъ всѣмъ можетъ быть худо». Магницкій, которому онъ разсказалъ объ этомъ разговорѣ, совѣтовалъ немедленно довести о немъ до свѣдѣнія государя, но Сперанскій полагалъ, что это было бы «подлою интригою съ его стороны». Въ декабрѣ 1811 г., не довѣряя и Балашову, императоръ Александръ призвалъ къ себѣ одного изъ его подчиненныхъ, де-Санглена, рекомендованнаго ему Армфельтомъ, выразилъ желаніе, чтобы онъ познакомился со Сперанскимъ, а когда тотъ замѣтилъ, что это не легко, сказалъ ему, что раньше далъ такое порученіе Балашову и имѣетъ уже отъ него донесеніе. Балашовъ выставилъ предлогомъ своего посѣщенія желаніе посовѣтоваться, нельзя ли расширить вѣдомство Министерства Полиціи, на что Сперанскій отвѣтилъ: «развѣ со временемъ можно будетъ сдѣлать это», и будто бы прибавилъ: «вы знаете мнительный характеръ императора. Tout ce qu'il fait, il le fait à demi. Il est trop faible pour régir et trop fort pour être régi». (Все, что онъ ни дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ наполовину. Онъ слишкомъ слабъ, чтобы управлять, и слишкомъ силенъ, чтобы быть управляемымъ). Возможно, что Балашовъ просто выдумалъ слова, приписанныя имъ Сперанскому (какъ выдумали его агенты разговоры, будто бы происходившіе въ гостиной Кочубея); возможно, что они были сказаны и такъ, какъ Сперанскій сообщилъ ихъ Лубяновскому. Впрочемъ, не будучи ловкимъ царедворцемъ, Сперанскій не отличался необходимою въ его положеніи осторожностью. Для раздраженія же противъ государя у него было не мало основаній вслѣдствіе крайней нерѣшительности императора Александра въ осуществленіи одобреннаго имъ плана преобразованій [1]). Государь продолжалъ съ большою благо-



Марія Ѳедоровна (съ портр., принадл. принц. Саксенъ-Люксембургской).

[1]) Французскій посланникъ Лористонъ въ донесеніи отъ 13 апр. 1812 г. передаетъ слухъ, что „главная вина Сперанскаго состояла въ нескромныхъ отзывахъ объ императорѣ, котораго онъ осуждалъ за недостатокъ характера и энергіи, заставлявшій его колебаться въ проведеніи мѣръ, имъ самимъ одобренныхъ". „Русскій Архивъ", 1882 г., № 4, стр. 174.

склонностью обращаться со Сперанскимъ, оставлялъ его послѣ доклада въ своемъ кабинетѣ, долго разговаривалъ съ нимъ о вещахъ постороннихъ, ожидая отъ него сообщенія о разговорѣ съ нимъ Балашова и Армфельта, который министръ полиціи передалъ въ совершенно извращенномъ видѣ, приписавъ иниціативу плана объ учрежденіи тріумвирата Сперанскому. Давно, впрочемъ, было высказано еще такое предположеніе относительно этого свиданія: М. П. Погодинъ, основываясь на сообщеніяхъ Санглена, обратилъ вниманіе на то, что едва ли такіе опытные интриганы, какъ Балашовъ и Армфельтъ, рѣшились бы явиться съ столь рискованнымъ предложеніемъ къ Сперанскому. Какъ могли они быть увѣрены, что онъ ихъ не выдастъ? Поэтому Погодинъ задавался вопросомъ, не были ли они, такъ сказать, «застрахованы», т.-е. не дѣлали ли они этого предложенія съ вѣдома государя, чтобы испытать Сперанскаго. Но это предположеніе опровергается словами имп. Александра, сказанными де-Санглену, что Сперанскому не зачѣмъ было вступать въ связь съ министромъ полиціи (см. ниже).

Балашовъ послѣ своего доноса государю на Сперанскаго хотѣлъ, чтобы Сангленъ съ нимъ познакомился, и когда тотъ уклонился, далъ это порученіе своему племяннику Бологовскому, который былъ друженъ съ Магницкимъ. Государю донесли, что Бологовскій ѣздитъ отъ Балашова къ Магницкому, а отъ того—къ Сперанскому; такъ какъ Бологовскій былъ въ числѣ заговорщиковъ 1801 г., а Александру I сообщили, что онъ воскликнулъ предъ убійствомъ Павла «voilà le tyran», то ему будто бы показалось подозрительными сношенія между Сперанскимъ, Магницкимъ, Балашовымъ и Бологовскимъ, который «способенъ на все». Но если вѣрить де-Санглену, государь сказалъ ему: «Нужно употребить Бологовскаго, чтобы ихъ всѣхъ уничтожить». Бологовскій уговорилъ Магницкаго содѣйствовать сближенію Балашова со Сперанскимъ, и есть извѣстіе, будто бы Сперанскій согласился даже поѣхать къ Балашову; но затѣмъ передумалъ и послалъ записку, что не можетъ быть у него, а Магницкій переслалъ ее министру полиціи, у котораго въ рукахъ такимъ образомъ очутилось доказательство, что Сперанскій готовъ былъ съ нимъ сблизиться.

Между тѣмъ продолжали поступать доносы на Сперанскаго. Въ началѣ 1812 г. шведскій наслѣдный принцъ Бернадотъ сообщилъ, что будто бы «священная особа императора находится въ опасности» и что Наполеонъ готовъ съ помощью крупнаго подкупа опять укрѣпить свое вліяніе въ Россіи. Какъ на главу заговора въ Петербургѣ, указывали на Сперанскаго и его довѣреннаго Магницкаго. Армфельтъ распускалъ явную клевету на Сперанскаго, будто бы тотъ сказалъ ему: «было бы потерею капитала тратить время и силы на голову императора» [1]). Въ дѣло годились всѣ средства: не даромъ Армфельтъ сказалъ де-Санглену: «Знаете, что Сперанскій, виновенъ ли онъ или нѣтъ, долженъ быть принесенъ въ жертву: это необходимо для того, чтобы привязать народъ къ главѣ государства, и ради войны, которая должна быть національною» [2]).

[1]) Было перехвачено письмо, въ которомъ Сперанскій, увѣдомляя пріятеля объ отъѣздѣ государя съ цѣлью осмотра возводимыхъ на западной границѣ укрѣпленій, употребилъ выраженія: „Нашъ Вобанъ, нашъ Вобланъ“ (veau blanc)—насмѣшливое прозвище, навѣянное повѣстью Вольтера: „Бѣлый быкъ“.

[2]) Оленинъ, послѣ высылки Сперанскаго, передавалъ, что онъ называлъ государя „ребенкомъ, котораго необходимо водить на помочахъ“.

Балашовъ увѣрялъ имп. Александра, что Сперанскій состоитъ «регентомъ у иллюминатовъ». Армфельтъ тоже распространялъ вѣсти, что Сперанскій участвуетъ въ ихъ ложѣ. О сношеніяхъ Сперанскаго съ ними доносилъ государю и Ростопчинъ [1]). Онъ же сообщилъ о связяхъ Сперанскаго съ мартинистами и иллюминатами Екатеринѣ Павловнѣ. Въ «Запискѣ о мартинистахъ», представленной ей въ 1811 году, онъ говоритъ, что «они всѣ больше или меньше преданы Сперанскому, который, не придерживаясь въ душѣ никакой секты, а можетъ-быть, и никакой религіи (?), пользуется ихъ услугами для направленія дѣлъ и держитъ ихъ въ зависимости отъ себя». Ростопчинъ обвинялъ мирныхъ масоновъ-мартинистовъ въ томъ, будто бы «они поставили себѣ цѣлью произвести революцію, чтобъ играть въ ней видную роль», и увѣрялъ, что Наполеонъ «покровительствуетъ имъ и когда-нибудь найдетъ сильную опору въ этомъ обществѣ». Екатерина Павловна, вѣроятно, переслала эту записку императору Александру, такъ какъ 18 декабря 1811 г. онъ писалъ ей: «Ради Бога никогда по почтѣ, если есть что-либо важное въ вашихъ письмахъ, особенно ни одного слова о мартинистахъ». Въ числѣ слуховъ, передаваемыхъ французскимъ посломъ Лористономъ послѣ паденія Сперанскаго, былъ и такой, что онъ глава секты иллюминатовъ и подъ предлогомъ преобразованій хотѣлъ взволновать всю имперію [2]).



Пр. Евгеній Вюртембергскій (С.-Обена).

Ростопчинъ вообще былъ однимъ изъ главныхъ враговъ Сперанскаго. Государь однажды сказалъ Санглену: «Изъ донесенія гр. Ростопчина о толкахъ московскихъ я вижу, что тамъ ненавидятъ Сперанскаго, полагаютъ, что онъ въ учрежденіяхъ министерствъ и Совѣта хитро подкопался

[1]) Наконецъ въ запискѣ полковника Полева, найденной въ кабинетѣ Александра I послѣ его смерти, называются имена Сперанскаго, Феслера, Магницкаго, Злобина и др., какъ членовъ ложи „иллюминатовъ“ (Госуд. Арх.); Магницкій же въ доносѣ императору Николаю говоритъ, что Феслеръ „въ саду комиссіи законовъ“ учредилъ ложу „Полярной звѣзды“, въ которой, кромѣ того, участвовали Сперанскій, Пезаровіусъ, Злобинъ, Розенкампфъ, самъ Магницкій и др., и сообщаетъ нѣкоторыя подробности о бесѣдахъ о религіи Сперанскаго съ Феслеромъ. „Русск. Стар.“, 1899 г., № 2, стр. 297—298.

[2]) „Русск. Арх.“, 1882 г., № 4, стр. 173. Странно, что этой депеши Лористона отъ 13 апрѣля нѣтъ въ изданіи великаго князя Николая Михаиловича „Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ императора Александра и Наполеона. 1808—1812 г.“, т. VI, 1908. Объ отношеніяхъ Сперанскаго къ масонамъ онъ самъ, давая въ 1822 г. подписку о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ, заявилъ: „Въ 1810 и 1811 году повелѣно было разсмотрѣть масонскія дѣла особому секретному комитету, въ коемъ и я находился. Дабы имѣть о дѣлахъ сихъ нѣкоторое понятіе, я вошелъ съ вѣдома правительства въ масонскіе обряды, для чего составлена была здѣсь частная и домашняя ложа изъ малаго числа лицъ по системѣ и подъ предсѣдательствомъ доктора Феслера, въ коей былъ два раза. Послѣ сего какъ въ сей, такъ и ни въ какой другой ложѣ, ни въ тайномъ обществѣ не бывалъ“.

подъ самодержавіе... Здѣсь, въ Петербургѣ, онъ пользуется общею ненавистью и вездѣ въ народѣ проявляется желаніе ниспровергнуть его учрежденіе. Слѣдовательно, учрежденіе министерствъ есть ошибка [1]). Кажется, Сперанскій не совсѣмъ понялъ Лагарпа». И государь далъ де-Санглену рукопись Лагарпа для сравненія съ учрежденіемъ министерствъ [2]). Императоръ Александръ, если вѣрить де-Санглену, сталъ раскаиваться и въ другихъ своихъ государственныхъ преобразованіяхъ: «Сперанскій,—будто бы сказалъ онъ,—вовлекъ меня въ глупость. Зачѣмъ я согласился на Государственный Совѣтъ и на титулъ государственнаго секретаря? Я какъ будто отдѣлилъ себя отъ государства. Это глупо. И въ планѣ Лагарповомъ того не было». Быть-можетъ, въ связи съ этимъ Сперанскій въ пермскомъ письмѣ доказываетъ неосновательность обвиненія его въ томъ, что преобразованіемъ Государственнаго Совѣта онъ желалъ ограничить самодержавіе.

Въ числѣ трехъ основныхъ обвиненій, выдвинутыхъ противъ Сперанскаго государемъ въ послѣднее свиданіе съ нимъ, было: 1) что «финансовыми дѣлами» онъ «старался разстроить государство», и 2) «привести налогами въ ненависть правительство». По недостатку мѣста я не могу говорить подробно о вліяніи Сперанскаго въ этой области, но все же необходимо сказать нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ.

Нужно прежде всего замѣтить, что планъ финансовъ, составленный Сперанскимъ по порученію государя и внесенный въ преобразованный Государственный Совѣтъ въ первое же его засѣданіе 1 января 1810 г., былъ выработанъ имъ сообща съ проф. Балугьянскимъ, Н. С. Мордвиновымъ, Кочубеемъ, Кампенгаузеномъ и товарищемъ министра финансовъ Гурьевымъ, который сдѣланъ былъ затѣмъ министромъ финансовъ. Планъ этотъ былъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ и утвержденъ государемъ. Положеніе финансовъ было крайне тяжелое: по смѣтѣ на 1810 г. предполагалось доходовъ 105 милл. руб., расходовъ—225 милл., слѣдовательно, предстоялъ дефицитъ въ 120 милл. [3]); въ обращеніи было 577 милл. руб. ассигнацій, курсъ которыхъ быстро падалъ (въ 1810 г. до 31, въ 1811 г. до 25 коп. сер. за рубль ассигн.) [4]), и, кромѣ того, было 100 милл. руб. иностраннаго долга. Приходилось или продолжать выпускъ и безъ того обезцѣненныхъ ассигнацій, или увеличить налоги [5]). Сперанскій стоялъ

---

[1]) Тутъ сказалось, вѣроятно, вліяніе записки Карамзина.

[2]) По другому разсказу де-Санглена, болѣе сомнительному, императоръ будто бы даже убѣдился въ „измѣнѣ" Сперанскаго по сличеніи съ его учрежденіями плана Лагарпа и сказалъ: онъ „обрусилъ, запуталъ и испортилъ проектъ Лагарпа... онъ измѣнникъ".

[3]) При пересмотрѣ росписи въ Государственномъ Совѣтѣ доходъ былъ доведенъ (съ новыми налогами) до 209.291.316 руб., расходы же сокращены до 184.717.411 руб. „Сб. Ист. Общ.", т. 45, стр. 196, 201; ср. Мигулинъ, „Русск. госуд. кредитъ", I, 47. Но въ дѣйствительности расходы на нѣсколько десятковъ милліоновъ превысили доходъ.

[4]) Шторхъ, „Матеріалы для исторіи госуд. денежн. знаковъ въ Россіи", Спб., 1868 г., стр. 58 (тутъ показаны средніе годовые курсы).

[5]) Но это было сдѣлано въ непосильномъ для народа размѣрѣ. По манифесту 2 февраля 1810 г. подушная подать съ крестьянъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ была повышена до 2 руб. асс. съ души; казенные крестьяне были, сверхъ оброчной подати, временно обложены сборомъ въ разныхъ губерніяхъ въ 2—3 руб съ ревизской души; подать съ мѣщанъ временно увеличена до 5 руб. асс. съ души; сверхъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ имѣній, сверхъ подушной подати,назначенъ сборъ по 50 коп. съ души (только на1810 годъ); на подати съ купеческихъ капиталовъ велѣно взимать по $1/2$% на рубль; наложенъ особый сборъ на крестьянъ, торгующихъ въ столицѣ; цѣна соли повышена съ 40 коп. до 1 р. за пудъ; гербовая бумага значительно повышена въ цѣнѣ и проч.

за послѣднее, при чемъ могъ руководствоваться и тою мыслію, что въ этомъ случаѣ будетъ скорѣе почувствована необходимость общественнаго контроля надъ финансовымъ веденіемъ дѣлъ. Всѣ находящіяся въ обращеніи ассигнаціи признаны были государственнымъ долгомъ.

Въ маѣ 1810 г. былъ распубликованъ манифестъ объ открытіи внутренняго займа не болѣе 100 милл. руб. асс., при чемъ объявлена была продажа нѣкоторой части государственныхъ имуществъ, но эта послѣдняя операція совершенно не удалась. Въ виду предстоящей войны съ Наполеономъ произведенное уже повышеніе налоговъ оказалось недостаточнымъ, и потому манифестомъ 11 февраля 1812 г. подушная подать была «временно» повышена еще на одинъ рубль, оброчный сборъ съ казенныхъ крестьянъ увеличенъ на два рубля съ души, а также и сборъ съ купеческихъ капиталовъ на 3% [1]). Повышены нѣкоторыя пошлины, наконецъ, учрежденъ временный сборъ съ помѣщичьихъ доходовъ по добровольному ихъ объявленію: низшій сборъ начинался съ доходовъ въ 500 руб. и равнялся 1%, высшій же составлялъ съ 18.000 и болѣе рублей — 10%. Налогъ на дворянъ вызвалъ въ ихъ средѣ великое негодованіе [2]).



Вел. кн. Екатерина Павловна (миніат. Дюбуа).

Въ пермскомъ письмѣ Сперанскій говоритъ, что отвѣтственность за повышеніе налоговъ пала на него одного не только въ 1810, но и въ 1811 году, когда «министръ финансовъ предлагалъ налоги, а Совѣтъ отвергалъ ихъ, яко не благовременные». Наконецъ «насталъ 1812 г., недостатокъ (дефицитъ) весьма важный и, сверхъ того, близкая война. Министръ финансовъ представилъ систему налоговъ, чрезмѣрно крутую и тягостную (большая часть ихъ,— замѣтилъ Сперанскій,—и теперь еще существуетъ). Часть ихъ принята, другая— замѣнена налогами легчайшими. Сіе смягченіе и сіи перемѣны, умноживъ раздраженіе, послужили послѣ министру финансовъ и обширному кругу друзей его весьма выгоднымъ предлогомъ отречься отъ всѣхъ мѣръ новаго положенія, сложить съ себя

---

[1]) 20 февраля 1812 г. повышена оброчная подать съ мѣщанъ еще на 3 р. съ души.

[2]) Еще нѣсколько ранѣе, въ запискѣ „О силѣ правительства“, прочитанной императору Александру 3 декабря 1811 г., Сперанскій писалъ: когда приступили къ исправленію финансовъ, „сколько споровъ, сколько пререканій о томъ, чтобъ въ наполненіе истинныхъ государственныхъ нуждъ удѣлить отъ доходовъ помѣщичьихъ 5 милл. рублей“.

отвѣтственность и, по примѣру 1810 года, но уже съ большею силою, на меня одного обратить всѣ неудовольствія. Если бы въ сіе время можно было напечатать всѣ представленія сего министра, тогда всѣ нареканія съ меня обратились бы на него; но его бумаги лежали спокойно въ дѣлахъ Совѣта, а манифестъ съ примѣчаніями, толкованіями, московскими вѣстями и ложными страхами ходилъ по рукамъ».

Во французской оправдательной запискѣ, разсказавъ о предложеніи ему «двухъ лицъ» (т.-е. Армфельта и Балашова) составить тріумвиратъ, Сперанскій непосредственно вслѣдъ за тѣмъ продолжаетъ: «комитетъ устроился» [1]); онъ надѣялся найти средства упрочить себя въ финансовыхъ операціяхъ и предложилъ потомъ создать 200 милл. рублей однимъ почеркомъ пера безъ всякихъ новыхъ налоговъ и пошлинъ. «Для успѣха этой чудотворной операціи ставили только одно довольно тяжелое условіе»: лишить Государственный Совѣтъ права разсматривать финансовыя дѣла и сосредоточить ихъ всѣ въ этомъ анонимномъ комитетѣ. Сперанскій говоритъ, что новый планъ финансовъ былъ извѣстенъ ему передъ ссылкою, но тогда онъ не вѣрилъ, чтобы его осмѣлились представить, не думалъ, чтобы государь могъ отнестись къ нему серьезно [2]). Но «дѣло было въ февралѣ 1812 г. Только что появился манифестъ о налогахъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ поднялся большой шумъ... Насторожѣ всѣхъ этихъ слуховъ былъ одинъ изъ членовъ секретнаго комитета» (очевидно, Армфельтъ). «Трудно ли было преувеличить ихъ и представить недовольство нѣсколькихъ помѣщиковъ, какъ общій и громкій крикъ! Нѣсколько личностей, прибывшихъ изъ Москвы» (вѣроятно, намекъ на Ростопчина), «чудесно помогли этому внушенію». Стали кричать, что не время раздражать всѣхъ, особенно дворянство, когда предстоитъ такая опасная война; не время думать объ уплатѣ воображаемыхъ долговъ и подрывать значеніе ассигнацій. Эти мнѣнія въ преувеличенномъ и прикрашенномъ видѣ доходили до императора; дѣло было представлено такъ ловко, что, казалось, они шли со всѣхъ сторонъ. Въ этой же оправдательной запискѣ Сперанскій замѣчаетъ: «Не слѣдуетъ ли еще удивляться, что государь такъ долго одинъ поддерживалъ своего секретаря противъ всѣхъ?» Императоръ Александръ велѣлъ обсудить новый планъ финансовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, который и отвергъ его, а въ это время, по словамъ Сперанскаго, кибитка мчала его въ ссылку.

Въ виду обвиненій Сперанскаго въ чрезмѣрной преданности французской системѣ (т.-е. союзу съ Франціею), доходившей будто бы до пожертвованія интересами России и даже до измѣны, любопытно отмѣтить одну черту тарифной системы того времени. «Положеніемъ о нейтральной торговлѣ на 1811 г.» [3]) нѣкоторые продукты потребленія: вино, сахарный песокъ и др., были обложены очень высокою пошлиною (напр., кофе около 50%), а бумажныя издѣлія, кружева, ленты, обои, обувь, полотна, фаянсовая и хрустальная посуда, сукно, чай, многія шелковыя и шерстяныя ткани,

---

[1]) Особый комитетъ для обозрѣнія финансовъ изъ министра финансовъ Гурьева, Балашова, Армфельта и бар. Розенкампфа. Корфъ, „Жизнь гр. Сперанскаго", I, 248.

[2]) Розенкампфъ предлагалъ всѣ движимыя и недвижимыя имущества русскихъ подданныхъ подвергнуть на время продолженія войны общему запрещенію, чтобы имѣть ихъ въ готовности къ обязательной, по мѣрѣ требованія правительства, ссудѣ казначейству, но Государственный Совѣтъ отвергъ этотъ планъ. Корфъ, I, 248—249.

[3]) П. С. З. XXXI, № 24. 464. Оно затѣмъ ежегодно возобновлялось до изданія новаго тарифа въ 1816 г.

шляпы, экипажи и проч. запрещены къ привозу [1]). Это вызвало негодованіе Наполеона. Новыя правила о навигаціи въ русскихъ портахъ были составлены такъ, что корабли подъ нейтральнымъ флагомъ (въ большинствѣ случаевъ, съ англійскими товарами) могли имѣть доступъ въ русскія гавани, а привозъ французскихъ предметовъ роскоши (привозимыхъ сухимъ путемъ) былъ воспрещенъ. Самъ Сперанскій въ пермскомъ письмѣ указываетъ на несогласимое «противорѣчіе»: нельзя было «быть преданнымъ Франціи» (въ чемъ его обвиняли) «и въ то же время лишить ее всей торговли въ Россіи введеніемъ новаго тарифа».

Въ запискѣ Сперанскаго о вѣроятности войны съ Франціей (въ концѣ 1811 г.), онъ говоритъ, что Наполеонъ назвалъ наши новыя правила о торговлѣ мѣрою враждебною (une mesure évidemment hostile) [2]), но авторъ записки полагаетъ, что ни изъ-за тарифа, ни изъ-за захвата Наполеономъ Ольденбургскаго герцогства воевать было бы нежелательно. Въ пермскомъ письмѣ Сперанскій утверждаетъ, что, зная его работы, государь не могъ сомнѣваться въ его «политическихъ правилахъ», т.-е. подозрѣвать его въ измѣнѣ Россіи въ интересахъ Франціи, о чемъ кричали его враги: «Никто, можетъ-быть... столько не содѣйствовалъ, чтобы заранѣе освѣтить истинное намѣреніе Франціи, какъ я». Сперанскій ссылался и на то, что при отправленіи въ Парижъ графа Нессельроде съ финансовымъ порученіемъ относительно займа, онъ посовѣтовалъ открыть съ нимъ переписку, которая впослѣдствіи сдѣлалась однимъ изъ источниковъ вѣрнѣйшихъ и полезнѣйшихъ» [3]).

Въ продолжительномъ разговорѣ со Сперанскимъ 31 августа 1821 г. императоръ представилъ «началомъ всему о причинахъ его ссылки де-Санглена» и сказалъ, что ему донесли о сношеніяхъ Сперанскаго съ французскимъ посломъ Лористономъ и датскимъ посланникомъ Блумомъ. Де-Сангленъ, правитель особенной канцеляріи министра полиціи, соотвѣтствовавшей бывшему потомъ III Отдѣленію собственной Его Величества канцеляріи, который внушалъ, по словамъ бар. Корфа, такое «омерзѣніе» своими «обязанностями, что, какъ ни страшенъ, какъ ни опасенъ онъ могъ быть для каждаго, очень немногіе» кланялись ему и даже говорили съ нимъ, все взваливаетъ, наоборотъ, на императора Александра. Нужно во всякомъ случаѣ не упускать изъ виду, что авторъ наиболѣе подробныхъ и красочныхъ воспоминаній о паденіи Сперанскаго — лицо, болѣе чѣмъ сомнительное въ нравственномъ отношеніи, и потому естественно является вопросъ, насколько можно полагаться на его показанія въ томъ отношеніи, что онъ желаетъ представить главною пружиною всей интриги противъ Сперанскаго самого императора Александра. Де-Сангленъ вѣдь не скрываетъ, что былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Армфельтомъ, который и обратилъ на него вниманіе императора Александра, и съ дю-Вернэгомъ (второстепеннымъ агентомъ Людовика XVIII, дѣйствовавшимъ при нашемъ

---

[1]) Лодыженскій, „Исторія русскаго таможеннаго тарифа“, Спб., 1886 г., 164—168, 170—177.

[2]) Онъ сказалъ даже нашему послу Куракину, что считаетъ новый тарифъ равносильнымъ съ заключеніемъ мира съ Англіею.

[3]) Нессельроде былъ въ сношеніяхъ не только съ Талейраномъ, но и съ Коленкуромъ, который, отозванный въ 1811 г., присоединился къ тайной оппозиціи Наполеону. „Дипломатич. сношенія Россіи и Франціи“, т. I, стр. CXVI; Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, t. II, 69—71; Des russ. Rechskanzlers gr. Nesselrode Selbstbiographie. Deutsch v. Klevesahl. Berl., 1866, S. 34—35.

дворѣ противъ Наполеона и въ пользу Бурбоновъ), который еще въ декабрѣ 1811 г. говорилъ: «Два врага Россіи падутъ и вмѣстѣ съ ними и Наполеонъ; 1812 годъ будетъ памятнымъ годомъ въ лѣтописяхъ Россіи». Однимъ изъ этихъ враговъ Россіи тутъ считался Сперанскій. Армфельтъ и Вернэгъ вмѣстѣ посѣщали Санглена. Помимо весьма возможной неискренности Санглена въ его воспоминаніяхъ, кое-что онъ могъ перепутать и потому, что писалъ ихъ въ старости. Окруженный личностями въ родѣ Балашова, Армфельта и Санглена и другими интриганами, Александръ говорилъ де-Санглену: «Я рѣшительно никому не вѣрю», и мало кого уважалъ, а когда по поводу жалобъ государя на корыстолюбіе Балашова и другихъ Сангленъ замѣтилъ: «Я бы смѣнилъ ихъ», Александръ отвѣчалъ: «Развѣ новые лучше будутъ? Эти уже сыты, а новые за тѣмъ же все пойдутъ». Относительно Сперанскаго Александръ I долженъ былъ признать, что онъ не интриганъ, никому не дѣлалъ зла, но тутъ уже, кромѣ вліянія горячо любимой сестры и внушеннаго ему убѣжденія, что вся Россія ненавидитъ Сперанскаго, повидимому, сыграли роль и инсинуаціи о томъ, что онъ иллюминатъ, что государю грозитъ опасность, а самое главное, что Сперанскій дурно отзывался лично о немъ. И вотъ, имп. Александръ, окруженный интриганами, повидимому, и самъ сталъ интриговать, а потому иногда защищалъ пользу интриги. «Интриганы въ государствѣ,— сказалъ онъ Санглену,—такъ же полезны, какъ и честные люди, а иногда первые полезнѣе послѣднихъ». Если онъ дѣйствительно сказалъ это, то, конечно, это было великое нравственное паденіе [1]). Не пожелавъ избрать путь, предложенный ему Сперанскимъ—ввести конституціонный строй, который долженъ былъ бы уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить вліяніе придворной камарильи и при искреннемъ отношеніи государя къ дѣлу народной свободы подорвалъ бы гнусныя вліянія его окружающихъ, Александръ запутался и заразился самъ въ этой гнилой средѣ.

Какъ бы то ни было, 11 марта 1812 г. Сангленъ былъ призванъ къ государю. «Кончено!—сказалъ онъ,—и, какъ это мнѣ ни больно, со Сперанскимъ разстаться долженъ [2]). Я уже поручилъ это Балашову, но я ему не вѣрю и потому велѣлъ ему взять васъ съ собою. Вы мнѣ разскажете всѣ подробности отправленія». Далѣе государь сообщилъ ему, что Сперанскій «имѣлъ дерзость, описавъ всѣ воинственные таланты Наполеона, совѣтовать» ему собрать государственную думу, «предоставить ей вести войну, а себя отстранить. Что же я такое? Нуль!—продолжалъ государь.— Изъ этого я вижу, что онъ подкапывался подъ самодержавіе, которое я

---

[1]) Напротивъ, въ другомъ разговорѣ Сангленъ передаетъ такія слова Александра I, показывающія, кромѣ того, его недовѣріе къ доносу Балашова о предложеніи Сперанскимъ тріумвирата: „Къ чему было Сперанскому вступать въ связь съ министромъ полиціи? Онъ былъ у меня въ такой довѣренности, до которой Балашову никогда не достигнуть, а можетъ-быть, никому. Одинъ—пошлый интриганъ, какъ я теперь вижу, другой—уменъ; но умъ, какъ интрига, могутъ сдѣлаться вредными“.

[2]) Нельзя не обратить вниманіе на то, что въ концѣ февраля принцъ Георгій Ольденбургскій былъ принятъ императоромъ Александромъ (для чего пріѣзжалъ изъ Твери) и немедленно возвратился туда. Великій князь Николай Михаиловичъ, „Дипломатическія сношенія“, VI, 234 (второй отдѣлъ этого тома). Любопытно также, что рѣшеніе объ удаленіи Сперанскаго было объявлено Санглену въ знаменательный день 11 марта, день убіенія Павла I. Это также наводитъ на мысль, что императоръ Александръ опасался заговора и не желалъ испытать участь отца. Позднѣе онъ, съ одной стороны, боялся тайнаго общества, какъ видно изъ разсказа Ермолова одному изъ его членовъ, а съ другой — не хотѣлъ свирѣпствовать противъ нихъ, такъ какъ, по его словамъ И. В. Васильчикову, самъ раздѣлялъ въ молодости ихъ идеи.

обязанъ вполнѣ передать наслѣдникамъ моимъ». Послѣднія слова прямо заимствованы изъ записки Карамзина.

12 марта Сперанскій имѣлъ докладъ по дѣламъ Государственнаго Совѣта у государя, который ничего не сказалъ о предстоящей ему ссылкѣ. 16 былъ призванъ въ Зимній дворецъ профессоръ дерптскаго университета Парротъ, проникнутый самою пылкою, нѣсколько сентиментальною любовью къ Александру Павловичу и пользовавшійся настолько его довѣріемъ, что рѣшался въ письмахъ къ нему затрогивать даже личную жизнь государя, правда, потому, что тотъ самъ ея касался въ бесѣдахъ съ нимъ [1]). Въ томъ волненіи, которое онъ испытывалъ передъ ссылкою Сперанскаго, онъ пожелалъ посовѣтоваться со своимъ ученымъ другомъ. «Императоръ, — говоритъ онъ въ позднѣйшемъ письмѣ къ Николаю I,—описалъ мнѣ неблагодарность Сперанскаго съ гнѣвомъ, котораго я у него никогда не видѣлъ, и съ чувствомъ, которое вызывало у него слезы. Изложивъ представленныя ему доказательства его измѣны, онъ сказалъ мнѣ: «Я рѣшился завтра же разстрѣлять его и, желая знать ваше мнѣніе по поводу этого, пригласилъ васъ къ себѣ». Парротъ обѣщалъ отвѣтить завтра, такъ какъ считалъ необходимымъ подумать прежде, чѣмъ дать разумный совѣтъ. Судя по тому волненію, съ которымъ говорилъ императоръ Александръ съ Парротомъ, трудно предполагать, что все это было сказано имъ не серьезно [2]), скорѣе можно думать, что нашлись люди, подсказывавшіе ему такую



Георгъ Ольденбургскій (С.-Обена).

---

[1]) 15 октября 1810 г. онъ написалъ императору Александру письмо, гдѣ, обсудивъ политическія и военныя мѣры, которыя слѣдуетъ принять въ случаѣ войны съ Франціею, и упомянувъ, что Наполеонъ будетъ стараться революціонизировать Россію и поссорить его съ подданными, предлагалъ государю при отправленіи въ армію объявить на время своего отсутствія регентшею пользующуюся общимъ уваженіемъ императрицу Елизавету, умъ которой и правильность взглядовъ Парротъ очень хвалилъ, прибавляя, что она не станетъ вспоминать о провинностяхъ его предъ нею какъ мужа. Александру дѣлаетъ честь, что и послѣ этого письма онъ сохранилъ дружескія отношенія къ Парроту.

[2]) Шильдеръ видитъ въ этомъ разговорѣ только комедію, Шиманъ—„комедію, въ которой была и правда и сознательная неправда". Нужно замѣтить, что въ это время имп. Александръ былъ вообще въ нервномъ состояніи; такъ при разговорѣ съ франц. посломъ Лористономъ (объ отношеніяхъ Россіи къ Франціи), въ концѣ марта мѣсяца 1812 г., слезы катились у него по щекамъ.

трагическую развязку [1]). Судя по разсказу Сангледа, государемъ было уже нѣсколькими днями раньше принято рѣшеніе о ссылкѣ Сперанскаго, но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что враги государственнаго секретаря договаривались въ своихъ совѣтахъ даже и до смертной казни. Тутъ прежде всего приходитъ въ голову имя Ростопчина, находившагося въ то время въ Петербургѣ и способнаго, какъ показало дѣло Верещагина, на подобныя произвольныя и возмутительныя мѣры [2]). Какъ бы то ни было, отвѣтъ Паррота былъ написанъ только 17 марта, въ 11 часовъ вечера, и не могъ, слѣдовательно, повліять на рѣшеніе судьбы Сперанскаго, но онъ любопытенъ по нѣкоторымъ указаніямъ. Парротъ полагалъ, что сообщенное ему говоритъ сильно противъ Сперанскаго, но все же онъ выражалъ надежду, что государь не думаетъ болѣе о его разстрѣляніи и совѣтовалъ удалить его изъ Петербурга и установить за нимъ такой надзоръ, чтобы онъ не могъ имѣть сношеній съ непріятелемъ [3]). А послѣ войны слѣдуетъ назначить судъ надъ нимъ изъ самыхъ неподкупныхъ людей. Парротъ сомнѣвался въ томъ, чтобы Сперанскій былъ настолько виновенъ, какъ это кажется, указывалъ на то, что въ числѣ доносчиковъ на него находится такой низкій человѣкъ, какъ Розенкампфъ, который хотѣлъ вызвать паденіе своего благодѣтеля Новосильцова и котораго Парротъ совѣтовалъ какъ можно скорѣе удалить отъ дѣлъ. Далѣе онъ старался подорвать довѣріе къ Армфельту, котораго самъ никогда не видалъ, но о которомъ судилъ потому, что Розенкампфъ являлся однимъ изъ его главныхъ орудій. Наконецъ онъ говоритъ, что мечтаетъ о существѣ, которое могло бы сдѣлать для государя то, что сдѣлала бы императрица Елизавета. «Принцъ Ольденбургскій,—продолжаетъ онъ,—котораго вы ставите во главу совѣта (que vous mettez à la tête du conseil),... не можетъ быть этимъ существомъ даже при помощи талантовъ великой княгини [4])... Вы напрасно возлагаете надежду на плодотворность усердія принца и дѣятельности министровъ».

Въ бесѣдѣ съ Парротомъ, какъ видно шла рѣчь о предоставленіи значительной роли принцу Ольденбургскому, но затѣмъ государь, быть-можетъ, отчасти подъ вліяніемъ письма своего ученаго друга, отказался отъ этого предположенія.

Парротъ называетъ Розенкампфа въ числѣ доносчиковъ на Сперанскаго. Это доказываетъ, что извѣстная его записка противъ государствен-

---

[1]) Быть-можетъ, своимъ разговоромъ государь хотѣлъ намекнуть Парроту, что мѣра, которую онъ приметъ относительно Сперанскаго, мягче того, что ему совѣтуютъ нѣкоторые.

[2]) Назначенный 29 мая 1812 г. московскимъ главнокомандующимъ, Ростопчинъ въ письмахъ государю отъ 23 іюля и 23 августа указывалъ на опасность пребыванія Сперанскаго въ Нижнемъ, куда тотъ былъ высланъ. Мало того, онъ потребовалъ отъ нижегородскаго губернатора Руновскаго присылки Сперанскаго въ Москву, но получилъ отвѣтъ, что онъ доставленъ въ Нижній по повелѣнію государя, и потому безъ его воли не можетъ исполнить это приказаніе. Вѣроятно, Ростопчинъ отдалъ бы Сперанскаго 2 сентября 1812 года на растерзаніе черни вмѣстѣ съ Верещагинымъ. Не даромъ еще 3 іюня онъ писалъ нижегородскому вице-губернатору о ненависти народа къ Сперанскому и о томъ, что нѣкоторые, ѣдущіе на Нижегородскую ярмарку, намѣрены его убить. А. Я. Булгаковъ, знакомый Ростопчина, выражалъ въ своемъ дневникѣ желаніе, чтобы Сперанскаго повѣсили.

[3]) Выслать Сперанскаго совѣтовалъ и Армфельтъ, прибавивъ, что эта мѣра „объединитъ общество въ одномъ чувствѣ патріотизма“.

[4]) Лонгиновъ въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову упоминаетъ объ „извѣстномъ нравѣ и надменности видовъ великой княгини“. Принцъ Ольденбургскій также мнилъ о себѣ, что онъ могъ бы принести Россіи много добра „въ сферѣ болѣе обширной и болѣе видной“ и обнаруживалъ притязанія расширить отведенный ему кругъ дѣятельности, за что иногда получалъ щелчки даже отъ министровъ.

наго секретаря, пущенная въ обращеніе (уже послѣ его ссылки) Армфельтомъ и потому нѣкоторыми ему приписанная, была въ первоначальномъ видѣ извѣстна государю еще до ссылки Сперанскаго. Черновикъ ея сохранился въ бумагахъ Армфельта съ его поправками, и, очевидно, онъ представилъ эту записку императору Александру. Розенкампфъ прежде всего обвиняетъ въ ней Сперанскаго «въ намѣреніи разрушить существующій порядокъ вещей и произвести всеобщее потрясеніе», въ составленіи плана судебнаго Сената, въ слишкомъ медленномъ составленіи гражданскаго уложенія, въ томъ, что онъ побудилъ принять систему финансовъ, которая уничтожила общественное довѣріе и лишила правительство средствъ для необходимыхъ расходовъ, унизилъ дворянство, стѣснилъ промышленность и чрезмѣрно увеличилъ бремя земледѣльцевъ. Въ концѣ-концовъ, онъ даже сравниваетъ его по характеру съ Кромвелемъ. Несмотря на бездоказательность многихъ выставленныхъ обвиненій, въ двухъ самыхъ существенныхъ укорахъ, высказанныхъ Александромъ I Сперанскому, чувствуется отзвукъ записки Розенкампфа.

17 марта Сперанскаго пригласили къ 8 часамъ вечера къ государю. Главнѣйшія обвиненія, которыя Александръ I предъявилъ ему при прощаніи, состояли въ томъ, что онъ старался «финансовыми дѣлами разстроить государство», возвышеніемъ налоговъ возбудить ненависть противъ правительства, дурно отзывался о государѣ, предлагалъ Балашову и Армфельту пріѣзжать къ нему передъ каждымъ докладомъ и уже послѣ совмѣстнаго обсужденія дѣлъ доводить ихъ до свѣдѣнія государя. Горячій протестъ противъ послѣдней клеветы былъ нѣсколько подорванъ тѣмъ, что государь показалъ Сперанскому его записку Магницкому о невозможности пріѣхать къ Балашову, и во всякомъ случаѣ Александръ I обвинялъ своего государственнаго секретаря въ недонесеніи ему о предложеніяхъ Балашова и Армфельта. Возможно, что онъ упрекалъ его и въ склонности къ «французской системѣ», и въ стремленіи подорвать самодержавіе. Государь сказалъ Сперанскому, что у него сильные враги, что въ другое время онъ употребилъ бы два года на изслѣдованіе и провѣрку взведенныхъ на него обвиненій, но теперешнія обстоятельства этого не позволяютъ.

Возвратившись домой послѣ болѣе чѣмъ двухчасовой аудіенціи, найдя у себя Балашова и Санглена, Сперанскій пригласилъ въ свой кабинетъ министра полиціи, который приказалъ своему подчиненному остаться въ другой комнатѣ; но тотъ чрезъ открываемыя иногда прислугою двери видѣлъ, что въ кабинетѣ жгли бумаги. Затѣмъ кабинетъ былъ запечатанъ, но Сперанскій вспомнилъ, что забылъ взять оттуда еще одинъ портфель; Балашовъ велѣлъ для этого распечатать двери и затѣмъ вновь запечаталъ ихъ. Кромѣ того, Сперанскій написалъ письмо императору Александру, вложилъ въ три пакета секретныя бумаги и отдалъ Балашову для доставленія государю.

На другой день, 18 марта, когда явившійся къ императору Сангленъ сообщилъ ему, что, долго ожидая съ Балашовымъ возвращенія Сперанскаго, высказалъ предположеніе, какъ бы тотъ не оправдался и въ ссылку не отправили бы ихъ обоихъ, государь разсмѣялся и замѣтилъ: «Это едва ли не было лучше для меня, но въ отношеніи къ государству лучше

было отправить Сперанскаго. Все-таки нужно было его выслать. Доказательствомъ тому—что весь Петербургъ обрадовался его ссылкѣ... Люди—мерзавцы; тѣ, которые вчера ловили улыбку Сперанскаго, нынѣ поздравляютъ меня съ отправленіемъ его... Подлецы—вотъ кто окружаетъ насъ, несчастныхъ государей» [1]). При разсказѣ о распечатаніи дверей кабинета государь въ негодованіи на Балашова воскликнулъ: «Какой бездѣльникъ! Петръ I отрубилъ бы ему голову своеручно... Мнѣ второй экземпляръ Палена не нуженъ». Воспоминаніе о Паленѣ вновь подтверждаетъ, что Александръ думалъ о возможности заговора противъ него и предполагалъ, что въ немъ могъ принять участіе и Балашовъ [2]). Когда Сангленъ передалъ послѣднія слова Сперанскаго съ пожеланіемъ счастья государю и отечеству, императоръ сказалъ: «Вѣрю... въ немъ нѣтъ злобы, онъ болѣе способенъ на добро, религіозенъ, я никогда не замѣчалъ въ немъ пристрастія, еще менѣе вражды къ кому-либо» [3]).

Одновременно съ отправкою Сперанскаго въ Нижній были высланы Магницкій—въ Вологду и Бологовскій—въ смоленскую деревню, а флигель-адъютантъ и правитель канцеляріи военнаго министра Барклая-де-Толли А. В. Воейковъ переведенъ былъ на службу въ армію [4]). Императоръ Александръ былъ, повидимому, все же огорченъ утратою Сперанскаго. На другой день послѣ его высылки, въ бесѣдѣ съ де-Сангленомъ, онъ сказалъ: «Вы не можете себѣ представить, какой былъ вчера тяжкій день для меня! Я приблизилъ къ себѣ Сперанскаго,... имѣлъ къ нему полную довѣренность и вынужденъ былъ его сослать. Я плакалъ». И дѣйствительно, слеза навернулась на его глазахъ. Въ тотъ же день А. Н. Голицынъ засталъ государя ходящимъ по комнатѣ съ весьма мрачнымъ видомъ. На высказанныя предположенія, что онъ нездоровъ, императоръ отвѣчалъ: «Если бъ у тебя отсѣкли руку, ты вѣрно кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно: у меня въ прошлую ночь отняли Сперанскаго, а онъ былъ моею правою рукою!» Во время этой бесѣды, довольно продолжительной, слезы часто навертывались на глазахъ государя. Приказавъ Голицыну разобрать съ однимъ статсъ-секретаремъ бумаги Сперанскаго, онъ замѣтилъ: «Но въ нихъ ничего не найдется—онъ не измѣнникъ».

Однако, понимая, что все же расправа безъ суда и судебнаго слѣдствія можетъ вызвать неодобреніе со стороны нѣкоторыхъ лицъ [5]), госу-

---

1) Про Армфельта императоръ однажды сказалъ Санглену: „Онъ хлопочетъ, прислуживается, чтобы урвать у меня на приданое побочной дочери своей“. Еще въ концѣ 1809 года государь выразился однажды такъ: „Благодарность на семъ свѣтѣ рѣже бѣлаго ворона: меня спроси, я про то знаю“.

2) Изъ разговоровъ съ французскимъ генераломъ Савари въ 1807 г. императора Александра видно, что онъ считалъ возможнымъ покушеніе на себя. „Сбор. Ист. Общ.“, т. 83, стр. 60—61, 154. Въ числѣ слуховъ, ходившихъ о Сперанскомъ послѣ его паденія, былъ и такой, что онъ являлся „орудіемъ англичанъ, чтобы низвергнуть съ трона государя, котораго они считаютъ слишкомъ слабымъ и слишкомъ склоннымъ къ французамъ“. Депеша Лористона, „Русск. Арх.“, 1882 г., № 4, стр. 173. Это не значитъ, конечно, что Сперанскій могъ думать о переворотѣ, но указываетъ на одну изъ инсинуацій противъ него.

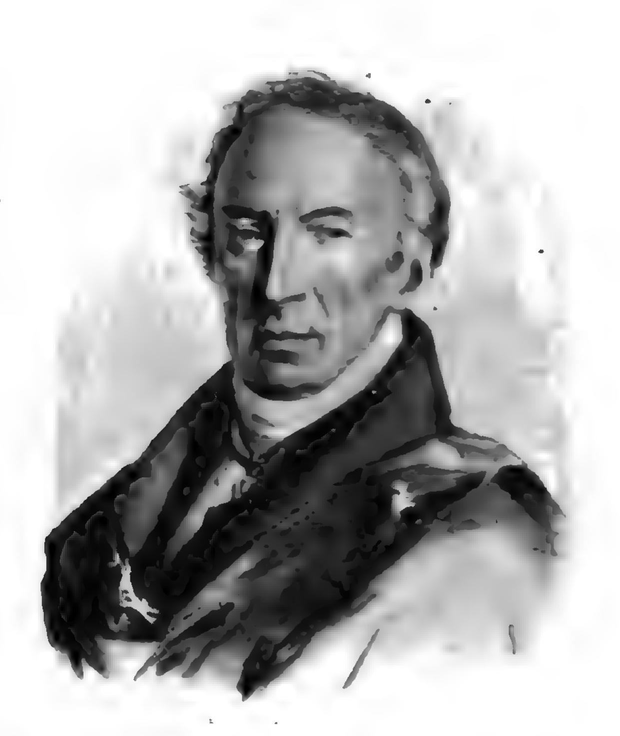
3) Въ своихъ запискахъ Сангленъ выставляетъ себя до извѣстной степени защитникомъ предъ императоромъ Сперанскаго, а сейчасъ послѣ ссылки онъ говорилъ о немъ въ совершенно иномъ тонѣ: Л. И. Голенищеву-Кутузову онъ сказалъ, что преступленіе Сперанскаго „измѣна,—всѣ доказательства на то въ рукахъ государя“.

4) Относительно него Балашовъ распускалъ слухи, будто бы онъ сообщилъ карту съ обозначеніемъ маршрута арміи въ Вильно Елиз. Мих. Хитрово для передачи французскому послу. Мужъ этой Хитрово былъ высланъ (по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ французскимъ посломъ Коленкуромъ) въ декабрѣ 1810 г., а не въ связи съ паденіемъ Сперанскаго, какъ утверждаетъ де-Сангленъ.

5) Съ этой точки зрѣнія отнесся къ ссылкѣ Сперанскаго даже Михайловскій-Данилевскій въ своемъ дневникѣ 1816 г.

дарь иногда указывалъ на ея причины и говорилъ объ этомъ дѣлѣ въ иномъ тонѣ. 19 марта министру юстиціи И. И. Дмитріеву онъ разсказалъ, что Сперанскій за двѣ комнаты отъ кабинета позволилъ себѣ опорочивать политическія мнѣнія нашего правленія, ходъ внутреннихъ дѣлъ и предсказывалъ паденіе имперіи. «Этого мало, онъ простеръ наглость свою даже до того, что захотѣлъ участвовать въ государственныхъ тайнахъ... Вотъ письмо его и собственное признаніе», добавилъ государь, подавая его Дмитріеву [1]). Онъ будто бы также назвалъ всю эту исторію «пакостною». Нужно, однакоже, помнить, что Дмитріевъ былъ другъ Карамзина и человѣкъ близкій Балашову, и потому возможно, что онъ усилилъ неблагопріятный отзывъ государя о Сперанскомъ.

Въ тотъ же день имѣлъ аудіенцію Нессельроде, дружескія чувства котораго къ Сперанскому были извѣстны императору Александру, и когда онъ выразилъ глубокое сожалѣніе, что государь лишилъ себя слуги самаго преданнаго, вѣрнаго и ревностнаго, императоръ отвѣчалъ: «Ты правъ, но именно теперешнія только обстоятельства и могли вынудить у меня эту жертву общественному мнѣнію». Въ отвѣтъ на поздравленіе наслѣднаго принца шведскаго съ раскрытіемъ заговора, клонившагося къ разрушенію имперіи, императоръ (въ письмѣ отъ 24 мая 1812 г.) «по поводу открытія» имъ «окружавшихъ» его «подпольныхъ происковъ» говоритъ: «У меня болѣе подозрѣній, чѣмъ неоспоримыхъ данныхъ, но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ они были достаточны для меня, чтобы ни на мгновеніе не дать мнѣ колебаться и удалить причастныхъ къ дѣлу лицъ». Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ссылки Сперанскаго государь сказалъ Новосильцову: «Вы думаете, что онъ измѣнникъ? — вовсе нѣтъ; онъ въ сущности виновенъ только относительно меня одного, — виновенъ тѣмъ, что отплатилъ за мое довѣріе и дружбу самою черной, самою гнусной неблагодарностью»; однако государь прибавилъ, что ему донесли о «случаяхъ, которые заставляли предполагать» въ Сперанскомъ «самыя зложелательныя намѣренія». Въ 1819 году обвиненія противъ него были, наконецъ, сняты при назначеніи его сибирскимъ генералъ-губернаторомъ рескриптомъ, правда, въ то время не опубликованнымъ, гдѣ государь писалъ, что этимъ назначеніемъ хотѣлъ дать ему возможность «доказать явно, сколь враги



Н. М. Карамзинъ.

[1]) Объясненіе этихъ словъ см. ниже.

несправедливо оклеветали» его, и подавалъ ему надежду, что своими заслугами онъ дастъ государю «явную причину приблизить» его къ себѣ. Въ слѣдующемъ году Александръ Павловичъ сказалъ И. В. Васильчикову, что никогда не вѣрилъ во взведенное на Сперанскаго обвиненіе въ измѣнѣ и винитъ его только въ томъ, что онъ не имѣлъ къ нему полной довѣренности.

Выше было упомянуто, что предъ отправкою изъ Петербурга Сперанскій вложилъ въ три пакета нѣкоторыя бумаги и просилъ Балашова передать ихъ вмѣстѣ съ его письмомъ государю. Въ письмѣ Сперанскаго было сказано: «Между бумагами... Ваше Императорское Величество изволите найти расшифрованныя перлюстраціи. Онѣ мнѣ были доставляемы по временамъ Бекомъ. Въ семъ проступкѣ сознаю себя виновнымъ и, не ища оправданій, предаюсь милосердію Вашего Величества» [1]). Это-то письмо было показано государемъ 19 марта министру юстиціи Дмитріеву; эти же строки были приведены императоромъ Александромъ въ его письмѣ отъ 19 апрѣля изъ Вильны гр. Н. И. Салтыкову. Дмитріевъ, очевидно, не мало кричалъ потомъ объ «измѣнѣ» Сперанскаго и долженъ былъ сильно содѣйствовать распространенію враждебныхъ для него слуховъ. Дѣло о секретныхъ депешахъ требуетъ объясненія.

Въ иностранной коллегіи (а затѣмъ и въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ) дѣлами важнѣйшихъ заграничныхъ миссій завѣдывалъ Жерве, имѣвшій подъ своимъ начальствомъ экспедицію дешифровки депешъ, въ которомъ главнымъ лицомъ былъ занимавшійся ею статскій совѣтникъ Бекъ. Секретныя дипломатическія донесенія гр. Нессельроде изъ Парижа направлялись помимо канцлера къ Сперанскому, который и докладывалъ ихъ государю; точно такъ же по приказанію государя направлялись къ Сперанскому съ той же цѣлью сообщенія въ частныхъ письмахъ къ Жерве находившагося при нашей вѣнской миссіи итальянца Маллія. Не ограничиваясь этимъ и уже не имѣя на то полномочій, Жерве, безъ вѣдома начальства, тайно сообщалъ Сперанскому все, что поступало наиболѣе важнаго и любопытнаго по нашимъ сношеніямъ съ западною Европою. Такимъ образомъ императоръ Александръ велъ непріязненную Наполеону переписку съ второстепенными въ дипломатической іерархіи лицами помимо канцлера, а Сперанскій былъ посвященъ въ высшія тайны. Для того, чтобы канцлеръ, гр. Н. П. Румянцовъ, не могъ этого узнать, государь вычеркивалъ изъ представленныхъ ему чрезъ Сперанскаго дешифровокъ все, что могло бы раскрыть тайныя сношенія; съ этими исключеніями онѣ представлялись канцлеру, и тотъ вновь докладывалъ государю въ неполномъ видѣ уже извѣстное ему вполнѣ.

25 марта Бекъ былъ арестованъ и заключенъ въ петербургскую крѣпость. На другой день Жерве чрезъ Нессельроде обратился къ государю съ письмомъ, въ которомъ принималъ вину на себя. Изъ этого письма пришлось опять-таки сдѣлать исключеніе, и затѣмъ государь приказалъ вновь подать его себѣ, чтобы попрежнему оставить канцлера въ неизвѣстности. Нессельроде онъ сказалъ, что не видитъ во всемъ этомъ ничего преступнаго и потому велитъ прекратить дѣло и выпустить Бека.

[1]) Тутъ же находились и секретныя письма Нессельроде изъ Парижа. См. Lettres et papiers du comte Nesselrode, P. t. III, 225—394.

Однако онъ былъ оставленъ въ крѣпости и, больной и пораженный незаслуженнымъ несчастьемъ, впадалъ даже во временное помѣшательство. Только 27 апрѣля секретный комитетъ, учрежденный 13 января 1807 г., которому поручено было разсмотрѣніе этого дѣла, предложилъ Беку первые вопросы. Когда его объясненія были представлены государю, онъ въ письмѣ къ Салтыкову далъ неискренній отвѣтъ: «О Бекѣ долженъ сказать, что объясненія его совсѣмъ не вѣрны, что бы мнѣ легко было доказать бумагами; но оныя остались въ Петербургѣ». Государь считалъ не безполезнымъ выслушать объясненія Жерве, а Бека, взявъ съ него «строгую подписку, что онъ будетъ жить смирно и не вмѣшиваться ни въ какія сплетни, можно выпустить, предписавъ полиціи имѣть за поведеніемъ его надзоръ». Дѣло кончилось тѣмъ, что Жерве былъ исключенъ изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а потомъ снова принятъ на службу, но уже по вѣдомству Министерства Финансовъ, а Бекъ былъ оставленъ при прежней своей должности [1]). Вотъ на какія хитрости пускался императоръ Александръ, чтобы, оставляя во главѣ нашего дипломатическаго вѣдомства гр. Н. П. Румянцова, защитника союза съ Наполеономъ, легче обмануть императора французовъ. Вотъ отчасти почему онъ могъ думать, что «интриганы въ государствѣ такъ же полезны, какъ и честные люди, а иногда первые полезнѣе послѣднихъ». Съ тѣмъ, какъ эти интриги отражаются на отдѣльныхъ личностяхъ, онъ, очевидно, не считался; поэтому-то такъ кстати пришлось ему то, что Сперанскій самовольно, но безъ ущерба для интересовъ государства, расширилъ доставленіе себѣ свѣдѣній изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ пермскомъ письмѣ онъ говоритъ: «Это обстоятельство... чрезмѣрно обрадовало моихъ непріятелей, давъ имъ случай всю громаду ихъ лжи прикрыть нѣкоторою истиною».



И. И. Дмитріевъ (Рейхель).

Не будемъ повторять всѣхъ тѣхъ толковъ объ измѣнѣ Сперанскаго, которые возбудили его паденіе, не будемъ говорить о ликованіи его враговъ. Теперь видно, что эти, совершенно неосновательные, слухи объ измѣнѣ были сильно поддержаны, а можетъ-быть, даже въ значительной степени вызваны тѣмъ письмомъ Сперанскаго, которое государь показалъ Дмитріеву; не мудрено, что самому императору Александру пришлось потомъ не разъ и настоятельно объяснять, что Сперанскій не измѣнникъ.

---

[1]) Дѣло это подробнѣе разсказано Шильдеромъ въ его извѣстномъ сочиненіи „Императоръ Александръ I“, т. III, 53—62, ср. 488, 493—496, 525—526.

Отмѣтимъ только, что французскій посолъ Лористонъ, говоря въ депешѣ 13 апрѣля 1812 г. о паденіи Сперанскаго, прибавляетъ: «Нѣкоторые думаютъ, что великая княгиня Екатерина не чужда этому событію». Гр. Ростопчинъ въ своихъ (написанныхъ по-французски) мемуарахъ о 1812 годѣ пытается увѣрять, что онъ, вопреки слухамъ, не принималъ участія въ паденіи Сперанскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что его «приписывали великой княгинѣ Екатеринѣ, принцессѣ Ольденбургской» [1]). Екатерина Павловна, конечно, сыграла не малую роль въ паденіи Сперанскаго, но мы видѣли, что дѣло это слишкомъ сложно, чтобы видѣть въ ней одной причину его ссылки; однако письмо Паррота показываетъ, что именно въ это время выдвигали принца Ольденбургскаго на выдающійся постъ какъ бы въ замѣну ссылаемаго государственнаго секретаря. Сперанскій сознавалъ, что весьма значительное вліяніе на его удаленіе имѣли его неосторожные отзывы о «правительствѣ». Относительно этого въ пермскомъ письмѣ онъ говоритъ:

«Если доносители разумѣютъ подъ именемъ правительства тѣ элементы, изъ которыхъ оно слагается, т.-е. разныя установленія, то правда, что я не скрывался и въ послѣднее время съ горестью многимъ повторялъ, что они, состоя изъ старыхъ и новыхъ, весьма худы и несообразны. Но сіе было мнѣніе всѣхъ людей благомыслящихъ и, смѣю сказать, и мнѣніе Вашего Величества; скрывать же сего я не имѣлъ никакой нужды.—Если разумѣютъ подъ именемъ правительства людей, его составляющихъ, то и въ семъ я также признаюсь. Горесть видѣть все искаженнымъ, все перетолкованнымъ, всѣ труды покрытыми самою ѣдкою желчью и, при покорности намѣреніямъ вашимъ на словахъ, видѣть совершенную противоположность имъ на дѣлѣ, горесть, снѣдавшая мое сердце и часто доводившая до отчаянія имѣть при сихъ элементахъ и людяхъ какой-либо въ дѣлахъ успѣхъ, невзирая на всѣ ваши желанія, горесть сія часто, а особливо въ послѣднее время, по случаю сенатскихъ и финансовыхъ споровъ, вырывалась у меня невольнымъ образомъ изъ сердца. Но, Всемилостивѣйшій Государь, измученъ, дѣйствительно измученъ множествомъ дѣлъ и ежедневно еще терзаемъ самыми жестокими укоризнами, могъ ли я всегда быть равнодушнымъ?»

Но Сперанскій старался увѣрить государя, что онъ никогда не разумѣлъ при этомъ его лично. Нѣсколько далѣе онъ говоритъ: «Отчего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Оттого, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, а душа сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется постороннимъ». Шильдеръ полагаетъ, что эти слова указываютъ на самого императора Александра. Сангленъ изъ всего хода дѣла, въ которомъ онъ участвовалъ, пришелъ къ тому же выводу [2]). Онъ считалъ двумя главными дѣйствующими лицами драмы государя и Армфельта. Армфельта и Балашова Сперанскій называетъ въ пермскомъ письмѣ по именамъ. Можно думать поэтому, что «душою» заговора противъ него онъ считалъ государя. Однако во французской оправдательной запискѣ, написанной въ третьемъ лицѣ и, быть-

[1]) Военно-учебный Архивъ Главнаго Штаба, Отд. II, № 4525 (а) (8); въ „Русской Старинѣ" (1889 г., № 12, стр. 647) это мѣсто передано не вѣрно. Въ подлинникѣ: „Sa chute (паденіе Сперанскаго) on l'attribue à la G. D. C. P. d. O".

[2]) „Всѣ актеры,—говоритъ онъ,—кромѣ царя, который былъ одинъ дѣятеленъ и который одинъ съ Армфельтомъ направлялъ таинственно весь ходъ драмы, остались въ дуракахъ. Мы дѣйствовали, какъ телеграфы, нити которыхъ были въ рукахъ императора. Изъ чего хлопотали? О томъ, что давно рѣшено было, и чего они не знали и не догадались".

можетъ, назначенной для нѣкотораго распространенія, хотя бы позднѣе, онъ выражалъ даже нѣкоторое удивленіе, что императоръ такъ долго его отстаивалъ. Могло ли также «казаться постороннимъ» то лицо, по волѣ котораго Сперанскій былъ сосланъ? Поэтому возможно и другое предположеніе о значеніи его словъ: не разумѣлъ ли онъ тутъ принца Ольденбургскаго, т.-е. въ сущности Екатерину Павловну, ненависть которой къ нему была ему хорошо извѣстна. Не даромъ столь близкій къ ней Ростопчинъ очутился въ Петербургѣ во время ссылки Сперанскаго; незадолго до нея пріѣзжалъ къ государю и самъ принцъ. Впрочемъ, какъ понимать приведенныя слова его—вопросъ второстепенный, а вотъ въ чемъ видѣлъ Сперанскій основную причину своей ссылки. Въ письмѣ къ государю отъ 23 мая изъ Нижняго-Новгорода, написанномъ въ тотъ же день, когда его туда привезли, высказывая заботу о томъ, чтобы рукопись его «Плана государственнаго образованія» была сохранена, Сперанскій говоритъ: «Этотъ трудъ, государь, — первый и единственный источникъ всего, что случилось со мною». Тутъ онъ очень ясно говоритъ, что палъ жертвою попытки ограничить самодержавіе, но въ то же время выражаетъ надежду, что императоръ Александръ не окончательно покинулъ предположеніе объ основныхъ реформахъ и рано или поздно возвратится къ нимъ; онъ пытался внушить эту вѣру и государю.

Вопреки мнѣнію проф. Середонина, что «Сперанскій, какъ дѣятель, не оправдалъ довѣрія государя», я думаю наоборотъ, что императоръ Александръ не оправдалъ довѣрія, т.-е. надеждъ на него, Сперанскаго: правда, уроки государственнаго секретаря не пропали для императора совершенно безслѣдно, и въ его рѣшеніи сыграть роль конституціоннаго монарха въ Царствѣ Польскомъ отчасти могло сказаться вліяніе на него Сперанскаго, но и тамъ либеральное настроеніе государя быстро охладѣло и привело его къ мѣрамъ произвольнымъ и противорѣчащимъ конституціи; финляндскій сеймъ послѣ 1809 г. не былъ созванъ ни разу, выработка, по приказанію государя, новаго конституціоннаго проекта Новосильцовымъ не имѣла никакихъ послѣдствій.

Въ планѣ государственныхъ преобразованій Сперанскаго не трудно съ современной точки зрѣнія найти немало недостатковъ, но хотя и никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ С. Н. Южакова и М. П. Погодина [1]), считавшихъ Сперанскаго человѣкомъ геніальнымъ, все же нельзя не признать за нимъ очень большого таланта. По моему мнѣнію, во всей первой половинѣ XIX вѣка въ Россіи были въ сущности только два выдающихся своими талантами человѣка среди государственныхъ дѣятелей въ офиціальной сферѣ: Сперанскій и Киселевъ. Неудача политической реформы по плану Сперанскаго при Александрѣ I и неудача ограниченія крѣпостного права по плану Киселева въ значительной степени объясняются тѣмъ, что обоимъ имъ пришлось опираться на столь шаткую опору, какъ воля самодержца. Это поняли декабристы, но имъ, для осуществленія своихъ замысловъ, приходилось возлагать надежды лишь на войско и военныя поселенія,—время для сознательной поддержки со стороны на-

[1]) Южаковъ, „М. М. Сперанскій, его жизнь и общественная дѣятельность“, Спб., 1892 г., стр. 36, 49, 52; статья Погодина въ „Русскомъ Архивѣ“, 1871 г., стр. 1218, 1232, 1244.

рода тогда еще не наступило. Сперанскій, конечно, не былъ героемъ и въ періодъ своего наибольшаго вліянія, но все же онъ не оказался и настолько гибкимъ человѣкомъ, чтобы скрывать свое неудовольствіе, когда увидѣлъ, что на осуществленіе преобразовательныхъ плановъ мало надежды, а это ускорило его паденіе.

В. Семевскій.



Видъ церкви въ с. Быковѣ, Марьино тожъ, по Коломенской дорогѣ, разстояніемъ отъ Москвы 25 верстъ. Рис. 1804 г.

V. Хозяйство въ Россіи въ началѣ XIX в.

Прив.-доц. В. И. Пичета.

Конецъ XVIII вѣка и начало XIX вѣка имѣютъ первостепенное значеніе въ экономическомъ развитіи Россіи. Происходило разложеніе натурально-хозяйственнаго уклада; въ странѣ развивалась промышленность, усиливалось денежное обращеніе въ зависимости отъ увеличенія оборотовъ по внѣшней и отчасти внутренней торговлѣ; начало формироваться сельско-хозяйственное предпринимательство, поднимались споры о выгодности и невыгодности крѣпостного труда въ связи съ новыми условіями хозяйства. Всѣ эти явленія экономической жизни приходится учитывать при изученіи эпохи 1812 года. Съ одной стороны, въ руководящихъ классахъ общества, въ особенности, купечества были на рукахъ довольно большіе капиталы, что дало возможность проявить свое усердіе въ войнѣ путемъ пожертвованій — впрочемъ, по размѣрамъ не всегда соотвѣтствовавшихъ тому патріотическому жару, съ которымъ обыкновенно о нихъ говорилось. Съ другой стороны, развивавшійся международ-

ный товарообмѣнъ отвелъ Россіи опредѣленное мѣсто на европейскомъ рынкѣ, и всякое сокращеніе послѣдняго должно было повлечь разореніе заинтересованныхъ лицъ.

Во второй половинѣ XVIII вѣка національная индустрія быстро шагнула впередъ. При вступленіи на престолъ Екатерины II насчитывалось всего 984 фабрикъ и заводовъ, а въ годъ ея смерти 3.161. Правда, въ началѣ царствованія Екатерины II правительство, въ своей экономической политикѣ отступивъ отъ началъ Петра и его преемниковъ, державшихся охранительной таможенной политики, склонилось въ сторону экономическаго либерализма. Но создававшійся малоблагопріятный для страны торговый балансъ вызвалъ паденіе вексельнаго курса и принудилъ правительство перейти къ системѣ запретительныхъ тарифовъ, почти уничтожившихъ всякую конкуренцію со стороны европейскихъ фабрикатовъ. Переходъ въ сторону запретительной системы—не только результатъ тяжелаго финансоваго положенія правительства и слѣдствіе необходимости немедленно поднять вексельный курсъ: приходилось при этомъ учитывать и международное положеніе—борьбу съ французской революціей. Накладывая большія пошлины на европейскіе фабрикаты, а большинство предметовъ роскоши совершенно запрещая для ввоза въ страну, правительство наносило ударъ французской торговлѣ, видя въ таможенной политикѣ вѣрное средство для борьбы съ революціей на экономической почвѣ. Отсюда и идетъ рядъ запретительныхъ мѣръ по отношенію къ Франціи. Такой же политики по отношенію къ Франціи держался Павелъ I. Правда, подъ конецъ своего царствованія въ силу новой международной комбинаціи, Павелъ разрѣшилъ было свободный ввозъ французскихъ товаровъ, что грозило убить многія отрасли національной индустріи, запретивъ въ то же время вывозъ какихъ бы то ни было товаровъ изъ «россійскихъ портовъ»; примѣненіе послѣдней мѣры должно было убить нашъ экспортъ: разорились бы не только оптовики-торговцы, но и дворяне пред-



Ткачихи (Венеціановъ).

приниматели, ставшіе поставщиками сырья на европейскій рынокъ. Но этотъ революціонный указъ не былъ приведенъ въ дѣйствіе. На другой день по его опубликованіи Павла не стало, а его преемникъ отмѣнилъ указъ отца. Вполнѣ понятно, почему купечество и дворянство, какъ наиболѣе заинтересованныя въ развитіи нашего экспорта, привѣтствовали бурными восторгами вступленіе на престолъ Александра.

Новый государь теоретически былъ противникомъ запретительной политики, но въ общемъ таможенная политика его правительства почти осталась безъ перемѣнъ, если не считать нѣкоторыхъ распоряженій, отмѣнявшихъ нелѣпыя стѣснительныя мѣры его отца. Такъ, было отмѣнено запрещеніе вывоза товаровъ, снято запрещеніе на привозъ въ Россію нѣкоторыхъ фабрикатовъ, какъ-то: фарфора, фаянса и друг., запрещенныхъ указами 1800—1801 гг. Но это была только одна сторона таможенной политики. Въ другомъ отношеніи, въ ней не могло быть рѣзкой перемѣны правительственнаго курса—молодому правительству приходилось учитывать и плохое состояніе государственнаго бюджета и низкій курсъ ассигнацій [1]), что, въ концѣ-концовъ, въ промежутокъ времени отъ 1803—1807 гг. заставило повысить пошлины на нѣкоторые фабрикаты, уменьшивъ таковыя на полуобработанное сырье, напр., бумажную пряжу. Таможенная политика правительства измѣнилась послѣ Тильзитскаго мира въ связи съ переходомъ къ континентальной системѣ [2]), сократившей нашу экспортную торговлю и вызвавшей разореніе оптоваго купечества и крупнопомѣстнаго дворянства. Принятая подъ давленіемъ Наполеона система вела государство къ полному банкротству. Задержать послѣднее было возможно какъ путемъ перемѣны курса таможенной политики, такъ и посредствомъ реформы денежнаго обращенія съ цѣлью поднять цѣнность ассигнаціоннаго рубля. Таможенный тарифъ 1810 г. и былъ возвращеніемъ къ запретительной таможенной политикѣ.

Подъ сѣнью таможенныхъ «ограниченій и запрещеній» могла постепенно крѣпнуть національная индустрія, и первые годы новаго царствованія являются «золотымъ вѣкомъ» для нея. Такъ, въ 1804 году общее число фабрикъ равнялось 2.423 съ общимъ количествомъ рабочихъ 95.202, а въ 1814—фабрикъ было 3.731, а рабочихъ 169.530. Самый характеръ производства сталъ нѣсколько измѣняться въ сравненіи съ XVIII вѣкомъ. Появляются новыя отрасли промышленности, разсчитанныя уже не на удовлетвореніе нуждъ государства, какъ производства суконное, горнозаводское, писчебумажное и др., а на удовлетвореніе спроса на внутреннемъ рынкѣ. Изъ отдѣльныхъ видовъ сильно подвинулось впередъ бумаготкацкое производство, которое въ XVIII вѣкѣ почти не обращало на себя вниманія правительства и было монополизировано крупными фабрикантами-англичанами: Чемберленомъ и Козенсомъ. Такъ, въ 1804 году бумаго-ткацкихъ фабрикъ было только 199 съ 6.546 рабочими, а въ 1814 году общее количество равнялось 424 съ 39.210 рабочими. За тотъ же промежутокъ времени производство ситца увеличилось въ три раза (1.462.428 арш.—4.448.840 арш.), миткаля въ 4 раза (2.109.035—9.958.945);

---

[1]) См. ст. К. В. Сивкова.
[2]) См. ст. К. А. Военскаго.

увеличивается производство платковъ (504.103 — 1.271.000), одѣялъ (19.397—31.624), чулокъ (10.241—13.393). Впервые появляются бумагопрядильныя фабрики. Въ 1812 году ихъ было въ Москвѣ 12. Можно отмѣтить также хорошее состояніе полотняныхъ и парусныхъ фабрикъ, вырабатывавшихъ парусныя и фламандскія полотна, скатерти. Общее число ихъ къ 1804 году дошло до 285 съ 23.711 рабочимъ. Количество выработаннаго паруснаго полотна доходило въ 1804 году до 3.186.206 арш., а фламандскаго—до 1.705.833 арш. Большая часть этихъ фабрикатовъ шла за границу, и въ силу установившагося спроса производство парусныхъ и фламандскихъ полотенъ являлось едва ли не самымъ «прибыльнѣйшимъ». Парусное полотно даже вывозилось въ Америку. Особенно было сильно



Торговая казнь.

развито полотно-ткацкое производство въ Московской, Ярославской, Владимирской и Калужской губерніяхъ; въ послѣдней $^2/_3$ ежегоднаго производства предназначалось на вызовъ. Увеличивается также желѣзно-чугунная промышленность. Быстрѣе увеличивается желѣзодѣлательная промышленность благодаря спросу на желѣзо на заграничномъ рынкѣ. Замѣтно также увеличеніе и суконныхъ фабрикъ (въ 1804—156, въ 1814—235), что отчасти приходится поставить въ связь съ освобожденіемъ купечества отъ обязательной казенной поставки сукна и разрѣшеніемъ продавать его въ частныя руки. Сукно русско-туземнаго производства въ общемъ было невысокаго достоинства, и производство его недостаточно: сплошь и рядомъ даже мундирное сукно приходилось докупать за границей. Зато фабрики, вырабатывавшія предметы роскоши, зеркала, шелкъ, уменьшались количественно, встрѣчая сильную конкуренцію въ привозимыхъ изъ Франціи товарахъ. Осо-

бенно въ шелковомъ производствѣ замѣтно уменьшеніе числа фабрикъ (съ 328 до 158). То же можно сказать относительно производства парчи, бархату, кружевъ, чулокъ, перчатокъ.

Несмотря на внѣшній расцвѣтъ крупнаго производства, въ техническомъ отношеніи фабрики стояли не высоко. И современники и оффиціальныя данныя сходились въ оцѣнкѣ фактическаго состоянія туземной промышленности. Фабрикаты были плохи даже въ наиболѣе развитой суконной промышленности: «сукна мундирныя... весьма худы и въ носкѣ непрочны». Это говорилось относительно XVIII вѣка—то же можно сказать и по поводу начала XIX вѣка относительно цѣлаго ряда производствъ, за исключеніемъ полотно-ткацкаго. Но едва ли не была наиболѣе технически-отсталой желѣзо-чугунная промышленность, въ которой примѣнялся принудительный трудъ приписанныхъ къ заводу крестьянъ и мастеровыхъ въ то время, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ производствахъ уже примѣнялся вольнонаемный трудъ. И уже это одно обстоятельство являлось прогрессивнымъ явленіемъ въ нашей дореформенной фабрикѣ. Техническая отсталость національной индустріи зависѣла и отъ системы таможенной политики. Освободивъ крупное производство отъ иностранной конкуренціи, правительство сдѣлало фабрикантовъ монополистами рынка и, уничтоживъ конкуренцію, сдѣлало лишними заботы о техническомъ усовершенствованіи. Несомнѣнно, и незначительная емкость нашего внутренняго рынка— также не могла содѣйствовать техническому прогрессу въ промышленности, такъ какъ не было особой нужды въ быстромъ увеличеніи размѣровъ производства, страна жила въ рамкахъ крѣпостного хозяйства, и многомилліонная крестьянская масса только начинала становиться потребителемъ промышленныхъ фабрикатовъ, обыкновенно удовлетворяя свои потребности и нужды собственными издѣліями. Въ общемъ, къ началу XIX вѣка достигли относительнаго процвѣтанія только тѣ отрасли производства, которыя удовлетворяли нуждамъ государства и отчасти могли удовлетворить потребности не только внутренняго, но и внѣшняго рынка.

Екатерининское промышленное законодательство постепенно освобождало промышленность отъ государственной опеки и регламентаціи: отмѣнены всѣ монополіи частнаго и государственнаго характера въ области торговли и промышленности, указомъ 1770 года разрѣшалось всѣмъ свободнымъ людямъ устройство промышленныхъ заведеній. Но въ угоду помѣстному дворянству, русскимъ купцамъ запрещалась покупка крестьянъ къ фабрикамъ. Сочувствуя кустарной промышленности, Екатерина II уничтожила всѣ легальныя стѣсненія для крестьянскихъ промысловъ, такъ какъ развитіе промышленной дѣятельности крестьянства вполнѣ соотвѣтствовало сословнымъ аппетитамъ дворянства, желавшаго извлечь изъ крѣпостного права наибольшую для себя матеріальную выгоду. Крестьяне занимались плетеніемъ рогожъ, дѣланіемъ ситъ, рѣшетъ, лаптей, колесъ, дугъ, деревянной посуды и другихъ продуктовъ, связанныхъ съ обработкой дерева. Процвѣтало также желѣзное производство, суконное ткачество, въ особенности въ Тверской губерніи. Расцвѣтъ кустарнаго ремесла объясняется тѣмъ, что многіе рабочіе, возвращавшіеся домой, приносили съ собой техническіе пріемы работы, усвоенные на фабрикѣ. Отсутствіе машинъ давало полную возможность кустарю-производителю, не боясь

фабрики, заниматься производствомъ тѣхъ или другихъ фабрикатовъ. Да и сами фабриканты отчасти содѣйствовали кустарному производству, отдавая работу на домъ и тѣмъ самымъ закладывая прочное основаніе домашней промышленности.

Промышленная политика Александра I направлялась въ сторону дальнѣйшаго раскрѣпощенія національной промышленности. Такъ, отмѣняется обязанность фабриканта представлять все вырабатываемое сукно въ казну, уничтожается право иностранцевъ-фабрикантовъ покупать къ фабрикамъ деревни съ крестьянами. Впрочемъ, и въ дѣятельности новаго правительства замѣтно кое-какое противорѣчіе: такъ, желѣзо-чугунная промышленность попрежнему была опекаема правительствомъ и снабжена принудительнымъ приписнымъ трудомъ. Во всякомъ случаѣ, въ началѣ XIX



Заведеніе Фр. Рабенека.

вѣка промышленность была въ большинствѣ случаевъ освобождена отъ правительственной опеки и регламентаціи. Ей была предоставлена полная возможность развивать свою иниціативу, направляя ее на удовлетвореніе спроса на внутреннемъ рынкѣ и стремясь къ расширенію производства посредствомъ завоеванія новыхъ рынковъ, по преимуществу на востокѣ въ Азіи, такъ какъ конкуренція съ европейскими фабрикатами, конечно, была немыслима.

Развивавшіяся внутренняя и внѣшняя торговли также указывали на перемѣны, происходившія въ экономической жизни страны. Отмѣна внутреннихъ таможенъ и, наконецъ, разрѣшеніе при Петрѣ III вывозить хлѣбъ черезъ всѣ порты, конечно, должны были увеличить и внутренній и международный товаро-обмѣнъ. Разрѣшая дворянству «оптомъ торговать, что въ деревняхъ родится», и устанавливая полную свободу хлѣбной торговли внутри имперіи, законодательство Екатерины II, конечно, не могло не

усилить внутренняго и внѣшняго товаро-обмѣна, тѣмъ болѣе, что происходившія перемѣны въ экономической жизни Европы, преимущественно Англіи, создавали большой спросъ на русское сырье, а образованіе внутри страны промышленнаго района создавало довольно большой по емкости внутренній рынокъ. Трудно учесть обороты по внутренней торговлѣ въ XVIII и началѣ XIX вѣка: особенно большими они не могли быть при существованіи крѣпостного права; но данныя первой половины XVIII вѣка, таможенныя грамоты, говорятъ объ образовавшихся постоянныхъ рынкахъ, куда свозили хлѣбъ для продажи оптовымъ покупателямъ и гдѣ торговали въ розницу разными предметами сельскаго хозяйства. Тутъ продавались: коровы, поросята, бараны, гуси, утки, соль, хмель, конопля, толокно, медъ. Конечно, не надо преувеличивать емкость этого рынка, такъ какъ въ условіяхъ развитія сельско-хозяйственнаго рынка тогда было очень много неблагопріятнаго, въ особенности отсутствіе хорошихъ путей сообщенія, не говоря уже о существованіи крѣпостного права съ его замкнутымъ хозяйствомъ. Гораздо значительнѣе успѣхи международнаго товаро-обмѣна. Съ начала XIX вѣка увеличивается общая цѣнность и вывоза и ввоза. Первый въ 1800 году доходилъ до 61.470 тыс. руб., а второй—до 46.650 тыс. руб. Торговый балансъ былъ въ пользу страны. Правда, въ періодъ войнъ съ Наполеономъ въ 1806—1808 гг. обороты по внѣшней торговлѣ значительно сократились: съ 107.445 тыс. руб. до 31.819 тыс. руб.

Во второй половинѣ XVIII вѣка сельско-хозяйственная Россія могла поставлять на заграничный рынокъ только сырье. Среди вывозимаго сырья—жизненные припасы, въ особенности хлѣбъ, занимали весьма незначительное мѣсто въ общей цѣнности вывоза, составляя всего 1% общаго вывоза товаровъ за границу.

Съ конца XVIII вѣка въ этомъ отношеніи картина мѣняется. Такъ, въ 1802 году зернового хлѣба и муки вывозилось на 13.354 тыс. руб.,—первое мѣсто среди предметовъ вывоза. Далѣе шли ленъ (6.928 тыс.), сѣмена (3.023 тыс. руб.), лѣсъ (1.730 тыс. руб.), скотъ (1.734 тыс.), щетина и волосъ (846 тыс. руб.). Въ періодъ 1806—1810 года при общемъ сокращеніи отпуска уменьшилось и количество вывозимаго хлѣба до 1 милл. четвертей.

Несмотря на развивавшійся международный товаро-обмѣнъ, конечно, далеко не всѣ мѣстности принимали въ немъ одинаковое участіе, ибо не было хорошихъ путей сообщенія, соединявшихъ плодородныя мѣстности съ портами. Правда, порты на Черномъ морѣ, въ особенности Одесса, начинаютъ принимать активное участіе въ заграничной торговлѣ, хотя хлѣбная производительность юга еще находилась въ зародышѣ. Увеличеніе хлѣбнаго отпуска отразилось на повышеніи хлѣбныхъ цѣнъ, при чемъ разница въ нихъ въ различныхъ районахъ въ зависимости отъ разныхъ естественныхъ условій доходила до огромной величины. Эти колебанія въ цѣнахъ на хлѣбъ и отсутствіе въ нихъ уравнительности были характернымъ явленіемъ для крѣпостной Россіи, тормозя интенсификацію сельскаго хозяйства и препятствуя развитію сельско-хозяйственнаго предпринимательства.

По свѣдѣніямъ кн. Щербатова, четверть ржи въ Московской губерніи повысилась съ 86 к. 1760 г. до 7 руб. 1790 года. Ту же картину для начала XIX вѣка можно отмѣтить и въ Ярославской губерніи, гдѣ цѣна четверти ржи стоила въ 1760 году—1 р. 12 коп., 1785 году—отъ 2 р. 20 к. до 4 р. 20 к., а въ 1802 году—4 р. 40 к.—5 р. 35 коп. Тѣ же колебанія можно отмѣтить и въ цѣнахъ на пшеницу. Характерно то, что Ярославская губернія, какъ промышленная, нуждалась въ привозномъ хлѣбѣ. Это повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, при извѣстномъ характерѣ веденія помѣщичьяго хозяйства, могло бы сильно поднять доходность имѣнія, и этого обстоятельства не могли не учесть помѣщики-предприниматели, стремившіеся использовать въ свою пользу состояніе цѣнъ на хлѣбномъ рынкѣ. До 1808 года главнымъ рынкомъ Россіи за границей была Англія; о его размѣрахъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ 1803 году прибыло въ Россію изъ Англіи съ грузомъ 319 судовъ, а безъ грузу 993; отошло съ грузомъ 1.277, а безъ грузу уже только 17. Торговля съ другими странами имѣла второстепенное значеніе, лучшимъ показателемъ чего могутъ служить торговые обороты съ Франціей. Такъ, во время борьбы Павла съ республикой вывозъ изъ Франціи въ Россію палъ до 0,1 тыс. руб. противъ 30,8 тыс. руб. предыдущаго года. Отмѣна таможенныхъ запрещеній повысила привозъ до 132,4 тыс. руб.; соотвѣтственно этому растетъ и нашъ вывозъ во Францію: съ 67,9 тыс. руб. до 287,6 тыс. руб. Первые годы царствованія Александра были очень благопріятны для торговли съ Франціей, ввозившей въ Россію на 1.606 тыс. руб. и получавшей изъ Россіи сырья на сумму 1.214 тыс. руб. Во время каолицій 1805—1807 гг. нашъ привозъ во Францію падаетъ до 4 тыс. руб., а вывозъ изъ Франціи до 301 тыс. руб. Введеніе континентальной системы сразу дало сильное повышеніе — общая цѣнность французскаго привоза доходила до 1.511 тыс. руб., а нашъ привозъ только 257 тыс. руб. Когда былъ введенъ тарифъ 1810 г., который налагалъ высокія пошлины на



Купчиха Образцова (Венеціановъ).

французскіе товары, преимущественно, предметы роскоши, то французскій привозъ сократился до 306 тыс. руб. Становится понятнымъ то раздраженіе, которое питало французское правительство по отношенію къ Россіи изъ-за тарифа 1810 года. Такимъ образомъ англійскій рынокъ для русскихъ экспортеровъ имѣлъ доминирующее значеніе, и всякое уменьшеніе его емкости вызывало недовольство въ средѣ заинтересованныхъ въ торговлѣ лицъ. Поэтому вполнѣ понятно, почему заинтересованные круги были недовольны континентальной системой, убившей экспортную торговлю и погубившей нѣкоторыя фабричныя предпріятія.

И развитіе крупной промышленности, и развивавшійся товаро-обмѣнъ имѣли первостепенное значеніе для сельско-хозяйственнаго рынка. Прежде всего опредѣленно намѣчалась дифференціація города и деревни. Города стали центрами обрабатывающей промышленности; населеніе стало принимать дѣятельное участіе въ торгово-промышленной жизни города. Деревня попрежнему оставалась лабораторіей производства сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.

Городъ и деревня, какъ двѣ различныхъ экономическихъ категоріи, оказываются тѣсно связанными. Городъ сталъ постояннымъ рынкомъ, куда деревня поставляла свои продукты, сбытъ которыхъ тамъ былъ обезпеченъ. Съ другой стороны, деревня давала городу тотъ контингентъ рабочихъ рукъ, въ которыхъ онъ нуждался. Но воздѣйствіе города на деревню было относительно незначительное: деревня почти не покупала туземныхъ фабрикатовъ, живя въ рамкахъ крѣпостного, чисто натуральнаго хозяйства и самостоятельно удовлетворяя свои потребности. Развитіе городовъ и увеличеніе городского населенія являются лучшими показателями усиленія города, какъ промышленнаго центра. Съ 1724 года по 1812 годъ населеніе Россіи увеличилось съ 14 милл. до 41 милл., но на долю городского населенія падаетъ весьма незначительный процентъ, такъ что городское населеніе, быстро увеличиваясь абсолютно, относительно росло очень медленно. Въ 1724 г. городское населеніе составляло 3% (328 тыс.), а въ 1812 году оно составляетъ 4,4% (1.653 тыс.): крѣпостное право, фактически дѣлавшее невозможнымъ приливъ населенія въ городъ, мѣшало болѣе быстрому относительному росту городского населенія.

Крупное производство развилось въ нечерноземной полосѣ Россіи, когда-то бывшей центромъ сельско-хозяйственной культуры. Это совершенно измѣнило характеръ производительнаго труда въ этой полосѣ. Сосредоточеніе населенія въ этой мѣстности превращало ее въ весьма выгодный для сельскаго хозяйства потребительный рынокъ, тѣмъ болѣе, что своего хлѣба уже не хватало для прокормленія, рынокъ питался хлѣбомъ, привозимымъ изъ черноземныхъ губерній, гдѣ и урожаи были лучше и издержки производства меньше. И населеніе находитъ для себя болѣе выгоднымъ отходъ на промыслы и фабрики. Свободное крестьянство бросаетъ свои участки и идетъ въ города. Видна тенденція къ занятію неземледѣльческими промыслами. Въ общемъ, отходъ былъ настолько значителенъ (до 20%), что нѣкоторымъ наблюдателямъ изъ иностранцевъ казалось, что все взрослое населеніе въ нѣкоторыхъ районахъ ушло на заработки, оставивъ земледѣліе исключительно женщинамъ. Для развивавшейся промышленности этотъ отходъ имѣлъ первостепенное значеніе. Правительство

рядомъ указовъ запретило покупку къ фабрикамъ деревень съ крестьянами. Поэтому фабриканты стремились обезпечить себя рабочими руками, нанимая ихъ изъ числа оброчнаго крестьянства. Изъ числа 95.202 рабочихъ, по даннымъ 1804 года, вольнонаемныхъ было 45.625 челов., или 48%, при чемъ наибольшій % свободныхъ рабочихъ приходился на долю полотняныхъ фабрикъ, шелковыхъ и кожевенныхъ заводовъ. Въ этихъ производствахъ свободный трудъ почти вытѣснилъ принудительный. Въ остальныхъ производствахъ первенство остается за крѣпостнымъ трудомъ — свободный трудъ представленъ въ очень незначительномъ количествѣ рабочихъ и растворялся въ массѣ крѣпостного труда.



Купецъ Серебряковъ (Угрюмовъ).

Эти новыя хозяйственныя отношенія должны были сказаться на помѣщичьемъ хозяйствѣ. Помѣщику стало мало выгоднымъ поддерживать въ нечерноземной полосѣ сельско-хозяйственную культуру и извлекать ренту посредствомъ приложенія крестьянскаго труда къ землѣ. Помѣщики предпочитаютъ переводъ крестьянъ на оброкъ съ предоставленіемъ имъ свободы въ выборѣ занятія. Дѣйствительно, въ полосѣ нечерноземной оброчный трудъ рѣшительно доминировалъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ: Ярославской, Костромской, Вологодской—% оброчныхъ доходилъ до 83—85%. Въ другихъ нечерноземныхъ губ.: Нижегородской, Олонецкой, Калужской, Петербургской, Владимирской, Новгородской, Московской, Тверской, Смоленской и Псковской, % оброчныхъ былъ значительно ниже, но въ общемъ онъ былъ выше % барщиннаго крестьянства. Совсѣмъ другая картина представляется въ черноземной полосѣ: здѣсь царство барщиннаго труда. Такъ, въ губерніяхъ: Тульской, Рязанской, Орловской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской, % доходилъ до 74%, а наиболѣе развито было барщинное хозяйство въ Курской (92%), Рязанской (81%), Тамбовской (78%). Вся эта крѣпостная масса распредѣлялась по территоріи въ высшей степени неравномѣрно. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ съ развитымъ крупнымъ рабовладѣніемъ при сравнительно мелкомъ землевладѣніи рабочихъ рукъ хватало съ излиш-

комъ. Переводъ на оброкъ достигался самъ собою независимо отъ того, насколько это было выгодно помѣщику въ смыслѣ увеличенія его ежегоднаго дохода. На черноземѣ — другая картина: здѣсь много земли, но мало населенія. Здѣсь нельзя говорить объ избыткѣ труда; скорѣе въ немъ замѣчается недостатокъ. Земельная рента помѣщика могла быть увеличена только съ помощью приложенія барщиннаго труда. Впрочемъ, въ нечерноземной полосѣ барщинный трудъ прилагался не только къ землѣ. Дворянство со второй половины XVIII вѣка, оцѣнивъ выгоды крупнаго производства, стало открывать суконныя фабрики, обезпечивъ себѣ сбытъ казенными заказами, и къ началу XIX вѣка около 50% всѣхъ суконныхъ фабрикъ были въ рукахъ виднѣйшихъ лицъ изъ русской аристократіи.

Благодаря развивавшемуся отходу и спросу на рабочія руки явилась полная возможность для помѣщиковъ увеличить размѣры оброчныхъ платежей. Дѣйствительно, повышеніе оброчныхъ платежей было весьма значительное: пятирублевый оброкъ средины Екатерининскаго царствованія увеличился мѣстами до 20—25 руб. Около же столицъ и промышленныхъ центровъ размѣры оброка были значительно выше. Впрочемъ, денежныя отношенія оброчныхъ крестьянъ къ помѣщику не исчерпывались только платежомъ оброка. Во многихъ имѣніяхъ существовали дополнительные сборы въ видѣ поборовъ натурой—саломъ, яйцами, мясомъ и т. д., разнаго рода работами — возить въ городъ «столовый запасъ», посылать рабочихъ, давать подводы, строить въ деревнѣ барскій домъ и т. д. Оброчная система была не легка для крѣпостныхъ. Въ своемъ стремленіи по возможности интенсивнѣе использовать крѣпостную силу, помѣщики заходили далеко, предъявляя крестьянамъ такія требованія, которыя они были не въ силахъ выполнить, и крестьянскихъ доходовъ сплошь и рядомъ не хватало ни на уплату оброчныхъ платежей, ни на выплату государственныхъ повинностей, что и бывало причиной крестьянскихъ волненій въ царствованіе Павла, такъ какъ просьбы крестьянъ часто не приводили ни къ чему. Зато въ другомъ отношеніи оброчная система была предпочтительна: отдавая земледѣлію второстепенное значеніе въ смыслѣ полученія съ него ежегоднаго дохода и базируя его на денежныхъ платежахъ и натуральныхъ повинностяхъ, помѣщики сплошь и рядомъ отдавали въ пользованіе крестьянамъ всю свою землю, благодаря чему средній надѣлъ на душу въ оброчныхъ вотчинахъ равнялся 13—14 десятинамъ. Кромѣ того, помѣщикъ не жилъ въ имѣніи; приказчики, заботясь только о правильномъ поступленіи податей, почти не вмѣшивались въ распорядокъ крестьянской жизни, что и опредѣлило развитіе самоуправленія въ оброчныхъ имѣніяхъ. Въ нечерноземной полосѣ барщина оставалась по преимуществу въ мелкихъ имѣніяхъ и тамъ, гдѣ помѣщики не открывали фабрикъ и заводовъ. Болѣе крупное хозяйственное значеніе имѣла барщина въ земледѣльческомъ трудѣ черноземной полосы. Съ половины XVIII в. можно отмѣтить въ наиболѣе крупныхъ имѣніяхъ непрерывное увеличеніе барской запашки, такъ какъ законодательство не опредѣляло количество барщинныхъ дней, предоставивъ это усмотрѣнію помѣщика. Законъ же Павла I о трехдневной барщинѣ большею частью былъ понятъ, какъ категорическое запрещеніе работать по



Загородный домъ гр. Лаваля въ С.-Петербургѣ. (Альбомъ 1826 г.).

воскреснымъ днямъ, и вторая часть указа обыкновенно не приводилась въ исполненіе.

Избыточный хлѣбъ сначала шелъ на потребности винокуренія, а потомъ сталъ экспортироваться за границу. Поэтому, неудивительно, что встрѣчались имѣнія, въ которыхъ примѣнялась 5—6-дневная барщина. Впрочемъ, ежедневная барщина сравнительно рѣдкое явленіе. Она примѣнялась тамъ, гдѣ велось крупное хозяйство, но такого рода предпріятія были рѣдки, хотя съ начала XIX вѣка попытки вложенія капитала въ землю въ интересахъ интенсификаціи сельскаго хозяйства становятся все чаще и чаще. Встрѣчались и такія хозяйства, впрочемъ, сравнительно рѣдко, въ которыхъ вся крестьянская земля присоединилась къ помѣщичьей запашкѣ, а крестьяне получали отъ помѣщика «мѣсячину», едва достаточную для того, чтобы не умереть отъ голода. И распредѣленіе земли между крестьянами и помѣщиками было нѣсколько иное въ барщинной полосѣ, хотя и тутъ все-таки большая часть земли (около $^2/_3$) была въ рукахъ крестьянина, что указывало на слабое развитіе сельско-хозяйственнаго предпринимательства.

И, тѣмъ не менѣе, положеніе барщиннаго крестьянства было тяжелое, благодаря напряженной барщинѣ и сокращенію полевыхъ надѣловъ, что особенно замѣчалось въ густо населенныхъ губерніяхъ. Съ другой стороны, уменьшеніе надѣловъ могло быть наиболѣе значительнымъ тамъ, гдѣ владѣлецъ такъ или иначе реагировалъ на требованія рынка: здѣсь средняя норма надѣла равнялась 2,5—3,1 д., понижаясь иногда до 1,5—1 десят., фактически приведя къ полному обезземеленію крестьянства.

Такимъ образомъ, наканунѣ войны Россія уже переросла натурально-хозяйственный укладъ жизни и вступила въ начальную эру капиталистическаго развитія. Послѣднее и дало возможность правительству не только довести до конца военныя операціи 1812 года, но и предпринять новый походъ противъ Наполеона, уже не имѣвшій ничего общаго съ интересами Россіи. Накопленіе торговаго и промышленнаго капитала позволило нѣсколько разъ повышать % отчисленія съ гильдейскаго капитала, а развитіе отхожихъ промысловъ среди государственныхъ крестьянъ дало возможность повысить значительно подушную подать съ крестьянства[1]). И крестьянство въ періодъ войны выдержало это возвышеніе налоговой тягости, которое все-таки было значительно легче помѣщичьихъ поборовъ. Усиливавшійся внѣшній товаро-обмѣнъ, благодаря соотвѣтствующей таможенной политикѣ, давалъ въ казну значительный таможенный доходъ, поступавшій большею частью въ металлической валютѣ и давшій возможность использовать металлическій фондъ во время заграничныхъ войнъ. Въ теченіе 1810—1812 года, несмотря на дѣйствіе континентальной системы, таможенные доходы поднялись, и доходный бюджетъ сразу сталъ больше[2]). Такимъ образомъ, новыя условія экономической жизни страны дали правительству необходимый денежный фондъ, безъ котораго были бы немыслимы никакія военныя дѣйствія. Французскому правительству Россія казалась болѣе отсталой въ хозяйственномъ развитіи, чѣмъ это было на

---

1) См. ст. К. В. Сивкова.
2) См. ст. К. В. Сивкова.

самомъ дѣлѣ, да и оцѣнка вліянія континентальной системы тоже была не совсѣмъ правильна. Вмѣсто земледѣльческой страны съ ничтожнымъ внѣшнимъ отпускомъ, Франція увидѣла страну, далеко шагнувшую впередъ въ хозяйственномъ отношеніи. Неправильная оцѣнка экономическаго состоянія Россіи и чрезмѣрно низкое представленіе о финансовыхъ рессурсахъ страны—вотъ одна изъ причинъ неудачи великаго похода 1812 года.

В. Пичета.



Ассигнаціонный банкъ (нач. XIX в.).

VI. Финансы Россіи передъ войной 1812 года.

К. В. Сивкова.

Тяжелое финансовое наслѣдство досталось императору Александру I отъ его предшественниковъ: общая сумма внутреннихъ и внѣшнихъ долговъ, плюсъ ассигнаціи, равнялась приблизительно 408 милл. р.,—цифра, равная суммѣ нашихъ тогдашнихъ доходовъ за 4 года. Нужны были исключительно благопріятныя обстоятельства, нужны были знающіе и честные люди для того, чтобы выйти изъ тогдашнихъ финансовыхъ затрудненій. Въ дѣйствительности же, всѣ обстоятельства первой половины царствованія Александра I были неблагопріятны для улучшенія финансовъ, немногіе знающіе и честные люди (какъ Сперанскій и Мордвиновъ) недолго удер-

живались у власти и не успѣвали сдѣлать необходимое. Поэтому не удивительно, что за первыя 11 лѣтъ царствованія Александра I наше финансовое положеніе нисколько не улучшилось, и мы въ 1812 году не имѣли никакихъ рессурсовъ на чрезвычайные военные расходы. За 11 лѣтъ, 1801—1812 г., измѣнился, правда, порядокъ управленія финансами, но эта была почти исключительно техническая реформа, такъ какъ общее направленіе финансовой политики за это время не измѣнилось, характеръ бюджета въ его доходной и расходной частяхъ оставался прежній; остались тѣ же и общіе пріемы управленія. Въ 1796 г. Александръ I характеризовалъ наше управленіе такъ: «Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія, несмотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ». Эта характеристика, почти безъ всякихъ оговорокъ, справедлива не только для 1801 г., но и для 1812 г. Отсутствіе правильнаго, законнаго порядка чувствовалось вездѣ, въ области же финансовъ оно сказывалось особенно ярко; рѣдкая смѣта за время 1801—1812 г. сводилась безъ дефицита, при чемъ цифры послѣдняго все возрастали; исполненіе государственныхъ росписей не соотвѣтствовало смѣтнымъ предположеніямъ; сверхсмѣтные расходы даже въ мирное время достигали очень крупныхъ размѣровъ; курсъ правительственной политики по финансовой части постоянно колебался.


Петербургъ нач. XIX в.

Съ 8 сентября 1802 г. установленъ былъ новый порядокъ составленія росписи доходовъ и расходовъ на ближайшій годъ. Но эта роспись считалась великой государственной тайной и скрывалась даже отъ сената. Такъ, когда министръ финансовъ на основаніи манифеста 8 сент. 1802 г. представилъ Сенату первый отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ за 1802 г. и Сенатъ потребовалъ свѣдѣній о государственныхъ доходахъ и расходахъ за этотъ годъ, то министръ объяснилъ Сенату, что, «по принятому издавна правилу и употребленію, количество государственныхъ доходовъ и расходовъ почиталось государственною тайною»; эта точка зрѣнія была подтверждена въ Высочайше утвержденномъ положеніи комитета министровъ отъ 2 февр. 1804 г., согласно которому особые счеты обо всѣхъ государственныхъ доходахъ и расходахъ, объ оборотахъ государственнаго казначейства и ассигнаціоннаго банка, а также по монетному передѣлу и внѣшнему переводу суммъ, надо «подносить прямо Его Императорскому Величеству на

соизволеніе, кому угодно будетъ поручить просмотрѣть и повѣрить ихъ»[1]). Такимъ образомъ, не только для общества, но и для высшаго государственнаго учрежденія состояніе государственнаго казначейства было полной загадкой. Соотвѣтственно такому порядку бюджетъ первоначально (до 1806 г.) разсматривался въ Комитетѣ Министровъ въ присутствіи самого императора, потомъ—въ негласномъ финансовомъ комитетѣ, и только съ 1810 г. разсмотрѣніе его довѣрили Государственному Совѣту. Но покровъ тайны для общества съ него не былъ снятъ еще долго.

Роспись на 1802 годъ составлялась еще старымъ порядкомъ, такъ какъ министерства были учреждены во второй половинѣ этого года—маниф. 8 сент. 1802 г., а реформа бюджета была связана съ реформой центральныхъ учрежденій. На 1802 годъ дефицитъ предполагался въ 2 милл. р. Но исполненіе росписи не соотвѣтствовало смѣтѣ: перерасходъ выразился въ суммѣ 26 милл. р., но и доходъ оказался выше предположеннаго на 30 милл. р. Такимъ образомъ получилось даже небольшое превышеніе доходовъ надъ расходами, но полученный излишекъ былъ истраченъ безъ всякой системы и плана. Напримѣръ, въ теченіе этого года было Всемилостивѣйше пожаловано 328.882 р. 52$^3/_4$ коп. [2]). Изъ нихъ: датскому министру—24 тыс. р., наслѣднику министра прусскаго Криднера—40.274 р., на путевыя издержки кн. Цицiанову—10 тыс. р. и т. д. Затѣмъ среди сверхштатныхъ расходовъ встрѣчаемъ такіе: на вино къ Высочайшему Двору—15 тыс. р., на ливреи придворной прислуги—49 тыс. р., «ген.-м. Хитрову на извѣстное употребленіе»—20 тыс. р., «проценты на приданое Ихъ Императорскимъ Высочествамъ»—69 тыс. р., ген.-м. Депрерадовичу взамѣнъ аренднаго дохода—48.399 р. и т. д. Замѣтимъ кстати, что отчеты объ исполненіи росписей представлялись съ большимъ запозданіемъ: такъ, напримѣръ, отчетъ за 1809 г. былъ представленъ только въ 1816 г., отчетъ за 1811 г.—въ 1821 г. и проч. Что же касается отмѣченнаго сильнаго несоотвѣтствія между смѣтными предположеніями и исполненіемъ росписи, то оно наблюдается и въ послѣдующіе годы. Такъ, въ 1805 г. доходовъ было предположено 102 милл. р., получено же—147 милл. р., расходовъ предположено было на 112 милл. р., въ дѣйствительности же издержано 125 милл. р.; въ 1811 г. на чрезвычайные расходы и «на извѣстное Его Императорскому Величеству употребленіе» издержано 1.612.500 р.

Росписи на 1803 и 1804 года были сведены безъ дефицитовъ, но во второй изъ нихъ этого достигли выпускомъ ассигнацій на 3$^1/_2$ милл. р. и перенесеніемъ нѣкоторыхъ расходовъ со счетовъ казначейства на суммы, возвращающіяся изъ ассигнаціоннаго банка. Смѣты на 1805, 1806 и 1807 года были заготовлены съ значительными дефицитами, которые покрывались суммами изъ ассигнаціоннаго банка, заемнаго банка и др. А между тѣмъ общее положеніе дѣлъ въ 1807 г. еще ухудшилось: 27 окт. послѣдовалъ разрывъ съ Англіей, и становилась очевидной война со Швеціей, которая, дѣйствительно, началась 16 марта 1808 г. Въ виду этого еще въ сентябрѣ 1807 г. былъ учрежденъ особый комитетъ по финансовымъ дѣламъ для разсмотрѣнія вопросовъ о чрезвычайныхъ расходахъ на

---

[1]) Печеринъ, „Истор. обзоръ росписей госуд. доходовъ и расходовъ съ 1803 по 1843 г.“, стр. 2.
[2]) Сборникъ Имп. Русскаго Истор. Общества, т. XLV, стр. 366—368.

1807 г. и о смѣтѣ на 1808 г. По предварительной смѣтѣ на 1808 г. дефицитъ равнялся 46 милл. р., но потомъ путемъ добавленія всякихъ чрезвычайныхъ доходовъ смѣту свели съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами въ 2 милл. р. Въ дѣйствительности же, война со Швеціей вызвала дефицитъ болѣе чѣмъ въ 120 милл. р. То же случилось и со смѣтой на 1809 г., когда вмѣсто предположеннаго превышенія доходовъ надъ расходами въ 3 милл. р. получился дефицитъ болѣе чѣмъ въ 140 милл. р. въ виду веденныхъ въ этомъ году войнъ со Швеціей и съ Турціей, при чемъ этотъ дефицитъ былъ выше тогдашняго годового дохода государства. Впрочемъ, не только войны вели къ дефицитамъ: въ 1808—1809 гг. вліяніе на нихъ оказала и принятая нами континентальная система, сократившая нашу внѣшнюю торговлю; доходы съ косвенныхъ налоговъ въ эти годы упали, въ податяхъ были недоборы.

Что же дѣлало правительство Александра I для покрытія дефицитовъ? Вмѣсто упорядоченія финансовъ въ смыслѣ сокращенія расходовъ и улучшенія отчетности, вмѣсто реформы въ системѣ налоговъ, вмѣсто поднятія доходности съ имуществъ, принадлежащихъ казнѣ, наконецъ, вмѣсто поднятія народнаго благосостоянія и увеличенія производительности народнаго труда, оно прибѣгало къ займамъ различнаго типа и преимущественно къ внутреннимъ, такъ какъ заключеніе внѣшняго займа въ первые годы царствованія Александра I было почти совершенно невозможно. Дѣло въ томъ, что Голландія, въ которой раньше обыкновенно заключались наши займы, была занята французскими войсками и денегъ взаймы дать не могла. Съ другой стороны, и вообще состояніе денежнаго рынка въ Европѣ въ то время было угнетенное въ виду общаго политическаго положенія. Наконецъ русскій кредитъ за границей былъ сильно подорванъ въ предшествующее царствованіе. Объясняется это тѣмъ, что императоръ Павелъ предложилъ держателямъ русскихъ займовъ обратиться за уплатой %% къ англійскому правительству, которое, по расчетамъ нашего правительства, не доплатило части той субсидіи, которая была выговорена за участіе въ войнѣ съ Франціей. Александръ I сейчасъ же по вступленіи на престолъ отмѣнилъ это распоряженіе своего отца, но довѣріе къ русскому кредиту было уже подорвано и возстановить его было нелегко [1]).



Петербургъ нач. XIX в.

---

[1]) „Министерство Финансовъ. 1802—1902 г.“. Историческій обзоръ. Ч. I, стр. 54.

Въ виду всего этого правительство рѣшило выпустить въ 1809 г. внутренній заемъ изъ 7% на 5 лѣтъ. Но эта попытка имѣла очень слабый успѣхъ: за 2 года было реализовано облигацій на 3.285.558 р. Публика предпочитала попрежнему дѣлать вклады въ сохранную и ссудную кассы, въ Приказы общественнаго призрѣнія, хотя тамъ платилось лишь 5%. Неудобство новаго займа для держателей облигацій заключалось, между прочимъ, въ томъ, что %% по нимъ уплачивались только въ Петербургѣ. Другое неудобство заключалось въ томъ, что облигаціи были стоимостью лишь въ 1.000 р. и болѣе. Но, конечно, наиболѣе важную роль въ неудачѣ этого внутренняго займа, какъ и послѣдующихъ, играли общія экономическія условія жизни Россіи: при значительномъ еще господствѣ натуральнаго хозяйства и отсутствіи крупной торговли такія операціи завѣдомо были обречены на неудачу.

Другимъ излюбленнымъ средствомъ правительства для покрытія дефицитовъ были выпуски ассигнацій, которыя оно долго не хотѣло признать государственнымъ долгомъ. Уже къ 1804 г. ихъ прибавилось съ начала царствованія на 30 милл. р., и всего ассигнацій было, такимъ образомъ, на 260½ милл. р. Несогласіе съ Франціей въ 1804 г., а затѣмъ война съ нею въ послѣдующіе годы все увеличивали расходы по военно-сухопутному и морскому вѣдомствамъ, и для ихъ покрытія дѣлались все новые выпуски ассигнацій. Къ 1810 г. ихъ выпустили еще на 272½ милл. р. Но соотвѣтственно увеличенію количества ассигнацій падала ихъ цѣна. Въ 1805 г. ассигнаціонный рубль стоилъ 77 коп. серебромъ, затѣмъ цѣна его, все падая въ послѣдующіе годы, дошла въ 1809 г. до 44½ коп. сер., а въ декабрѣ 1810 г.—даже до 20 коп. сер., при чемъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи курсъ ассигнаціоннаго рубля былъ различенъ [1]). Въ 1810 г. весь внутренній долгъ опредѣлялся въ 668 милл. р. асс., въ томъ числѣ по выпуску ассигнацій—577 милл. р.



Гр. А. И. Васильевъ (Боровиковскій).

Система налоговъ за 1801—1810 г. совершенно не измѣнилась: главную роль въ смѣтѣ доходовъ играли окладные и питейные сборы, на которые падало до 60—70% всѣхъ доходовъ, на другіе же оставалось 30—40%. Не измѣнился за это время и общій характеръ смѣтъ расхода: около половины всѣхъ расходовъ поглощали Военное и Морское Министерства; на финансы и государственное хозяйство шло около 12% всѣхъ расходовъ; на Высочайшій Дворъ—около 10%: столько же приблизительно на администрацію и судъ, а также на погашеніе государственныхъ долговъ, но такъ какъ долги являлись результатомъ преимущественно военныхъ за-

---

[1]) Бржескій. „Государственные долги Россіи“, стр. 90—91.

тратъ, то, значитъ, военный расходъ государства поглощалъ $^3/_5$ всей расходной смѣты, въ то время какъ на народное просвѣщенiе приходилось едва 1—2% [1]).

Насколько безпорядочно велось въ то время финансовое хозяйство и въ частности—счетъ государственнымъ долгамъ, показываетъ слѣдующiй примѣръ. По отчету государственнаго казначея бар. Васильева въ 1801 г. видно, что долговъ къ этому году оставалось на казнѣ около 86 милл. р., а недоимокъ — свыше 9 милл. р. Но изъ его же отчета въ 1805 г. слѣдуетъ, что долговъ по 1801 годъ оставалось на 127 милл. р., т.-е. болѣе чѣмъ на $^1/_3$ противъ его отчета въ 1801 г. Наконецъ изъ отчетовъ, представленныхъ въ Государственный Совѣтъ за 1801 г., обнаруживается, что долговъ было еще больше, именно — на 133 милл. р. Изъ нихъ сумма въ 24 милл. р., о которой было сказано: «слѣдующихъ къ разбору, о которыхъ еще неизвѣстно, сколько платить доведется», изъ послѣдующихъ счетовъ совсѣмъ исчезаетъ [2]).



Александровскiй дворецъ въ Царскомъ Селѣ.

Такое состоянiе государственныхъ финансовъ требовало коренныхъ реформъ, и планъ ихъ былъ составленъ М. М. Сперанскимъ въ 1810 г.; возможнымъ представлялось и проведенiе этого плана, тѣмъ болѣе, что 1 окт. 1809 г. былъ заключенъ миръ со Швецiей, и Россiя 2 года не испытывала значительныхъ внѣшнихъ затрудненiй. Но планъ Сперанскаго потерпѣлъ крушенiе, и все въ сущности осталось по-старому.

Основная мысль финансовой реформы Сперанскаго заключалась въ томъ, что «всякiй финансовый планъ, предлагающiй способы легкiе и не помогающiй въ расходахъ, есть явный обманъ, влекущiй государство въ погибель». Поэтому онъ предлагалъ «сильныя мѣры и важныя пожертвованiя». Планъ его распадался на 2 части: первая касалась 1810 г., а вторая—послѣдующихъ лѣтъ. Ближайшей задачей финансоваго управленiя Сперанскiй считалъ: 1) прекращенiе выпуска ассигнацiй, 2) сокращенiе расходовъ, 3) установленiе лучшаго контроля надъ государственными издержками и 4) новые налоги. Необходимость послѣднихъ можетъ быть доказана обществу, по мнѣнiю Сперанскаго, если оно будетъ убѣждено, что «не дѣйствiемъ произвола, но точно необходимостью, признанною и представленною отъ совѣта, налагаются налоги».

---

[1]) Милюковъ. „Очерки по исторiи русской культуры", в. I, очеркъ 3-й.
[2]) Блiохъ, „Финансы Россiи XIX ст.", т. I, стр. 86—87.

Во исполненіе плана Сперанскаго манифестъ 2 фев. 1810 г. призналъ тяжелое финансовое положеніе страны и объявилъ ассигнаціи государственнымъ долгомъ—съ неожиданнымъ добавленіемъ: «такъ, какъ и всегда онѣ признаваемы были»; обезпеченіемъ ихъ должны служить всѣ богатства страны, новый ихъ выпускъ прекращается, и дѣятельность ассигнаціоннаго банка ограничивается однимъ промѣномъ ветхихъ ассигнацій на новыя. Съ другой стороны, манифестъ обѣщалъ сокращеніе расходовъ въ 1810 г. на 20 милл. р. съ тѣмъ, чтобы сокращеніе затѣмъ продолжалось въ теченіе всего года, если къ этому представится возможность. Суммы, полученныя отъ сокращенія расходовъ, должны итти на уплату государственныхъ долговъ. Всѣ чрезвычайные расходы должны проходить черезъ Государственный Совѣтъ. Затѣмъ увеличивались подушная подать и оклады и сборы съ мѣщанъ и купцовъ, повышалась цѣна соли (съ 40 к. за пудъ до 1 р.), вводился налогъ на всѣ земли по 50 коп. съ ревизской души даннаго имѣнія, увеличивалась цѣна гербовой бумаги, возвышались таможенныя пошлины и проч. Наконецъ было прибавлено, что смѣта на 1811 г. «будетъ возвѣщена въ теченіе сего года заблаговременно».

Государственный Совѣтъ, съ своей стороны, обсуждая вопросъ о затруднительномъ положеніи государства, высказалъ, между прочимъ, мысль, что въ финансовыхъ дѣлахъ необходима гласность, «потому что тайна заставляетъ предполагать большее, чѣмъ есть въ дѣйствительности». Казалось, такимъ образомъ, наступаетъ новая эра финансоваго управленія. Но это только казалось или могло казаться: порядокъ, возвѣщенный манифестомъ 2 февр. 1810 г., просуществовалъ недолго, и потому не успѣлъ дать тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ него можно было ожидать. Черезъ два года съ небольшимъ послѣ составленія своего финансоваго плана Сперанскій былъ удаленъ отъ дѣлъ, и правительство отказалось отъ его проекта; но и за эти 2 года ему удалось сдѣлать далеко не все: противодѣйствіе придворныхъ дворянскихъ круговъ, оппозиція министра финансовъ Гурьева, всеобщее недовольство новыми налогами, новыя военныя затрудненія—все это разстраивало «планъ» Сперанскаго и ослабляло его значеніе.



Ѳ. А. Голубцовъ (министръ финансовъ съ 1807—1810 г.).

Въ томъ же 1810 г., относительно котораго были обѣщаны всевозможныя сокращенія въ расходахъ, издержали 241 милл. р., что давало дефицитъ, на покрытіе котораго выпустили ассигнаціи на 43 милл. р. Внутренній заемъ 1810 г. далъ до 13 милл. р. банковыми билетами и ассигнаціями, государственныхъ имуществъ было продано всего на $^1/_5$ предполагавшейся суммы, что, по мнѣнію Сперанскаго, зависѣло отъ безпорядочнаго управленія ими; комиссія погашенія долговъ, учрежденная въ 1810 г., не оправдала надеждъ, на нее возлагавшихся: ассигнацій было уничтожено всего на 5 милл. р.; монетная система не была упорядочена. Наиболѣе удачной мѣрой, не вызывавшей неудовольствія противъ Сперанскаго, было введе-

ніе въ 1810 г. покровительственнаго таможеннаго тарифа, который узаконялъ протекціонизмъ начала царствованія Александра I (мы имѣемъ въ виду частичные запретительные тарифы 1804—1805 г.). Тарифъ 1810 г., давъ сильный толчокъ русской фабричной промышленности, ближайщимъ образомъ сказался въ улучшеніи вексельнаго курса, что обнаружилось въ постепенномъ, но неуклонномъ ростѣ стоимости ассигнаціоннаго рубля: въ январѣ 1811 г. онъ стоилъ 19,8 коп. сер., а въ декабрѣ — уже 29,7 коп. сер.; этотъ ростъ продолжался до сентября 1812 г., когда ассигнаціонный рубль стоилъ 64 коп. сер., послѣ чего цѣна его падаетъ, спустившись въ декабрѣ до 42 коп. сер.

Не больше повезло второй части «плана» Сперанскаго, которая имѣла цѣлью упорядочить на будущее время (послѣ 1810 г.) доходы и расходы государства, показавъ, какъ должны составляться «образцовыя» смѣты. Правила относительно этого были изданы 29 авг. 1810 г.; они вносили большій порядокъ въ счетоводство, давали твердыя начала отчетности и повѣрки финансоваго управленія, но и они не спасли 1810 годъ отъ дефицита. Мало пользы они принесли и въ послѣдующіе годы. Дѣло въ томъ, что дѣятельность Сперанскаго въ области финансовъ (какъ уже было указано выше) встрѣтила сильное противодѣйствіе со стороны министра финансовъ Гурьева, который примкнулъ къ сановной оппозиціи Сперанскому и не мало содѣйствовалъ его паденію. Гурьевъ систематически тормозилъ проведеніе реформъ, намѣченныхъ Сперанскимъ, желая, очевидно, доказать ихъ непрактичность. Согласно журналу Государственнаго Совѣта отъ 29 авг. 1810 г. онъ долженъ былъ составить на 1811 годъ «образцовую» смѣту, но въ декабрѣ этого года Гурьевъ донесъ Государственному Совѣту, что составить такой смѣты онъ не могъ, такъ какъ министерства еще не образовались окончательно (въ томъ числѣ и Министерство Финансовъ) и поэтому не составили частныхъ смѣтъ. Основываясь на этомъ, Гурьевъ составилъ смѣту по старому образцу, и по ней предвидѣлся дефицитъ въ 44.836.094 р. [1]). Государственный Совѣтъ въ департаментѣ государственной экономіи даже увеличилъ этотъ дефицитъ, найдя, что къ нему надо присоединить еще 4.276.000 р. по двумъ статьямъ. Но чтобы избѣжать дефицита, онъ рѣшилъ сократить расходы, надбавить доходъ по разнымъ статьямъ, отсрочить платежи банку суммъ отъ



Д. А. Гурьевъ.

[1]) Печеринъ, назв. соч., стр. 28.

25-лѣтней экспедиціи при заемномъ банкѣ, произвести займы отъ Кабинета и Удѣльнаго департамента и причислить отъ доходовъ прежнихъ лѣтъ «примѣрно 3 милл. р.». Въ результатѣ такой работы дефицитная смѣта оказалась не только бездефицитной, но даже предполагался остатокъ въ 6.800.000 р. Дѣйствительность разрушила эту иллюзію, и 1811 годъ закончился съ дефицитомъ, который былъ лишь немногимъ меньше предположеній Гурьева—онъ равнялся 40.406.834 р. Для покрытія дефицита выпустили ассигнаціи, что было уже прямымъ нарушеніемъ «плана» Сперанскаго.

Между тѣмъ приближалась война. Въ теченіе 1811 года по всей Россіи были страшные пожары, въ большинствѣ губерній—неурожай и, какъ его слѣдствіе, голодъ; многіе должники государственнаго банка оказались несостоятельными. Неудовольствіе противъ Сперанскаго росло, однако отъ его плана прямо еще не отказывались; но на 1811 годъ оставили, напримѣръ, въ силѣ всѣ налоги 1810 года, которые объявлялись временными, за исключеніемъ сбора съ помѣщичьихъ земель, который вызывалъ сильное недовольство господствующаго класса. Мало того: была еще повышена пошлина на соль, и по новой народной переписи увеличено число плательщиковъ. Капиталъ комиссіи погашенія государственныхъ долговъ пошелъ на покрытіе нуждъ государства, что вызвало всеобщее негодованіе.

Между тѣмъ смѣта на 1812 годъ была составлена опять-таки по старому порядку. Гурьевъ внесъ въ Государственный Совѣтъ въ августѣ 1811 года записку, въ которой излагалъ препятствія къ составленію «образцовой» смѣты. Онъ указывалъ, что не имѣетъ возможности раздѣлить расходы по ихъ пространству (государственные, губернскіе и т. д.) или исчислить ихъ по сложности лѣтъ (за 3 послѣдніе года), ни опредѣлить ихъ по степени нужды, такъ какъ не знаетъ, что нужно принимать за норму—мирное или военное положеніе. Поэтому онъ просилъ Государственный Совѣтъ: 1) утвердить опредѣленные штаты всѣмъ потребностямъ военно-сухопутнаго и морского министерствъ по мирному и военному времени, 2) опредѣлить штатныя издержки по всѣмъ прочимъ министерствамъ, 3) назначить суммы на расходы, полезные по прочимъ министерствамъ, смотря по остаткамъ въ доходахъ. Государственный Совѣтъ полагалъ принять въ основаніе «образцовой» смѣты тогдашнее военное положеніе, раздѣлить издержки только по степени ихъ нужды, пользы или избытка и представить, такъ сказать, упрощенную «образцовую» смѣту. Однако Гурьевъ не представилъ и такой, а предложилъ смѣту по старому плану съ дефицитомъ въ 120 милл. р. Государственный Совѣтъ опять (какъ и въ 1810 г.) полагалъ «присоединить


Петербургъ нач. XIX в.

нѣкоторыя статьи», повысивъ пошлины, налоги, произведя займы и проч., и сдѣлалъ сокращенія по всѣмъ министерствамъ на 13½ милл. р. Такимъ образомъ, смѣту свели совершенно произвольно съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами въ 15 милл. р.

Если сравнить смѣту на 1812 годъ со смѣтой на 1811 годъ, то мы увидимъ такую разницу. Увеличеніе расходовъ коснулось, главнымъ образомъ, трехъ вѣдомствъ: по Военному Министерству расходы были увеличены на 40 милл. р., по Морскому—на 3 милл. р., по Министерству Двора—на 2 милл. р. съ лишнимъ. Что же касается сокращенія въ расходахъ, то оно сдѣлано было, главнымъ образомъ, въ Министерствѣ Финансовъ—на 32 милл. р.; кромѣ того, сократили расходы по Министерству Внутреннихъ дѣлъ—на 1½ милл. р. и по Министерству Полиціи—на 500 тыс. р. Но сокращеніе не коснулось такихъ статей, какъ содержаніе камеръ-пажей и сверхштатныхъ пажей—на это было ассигновано болѣе 94 тыс. р.; министрамъ и на этотъ годъ назначено по 12 тыс. р. столовыхъ денегъ, большія суммы были назначены на содержаніе канцелярій, на аренды и т. п. Отчетъ объ исполненіи росписи въ 1812 г. [1]) показываетъ, что и грозныя событія 1812 г. не научили правящую бюрократію управленію финансами. Въ 1812 году было произведено чрезвычайныхъ расходовъ по особымъ Высочайшимъ указамъ на 86½ милл. р., въ томъ числѣ: по Министерству Финансовъ—на 50 милл. р., по Военному—на 17.800.000 р., по Морскому—на 2.800.000 р., по Министерству Полиціи—на 2½ милл. р., по Министерству Иностранныхъ дѣлъ—на 2 милл. р., по Министерству Двора—на 544 тыс. р., по духовному вѣдомству—на 90 тыс. р. Новыхъ выпусковъ ассигнацій война потребовала на 64½ милл. р.



Петербургъ нач. XIX в.

Кромѣ общей росписи для министра финансовъ на 1812 годъ, была составлена другая роспись для комиссіи погашенія долговъ, и ея доходы отдѣлены отъ доходовъ государственнаго казначейства. Такихъ доходовъ было исчислено [2]) до 72.454.000 р.; для ихъ пополненія сдѣланы надбавки въ податяхъ и различныхъ пошлинахъ, введены новыя пошлины и т. д. Комиссія погашенія государственныхъ долговъ стала дѣйствовать независимо и отдѣльно отъ Министерства Финансовъ, однако и на этотъ разъ она не выполнила своего назначенія, и государственный долгъ съ

[1]) «Сборникъ Русск. Ист. общества», т. 45, стр. 471.

[2]) Печеринъ, назв. соч., стр. 36.

1812 г. не только не уменьшился, но даже увеличился. Не принесъ существенной пользы государственному хозяйству и рядъ другихъ мѣръ, принятыхъ въ началѣ 1812 года—продленіе срока дѣйствія положенія о внѣшней торговлѣ 1811 года и на 1812 годъ, повышеніе нѣкоторыхъ ввозныхъ пошлинъ и т. д.

Зато несомнѣннымъ ударомъ для государственныхъ финансовъ было удаленіе отъ дѣлъ Сперанскаго, послѣдовавшее 17 марта 1812 г. Составленный имъ планъ финансовъ былъ оставленъ безъ исполненія, и Гурьевъ получилъ свободу дѣйствій. Этотъ послѣдній, считавшій правила «плана» Сперанскаго отчасти истинными и неоспоримыми, отчасти — неудобоисполнимыми и произвольными, уже 20 марта подалъ императору записку. Въ этой запискѣ Гурьевъ говорилъ, что со стороны правительства было большой ошибкой торжественное признаніе своихъ долговъ въ манифестѣ 2 февр. 1810 г. и причисленіе къ нимъ ассигнацій, находя, что онѣ не имѣютъ ни одного изъ свойствъ дѣйствительнаго долга. Ослабленіе довѣрія къ правительству и паденіе государственнаго кредита онъ приписывалъ именно этимъ мѣрамъ. Съ своей стороны онъ предлагалъ объявить ассигнаціи знаками государственной монеты.



Екатерингофскій вокзалъ (нач. XIX в.).

Первымъ ударомъ для «плана» Сперанскаго былъ указъ 3 апр. 1812 г. «о соединеніи Государственнаго Совѣта департаментовъ законовъ и государственной экономіи и о правахъ оныхъ во время Высочайшаго отсутствія изъ столицы». Послѣ этого указа предсѣдатель департамента государственной экономіи гр. Мордвиновъ вышелъ въ отставку, что было потерей для государственныхъ финансовъ, но зато освобождало Гурьева отъ знающаго и авторитетнаго противника. Кромѣ того, по указу 3 апр. должны были быть пересмотрѣны всѣ финансовыя мѣры, принятыя послѣ 1810 года. И вотъ уже 9 апр. появляется указъ, который возвращалъ ассигнаціямъ значеніе счетной денежной единицы, сохранивъ, однако, и прежнюю монетную единицу, опредѣленную манифестомъ 20 іюня 1810 г. Для платежей въ казну указъ 9 апр. устанавливалъ временный обязательный курсъ ассигнацій, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ предоставивъ плательщикамъ свободу выбора при взносѣ казенныхъ сборовъ между серебромъ и ассигнаціями. Относительно частныхъ сдѣлокъ указъ предоставлялъ договаривающимся сторонамъ большій просторъ. Такимъ образомъ, появились какъ бы два самостоятельныхъ вида денегъ—металлическія и бумажныя, отношеніе цѣнности которыхъ устанавливалось не

закономъ, а соглашеніемъ частныхъ лицъ и при этомъ чуть не для каждой сдѣлки отдѣльно; отсюда—страшныя колебанія въ курсѣ ассигнацій.

Такимъ образомъ, одно изъ основныхъ положеній «плана» Сперанскаго—сокращеніе количества бумажныхъ денегъ—было совершенно уничтожено, что, конечно, вредно отразилось на финансовомъ хозяйствѣ. А оно было такъ плохо, что послѣ начала военныхъ дѣйствій было повелѣно (указъ 15 іюня 1812 г.) «остановить всѣ по имперіи гражданскія строенія, какого бы онѣ вѣдомства ни были, не исключая цивильныхъ строеній по департаментамъ военнымъ, ниже работъ, предположенныхъ по вѣдомству путей сообщенія». Была, кромѣ того, прекращена выдача ссудъ частнымъ лицамъ, и велѣно обратить въ государственное казначейство всѣ взносы долговъ; всѣ капиталы городовъ за удовлетвореніемъ самыхъ неотложныхъ расходовъ—тоже обратить въ государственное казначейство. Такія экстренныя и чрезвычайныя мѣры показываютъ, насколько было печально состояніе нашихъ финансовъ передъ войной 1812 года. Объясняется это тѣмъ, что за 11 лѣтъ царствованія Александра I финансовое хозяйство не вышло изъ состоянія постоянной неустойчивости, доходившей до того, что наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій мѣнялся общій планъ его, хотя результаты плана, принятаго за 2 года передъ этимъ, еще не обнаружились; за 11 лѣтъ не измѣнились ни система налоговъ (косвенные попрежнему преобладали надъ прямыми), ни система эксплоатаціи государственныхъ имуществъ, ни характеръ расходной и приходной смѣты, ни, наконецъ, способы покрытія дефицитовъ. А между тѣмъ за эти 11 лѣтъ правительство сильно истощило финансовые рессурсы, втянувшись въ наполеоновскія войны и занявшись разрѣшеніемъ турецкаго, польскаго и шведскаго вопросовъ. Все это и повело къ тому, что Россія встрѣтила войну 1812 года неподготовленной въ финансовомъ отношеніи и только новые хозяйственные рессурсы, открывшіеся благодаря начавшемуся переходу къ капиталистическому хозяйству помогли странѣ справиться съ затрудненіями войны.

К. Сивковъ.



Петербургъ нач. XIX в.



Перечень рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ.



ОПЕЧАТКИ.

Замѣченныя опечатки въ I томѣ.

Въ подписяхъ подъ рисунками:

		Напечатано:	*Надо:*
стр.	98.	Mertroieuni	Mostresionni.
—	193.	Малоховичъ	Малаховскій.
—	212.	Мальмэзанѣ	Мальмэзонѣ.

Во II томѣ.

					Напечатано:	*Надо:*
стр.	48,	17	строка	снизу	«при Байоннѣ»	«при Байленѣ».
—	133	(въ рисункѣ)			Ламни	Лампи.
—	178	6	строка	сверху	Plan du Code	Code.
—	180	5	»	снизу	копіею	копіею русскаго проекта.
—	184	19	»	»	сессіи	легислатуры.
—	187	6	»	сверху	волостной	главный волостной.
—	—	9	»	»	губернскій	губернскаго суда.

Редакція проситъ обратить вниманіе на досадную погрѣшность, вкравшуюся въ первые экземпляры перваго тома:

На стр. 67 помѣщенъ портретъ шведскаго короля Густава IV съ подписью Павелъ I. Рисунокъ этотъ долженъ быть отнесенъ къ статьѣ проф. Корфа.





Наполеонъ



Наполеонъ въ С. Клу.

(Рободи.)

Наканунѣ коронаціи.

(Паредэ.)



Торжество по случаю свадьбы Наполеона и Маріи Луизы (1810).

(Гернье).



Крещеніе римскаго короля въ 1811 году 10 іюня.
(Верс. Музей).



Возстаніе 2 мая 1808 г.

(Гойя).

Вотъ какъ описываетъ Марбо сцену, изображенную Гойей: «Гвардейская кавалерія продолжала свой путь подъ градомъ пуль вплоть до площади Puerta del Sol. Тамъ Мюратъ бился съ огромной, плотной толпой вооруженныхъ людей, между которыми было много испанскихъ солдатъ, стрѣлявшихъ картечью по французамъ. Увидя мамелюковъ, которыхъ они боялись больше всего, испанцы все-таки пытались оказать сопротивленіе. Но ихъ рѣшимость длилась недолго: настолько видъ *турокъ* устрашалъ даже самыхъ храбрыхъ. Мамелюки кинулись на толпу со своими кривыми саблями. Мигомъ слетѣла съ плечъ сотня головъ, и въ образовавшееся пространство врубились гвардейскіе стрѣлки, а за ними драгуны, которые принялись съ остервенѣніемъ рубить направо и налѣво. Испанцы, оттѣсненные съ площади, пытались спастись по примыкающимъ къ ней многочисленнымъ широкимъ улицамъ, но были встрѣчены другими французскими колоннами, которымъ Мюратъ приказалъ итти къ Puerta del Sol на соединеніе съ нимъ». (Mémoirs du gén bar. de Marbot, II, 34-35).



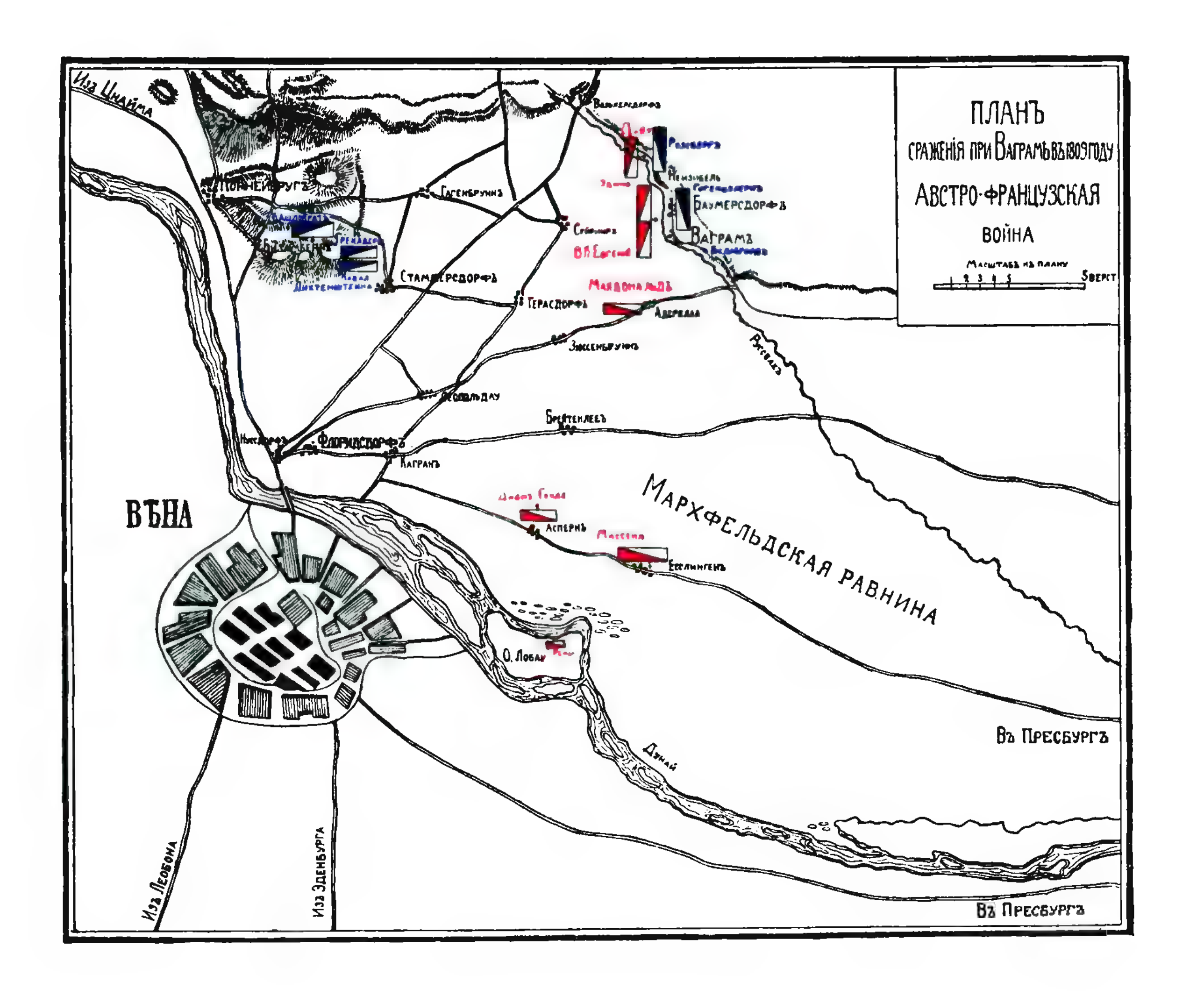
Наполеонъ.

(Деларошъ.)



Наполеонъ.

(Деларошъ.)


ПЛАНЪ
сраженія при Ваграмѣ въ 1809 году
АВСТРО-ФРАНЦУЗСКАЯ
ВОЙНА
Масштабъ из плану
5 верст
Изъ Цнайма
КОРНЕЙБУРГЪ
Гагенбрунн
Стамерсдорфъ
Герасдорфъ
Зюссенбрунн
Леопольдау
Брейтенлеэ
Флоридсдорфъ
Кагранъ
Нусдорфъ
ВѢНА
Асперн
Есслингенъ
О. Лобау
Ваграмъ
Баумерсдорфъ
Адеркла
Русбахъ
МАРХФЕЛЬДСКАЯ РАВНИНА
Дунай
Въ Пресбургъ
Въ Пресбургъ
Изъ Леобона
Изъ Эденбурга
Макдональдъ
Массена



Ваграмъ.

(Вернэ.)



Сцена изъ военной жизни.

(Музей 1812 г.)



Типы военныхъ начала XIX в.

(Музей 1812 г.)



На бивуакѣ.
(Музей 1812 г.)



Сцена изъ военной жизни.

(Музей 1812 г.)



Александръ I.

(*Bosio*).



Гусаръ начала XIX вѣка.

(Музей 1812 г.)



Императрица Елизавета Алексѣевна.

(Боровиковскаго.)



„Графъ С. П. Румянцевъ получаетъ отъ императора Александра указъ объ освобожденіи" (крестьянъ).

Указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ 1803 г.

Изъ Монитера, 3 мая 1803 г.: «Съ искреннимъ удовлетвореніемъ, я дарую вамъ то, что вы у меня просили. Для меня ясно, что мотивы, которые вами руководили, принадлежатъ къ тѣмъ великодушнымъ порывамъ отзывчивыхъ и твердыхъ душъ, которыя во всѣ времена содѣйствовали счастью человѣчества; къ этой дани должнаго, отдаваемой мною вамъ, я прибавляю еще надежду на счастливые результаты, которыхъ не можетъ не имѣть указъ, даваемый мною по вашему представленію; независимо отъ преимуществъ, получаемыхъ тѣми, къ кому онъ относится, онъ долженъ содѣйствовать улучшенію земледѣлія и укрѣпить на непоколебимыхъ основахъ общее благополучіе: вотъ за что я считаю своимъ долгомъ быть вамъ признательнымъ; мое расположеніе принадлежитъ вамъ навсегда, и какъ свидѣтельство моихъ чувствъ я прошу васъ принять мой портретъ»

Александръ.

С.-Петербургъ
25 февраля 1803.

М. М. Сперанскій.
(Тропинина).



Н. М. Карамзинъ.
(Тропинина).



Императоръ Александръ I.

(Дау.)



Императрица Елизавета Алексѣевна.

(Монье.)

Костюмы во Франціи 1800—1810 гг.
(*Racinet*).





Екатерина Павловна.

(Тишбейнъ).



Императоръ Александръ I.

(Тип. Кюгельхонъ-Валькера, грав. *Карделли.*)

№ 3080013

25

ОБЪЯВИТЕЛЮ СЕЙ ГОСУДАРСТВЕН-
НОЙ АССИГНАЦІИ ПЛАТИТЪ АССИ-
ГНАЦІОННЫЙ БАНКЪ ДВАДЦАТЬ
ПЯТЬ РУБЛЕЙ ХОДЯЧЕЮ МОНЕТОЮ

1812 ГОДА.

Др. 6.

№ 3080013 № 3080013

№ 5420923

ОБЪЯВИТЕЛЮ СЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АССИГНАЦІИ ПЛА-
ТИТЪ АССИГНАЦІОННЫЙ БАНКЪ ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ ХО-
ДЯЧЕЮ МОНЕТОЮ 1812 ГОДА.

10

№ 5420923 № 5420923

(Изъ коллекціи А. И. Станкевича).

